Л. Д. Троцкий

К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Л. ТРОЦКИЙ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Движущие силы революции

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ МИР»

МОСКВА

Л. ТРО

ВОЙНА

КРУШЕНИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКИЙ

МАТЕРИА
И
ДОКУМЕ
по исто
«КРАС
АР

...КИЙ

...И РЕВОЛЮЦИЯ

... ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
... ПОДГОТОВКА ТРЕТЬЕГО

Том I

Л. ТРОЦКИЙ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ
РЕВОЛЮЦИЯ

(НА ВОЕННОЙ РАБОТЕ)

ТОМ ТРЕТИЙ

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ
ПЕРВЫЙ—ТРЕТИЙ ГОДЫ

книга первая

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ
МОСКВА

...Ы
...ТЫ
...РИИ
...НОЙ
...ИИ

ИПЛ

Л. Троцкий

Л. Д. ТРОЦКИЙ

К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 66.61(2)2
Т76

Составитель,
автор биографического очерка и примечаний
доктор исторических наук *Н. А. Васецкий*

Троцкий Л. Д.

Т76 К истории русской революции.— М.: Политиздат, 1990.— 447 с.
ISBN 5—250—01372—4

Предлагаемая кннга — первое с конца 20-х годов, не счнтая газетио-журнальных публнквцнй, перенздаиие в СССР работ Л. Д. Троцкого. Знакомство с ннмн двст представление об этом революцнокере, политике, ввторе теорин «перманенткой революцнн», составившей основу троцкнзма как ндейио-политнческого течения.

Рассчнтака на читателей, ннтересующихся политнческой историей нашей страны, теорней н практнкой революцнонкого обновлення общества.

Т $\frac{0503020300-203}{079(02)-90}$ ББК 66.61(2)2

ISBN 5—250—01372—4

Л. Д. ТРОЦКИЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

24 августа 1940 г. в газете «Правда» под заголовком «Смерть международного шпиона» появилась редакционная статья. В ней говорилось: «Телеграф принес известие о смерти Троцкого. По сообщениям американских газет, на Троцкого, проживавшего последние годы в Мексике, было совершено покушение». Назывались имя, фамилия убийцы, отмечалось, что он — «один из ближайших людей и последователей Троцкого». Затем следовало краткое изложение политической биографии Троцкого, выдержанная в самых резких тонах характеристика его деятельности. Читатель подводился к весьма однозначному выводу: «Троцкий запутался в собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения».

По жесткости тона, беспощадности формулировок и несправедливости многих упреков по адресу убитого 21 августа 1940 г. Л. Д. Троцкого есть основания предполагать, что статья была написана либо самим Сталиным, либо под его непосредственным руководством. Так Сталин свел счеты со своим самым опасным и некогда могущественным соперником.

Троцкий дожил до 60 лет. Много это или мало? Если судить по обычным человеческим меркам, то, несомненно, мало. Ну, а если применять систему координат большой политики? По нашему мнению, Троцкий к моменту убийства фактически сделал все, на что был способен. Собственно, он и сам признавался в этом, правда в свойственной ему несколько экстравагантной манере. В 1934 г., накануне своего 55-летия, Троцкий обронил фразу, вошедшую в копилку его бесчисленных «бон мо» (острое словцо): «Все самые худшие преступления уже совершаются к 55 годам».

Троцкий знал, что говорил. А вот знаем ли мы, что он имел в виду?

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Лев Давидович Бронштейн (псевдоним — Троцкий) родился в один день с Октябрьской революцией — 25 Октября (7 ноября) — и в один год — 1879-й — со своим будущим непримиримым соперником И. В. Сталиным. Совпадение этих дат чисто случайное. Как шутил впоследствии Троцкий, возможно, в нем мистики и пифагорейцы увидят особый смысл, сам же он ему не придавал никакого значения [1].

Троцкий рос в окружении, отнюдь не способствовавшем формированию в нем качеств «ниспровергателя устоев». Его детство и юность прошли в стороне от столбовой дороги развития марксизма в России — вне крупных университетских центров, без тесной связи с рабочими предместьями, знакомства с повседневными нуждами простого люда.

Отец Троцкого арендовал несколько сот десятин земли на юге Украины, в сельце Яновка Херсонской губернии, где и проживало сравнительно небольшое по тем временам семейство Бронштейнов. Помимо отца и молчаливой, страстно любившей Троцкого матери у него были старшие брат и сестра, а также младшая, особенно любимая им сестра Ольга, ставшая затем женой Л. Б. Каменева (Розенфельда).

Хотя семья Бронштейнов не отличалась ни особым благополучием, ни привилегированным общественным положением, ее члены никогда не испытывали материальных затруднений. На первых порах жизненного пути для Троцкого не было особым препятствием и такое создававшее многим в условиях царской России непреодолимые трудности обстоятельство, как его еврейское происхождение. К тому же отец Троцкого не стремился замкнуть своих детей в узком местечковом мирке, столь блистательно описанном Шолом-Алейхемом. Наоборот, будучи человеком весьма предприимчивым, он сделал все зависевшее от него, чтобы дать детям возможность получить хорошее образование.

Отец отдал Троцкого в Одесское реальное училище Святого Павла. Мальчик резко выделялся среди своих сверстников умом, красноречием, рано проявившейся в нем потребностью и, главное, умением обращать на

---

[1] См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 1. С. 12.

себя внимание окружающих. Троцкий очень скоро стал, как мы говорим сегодня, неформальным лидером группы молодых людей, искавших выхода переполнявшему их стремлению к активной деятельности «на благо общества». Этим во многом был предопределен выбор Троцким своей дальнейшей деятельности. В Николаеве, где Троцкий заканчивал последний класс учебы в реальном училище, он и его друзья смогли создать Южно-Русский рабочий союз, в котором насчитывалось до 200 членов, главным образом рабочих города.

Быть членом полулегальной организации и тем более одним из ее лидеров льстило самолюбию Троцкого, придавало ему особый вес, может быть даже не столько в собственных глазах, сколько во мнении окружающих. Именно эти качества выделял позднее в Троцком близко знавший его по годам учебы и общения в Одессе и Николаеве профессор медицины Г. А. Зив. По его мнению, индивидуальность Троцкого выражалась не в познании и не в чувстве, а в воле. «Активно проявить свою волю, возвыситься надо всеми, быть всюду и всегда первым — это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна,— писал Зив,— остальные стороны его психологии были только служебными надстройками и пристройками»[2].

В это время взгляды Троцкого были весьма далеки от марксистских. Он даже и не стремился к овладению марксизмом, проявляя равнодушие к систематической, целеустремленной работе по формированию прочных убеждений. «В 96-м и в начале 97 г.,— писал Троцкий историку В. И. Невскому уже после победы Октября,— я считал себя противником Маркса, книг которого, правда, не читал. О марксизме я судил по Михайловскому»[3]. Нам представляется, что и с произведениями самого Михайловского Троцкий был знаком не по первоисточнику. Обладая превосходной памятью, он на лету схватывал наиболее «крикливые» идеи и установки, а затем яростно отстаивал их в спорах со сверстниками. Разумеется, это не отрицает большой работы Троцкого по самообразованию. В дальнейшем, в годы эмиграции, Троцкий окончил Венский университет.

---

[2] *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика (По личным воспоминаниям). Нью-Йорк, 1921. С. 12.

[3] См.: *Невский В. И.* Южно-Русский рабочий союз. М., 1922. С. 90.

Вряд ли можно считать подлинно революционной деятельность Троцкого и в самом Южно-Русском рабочем союзе. Сегодня особенно наглядно видно, насколько безобидной с точки зрения угрозы властям предержащим была позиция его николаевской организации. Ее члены занимались главным образом просветительством. Они выпускали отпечатанные на гектографе 200—300 экземпляров газеты «Наше дело», где выступали против городских властей и некоторых состоятельных предпринимателей.

Вспоминая эти годы, Троцкий писал: «Влияние Союза росло быстрее, чем формирование ядра вполне сознательных революционеров. Наиболее активные рабочие говорили нам: насчет царя и революции пока поосторожнее. После такого предупреждения мы делали шаг назад, на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию. Тактические наши воззрения, повторяю, были очень смутны»[4].

Но даже в такой, а затем и в других организациях, явно стоявших на платформе экономизма, Троцкий нередко оказывался на правом фланге. Так, переехав из Николаева в Одессу, он выступал против сосредоточения сил местных марксистов на ведении работы среди фабрично-заводских рабочих, настаивал на перенесении центра тяжести агитации и пропаганды в ряды ремесленников и других мелкобуржуазных элементов[5].

Все это дает основание полагать, что, если бы царская охранка проявила по отношению к многим членам руководящего ядра Южно-Русского рабочего союза бо́льшую гибкость и тактичность, не исключено, что такие лидеры союза, как Троцкий, скорее всего, оказались бы в одном ряду с легальными марксистами вроде Струве или Туган-Барановского. Однако российская полиция конца XIX в. еще не выдвинула из своих недр лиц, подобных полковнику Зубатову. В январе 1898 г. союз был разгромлен. Троцкий и другие его руководители оказались в одесской тюрьме.

Началось следствие, в ходе которого, как считает арестованный по тому же делу Зив, Троцкий всячески выгораживал себя. С одесской тюрьмой связан и выбор им своего псевдонима. Под фамилией Троцкий в тюрьме служил старший надзиратель. На 19-летнего юношу

[4] См.: *Невский В. И.* Южно-Русский рабочий союз. С. 24.

[5] См.: *Невский В. И.* Очерки по истории РКП(б). М., 1925. Т. 1. С. 520.

большое впечатление произвели величественная фигура надзирателя, властность, умение подчинять себе окружающих и держать, что называется, в «ежовых рукавицах» не только арестованных, но и всю администрацию тюрьмы. Как бы в отместку надзирателю за его диктаторские замашки Троцкий и взял его фамилию своим псевдонимом, чтобы доказать всем, что фамилия матерого защитника самодержавия может служить и другим целям — революции.

Следствие длилось около двух лет. За это время Троцкий, по словам Зива, стал «таким же решительным и прямолинейным «марксистом», каким он раньше был его противником». Первым литературным опусом Троцкого была попытка написать статью о масонстве с точки зрения материалистического понимания истории. «Он,— отмечал Зив,— достал три или четыре книги по этому вопросу и думал, что этого вполне достаточно». К этому же времени относится и замеченный арестантами происшедший с Троцким припадок эпилептического характера. Присутствовавший при этом Зив вспоминал, что такого рода обмороки с Троцким происходили и впоследствии[6]. Кстати, и сам Троцкий неоднократно вынужден был признаваться в таких обмороках. Об одном из них, который произошел с ним в самый неподходящий момент — в ночь с 24 на 25 октября 1917 г., то есть в ходе Октябрьского вооруженного восстания, он рассказал в автобиографической книге «Моя жизнь».

Суд приговорил Троцкого к четырем годам ссылки в Восточную Сибирь. По пути к месту ссылки Троцкий близко сошелся с симпатизировавшей ему еще в Николаеве Александрой Соколовской. Она была почти на 10 лет старше Троцкого, и, естественно, его родители всячески возражали против брака. Однако Троцкий настоял на своем — в Бутырках, в пересыльной тюрьме, он женился на Соколовской.

В ссылке в Иркутской губернии Троцкий принимал деятельное участие в жизни поселенцев. Под псевдонимом Антид Ото он сотрудничал в местной газете «Восточное обозрение». Его острые, ярко написанные статьи привлекли к нему внимание и в зарубежных кругах РСДРП. Вскоре Троцкий получил из редакции «Искры» приглашение работать в газете. Оно укрепило решение

[6] См.: *Зив Г. А.* Троцкий. Характеристика (По личным воспоминаниям). С. 30, 31.

о побеге. Пробыв в ссылке в общей сложности более года, Троцкий, оставив жену и двух маленьких дочерей, бежал за границу. В 1902 г. ненастным осенним утром он появился в Лондоне на квартире В. И. Ленина.

Троцкого встретили весьма приветливо. Ленину импонировали резкость его суждений, стремление отстаивать свое мнение. К тому же Троцкий весьма энергично выполнял любые ленинские поручения. 2 марта 1903 г. В. И. Ленин в письме к Г. В. Плеханову предложил кооптировать Троцкого в члены редакции «Искры». Он дал ему очень лестную характеристику: «Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед,— писал В. И. Ленин.— И в области переводов и популярной литературы он сумеет сделать не мало»[7].

Ленину не удалось убедить Плеханова. По словам Н. К. Крупской, Плеханов «сразу взял Троцкого под подозрение». Истоки его недоверия Крупская, а впоследствии и сам Троцкий объясняли опасениями усиления молодой части «Искры» (Ленин, Мартов, Потресов) в ущерб «старой», возглавлявшейся Плехановым. Он демонстративно отвергал направляемые ему Лениным статьи Троцкого. «Перо вашего «Пера» (еще один псевдоним Троцкого.— *Н. В.*) мне не нравится»[8],— отвечал Плеханов. Недоброжелательность по отношению к Троцкому он сохранил до конца жизни.

Несмотря на эту неудачу, Троцкий продолжал активно работать под непосредственным руководством Ленина.

Весной 1903 г. Троцкий побывал в Брюсселе, Льеже и Париже, в кругах российской революционной эмиграции он выступал с рефератом на тему: «Что такое исторический материализм и как его понимают социалисты-революционеры». Ленин заинтересовался темой и предложил Троцкому переработать реферат в статью для «Зари», теоретического органа социал-демократии. Однако тот наотрез отказался: «...я не отваживался выступать с чисто теоретической статьей рядом с Плехановым и другими»[9].

Троцкий явно лукавил. Дело не в застенчивости, этим качеством он как раз не страдал ни тогда, ни после. Как

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 277.

[8] См.: *Крупская Н.* Перед вторым съездом // Правда. 1925. 14 апр.

[9] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 170.

человек честолюбивый и умный, он попросту боялся оконфузиться, так как отдавал себе отчет в своей недостаточной теоретической подготовленности. Именно в Лондоне он начал усиленно изучать социалистическую литературу. «Я принялся с жадностью поглощать вышедшие номера «Искры» и книжки «Зари»...— читаем в его воспоминаниях.— Это была блестящая литература, сочетавшая научную глубину с революционной страстью. Я влюбился в «Искру», стыдился своего невежества и из всех сил стремился как можно скорее преодолеть его»[10].

Во время одной из поездок в Париж он познакомился с Натальей Седовой — молодой женщиной, также участвовавшей в революционном движении. Она была моложе Троцкого на три года (родилась в 1882 г. и почти на 20 лет пережила его, умерла в 1962 г. в предместье Парижа). Отец Натальи — выбившийся в купцы первой гильдии донской казак, а мать происходила из обедневшего шляхетского рода. Седова увлеклась Троцким, развелась с мужем и стала второй женой Троцкого. С ней он прожил до конца своей жизни.

Как делегат от Сибирского социал-демократического союза, Троцкий участвовал в работе II съезда РСДРП, на котором произошел раскол на большевиков и меньшевиков. В начале съезда Троцкий выступал решительным сторонником Ленина. Он активно отстаивал ленинскую позицию против сепаратистских претензий Всеобщего еврейского рабочего союза (Бунда), за что одним из участников съезда, Д. Б. Рязановым, был назван «ленинской дубинкой». Но при обсуждении Программы и Устава партии Троцкий неожиданно перешел на сторону Л. Мартова, возглавлявшего меньшевистское крыло РСДРП, и отверг ленинскую формулировку § 1 Устава, усмотрев в ней, с одной стороны, стремление Ленина к созданию кастово замкнутой интеллигентской организации, оторванной от трудящихся масс, а с другой — неспособность такой организации предотвратить проникновение в партию оппортунизма.

Хотя позиция Троцкого произвела на Ленина негативное впечатление, он тем не менее не терял надежды на то, что тот изменит свою позицию. Еще в ходе работы съезда по поручению Ленина к нему обращался Дмитрий Ульянов, пытаясь урезонить его. Но, как писал Троцкий, «я наотрез отказался следовать за ними».

[10] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 168.

Естественно, что дальнейшее сотрудничество Ленина с Троцким стало невозможным.

Троцкий не раз возвращался к выяснению причины своего отхода от Ленина на II съезде. Причин было несколько. В «Моей жизни» он называет их. Во-первых, из членов редакции «Искры» Троцкий хотя и поддерживал Ленина, но ближе стоял к Мартову, Засулич и Аксельроду. «Их влияние на меня было бесспорно»,— свидетельствовал он. Во-вторых, именно в Ленине Троцкий усматривал первоисточник «посягательств» на единство редакции «Искры», тогда как мысль о расколе коллегии казалась ему святотатственной. И наконец, в-третьих (и это самая существенная причина), нежелание Троцкого подчиняться кому бы то ни было, в данном случае — исповедовавшемуся Лениным «революционному централизму», который «есть жесткий, повелительный и требовательный принцип. В отношении к отдельным людям и к целым группам вчерашних единомышленников он принимает нередко форму безжалостности. Недаром в словаре Ленина столь часты слова: *непримиримый и беспощадный*» [11].

Думается, что дело было вовсе не в «беспощадности» Ленина. Вопрос перехода Троцкого на позиции меньшевизма гораздо сложнее его личных амбиций. В то время он, по существу, только приближался к осознанию революционной стратегии и тактики борьбы. Сколько-нибудь цельных убеждений, прошедших проверку на опыте, у него еще не было. Он слишком поверхностно представлял и суть разногласий между Лениным и другими «искровцами» по программным вопросам.

Из нечеткости идейных позиций вытекала и шаткость политической платформы, усугублявшаяся к тому же склонностью к смене принципов под влиянием той или иной личности, обстоятельств момента и других — на первый взгляд второстепенных, но влекущих за собой серьезные последствия — аспектов политической конъюнктуры. Эта особенность поведения Троцкого предопределила важнейшую черту его как политика, а затем и теоретика троцкизма. Недаром еще на II съезде бундовец Либер заметил, что Троцкий «выдергивает разные принципы, как ярлычки, в зависимости от того, который из них более удобен» [12].

---

[11] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 187.

[12] Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 218.

После съезда Троцкий вместе с Мартовым, Аксельродом и другими меньшевистскими лидерами взял курс на ликвидацию принципов создания революционной партии, предложенных на II съезде Лениным. Причем он выступил с резкими нападками лично против Ленина, обвинив его в стремлении похоронить «принципиальный базис спора под хламом сплетен». В одной из статей Троцкий писал: «Я не могу позволить себе подсчитывать, сколько «самых глупых» и просто глупых делегатов имел за собой на съезде тов. Ленин. Скажу лишь, что в этой статистике перевес, может быть, оказался бы за противной стороной»[13].

Это уже было мало похоже на ведение идейного спора. Нетерпимый, вызывающий тон выступлений Троцкий продолжил и в своей первой книге «Наши политические задачи (тактические и организационные вопросы)», выпущенной в 1904 г. в Женеве, с посвящением П. Б. Аксельроду.

Эту книгу не зря называли «манифестом российского меньшевизма». Цель ее, по словам самого Троцкого, состояла в том, чтобы оспорить значение ленинских работ «Что делать?» и «Шаг вперед, два шага назад». Он писал, что в РСДРП Ленин представлял реакционное крыло, называл его и большевиков «фанатиками раскола», копающимися в «организационных мелочах».

Однако Троцкого многое не устраивало и в позиции меньшевиков. В частности, его постоянно раздражала осторожная, с оглядкой на позицию властей, поссибилистская политика российской разновидности правого оппортунизма. Поэтому, не соглашаясь с большевиками в отношении партийного строительства, роли в революции крестьянства, Троцкий одновременно инстинктивно тянулся к решительным формам борьбы большевиков, преследовавшимся в этой борьбе далеко идущим революционным целям.

Все это и обусловило то, что, вернувшись в начале 1905 г. в Россию (в Киев), Троцкий оказался «между двух стульев». «Организационно,— писал он,— я не входил ни в одну из фракций»[14]. Сотрудничая с меньшевиками, Троцкий стремился поддерживать связи и с большевиками. Особенно близко он сошелся с Л. Б. Красиным, стоявшим тогда на позициях большевиков-примиренцев.

---

[13] Ленин о Троцком и троцкизме. Л., 1925. С. 13.
[14] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 197.

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

В Петербурге Троцкий появился в разгар октябрьской стачки 1905 г. Со свойственной ему энергией он тут же включился в работу. Вместе с германским социал-демократом, выходцем из России Парвусом (псевдоним А. Л. Гельфанда) Троцкий редактировал газету «Начало», в которой проповедовал весьма радикальные взгляды.

13 октября состоялось учредительное заседание Петербургского Совета рабочих депутатов. Под фамилией Яновский Троцкий становится заместителем председателя Совета Г. С. Хрусталева-Носаря. Как человек с неясно выраженными политическими взглядами, Хрусталев, по мнению Троцкого, лучше всего отвечал характеру деятельности Петербургского Совета. С точки зрения Троцкого, Совет выражал настроения революционных рабочих масс, обладавших «резким классовым чувством», но в большинстве случаев лишенных «партийной определенности»[15].

Пятьдесят два дня Совет возглавлял рабочие массы столицы, и все это время Троцкий пребывал в гуще событий. Ярко раскрываются его сильные стороны как политического деятеля, организатора масс, публициста. Он писал многочисленные воззвания, манифесты и резолюции Совета, передовые статьи его органа — газеты «Известия», тираж которой достигал 35—60 тысяч экземпляров. Вел переговоры с властями. Сам премьер-министр С. Ю. Витте вынужден был обращаться к руководству Совета. Об одном из таких приемов по поводу назначенной Советом демонстрации в память погибших 9 января и в других столкновениях с властями Троцкий рассказал в книге «1905». При этом он не без явной гордости писал: «Граф Витте очень занят и только что отказал в приеме двум генералам, но он беспрекословно принимает депутацию Совета»[16].

После ареста Хрусталева на общем собрании Совета 27 ноября в присутствии 302 депутатов был избран временный президиум исполкома из трех человек. В их числе оказался и Троцкий, который стал фактическим председателем Совета. Однако уже 3 декабря, прямо на своем заседании, исполком Совета во главе с председательствовавшим Троцким был арестован жандармами.

[15] См.: *Троцкий Л.* 1905. М., 1922. С. 206—207.
[16] Там же. С. 125.

Троцкий и другие осужденные по делу Совета пробыли под арестом 57 недель. В октябре 1906 г., в самый острый период реакции, в разгар военно-полевых судов над участниками революции, в Петербурге начался процесс по делу о бывшем Совете. Он длился почти месяц. Приговор суда для Троцкого — опять ссылка в Сибирь, в село Обдорск, но на этот раз не на четыре года, как в 1900 г., а на «вечное поселение». По пути следования к месту назначения Троцкому вновь удалось бежать — из городка Березова, известного по месту ссылки сподвижника Петра I светлейшего князя Меншикова. В мае 1907 г. Троцкий уже присутствовал на V (Лондонском) съезде РСДРП как нефракционный социал-демократ с совещательным голосом. Так лично для Троцкого закончилась первая российская революция.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Революция оставила громадный след в политической биографии Троцкого. В первую очередь это, конечно, относится к его деятельности в Петербургском Совете, которой он заслужил признание и авторитет в глазах многих рабочих, демократической интеллигенции. Подводя итоги практической работы Совета, Троцкий пришел фактически к тем же выводам [17], которые были сделаны В. И. Лениным в ноябре 1905 г. в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов. (Письмо в редакцию)». Работа предназначалась для публикации в центральном органе большевиков — газете «Новая жизнь», но по каким-то причинам не увидела света [18].

В годы первой русской революции проявилась весьма существенная особенность политического поведения Троцкого, которая затем неоднократно давала себя знать,— способность к решительным действиям в период революционного подъема, вовлечения в борьбу широких слоев населения. В такие моменты Троцкий внутренне преображался, действовал на редкость собранно и целеустремленно. Возраставший накал борьбы как бы подстегивал его, оказывался дополнительным источником энергии.

Не зря, скажем, такой всегда осторожный и крайне сдержанный в оценках политических способностей

[17] См.: *Троцкий Л.* 1905. С. 233—238.
[18] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 61—70.

Троцкого деятель партии, как Г. Е. Зиновьев, писал, имея в виду Троцкого и Парвуса, в 1905 г.: «Эти два выдающихся меньшевика стали отходить от меньшевизма. Когда «Начало»... попало под их руководство, они придали ему в значительной мере большевистский характер»[19].

Однако в деятельности Троцкого была и другая сторона. Именно в этот период появились первые зачатки теории «перманентной революции». Ее основные постулаты Троцкий позаимствовал у Парвуса. «Вместе с Парвусом,— писал он позднее,— мы отстаивали в «Начале» ту мысль, что русская революция является прологом социально-революционной эпохи в развитии Европы; что русская революция не может быть доведена до конца ни сотрудничеством пролетариата с либеральной буржуазией, ни его союзом с революционным крестьянством; что она может победить лишь как составная часть революции европейского пролетариата»[20]. Отсюда ими выдвигался главный лозунг дня: «Без царя, а правительство рабочее».

Ленин подверг резкой критике и сам этот лозунг, и всю теорию Парвуса — Троцкого. Революционная на словах, эта теория на практике смыкалась с правооппортунистической и либерально-буржуазной линией. «Троцкий на деле,— отмечал Ленин,— помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию!»[21]

Таким образом, в годы первой русской революции возврат Троцкого в лагерь большевиков не состоялся. Главным сдерживающим фактором, на наш взгляд, стал субъективный момент. Логикой событий Троцкий оказался в условиях, которые могли закружить и кружили головы и не таким эмоциональным молодым людям, как он, но и значительно более старшим и опытным политическим деятелям. Упиваясь предоставившимися возможностями, Троцкий стремился во что бы то ни стало «показать себя», непременно сыграть роль «вождя». Отсюда и его попытки разработать «независимую» идейно-политическую программу.

---

[19] *Зиновьев Г.* История Российской Коммунистической партии (большевиков). Популярный очерк. М., 1924. С. 197—198.
[20] *Троцкий Л.* Годы великого перелома. Люди старой и новой эпох. М., 1919. С. 45.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 81.

Были и объективные причины. На позиции Троцкого, так же как и на деятельности Совета в целом, отрицательно сказалось влияние представителей меньшевистской фракции РСДРП. Оии стремились ограничить роль Совета осуществлением функций руководителя сугубо экономической профессиональной борьбой рабочих, уйти от решения ряда задач, и в первую очередь такой актуальной в условиях революции задачи, как вооружение пролетариата, работа в войсках и др.

ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Она продолжалась долгое и тягостное десятилетие. У Троцкого это были, пожалуй, наимеиее удачные годы во всей его жизни. Фактически они свелись к длительной «войне» против Ленина и большевизма.

С ноября 1908 г. по апрель 1912 г. Троцкий и его сторонники в Вене издают небольшим тиражом газету «Правда» (орган «нефракционных» социал-демократов), которая превратилась в издание, проповедовавшее принципы, господствовавшие в реформистских партиях Западной Европы.

В апреле 1910 г. по решению ЦК РСДРП для совместной работы в редакции венской «Правды» прибыл Л. Б. Каменев. После участия в выпуске двух номеров газеты он отказался от сотрудничества. «Опыт совместной работы с Троцким — смело сказать, опыт, искренне мной проделанный...— писал Каменев,— показал, что примиренчество неудержимо скатывается к защите ликвидаторства, решительно становится на сторону последнего против РСДРП» [22].

Этот вывод Каменева подтвердился в августе 1912 г., когда Троцкий в противовес VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, исключившей из большевистской партии ликвидаторов, организовал Августовский блок, опиравшийся именно на ликвидаторов. Оправдываясь впоследствии, Троцкий писал: «Мне тогда был неясен великий исторический смысл ленинской политики непримиримого идейиого межевания и, где нужно, раскола, чтобы сплотить и закалить костяк подлинно пролетарской партии» [23].

---

[22] *Каменев Ю.* Две партнн. С предисловнем Н. Леннна. Л., 1924. С. 136.

[23] *Троцкий Л.* Перманентная революцня. Берлин, 1930. С. 49.

Расхождения Троцкого и Ленина по вопросам строительства партии дают основание вывести происхождение троцкизма именно из «организационного оппортунизма» полуменьшевистского толка. Несмотря на революционность Троцкого, эти расхождения — наглядное свидетельство общности троцкизма и меньшевизма. Это же обстоятельство во многом объясняет, почему в дооктябрьский период ареной борьбы Ленина, большевиков против Троцкого стала сфера партийного строительства. Именно Ленин впервые употребил понятия «троцкисты», «троцкизм», причем сугубо в антипартийном значении. Разоблачая раскольническую политику ликвидаторов, с которыми блокировались троцкисты, Ленин в 1911 г. писал: «...Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова (лидер ликвидаторов.— *Н. В.*) и К° в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма»[24].

С началом первой мировой войны Троцкий совместно с меньшевиком Мартовым издает в Париже газету «Наше слово». За антивоенную направленность, которая была расценена французским правительством как прогерманская пропаганда, издание было закрыто, а сам Троцкий выслан из Франции.

В начале 1916 г. он оказывается в США, где входит в состав редакции социал-демократической газеты «Новый мир». Очень скоро Троцкий превращает ее в трибуну для пропаганды своих идей.

После Февральской буржуазно-демократической революции Троцкий выехал в Россию, но был задержан английскими властями на территории Канады. В течение месяца он находился в Галифаксе в лагере для интернированных. Под давлением Петроградского Совета в дело вмешался П. Н. Милюков, министр иностранных дел в первом Временном правительстве, и Троцкий был освобожден.

---

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 320.

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

В Петроград он прибыл 5 мая 1917 г. К этому времени Ленин находился в столице уже больше месяца и успел развернуть деятельность во всю ширь своего революционного гения. Состоялась историческая VII (Апрельская) конференция РСДРП(б), на которой был принят ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Определились позиции и других политических партий.

Троцкий оказался в арьергарде событий. Все, что он мог делать на первых порах,— это присматриваться к происходившему, взвешивать и оценивать политические платформы боровшихся сторон и фракций. Но постепенно он наращивает свою активность.

Троцкий оказывается в руководящем ядре Межрайонной организации РСДРП, в которую входили социал-демократы, занимавшие интернационалистские позиции и выступавшие против меньшевиков-оборонцев, хотя и не порывавшие с ними до конца. В тот период членами «межрайонки» были М. С. Урицкий, А. В. Луначарский, ряд других деятелей, сотрудничавших с Троцким в газете «Наше слово».

Популярность Троцкого быстро набирала силу. Этому, на наш взгляд, способствовало немало обстоятельств объективного и главным образом субъективного характера. Во-первых, разлив мелкобуржуазной стихии с ее показной, чисто словесной революционностью, для которой важно не столько быть, сколько казаться, с ее культом вождя, жаждой немедленного успеха. Всем этим параметрам вполне отвечал троцкизм. В этом политическом течении отразились настроения части городской мелкобуржуазной интеллигенции, отсталых рабочих, люмпен-пролетариев, которой были свойственны демонстрация сверхреволюционности в периоды подъема революционной борьбы и способность впадать в панику, нередко оказываясь в стане реакции, в моменты ее спада. В доктябрьский период Троцкий наглядно продемонстрировал справедливость такой оценки троцкизма. Она подтвердилась и после победы Февраля. В мае 1917 г. Ленин отмечал: «Колебания мелкой буржуазии: Троцкий...» [25]

Во-вторых, те, кто знал о негативной деятельности Троцкого в годы реакции, последовавшие за поражением

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 442.

первой русской революции,— как большевики, так и меньшевики,— только возвращались из-за границы, из ссылок и тюрем. Молодому поколению участников революционного движения, тем более беспартийным массам, о борьбе Троцкого против Ленина, против большевистской партии в эмиграции было практически ничего не известно. Зато Троцкий — председатель Петербургского Совета в 1905 г.— многим из них был памятен и близок.

В-третьих, как ни странно, популярности Троцкого во многом способствовал его арест в Канаде английскими властями при возвращении из США в Россию. В газетах то и дело мелькали публикации о пребывании Троцкого в плену. Все это создало ему ореол непримиримого борца с ненавистной Антантой.

Наконец, в-четвертых, Петроград бурлил: митинги, речи, демонстрации, красные флаги, революционные призывы — среда, в которой Троцкий с его задатками трибуна и оратора чувствовал себя как рыба в воде. Своими речами он кружил головы не только простым рабочим, солдатам, матросам, но и поднаторевшим в политике людям.

Естественно, деятельность Троцкого в майские дни не ограничивалась только участием в митингах и демонстрациях. Как один из лидеров Межрайонной организации РСДРП, Троцкий пытался наладить контакты с представителями других левых партий и организаций. Он неоднократно посещал редакцию полуменьшевистской газеты «Новая жизнь», издававшейся М. Горьким и Н. Сухановым. Побывал Троцкий и в редакции большевистской «Правды», встретился с Лениным, Зиновьевым и Каменевым. Но серьезной беседы не получилось.

Чувствовалась тягость в общении. Да это и неудивительно. За годы вражды и недоверия накопилось немало негативного, и преодолеть это за одну-две встречи невозможно. К тому же собеседники и не скрывали, что не изменят своих убеждений. Ни Ленин, ни Троцкий не поступились своими взглядами ни на йоту. К поиску контактов, возможному сотрудничеству их подтолкнула изменившаяся политическая ситуация как в России, так и на международной арене. Вместе с ней изменились и те задачи, которые приходилось решать социал-демократии.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России привела к установлению двоевластия в стране — Временного правительства и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Разрешить эту проти-

воречивую ситуацию можно было только на путях осуществления пролетарской революции. Именно она была бы логическим шагом в дальнейшем развитии революционного процесса. Из признания этого факта исходили и Ленин и Троцкий. Хотя подошли они к его осознанию с разных сторон.

Ленин — развивая идеи Маркса и Энгельса о непрерывной революции как поэтапном ее развитии: от буржуазно-демократической к социалистической с последующим выходом на международную арену. Троцкий — перескакивая через этап буржуазно-демократической революции, трактуя перманентность как перенесение революции из одной страны в другую. То есть им бралась в расчет только одна сторона марксистской концепции перманентности революции — внешняя — и игнорировалась внутренняя. Не случайно, что Троцкий «проглядел» Февральскую революцию. До конца своих дней он так и не смог внятно объяснить, какой по характеру, движущим силам и целям была эта революция.

Но — что очень важно и что до сих пор не учитывалось или упускалось из виду — Февральская революция свела на нет прежний спор Ленина и Троцкого о путях и перспективах развития революционного процесса в России. Отныне революция могла развиваться лишь как революция социалистическая. Это признавали оба. Оба же считали, что российская революция в случае ее свершения могла перерасти **только** в мировую. Иначе говоря, менялось само содержание перманентности революции: не буржуазно-демократическая революция в социалистическую, а российская социалистическая — в мировую или по крайней мере общеевропейскую.

К тому же временно́й интервал между Февральской и Октябрьской революциями оказался настолько минимальным, развитие событий протекало так стремительно, социалистическая революция унаследовала от буржуазной столько проблем, которые она решала как бы походя, не только для рядового участника происходившего, но и для лидеров РСДРП оказалась попросту непостижимой та сложная механика поэтапности революции, которая имела решающее значение до Февраля. После того как произошла Февральская революция и началась подготовка социалистической, троцкизму нечего было противопоставить ленинизму, поскольку была снята острота проблемы поэтапности развития революционного процесса в России.

Троцкий вряд ли кривил душой, когда в письме в Истпарт ЦК ВКП(б) 21 октября 1927 г., впервые опубликованном только в 1932 г. за границей, отмечал: «Я не вступил немедленно по приезде из Канады в организацию большевиков. Почему? Потому ли, что у меня были разногласия?»[26] Нет, считал Троцкий, таких разногласий у него с большевиками не было.

Этот факт подтверждается анализом предложений Ленина о слиянии «межрайонцев» и РСДРП(б), которые он огласил 10 мая на Петроградской городской конференции Межрайонной организации РСДРП. Они включали несколько пунктов. Во-первых, «объединение желательно немедленно». Во-вторых, следует включить по одному представителю «межрайонки» в редакцию «Правды», которую планировалось превратить во всероссийскую популярную газету и ЦО будущей слившейся партии. В-третьих, включить двух межрайонцев в комиссию по подготовке VI съезда партии. И наконец, обеспечить в «Правде» и других печатных органах свободную дискуссию по спорным вопросам[27].

Эти ленинские предложения вполне могли рассматриваться в качестве методологических принципов такого объединения, и, как видим, в них не ставилось перед «межрайонкой» никаких предварительных условий. От ее членов не требовалось отречения от прежних взглядов, признания прошлых ошибок. Выдвигалось лишь одно условие — их участие в совместной борьбе за общее дело. А таким делом было свершение социалистической революции и строительство нового общества.

Не случайно, по некоторым свидетельствам, Ленин на одном из заседаний ЦК партии, в мае, высказался за привлечение Троцкого в редакцию «Правды». Но его предложение отвергли другие члены ЦК[28]. Ленин предлагал также Троцкому возглавить газету популистского толка, на манер редактировавшейся им и Парвусом в 1905 г. газеты «Начало». Но от этого предложения отказался сам Троцкий.

Что же касается слияния «межрайонцев» с РСДРП(б), то на упомянутой конференции Троцкий заявил, что согласен «с резолюциями». Ленин записал следующие его слова: «...согласен **постольку, поскольку** русский больше-

[26] *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. Берлин, 1932. С. 18.

[27] См.: Ленинский сб. Т. 4. С. 302.

[28] *Deutscher I.* Le Prophète Armé. Paris, 1964. Vol. 1. P. 348.

визм интернационализировался. Большевики разбольшевичились — и я называться большевиком не могу... Признания большевизма требовать от нас нельзя»[29].

Троцкий не просто критиковал ленинские предложения, он отверг их. Причем сделал это в некорректной форме, выдвинув ряд неприемлемых для Ленина и большевиков условий. Что означало его заявление о разбольшевичивании русского большевизма, который интернационализировался? Только одно — Троцкий не желал признать правоту «старого большевизма», Ленина, большевиков в споре с ним и с троцкизмом, выступавшим за авантюристическую теорию перепрыгивания через этап буржуазно-демократической революции. То есть Троцким выдвигалось условие, которого от него не требовали ни Ленин, ни другие руководители РСДРП(б). Поэтому он не хотел принять и старое «фракционное наименование» партии — РСДРП(б). Троцкий соглашался на слияние только, как он считал, с «обновленным» Лениным, в котором усматривал своего единомышленника, перешедшего на позиции теории «перманентной революции», и с «обновленным» большевизмом, в котором он видел подобие российской или — точнее — ленинской разновидности троцкизма. Ни больше ни меньше.

Понадобилось еще, как минимум, два месяца нарастания революционных событий, чтобы Троцкий снял свои претензии к Ленину и большевикам и безоговорочно, без всяких встречных условий, принял упомянутые выше ленинские предложения. Иначе говоря, Троцкий вошел в РСДРП(б), вовсе не отказавшись от теории «перманентной революции». Этого от него никто и не потребовал.

ИЮЛЬ

В июльские дни вслед за Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Свердловым и другими лидерами РСДРП(б) Троцкий стремился предостеречь рабочие и солдатские массы от опрометчивых шагов, в частности от проведения антивоенной демонстрации 4 июля, которая, по сути, ставила своей целью низвержение Временного правительства. Он решительно выступал против развернутой в небольшевистской печати травли Ленина как «германского шпиона».

---

[29] Ленинский сб. Т. 4. С. 303.

5 июля, по свидетельству Троцкого, между ним и Лениным состоялась встреча, на которой обсуждались планы работы на случай ухода в подполье [30]. Такой встречи не зафиксировано в 4-м томе «Биографической хроники» В. И. Ленина. Но в этом томе есть сообщение о том, что вечером 4 июля в Таврическом дворце Ленин участвовал в объединенном заседании Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б), Военной организации при ЦК партии и Межрайонной организации РСДРП, членом которого являлся Троцкий [31]. Не исключено, что встреча, о которой говорил Троцкий, могла иметь место и днем раньше.

2 июля началась работа второй Петроградской конференции Межрайонной организации. На ней присутствовало 70 делегатов. И естественно, главным вопросом повестки дня был вопрос объединения с большевиками. Подавляющим большинством он был решен положительно. Конференция выделила двух представителей «межрайонки» в Оргбюро по проведению VI съезда РСДРП(б). Троцкий был назначен на съезде докладчиком по текущему моменту [32].

Однако выступить ему с докладом, как и вообще принять участие в работе съезда, не удалось. 23 июля ночью Троцкий вместе с Луначарским были арестованы. Поводом для ареста послужило письмо Троцкого Временному правительству, которое было опубликовано в «Новой жизни» 13 июля (№ 73). Это был ответ на вымыслы Временного правительства и буржуазной печати о его якобы разрыве с Лениным как «германским шпионом». «Сообщение газет о том, будто я «отрекся» от своей причастности к большевикам, представляет такое же измышление,— писал он,— как и сообщение о том, будто я просил власти защитить меня от «самосуда толпы», как и сотни других утверждений той же печати». Далее Троцкий сообщал, что его неучастие в «Правде» и невхождение в большевистскую партию объяснялись не политическими расхождениями, а «условиями нашего партийного прошлого, потерявшими ныне всякое значение». После чего следовал вывод: «...у нас не может быть никаких логических оснований в пользу изъятия меня из-под дей-

[30] См.: *Троцкий Л.* История русской революции. Берлин, 1933. Т. 2. Ч. 1. С. 114.

[31] См.: Ленин Владимир Ильич. Биографическая хроника. Март — октябрь 1917. М., 1973. Т. 4. С. 272.

[32] См.: *Троцкий Л.* Соч. М., 1924. Т. 3. Ч. 1. С. 408—410.

ствия декрета, силою которого подлежат аресту тт. Ленин, Зиновьев и Каменев. Что же касается политической стороны дела, то у вас не может быть оснований сомневаться в том, что я являюсь столь же непримиримым противником общей политики Временного правительства, как и названные товарищи. Изъятие в мою пользу только ярче подчеркивает, таким образом, контрреволюционный произвол в отношении Ленина, Зиновьева и Каменева»[33].

Троцкий и после этого письма неоднократно подтверждал свою близость к Ленину и большевикам. 17 июля в речи на заседании ЦИК и Исполкома Совета крестьянских депутатов он заявил: «Ленин боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не можем не питать ненависти к германскому милитаризму. Утверждать противное может только тот, кто не знает, что такое революционер»[34]. Из его выступления на совещании Исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: «Теперь всякий считает нужным всадить нож в спину Ленина и его друзей, но тот, кто говорит, что тов. Ленин может быть немецким агентом, тот — негодяй. Честное имя тов. Ленина нам так же дорого, как и имя Чернова. Чернов стоит под вашей защитой, но он также защищается и нами. Если, товарищи, в этом деле вам понадобится помощь — можете рассчитывать на нас»[35].

Конечно, Ленин не мог не оценить позицию Троцкого, тем более что немногие небольшевистские социал-демократы, за исключением Мартова, открыто высказались в защиту Ленина. В «Моей жизни» Троцкий вспоминал: «Отношение Ленина ко мне в течение 1917 г. проходило через несколько стадий. Ленин встретил меня (в мае.— *Авт.*) сдержанно и выжидательно. Июльские дни нас сразу сблизили»[36].

Свидетельство Троцкого не расходится с мнением о нем Ленина. В подготовленных им тезисах для доклада 8 октября на конференции Петербургской организации в примечании к тезису «О списке кандидатов в Учредительное собрание» читаем: «Само собою понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе *в направлении* нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого,

[33] *Троцкий Л.* Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 166.
[34] Там же. С. 169.
[35] Там же. С. 171.
[36] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Берлин, 1930. Т. 2. С. 61.

ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии»[37].

Конечно, надуманность обвинений Ленина в «шпионаже» была очевидна, по крайней мере для Временного правительства. Ведь его министры не могли не знать, что среди 500 политических эмигрантов, прибывших в Россию из Швейцарии проездом через Германию, свыше 400 были представителями различных партий[38]. Но никто, естественно, не подозревал их как «немецких шпионов» только потому, что они, так же как и Ленин, пересекли территорию Германии. Антиленинская кампания преследовала вполне очевидные политические цели — дискредитацию РСДРП(б) и большевизма в целом.

Не мог не знать и не понимать этого и Троцкий. Так что, бескомпромиссно защищая Ленина от реакционной печати, он стремился не только и не столько уберечь его честь, сколько лишний раз напомнить и о своем революционном прошлом, равно как и еще более революционном настоящем. Ведь в письме Временному правительству, публичных речах и выступлениях рядом с именем Ленина им неизменно ставилось и собственное. И надо сказать, что такой прием действовал. Не зря, скажем, в столице стойко держался слух о возможном установлении диктатуры триумвирата в лице Ленина, Троцкого и Луначарского. Насколько серьезной была такая версия, судить не беремся, тем более что Троцкий и Луначарский были арестованы и находились в тюрьме.

Как бы там ни было, пребывание в «Крестах» мало сказалось на политической активности Троцкого. Разве что он не выступал как оратор. Зато недостаток устной агитации им с лихвой был восполнен за счет публикаций в печати. Одна за другой появлялись статьи и заметки Троцкого в большевистском «Рабочем и солдате», журнале «Вперед», который издавался как орган РСДРП(б), «Пролетарии», где Троцкий писал под псевдонимом П. Танас, горьковской «Новой жизни» и других печатных изданиях.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 345.

[38] См.: *Покровский М. Н.* Октябрьская революция. М., 1929. С. 123.

В тюрьме он написал две работы: «Что же дальше (Итоги и перспективы)» и «Когда же конец проклятой бойне?». Обе брошюры вышли в большевистском издательстве «Прибой» и сразу же обратили на себя внимание читающей публики, особенно первая. Она была в некотором роде итоговой для деятельности Троцкого в первое полугодие 1917-го. В ней он анализировал характер происшедших событий, расстановку классовых сил после ликвидации двоевластия, пытался проследить дальнейший ход революционного процесса, наметить некоторые перспективы на ближайшие месяцы, недели и даже дни.

Троцкий подвергал беспощадной критике позицию эсеро-меньшевистских соглашателей. «После событий 3—5 июля эсеры и меньшевики в Петербурге еще более ослабели, большевики еще более усилились,— писал Троцкий.— То же самое — в Москве. Это ярче всего обнаруживает, что в своей политике большевизм дает выражение действительным потребностям развивающейся революции, тогда как эсеро-меньшевистское «большинство» только закрепляет вчерашнюю беспомощность и отсталость масс. И сегодня уже этого одного закрепления недостаточно: на помощь ему идет самая разнузданная репрессия. Эти люди борются против внутренней логики революции, и именно поэтому они оказываются в одном лагере с ее классовыми врагами. Именно поэтому мы обязаны подрывать доверие к ним — во имя доверия к завтрашнему дню революции»[39]. Хорошо сказано. И главное — в точку!

По поводу характера российской революции Троцкий повторил свои прежние соображения о том, что она может быть только пролетарской, к тому же — общеевропейской. «Это не «национальная», не буржуазная революция,— утверждалось в брошюре.— Кто оценивает ее так, тот живет в мире призраков XVIII и XIX столетий. А нашим «отечеством во времени» является XX век. Дальнейшая судьба русской революции непосредственно зависит от хода и исхода войны, т. е. от развития классовых противоречий в Европе, которому эта империалистическая война придает катастрофический характер». Заканчивалась брошюра фразой, ставшей у Троцкого почти ритуальной полуконстатацией-полупризывом: «Перманентная революция против перманентной бойни!

[39] *Троцкий Л.* Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 240—241.

Такова борьба, в которой ставкой является судьба человечества»[40].

В августе 1917 г. на VI съезде РСДРП(б) 4 тысячи межрайонцев вошли в партию и растворились в ней. Вместе с ними оказался и Троцкий. Причем от бывшей «межрайонки» он, наряду с Урицким, хотя и не присутствовал на съезде (сидел в тюрьме), вошел в состав ЦК. Из 134 делегатов съезда, принявших участие в выборах руководящего органа партии, за Троцкого был подан 131 голос, всего на три меньше, чем за Ленина. Уже сам по себе этот факт показывает возросший авторитет Троцкого в партийных кругах, прежде всего руководящих. Что касается партийных низов, то там его имя еще мало кому было известно.

НАКАНУНЕ

С конца августа 1917 г. политическая ситуация в стране вновь резко меняется. Провал корниловского мятежа, в чем решающую роль сыграли работавшие среди шедших на Петроград воинских частей большевистские агитаторы, с одной стороны, укрепил уверенность революционных масс в своих силах, а с другой — еще выше поднял авторитет РСДРП(б). Вновь растет революционная волна. «Мы,— отмечал Троцкий,— еле поспевали за приливом».

2 сентября Временное правительство вынуждено было освободить из «Крестов» группу социал-демократов, арестованных в июльские дни,— Троцкого, Каменева, Луначарского, Коллонтай и других. В газете «Рабочий путь» (так стала называться «Правда» после разгрома ее редакции в июле) 3 сентября появилась заметка: «Вчера освобожден из-под ареста под залог в 3 тыс. рублей Л. Троцкий».

21 сентября Троцкий по поручению ЦК РСДРП(б) выступил с докладом о текущем моменте на собрании большевиков, участвовавших в работе открывшегося 14 сентября Демократического совещания. В докладе им была выдвинута идея бойкота созданного Предпарламента. Но результаты голосования оказались не в пользу Троцкого. За участие в Предпарламенте высказались 77 участников совещания, против — 50. Ленин, оценивая из своего «далека» принятое решение, назвал его явной

[40] *Троцкий Л.* Соч. Т. 3. Ч. 1. С. 248, 252.

ошибкой. Он одобрил и поддержал доклад Троцкого: «Троцкий был за бойкот. Браво, товарищ Троцкий!» [41]

25 сентября (8 октября) произошли перевыборы членов Исполкома Петроградского Совета. По предложению большевистской фракции председателем Совета был избран Троцкий. Его фамилия вносится в список 40 кандидатов от РСДРП(б) по выборам в Учредительное собрание. Причем Троцкий стоял в списке сразу же после Ленина и Зиновьева, перед Каменевым, Коллонтай, Луначарским, Бухариным, Пятаковым, Сталиным [42].

Троцкий, несомненно, внес большой вклад в подготовку и осуществление Октябрьского вооруженного восстания. Правда, этот вклад не столь значителен, как это изображалось, скажем, откровенно симпатизировавшим Троцкому меньшевиком Н. Сухановым в «Записках о революции»: «Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории» [43].

Точно так же явно преувеличенной выглядит и оценка его вклада Сталиным в статье «Октябрьский переворот», опубликованной в газете «Правда» 6 ноября 1918 г. В статье Троцкий представлялся чуть ли не единственным организатором и руководителем восстания, а Подвойский и Антонов-Овсеенко — лишь исполнителями его воли. Кстати, в 1924 г. в речи Сталина «Троцкизм или ленинизм» вклад Троцкого выглядел уже скромнее. Впоследствии Сталин предпочитал вообще не говорить об этом. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.) о роли Троцкого в октябрьских событиях говорилось только в отрицательном плане, фактически так же, как и о «штрейкбрехерской» позиции Зиновьева и Каменева.

Деятельности Троцкого в Октябре фактически посвящена вся вторая часть второго тома его «Истории русской революции». На наш взгляд, Троцкому здесь удалось весьма рельефно показать объективные и субъективные предпосылки вызревания Октябрьской революции, выявить экономические, социальные, политические, военные слагаемые обстановки, из которой выросло восстание. Конечно, не обошлось и без просчетов, а также явных, но не столь заметных невооруженному глазу перегибов в изображении событий, их участников. Прежде

[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 262.

[42] См.: Рабочий путь. 1917. 28 сент. (11 окт.).

[43] Цит. по: *Троцкий Л.* История русской революции. Берлин, 1933. Т. 2. Ч. 2. С. 86.

всего это относится к показу самой фигуры Троцкого. Складывается впечатление, что если бы не он, то Октябрьская революция могла бы не состояться.

Собственно, Троцкий и не скрывал своих притязаний на роль «второго вождя» Октября. Об этом он неоднократно высказывался публично, писал в статьях и книгах, в частности в таких, как «Уроки Октября» (1924 г.), «О Ленине» (1925 г.), «Моя жизнь» (1930 г.). В дневниковых записях Троцкого от 25 марта 1935 г. можно прочесть: «Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Окт[ябрьской] революции, руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться» [44].

Как же обстояло дело в действительности?

За пять недель — от Демократического совещания до Октябрьского вооруженного восстания — Троцким как председателем Петроградского Совета было сделано немало для того, чтобы воспрепятствовать попыткам меньшевиков и эсеров сорвать проведение II съезда Советов. По решению ЦИК съезд был намечен на 20-е, а затем перенесен на 25 октября.

Определенный вклад Троцкий внес в создание при Петроградском Совете Военно-революционного комитета — органа подготовки и осуществления вооруженного восстания. Председателем ВРК вначале был избран левый эсер Лазимир, впоследствии им стал Подвойский, а секретарем — Антонов-Овсеенко. Подготовленный комиссией во главе с Лазимиром проект Положения о ВРК был отредактирован Троцким и принят единогласно на заседании. В утвержденном Уставе ВРК, состоящем из 19 пунктов, его первейшей задачей объявлялось взятие фактического управления Петроградским гарнизоном в свои руки.

Троцкий вел активную работу в ЦК партии. 10(23) октября Ленин внес на заседание ЦК вопрос о вооруженном восстании. Обсуждение продолжалось почти 10 часов с краткими перерывами. В результате на голосование ставится предложенная Лениным резолюция, в которой делается вывод: «Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы».

---

[44] *Троцкий Л.* Дневники и письма. Нью-Йорк. 1986. С. 84.

На заседании из 21 члена ЦК присутствовало 12. За предложенную резолюцию высказались 10 человек, против — два (Зиновьев и Каменев). Впоследствии, комментируя факт принятия ленинской резолюции, Троцкий справедливо писал: «Резолюция 10 октября приобрела огромное значение. Она сразу обеспечила действительным сторонникам восстания крепкую почву партийного права. Во всех организациях партии, во всех ячейках стали выдвигаться на первое место наиболее решительные элементы»[45].

Все это Троцким писалось в 1933 г. А тогда, в октябре 1917 г., далеко не так ясны были для него самого и для ряда других руководителей РСДРП(б) последствия принятого решения.

На расширенном заседании ЦК с участием других руководящих органов большевистской партии, состоявшемся 16 октября, где вновь обсуждался вопрос о восстании, Троцкий отсутствовал. И виновато здесь не просто стечение обстоятельств, как позднее объяснял он свое отсутствие (в это время он находился на заседании Петроградского Совета, где принималось Положение о ВРК), причины были гораздо глубже.

Троцкий немало критиковал многих членов ЦК, и прежде всего Зиновьева и Каменева, за их парламентские иллюзии. Однако, как нам представляется, и сам Троцкий отдал этим иллюзиям весьма большую дань. И дело даже не в том, что до самого штурма Зимнего дворца Троцкий публично заявлял, что ВРК был создан не как орган восстания, а лишь как комитет по защите революции. Этими заявлениями он не только вводил в заблуждение Временное правительство, но и выражал определенную позицию: вопрос о власти неизменно связывался им именно со съездом Советов.

В 1925 г. в книге «О Ленине» Троцкий писал: «В Центральном Комитете определились три группировки: противники захвата власти, оказавшиеся вынужденными логикой положения отказаться от лозунга «власть Советам» (прежде всего Каменев и Зиновьев.— *Н. В.*); Ленин, требовавший немедленной организации восстания, независимо от Советов, и остальная группа (прежде всего сам Троцкий.— *Н. В.*), которая считала необходимым тесно связать восстание со Вторым съездом Советов и тем самым выдвинуть его к последнему времени»[46].

[45] *Троцкий Л.* История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 169.

[46] *Троцкий Л.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 1925. С. 72.

Это, конечно, не значит, что тем самым Троцкий вынашивал злонамеренные планы срыва восстания, как о том писалось в «Кратком курсе» истории ВКП(б). Это значит, что Троцкий сам отделял свою позицию от ленинской. Не зря в «Моей жизни» у него проскочила фраза: «По некоторым случайным и ошибочным признакам ему (Ленину.— *Н. В.*) показалось... будто в вопросе о вооруженном восстании я веду слишком выжидательную линию. Это опасение отразилось в нескольких письмах Ленина в течение октября». Тем не менее такое отличие в позиции не помешало ему активно поддержать Ленина в ходе проведения восстания, а затем и при формировании первого Советского правительства.

ВОССТАНИЕ

24 октября (6 ноября) состоялось заседание ЦК РСДРП(б), в работе которого активно участвовал Троцкий. Ленин, вынужденный скрываться от полиции, направил «Письмо членам ЦК», в нем он настаивал на решительном наступлении и проведении вооруженного восстания в ночь на 25 октября: «Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом,— говорилось в письме,— решать дело сегодня непременно вечером или ночью» [47].

25 октября в час дня Троцкий докладывал Петроградскому Совету о положении дел в столице. В изложении «Рабочего пути» дело обстояло следующим образом: «От имени Военно-революционного комитета,— заявил Троцкий,— объявляю, что Временного правительства больше не существует. (Аплодисменты.) Отдельные министры подвергнуты аресту. («Браво!») Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы. (Аплодисменты.) Революционный гарнизон, состоящий в распоряжении Военно-революционного комитета, распустил собрание Предпарламента. (Шумные аплодисменты.) Мы здесь бодрствовали ночью и по телефонной проволоке следили, как отряды революционных солдат и рабочей гвардии бесшумно исполняли свое дело.

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой. Вокзалы, почта, телеграф, Петроградское Телефонное Агентство, Государственный банк — заняты. (Шумные аплодисменты.) Зимний дворец еще не взят, но судьба его решается в течение ближайших минут. (Аплодисменты.)»[48] Зимний был взят в 2 часа 10 минут ночи 26 октября.

25 октября в 22 часа 40 минут начал работать II съезд Советов. Персонально от большевиков в президиум были предложены: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин, Склянский, Крыленко, Антонов-Овсеенко, Рязанов, Муранов, Луначарский, Коллонтай и Стучка.

Съезд в законодательном порядке закрепил переход власти к большевикам, принял декреты о мире и земле, утвердил по докладу Троцкого первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, созданный исключительно из представителей РСДРП(б) в составе 15 человек.

Троцкий принял самое деятельное участие в организации разгрома в конце октября мятежа Керенского — Краснова. 1(14) ноября «Правда» опубликовала следующую телеграмму за его подписью от имени Совнаркома: «Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 минут ночи. Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытки Керенского двинуть контрреволюционные войска на столицу революции получили решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем».

В тот же день Троцкий участвовал в чрезвычайно важном заседании ЦК РСДРП(б), на котором был дан отпор группе Каменева — Зиновьева, создавшей острый правительственный кризис. Вопреки мнению большинства ЦК и Совнаркома, группа настаивала на принятии предложения эсеров и меньшевиков о создании так называемого однородного социалистического правительства. Большевикам в нем отводилась незначительная роль, допускалась возможность замены Ленина на посту главы правительства.

Троцкий выступил одним из самых непримиримых противников такого решения. Ленин высоко оценил его позицию, заявив на указанном заседании ЦК: «Троцкий давно сказал, что объединение (с соглашательскими партиями.— *Н. В.*) невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика».

---

[48] Рабочий путь. 1917, 26 окт. (8 нояб.).

Этой фразы Ленина нет в «Протоколах Центрального Комитета РСДРП(б)» изданий 1929 и 1958 гг. И нет ее именно потому, что Ленин назвал Троцкого большевиком. Вклейку текста протокола с ленинской фразой мы обнаружили в книге Троцкого «Сталинская школа фальсификаций», изданной в Берлине в 1932 г., между 116-й и 117-й страницами.

В ноябре 1917 г. Троцкий действительно активно проводил в жизнь платформу большевистской партии. Хотя справедливости ради следует заметить, что ни тогда, в ноябре 1917-го, ни позднее Троцкий сам публично так нигде и не признал правоты большевизма в споре с ним в прошлом. Не было такого признания и в будущем. Наоборот. Сперва негласно, в ходе борьбы за заключение Брестского мира, затем в дискуссии о профсоюзах, а после смерти Ленина и открыто Троцкий заявлял, что не он перешел на позиции большевизма, а большевики «разбольшевичились», перейдя во главе с Лениным на платформу его теории «перманентной революции».

ЧЛЕН ПРАВИТЕЛЬСТВА

В первом Советском правительстве Троцкий занял пост народного комиссара по иностранным делам. Он публикует секретные документы бывшей царской дипломатии и Временного правительства — факт по тем временам неслыханный. Налаживает контакты с представителями посольств иностранных держав, возглавляет советскую делегацию на переговорах о заключении мира с кайзеровской Германией в Бресте.

Однако на этих переговорах Троцкий попытался занять собственную позицию и реализовать свой тезис «ни войны, ни мира». В феврале 1918 г., вопреки настояниям Ленина, он отказался подписать договор, чем дал Германии повод развернуть наступление по всему фронту против Советской республики, не имевшей в то время достаточных сил для организации отпора агрессору. Тем самым Троцкий поставил страну на грань военной катастрофы. Договор был подписан 3 марта 1918 г., но уже после отстранения Троцкого от участия в переговорах и на значительно более тяжких условиях.

14 марта Троцкий был назначен народным комиссаром по военным делам, а несколько позднее и народным комиссаром по морским делам. С созданием 2 сентября 1918 г., в разгар гражданской войны и иност-

ранной интервенции, Революционного Военного Совета Республики (РВСР) его председателем по предложению Я. М. Свердлова был назначен Троцкий.

На всех этих постах Троцкий проявил себя как решительный, целеустремленный руководитель, способный сплотить людей на выполнение самых трудных задач. Он, например, принял активное участие в ликвидации мятежа левых эсеров 6 июля 1918 г.

Известна роль, какую Троцкий сыграл и в деле формирования частей регулярной Красной Армии. Выполняя указания ЦК партии, Ленина, он требовал проведения в жизнь таких, по его выражению, начал в создании Красной Армии, как «всеобщее обязательное воинское обучение в школах, на заводах и в деревнях; немедленное создание сплоченных кадров из наиболее самоотверженных бойцов; привлечение военных специалистов и боевых руководителей; насаждение комиссаров в качестве блюстителей высших интересов революции и социализма»[49].

Троцкий немало сделал, чтобы искоренить и такое вредное в условиях гражданской войны явление, каким была партизанщина. Как наркомвоенмор, он требовал неукоснительного соблюдения воинской дисциплины, субординации и др. И в этой своей деятельности Троцкий нашел горячую поддержку в лице Ленина.

В книге «Моя жизнь» Троцкий воспроизвел образец бланка, в левом верхнем углу которого значилось: «Председатель Совета Народных Комиссаров, Москва, Кремль... июля 1919 г.». Далее следовало чистое место, которое Троцкий мог использовать для записи собственного распоряжения. Внизу был набран текст: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело». По рассказу Троцкого, Ленин, вручая ему эту бумагу, заметил, что может дать «сколько угодно таких бланков»[50].

Но было и другое — чрезмерное администрирование, упование лишь на авторитет власти, репрессии в отношении командного и рядового состава. За малейший проступок подчиненных Троцкий требовал жестокого

---

[49] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 30.
[50] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 204, 205.

наказания, вплоть до расстрела. «Расстрел был жестоким орудием предостережения другим» [51],— прямо говорил он.

В Красной Армии Троцким и его окружением насаждался культ собственной личности. Наверное, в военных уставах ни одной цивилизованной страны не найдешь того, что придумал Троцкий. В 1922 г. в § 41 политического Устава Красной Армии была помещена его политическая биография, в которой Троцкий представал героем, олицетворением революционной и военной доблести. Параграф заканчивался словами: «Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики».

Знакомые выражения, они пришли к нам уже из 30-х годов и относились к другому действующему лицу советской истории — Сталину, культ личности которого, как видим, возник не на пустом месте.

Наконец, нельзя пройти и мимо тех крупных просчетов, имевших место в определении Троцким стратегии гражданской войны. Между октябрем 1917 г. и 1922 г. Троцкий в разных сочетаниях варьировал одну и ту же идею: европейский пролетариат более созрел для социализма, чем российский, поэтому, грубо говоря, главная задача Советской власти заключается не столько в создании предпосылок для социализма в нашей стране, сколько в необходимости продержаться до начала мировой революции. Отсюда его идея экспорта революции в другие страны силами Красной Армии: «Революционная война,— писал он,— неоспоримое условие нашей политики» [52]. К этой идее он возвращался неоднократно и был весьма последователен в ее осуществлении.

Справедливости ради следует отметить ряд позитивных шагов Троцкого в международной сфере. Это прежде всего относится к его деятельности в Коммунистическом Интернационале, в Исполкоме которого он представлял РКП(б) с момента образования Коминтерна весной 1919 г. Роль Троцкого здесь нуждается в специальном рассмотрении, но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что она была весьма заметной, особенно на первых четырех конгрессах Коминтерна. Кроме ВКП(б) Троцкий в Коминтерне представлял также и интересы

[51] Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1961. С. 274.

[52] Коммунистический Интернационал. 1921. № 19. С. 5009.

Французской коммунистической партии, к становлению и деятельности которой в первые годы ее существования он имел самое непосредственное отношение.

В 1920 г., оставаясь на своих прежних постах, Троцкий на короткое время стал и народным комиссаром путей сообщения. Под его руководством была разработана программа ускоренного восстановления паровозного парка страны, приняты меры по налаживанию работы транспорта. Активную работу Троцкий повел по укреплению трудовой дисциплины, наведению порядка на производстве, повышению производительности труда, поощрению энтузиазма рабочего класса. «Что есть хорошего у Троцкого? — спрашивал Ленин в январе 1921 г.—...Несомненно хорошим и полезным является *производственная пропаганда*»[53].

Принятые Троцким меры способствовали ликвидации узких мест, какие образовались в народном хозяйстве страны. Не случайно на VIII съезде Советов Ленин характеризовал его, наряду с Рыковым, как одного из наиболее авторитетных руководителей, создавших известную школу работы в своем ведомстве[54]. Ленин и в дальнейшем не раз обращался к Троцкому при решении важнейших проблем экономического и социального развития Страны Советов — монополии внешней торговли, образования СССР, национальной политики партии и др.

Однако, как и во время гражданской войны, достоинства Троцкого как политического и государственного деятеля нередко перерастали в крупные недостатки. Его стремление к абсолютизации вполне оправданных в условиях послевоенной разрухи и всеобщей неразберихи административных методов не замедлило вылиться в конструирование модели так называемого «милитаристского социализма», представлявшей собой шаг назад к позициям домарксистского утопического социализма казарменного типа.

В основе этой модели лежало требование милитаризации хозяйства страны, превращения ее в подобие гигантской военной казармы, где все делалось бы по приказам сверху, а массы были бы послушными исполнителями воли своих командиров. Субъективистский произвол, упор на административные методы, милитаризацию труда, на принуждение и устрашение, отрицание методов

[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 293.
[54] См. там же. С. 164, 165.

убеждения и материального стимулирования, «перетряхивание» и «завинчивание гаек» как средства руководства общественными организациями трудящихся — такие методы пытался навязать партии Троцкий на определенном этапе.

ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ

Изложенные выше взгляды Троцкого составили его платформу в ходе навязанной им партии осенью 1920 г. дискуссии о профсоюзах. Ленин уже совершенно иначе оценивал позицию Троцкого, чем когда тот шел в ногу с партией. Хотя в послеоктябрьский период Ленин и не использовал сам термин «троцкизм», он подвергал резкой критике ошибочные установки его идеологии и практики.

Смысл платформы Троцкого в дискуссии о профсоюзах Ленин определил как «расхождения по вопросу о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой». Политика Троцкого в сумме, считал Ленин, есть «политика бюрократического дергания профсоюзов»[55].

Ленин по достоинству ценил Троцкого, когда тот строго и точно осуществлял директиву партии, когда он наряду с другими ее руководителями, опираясь на коллективный опыт партии, на всю массовую партийную организацию, выполнял свои служебные обязанности, порученные ему задания Центрального Комитета. Вместе с тем Ленин, РКП(б) давали решительный отпор попыткам Троцкого создавать свои кадры, опираясь на которые он стремился командовать в партии, выступать против курса на построение социализма в СССР.

Отмечая сильные и слабые стороны Троцкого как партийного и государственного деятеля, Ленин постоянно удерживал его от опрометчивых шагов и решений, стремился без ущерба для него самого выправить допускавшиеся им отступления от генерального курса партии на разных этапах борьбы за революцию и социализм. И в этом, на наш взгляд, один из залогов того, что при Ленине Троцкий в общем и целом держался, что называется, в рамках.

Ленин, хотя и не любил ставить в вину деятелям партии их прошлые ошибки, не раз возвращался к анализу дискуссий с Троцким. Двойственность в политической

---

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 206, 226.

позиции Троцкого была подчеркнута Лениным в его «Письме к съезду». Характеризуя деятельность Троцкого, Ленин выделял его выдающиеся способности. «Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК»,— отмечал Ленин. И тут же продолжал: «Но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»[56].

Эти увлечения Троцкого, как показали его попытки милитаризации страны, оборачивались грубыми ошибками и просчетами в политике. Именно поэтому Ленин счел нужным напомнить партии о небольшевизме Троцкого, оговорившись при этом, что небольшевизм так же мало может быть ставим ему в вину лично, как и октябрьский эпизод Зиновьеву и Каменеву[57].

Это ленинское замечание сегодня кое-кто считает чем-то вроде отпущения грехов Троцкому. Думается, что вопрос здесь гораздо сложнее, чем выяснение дилеммы: виновен — невиновен. То, что Ленин имел в виду не только личность Троцкого,— это бесспорно. В небольшевизме Троцкого он видел проявление позиции не отдельного партийного лидера, а целого социального слоя, определенных настроений в партии, выразителем которых время от времени оказывался Троцкий. Как справедливо заметил Зиновьев, «т. Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек: сам т. Троцкий, ибо на этой «платформе» буквально не остается места даже для единомышленников... Но было бы все же неверно видеть в позиции т. Троцкого только индивидуальное. Он, несомненно, отражает и нечто более широкое из нашей обстановки»[58].

Ленин был глубоко убежден в том, что образование фракций не относится к разряду фатально запрограммированного явления в истории партии. Это не значит, что он вообще отрицал возможность появления и наличия коренных разногласий, особенно на крутых поворотах истории. Но Ленин всегда исходил из необходимости, во-первых, вовремя зафиксировать эти разногласия и, во-вторых, вести совместный поиск путей их преодоления на принципиальной основе, то есть на основе Устава и Программы партии. И, только исчерпав все возможности такого поиска, убедившись в упорстве другой стороны, настаивающей на своей ошибочной платформе, Ленин

[56] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
[57] См. там же.
[58] *Зиновьев Г.* Большевизм или троцкизм? // Правда. 1924. 30 нояб.

высказывался за принятие организационных мер в отношении таких членов партии.

В этом коренное отличие ленинской постановки вопроса от сталинской, когда внутрипартийные разногласия толковались как имманентно присущие развитию партии, как одна из закономерностей ее развития. Поэтому в случае отсутствия разногласий их пытались всячески найти или раздуть, как это происходило в 30-е годы.

И еще один аспект. Значит ли напоминание Ленина о небольшевизме Троцкого, что тот не имел никакого отношения к марксизму, что правы оказались авторы «Краткого курса» с их теорией «злого умысла»: Троцкий пришел в партию с единственной целью — вести подрывную работу, чтобы развалить ее ряды? Если бы это было так, то не было бы ни сближения Троцкого с большевиками после возвращения в Россию в 1917 г., ни тем более его повторного вступления в РСДРП(б), ни его совместной работы с Лениным и другими руководителями партии и Советского государства.

Все дело в том, что в партии Троцкий в наиболее концентрированном виде выражал настроения тех ее членов, которые пытались опереться на догматически трактуемые ими традиции классического марксизма XIX в. Они весьма превратно оценивали качественные перемены, которые произошли в расстановке классовых сил как на мировой арене, так и в отдельных странах, прежде всего в самой Советской России. На словах признавая ленинизм, может быть даже громче других признавая его, на деле они явно недооценивали ленинское учение как новый этап в развитии марксизма XX в. Особенно это было характерно для периода после гражданской войны, когда становилось все очевиднее, что капитализму удалось стабилизироваться, что в ближайшее время пролетарских революций в других странах не предвидится, что не остается другого выхода, кроме как строить новое общество, находясь в капиталистическом окружении.

Необходим был коренной пересмотр прежней стратегии и тактики. В международном плане это нашло выражение в окончательном утверждении после Генуэзской конференции (1922 г.) принципа мирного сосуществования СССР с государствами иного общественного строя. Во внутреннем — в выдвижении новой экономической политики, представлявшей собой отказ от социалистической модели периода «военного коммунизма» с его

вынужденным сужением сферы действия товарно-денежных отношений, рынка, ставкой на прямой продуктообмен и пр.

Ни Троцкий, ни его сторонники не то чтобы не обратили внимания на необходимость внесения коренных перемен в стратегию и тактику партии, коммунистического движения, но едва ли не попытались действовать по принципу: если действительность восстает против наших теорий, тем хуже для нее. Догматизм, подмена диалектики формальной логикой, неумение считаться с обстоятельствами — все это нашло концептуальное выражение и закрепление в троцкистской теории «перманентной революции».

Согласно этой теории, мировая революция по-прежнему, как и в прошлом столетии, изображалась в виде фактически одновременного выступления пролетариев всех стран, которое должно было продолжаться не иначе, как до полного торжества социализма во всем мире. В книге «Перманентная революция», подводя итог своим идейным исканиям, Троцкий писал: «Завершение социалистической революции в национальных рамках немыслимо... Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной, и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете». И далее: «Указанная выше схема развития мировой революции снимает вопрос о странах, «созревших» и «несозревших» для социализма... Поскольку капитализм создал мировой рынок, мировое разделение труда и мировые производительные силы, постольку он подготовил мировое хозяйство в целом для социалистического переустройства» [59].

Опираясь на эту схему мировой революции, Троцкий не видел разницы ни в целях, ни в способах борьбы трудящихся, скажем, Англии или Китая. Как для тех, так и для других цель борьбы общая — социализм. Отсюда Троцким напрочь отрицалось национально-освободительное движение: «В условиях империалистической эпохи национально-демократическая революция может быть доведена до победы только в том случае, если социальные и политические отношения данной страны созрели

[59] *Троцкий Л.* Перманентная революция. С. 167—168.

для того, чтобы поднять пролетариат к власти как руководителя народных масс. А если этого еще нет? Тогда борьба за национальное раскрепощение будет давать очень половинчатые результаты, целиком направленные против трудящихся масс»[60].

В теории «перманентной революции» исчезает то, на что она, собственно, претендует,— раскрытие самой перманентности, то есть непрерывности революции как цепи следующих друг за другом этапов революционных преобразований. По Троцкому выходило, что пролетариат любой страны готов и может делать все сразу: свергать господство буржуазии, устанавливать диктатуру трудящихся, осуществлять социалистические преобразования, обеспечить победу революции в национальных границах и тут же одновременно перенести ее за пределы страны.

Идея непрерывности революции подменялась субъективистской концепцией «комбинированного развития», которая не считается ни с социально-экономической и политической неравномерностью развития стран, ни с различиями в темпах нарастания противоречий в разных пунктах мировой капиталистической системы. Поэтому фактически сбрасывается со счетов наличие слабых звеньев, в которых складываются наиболее благоприятные условия для прорыва цепи империализма. Это с одной стороны. А с другой — произвольно смешиваются этапы революционных преобразований как до, так и после победы социалистической революции в конкретных странах, в данном случае в Советской России.

Троцкий руководствовался принципом: «Либо все, либо ничего». Следование этому принципу на практике обычно оборачивалось формулой: «Все на словах, и ничего на деле». Теория «перманентной революции» сближалась с анархистской трактовкой революции как волюнтаристского акта «революционно действовавших лиц».

Пример Троцкого и троцкизма свидетельствует, что дело не в чьем-то «злом умысле», а в неверных оценках характера и содержания современной эпохи, новых условий, в которых развивалось мировое революционное движение и строительство социализма в СССР. Из этого вытекает еще один исторический урок — идеи, верные в условиях данной эпохи, если их перенести в другое время, иные конкретно-исторические рамки, не произведя при этом их необходимой корректировки в соответствии с ду-

[60] *Троцкий Л.* Перманентная революция. С. 142.

хом самих этих идей, способны обретать смысл прямо противоположный своему первоначальному содержанию. Такой корректировки ни Троцким, ни его сторонниками не делалось.

В ОППОЗИЦИИ

В октябре — декабре 1923 г. в партии развернулась острейшая дискуссия, которая затрагивала ключевые вопросы хозяйственной политики РКП(б), развития демократии, внутрипартийной жизни. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК XIII съезду партии (докладчик Зиновьев), собрания «продолжались целыми ночами до утра... Партия была взбудоражена, как улей. Вся рабочая масса, входящая в нашу партию, прислушивалась к спорам» [61].

Поводом к дискуссии послужили письма Троцкого в ЦК от 8 и 24 октября. В них нашли отражение основные положения позиции Троцкого и его сторонников по вышеназванным вопросам.

25—27 октября на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б), рассмотревшем вопрос «О внутрипартийном положении в связи с письмами Троцкого», он вынужден был признать несвоевременность своего выступления.

6 декабря в «Правде» одновременно появились статьи Троцкого и Сталина, в них они подвели итоги дискуссии и достигли некоторого компромисса. 7 декабря была опубликована резолюция объединенного Пленума ЦК и ЦКК, в основу которой легли принципиальные идеи и положения принятой еще X съездом РКП(б) резолюции «О единстве партии». Казалось бы, стороны пришли к обоюдному согласию. Но не тут-то было.

Троцкий настоял на появлении 11 декабря в «Правде» своей статьи «Новый курс», в которой в некорректной форме затронул проблему поколений в партии. В тот же день на собрании бюро ячеек и активных работников Московской организации Зиновьев выступил с критикой статьи Троцкого [62], а 15 декабря в газете с антитроцкистской статьей «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого» выступил Сталин. Вновь развернулась борьба, в которую помимо партийного руководства втянулась и партийная масса.

[61] Тринадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963. С. 105—106.

[62] См.: Правда. 1923. 16 дек.

В ходе дискуссии Троцкий и его сторонники оказались в меньшинстве. В принятой XIII партконференцией резолюции «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» платформа троцкистов была осуждена.

В сентябре 1924 г., находясь на отдыхе в Кисловодске, Троцкий написал статью «Уроки Октября». Она дала толчок очередной, так называемой литературной дискуссии в партии. В ней Троцкий вслед за проблемой поколений в партии поднял вопрос о полусоглашательской тактике руководства РСДРП(б) (Каменев, Сталин) в феврале — марте 1917 г. (до приезда Ленина) и об «октябрьском эпизоде» Зиновьева и Каменева.

На этот шаг Троцкий пошел вполне сознательно. Во-первых, стремился взять реванш за поражение в дискуссии осенью 1923 г. Во-вторых, он сознавал, что его оттирали от рычагов власти, поэтому и попытался восстановить утрачиваемые позиции.

И на этот раз сделать ему это не удалось. Дискуссия вылилась в жесточайшие споры о ленинском идейном наследии, дооктябрьском прошлом Троцкого, его отступлении от ленинизма, принижении авангардной роли партии в революции и строительстве социализма. В этом противоборстве он не смог противопоставить серьезных контраргументов против выдвинутых обвинений своих противников.

В 1926—1927 гг. Троцкий уже объединился со своими вчерашними противниками, Зиновьевым и Каменевым, до этого возглавлявших организованную в середине 20-х годов «объединенную левую» оппозицию. Ее платформа, как справедливо отмечает Г. Водолазов, фактически представляла собой несколько модифицированную теорию «милитаристского социализма» Троцкого, в которой опять-таки ставились заведомо невыполнимые задачи, а главный упор вновь делался на необходимость «пришпорить» историю, используя все те же методы административно-командного давления на трудящиеся массы [63].

Суть выступления «объединенной левой» оппозиции свелась к обвинению большинства ЦК ВКП(б) в проведении политики отставания развития промышленности от темпов развития народного хозяйства в целом. Наиболее откровенно об этом было заявлено в выступлении Троцкого на апрельском (1926 г.) Пленуме ЦК партии. Троц-

[63] См.: *Водолазов Г.* Выбор истории и история альтернатив. Н. Бухарин против Л. Троцкого // Проблемы мира и социализма. 1988. № 10. С. 61—62.

кий не голосовал за резолюцию Политбюро по докладу Председателя Совнаркома А. И. Рыкова «О хозяйственном положении и хозяйственной политике», посчитав предложенные в ней темпы развития промышленности недостаточными для преодоления возникшей диспропорции. Решение этой проблемы в соответствии с теорией «перманентной революции» Троцкий ставил целиком в зависимость от международной ситуации, развития мировой революции. Страна, говорил он, исчерпала возможности развития, опираясь на старую технику. Она нуждается в новой технике. «Именно поэтому зависимость наша от капиталистической техники будет в ближайшие годы увеличиваться, а не убывать»[64]. Раз так, значит, партии и Советскому государству следует принять действенные меры для того, чтобы темпы индустриализации постоянно увеличивались. За счет каких ресурсов? — спрашивал Троцкий. И отвечал: «Мы находимся в периоде первоначального социалистического накопления, что предполагает высшее напряжение сил и средств для индустриализации. Как молодая буржуазия в соответствующий период первоначального накопления жилы из себя тянула, пуритански урезывая себя во всем, так и мы должны действовать»[65].

Партия и «левая» оппозиция по-разному понимали проблему темпа, саму сущность индустриализации. Это различие вытекало и было обусловлено подходом сторон к решению коренного противоречия в дискуссиях 1926—1927 гг. А именно — разным отношением к вопросу о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. «Почему требуется теоретическое признание построения социализма в одной стране? — спрашивал Троцкий осенью 1926 г. на XV партконференции.— Откуда взялась эта перспектива? Почему до 1925 г. никто этого вопроса не выдвигал?»[66]

Тезис об отрицании возможности построения социализма в СССР в качестве центрального фигурировал в «заявлении 13-ти» и «платформе 83-х», представленных на июльском (1926 г.) Пленуме ЦК, где произошло организационное оформление «объединенной левой» оппозиции. Именно с курсом на построение социализма в СССР оппозиция связывала источники всех бед

[64] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 220, л. 17.
[65] Там же, л. 19.
[66] XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (Б): Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 533.

в развитии страны. «Неправильная политика,— говорилось в «платформе 83-х»,— ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа» [67].

Если партия под быстрыми темпами индустриализации понимала такие максимальные темпы, которые обеспечивали бы неразрывный союз пролетариата с основной массой крестьянства, не отрывали индустриализацию страны от сельскохозяйственной базы и обеспечивали более быстрый рост тяжелой индустрии, подтягивая отстающие отрасли легкой промышленности, то оппозиция считала необходимым проведение политики, получившей название «сверхиндустриализации». Ее составными элементами объявлялись: усиление обложения налогами середняцкого крестьянства (в трактовке оппозиции это выглядело как снижение налогов на 50 процентов с бедняков); повышение цен на товары широкого потребления; изъятие оборотных средств из кооперации.

Политика налогового нажима на середняка, высоких цен на промтовары не только не способствовала бы упрочению союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, но и могла создать для него дополнительные трудности. Повышение цен на промтовары привело бы к автоматическому росту цен на продукты сельского хозяйства и понижению платежеспособности рубля. Наконец, изъятие значительной части оборотных средств из кооперации вело к усилению позиций частного капитала в торговле. Тем самым в лице «объединенной левой» оппозиции большинство ЦК столкнулось с тем, что всегда было характерно для троцкизма: проповедью леворадикальных установок, которые при их реализации вели к прямо противоположным утверждавшимся в них целям — капитуляции перед капиталистическими элементами.

Эта двойственная природа идейно-политической платформы оппозиции не ускользнула от внимания ряда участников XV партконференции. Так, например, прошедший школу «левого коммунизма» Н. Осинский говорил: «Меня крайне неприятно поражает соединение у нашей оппозиции двух постановок вопроса: левокоммунистических конкретных лозунгов и, с другой стороны, отклонения от прямой ориентировки на социализм в конечном счете, в общей постановке вопроса» [68].

[67] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 308, л. 2509.

[68] XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (Б). С. 611.

Естественно, нужно было принять незамедлительные меры против Троцкого и его сторонников. «В этих условиях необходимо было всенародно развенчать троцкизм,— отмечалось М. С. Горбачевым,— обнажить его антисоциалистическую сущность»[69].

С этой целью не раз приходилось проводить внутрипартийные дискуссии. Накануне XV съезда партии (1927 г.) газета «Правда» в «Дискуссионном листке» опубликовала тезисы ЦК по основным обсуждавшимся вопросам и контртезисы оппозиции. В ходе обсуждения этих материалов за тезисы ЦК во всех партийных организациях проголосовали 726 006 коммунистов, за контртезисы оппозиции — 4120 и воздержалось 2676 человек.

Состоявшийся в январе 1925 г. Пленум ЦК ВКП(б) освободил Троцкого от должности председателя Реввоенсовета Республики, назначив на этот пост М. В. Фрунзе. На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в октябре 1926 г. от имени Ленинградской парторганизации С. М. Киров предложил вывести Троцкого из состава Политбюро. В октябре 1927 г. на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкий был исключен из состава ЦК ВКП(б), а 14 ноября за организацию демонстрации приверженцев оппозиции в 10-ю годовщину Октябрьской революции — из членов партии.

Значение поражения троцкизма в рядах ВКП(б) заключалось не только в самом факте исключения Троцкого и его сторонников. Партия, рабочий класс прошли школу идейной закалки. Курс на строительство социализма получил поддержку и признание трудящихся масс.

Но была и другая сторона медали, которая позволяет говорить о еще одном уроке борьбы против троцкизма в ВКП(б). В свое время Ленин, анализируя итоги преодоления в партии «рабочей оппозиции», настоятельно указывал на необходимость отделить в ее платформе «здоровое от нездорового», то есть максимально учесть те позитивные элементы, которые присутствовали в критике ее лидерами деятельности большинства ЦК РКП(б) и могли способствовать оздоровлению ситуации, улучшению массово-политической работы в целом[70]. В отношении троцкистской оппозиции такого учета сделано не было.

Сказалось острое соперничество партийных руководителей за лидерство в партии. Особенно это было

[69] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 397.
[70] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 37.

свойственно взаимоотношениям Сталина с Троцким. Не зря в «Письме к съезду» Ленин указывал, что именно от их отношений во многом будет зависеть устойчивость не только ЦК, но и всей партии. Ни Сталин, ни Троцкий так и не смогли обуздать взаимные вождистские амбиции, преодолеть неприязнь друг к другу. Отсюда нежелание, а в ряде случаев и просто неспособность к поиску взаимоприемлемых решений, стремление доказывать свою правоту не силой аргументов и фактов, а действуя по принципу «кто кого перекричит». В результате в дискуссии вносились нервозность, ожесточенность и другие несвойственные традициям большевистской партийности элементы. Деформировались ленинские принципы внутрипартийной жизни, отмечались обоюдные нарушения резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии».

В борьбе с Троцким — в нарушение Устава партии — в Политбюро и ЦК создавались компактные группы, которые, прежде чем вынести вопрос на обсуждение полномочного органа партии, принимали по нему решение в своем узком кругу. Так, в 1923—1925 гг. были созданы сперва «тройка» (Сталин, Зиновьев и Каменев), затем «семерка» (шесть членов Политбюро — Сталин, Каменев, Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин, то есть все, кроме Троцкого, и плюс еще председатель ЦКК ВКП(б) Куйбышев), представлявшие тайное Политбюро. Имелись и кандидаты в такое Политбюро — Молотов, Калинин, Рудзутак, Дзержинский и другие.

Практика создания группировок продолжалась и в дальнейшем, в ходе борьбы с «объединенной левой» оппозицией. В январе 1926 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), характеризуя сложившуюся в Политбюро и ЦК атмосферу, Троцкий говорил: «У меня глубочайшее убеждение, что в 9 случаях из 10, если бы выработка решения происходила действительно коллективным путем, то или другое замечание, которое хочешь сделать, не имело бы характера борьбы, оно являлось бы деловым замечанием; когда же вопрос уже предрешен большинством, то же самое замечание получает уже неизбежно другой характер. Я, разумеется, не стану повторять, что всякому назначению подчинюсь. Но я должен указать на величайшие трудности, которые есть, а если они не будут устранены в дальнейшем, то, разумеется, для работы положение создается совершенно невозможное»[71]. Показа-

[71] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 209, л. 3.

тельно, что ни один из участников этого заседания не возразил Троцкому по существу.

С целью более тщательной подготовки к борьбе против объединенной оппозиции большинство ЦК нарушило установленную при Ленине ежегодную очередность проведения партийных съездов. XV съезд собрался через два года после XIV. Причем после решения о его проведении партийные активы в Москве, Ленинграде, Ростове, Баку были собраны внезапно. К тому же — с использованием метода тщательного отбора только сторонников линии большинства ЦК, отчего многие представители «объединенной левой» оппозиции не попали на партактивы.

Подобным же образом, когда представлялась возможность, действовали и сами оппозиционеры. На конспиративных квартирах, в других местах они проводили нелегальные собрания. «В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 и 200 человек для того, чтобы выслушать одного из представителей оппозиции,— вспоминал Троцкий.— В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания». По словам Троцкого, в ходе предсъездовских дискуссий на таких собраниях только в Москве и Ленинграде побывало около 20 тысяч человек. Причем правилом было недопущение на собрания представителей ЦК и ЦКК ВКП(б) [72].

Такое недопустимое с обеих сторон ведение партийных дискуссий обусловило «глухоту» ее участников. Каждая сторона хотела слушать и понимать только «своих». Доводы и аргументы «чужих» попросту отвергались без всякой попытки разобраться в них по существу. Вот наиболее типичный пример одного из заседаний Пленума ЦК ВКП(б) (август 1927 г.), позволяющий судить об атмосфере, в которой проходило обсуждение спорных проблем не только на этом Пленуме, но в целом на данном этапе внутрипартийной борьбы. Ее участники рассуждали широко, не стеснялись обращаться к историческим аналогиям, не раз возвращались назад, к уже решенным еще при Ленине вопросам. Так, например, Каменев, критикуя резкость претензий большинства ЦК к «объединенной левой» оппозиции, ссылался на более взвешенный подход к оппозиционерам при Ленине, в частности к сторонникам «военной оппозиции». Их, заявил Каменев,

[72] См.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 277.

никто не считал пораженцами, хотя с ними и велась напряженная борьба.

Голощекин перебил Каменева: «Кто вам написал, что вы читаете?»

Каменев: «А вы просто дурак».

Шкирятов: «Нельзя ли без таких выражений? По-вашему, все дураки, только вы умные».

Голощекин: «Это можно слышать только от глупого человека, который научился языку фашистов».

Каменев: «Вы меня, товарищи, послали к Муссолини» и т. д.[73]

Или еще один образец «взаимной вежливости». На Пленуме с речью выступил Ворошилов. Он рассказывал о деятельности партийных ячеек в Красной Армии. При этом, возражая Каменеву по поводу «военной оппозиции», сторонником которой он являлся на VIII съезде РКП(б), Ворошилов обвинил Троцкого в чрезмерном пристрастии к репрессиям против командного и рядового составов, в расстрелах, в том числе и членов партии. Троцкий не выдержал и, перебив Ворошилова, закричал: «Вы же лжете совершенно сознательно, как бесчестный каналья, когда говорите, что я расстреливал коммунистов». Ворошилов: «Сами вы каналья и отъявленный враг нашей партии...»

Голос: «Призвать к порядку. Канальями называют». Другой голос: «Какие канальи здесь?» Ворошилов: «Ладно, черт с ним». Троцкий: «Что же, меня будут обвинять, что я расстреливал коммунистов, а я буду молчать». Подвойский: «Вы расстреливали коммунистов. Я список расстрелянных представлю»[74].

Ясно, что в такой обстановке трудно было найти даже подобие совместного решения. Это с неизбежностью вело к тому, что, даже когда оппозиция в общем-то правильно ставила вопросы, в частности о недемократических методах руководства группы Сталина, росте вождистских начал в этом руководстве, засилье бюрократизма в партийных и государственных органах, она не находила отклика — не говоря уже о поддержке — у большинства ЦК и партии в целом. Критика лидерами оппозиции группы Сталина, как правило, воспринималась сугубо как стремление оппозиционеров вернуть утрачиваемые позиции.

---

[73] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 317, вып. 1, ч. 1, л. 75—76.
[74] Там же, л. 81.

ССЫЛКА И ЭМИГРАЦИЯ

12 февраля 1929 г. Троцкий направил президенту Турецкой Республики заявление: «Милостивый государь. У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию»[75].

Троцкий действительно оказался на берегах Босфора не по своему желанию.

Еще в начале 1928 г. он оказывается в политической ссылке в Алма-Ате, где продолжает вести оппозиционную деятельность. Только за апрель — ноябрь 1928 г. им было получено около тысячи писем и 700 телеграмм. В ответ он отправил своим сторонникам 800 писем и 500 телеграмм.

На фоне массового отхода от оппозиции ее бывших приверженцев — с XIV съезда ВКП(б) (декабрь 1925 г.) по 1 июня 1928 г. отошло 4350 человек, из них после XV съезда — 3098 человек[76], — упорство Троцкого привело к результатам прямо противоположным тем, которых он добивался: не к оздоровлению внутрипартийного режима, а к еще большему его ужесточению.

В декабре 1928 г. в Алма-Ату был направлен специальный уполномоченный ОГПУ, который вручил Троцкому ультиматум. В нем содержалось требование прекратить руководство «левой» оппозицией. Троцкий категорически отказался его выполнить. В ответ на это 18 января 1929 г. коллегия ОГПУ приняла решение выслать Троцкого за пределы СССР. В 1932 г. Верховный Совет СССР лишил его и тех членов его семьи, которые выехали с ним, советского гражданства. Началась новая полоса в жизни и деятельности Троцкого — его третья политическая эмиграция.

До 1933 г. Троцкий жил на Принцевых островах, близ Стамбула, пока его сторонникам во Франции не удалось добиться разрешения на его въезд в эту страну, где он поселился. Летом 1935 г. Троцкий перебрался в Норвегию, где находился до января 1937 г. Отсюда он, при посредничестве известного художника Диего Риверы получив приглашение президента Мексики Карденаса,

---

[75] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 317.

[76] См.: *Ярославский Е. М.* За последней чертой. Троцкистская оппозиция после XV съезда. М.; Л., 1930. С. 64.

перебрался в Новый Свет. Здесь он обосновался в одном из районов Мехико — Койоакане, где и оставался до последнего дня своей жизни — 21 августа 1940 г.

В эмиграции деятельность Троцкого свелась к созданию организации, которая должна была притянуть к себе всех, кто стоял «левее» коммунистических партий и Коминтерна. Из Стамбула Троцкий разослал во многие страны письма, в которых призывал единомышленников не падать духом, а попытаться изыскать новые формы работы, среди которых главная — создание «интернационалистской левой оппозиции». «Мы идем навстречу столь трудным временам, что каждый единомышленник должен быть нам дорог. Было бы непростительной ошибкой оттолкнуть единомышленника, тем более группу единомышленников, неосторожной оценкой, пристрастной критикой или преувеличением разногласий»[77],— писал Троцкий в первом номере созданного им «Бюллетеня оппозиции».

В начале 30-х годов, общаясь с самыми разными по своим политическим и идейным убеждениям, роду занятий, социальному происхождению и положению людьми, Троцкий отдает предпочтение тем из них, кто в той или иной форме засвидетельствовал ему свою личную преданность. Среди них такие, с кем он еще в годы первой мировой войны разделял центристские, каутскианские позиции, например голландка Г. Роланд-Холст и французский анархо-синдикалист А. Росмер. Среди них оказались выходцы из состоятельных семей, представители средней буржуазии, вроде француза М. Паза. Но особым расположением Троцкого пользовались мелкобуржуазные интеллигенты П. Франк, П. Навиль, А. Розенталь и другие. Эта молодежь, вступив на путь политической борьбы, испытывала одновременно тягу к «левой» фразе и желание участвовать в работе Французской коммунистической партии.

Но даже среди этих лиц Троцкий находил немного таких, кто бы вполне понимал стоявшие перед «интернационалистской левой» проблемы. Как впоследствии писал один из старейшин троцкистов США Дж. Хансен, Троцкий не ставил перед своими новыми сторонниками «слишком больших задач, а предпочитал действовать по пословице: «Брать то, что можно». В русском переводе

[77] Бюллетень оппозиции. 1929. № 1—2. С. 20.

она звучит менее благозвучно, хотя лучше передает смысл: «С паршивой овцы хоть шерсти клок»[78].

В директивных письмах, при личных встречах Троцкий проводил одну и ту же мысль — необходимо приступить к созданию троцкистских партий, а там, где они уже имеются, активизировать их деятельность в рабочем движении. Сам Троцкий сконцентрировал свои усилия на создании «левой оппозиции» во Франции.

Его интерес к этой стране не был случаен. «Трудности и проблемы, с которыми Троцкий столкнулся при создании левой оппозиции во Франции,— писал историк троцкизма Ж. Ж. Мари,— отражали те трудности и проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться при создании интернационалистской левой оппозиции в целом»[79]. Интерес Троцкого к Франции был продиктован тем, что здесь были сильны позиции мелкой буржуазии. К тому же еще до Октября ему удалось обрести сторонников именно среди леворадикальных деятелей французского рабочего движения, с которыми он близко сошелся при издании в 1915—1916 гг. газеты «Наше слово». Эти контакты Троцкий постарался сохранить и позднее, когда, будучи в Коминтерне, принимал участие в составлении ряда документов, имевших отношение к Французской коммунистической партии.

Питательной почвой для создания троцкистских групп во Франции явилось происходившее после первой мировой войны в результате бурного индустриального роста пополнение пролетариата за счет новых рекрутов из промежуточных слоев. В их сознании сохранялись мелкобуржуазные пережитки, проявлялось недоверие к рабочему классу, его авангарду — Коммунистической партии. Многие из этих рекрутов были склонны к анархизму. На такого рода настроениях и играли французские троцкисты. «Не считая Америки,— указывал журнал «Коммунистический Интернационал»,— Франция является международной базой троцкизма»[80].

Здесь с конца 20-х годов возник ряд троцкистских организаций. Это — «Пролетарская революция» во главе с А. Росмером и П. Монаттом, «Круг демократов» Б. Суварина, кружок «Против течения» М. Паза, «Ленинское единство» А. Трена, «Классовая борьба» П. Навиля. По своему социальному составу члены этих групп являлись

[78] Quatrième internationale. 1964. N 21. P. 53.

[79] *Marie J. J.* Le trotskisme — questions d' histoire. Paris, 1970. P. 53.

[80] Коммунистический Интернационал. 1930. № 18. С. 45.

выходцами преимущественно из мелкобуржуазных слоев интеллигенции. Так, среди 50 членов «Круга демократов» лишь трое были рабочими [81].

В начале 30-х годов троцкистские группы уже действовали в США и Германии. Одной из самых многочисленных становится «левая оппозиция» в Греции. В ней насчитывалось около 1400 членов. В Испании Троцкий нашел приверженцев в лице полуанархистски настроенных деятелей Нина и Андрада. В Китае оппозицию возглавил бывший секретарь КПК Чон Дусин. Итальянская группа возникла из бывших сторонников Бордиги. Ею руководил Трессо (Бланко), ранее — секретарь одной из окружных организаций ИКП.

В феврале 1933 г. в Париже состоялась первая конференция «интернационалистской левой оппозиции». В принятом на ней итоговом документе «Интернационалистская левая оппозиция: задачи и методы» отмечалось, что на данном этапе секции оппозиции имелись в девяти странах, причем в семи из них они были созданы лишь за последний, 1933 год. Троцкисты располагали 32 периодическими органами печати в 16 странах. Их материалы печатались на 15 языках. Конференция утвердила 11 пунктов приема в оппозицию. Среди них были: требование отказа от признания возможности построения социализма в одной стране, в частности в СССР, отрицание достижений в развитии народного хозяйства страны, остро критическая оценка социальной политики ВКП(б) и Советского государства, которая представлялась как политика отступления перед капиталистическими элементами, и др.

Факт остается фактом — несмотря на все трудности, Троцкому удалось осуществить задуманное: пусть и не в таких масштабах, как планировалось, но создать группы своих сторонников в ряде стран, которые были в 1938 г. объединены в IV Интернационал, существующий и по сей день.

На пути к созданию троцкистского интернационала Троцкий в многочисленных статьях и книгах («Перманентная революция» (1930 г.), «Сталинская школа фальсификаций» (1932 г.), «История русской революции» (1931—1933 гг.), «Преданная революция» (1936 г.), «Их мораль и наша» (1938 г.) формирует его идейно-полити-

---

[81] *Rabaut J.* Tout est possible! Les «gaushistes» français. 1929—1944. Paris, 1974. P. 45.

ческую платформу, которую известный на Западе исследователь деятельности Троцкого И. Дейчер назвал «новым троцкизмом».

Действительно, в сравнении с 20-ми годами в идейном багаже Троцкого появилось немало новых положений и установок. Центральная среди них — борьба против сталинизма. Некоторые троцкистские и буржуазные исследователи и сегодня убеждены в том, что троцкизм — это антисталинизм.

В 1932 г. Троцкий писал: «Сталин завел нас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину... Надо, наконец, выполнить последний настоятельный совет Ленина: убрать Сталина».

15 марта 1933 г. Троцкий направил письмо в Политбюро ВКП(б) с призывом «возродить партию». При этом он предлагал собственные услуги, с тем «чтобы перевести партию на рельсы нормального развития, без потрясений или с наименьшими потрясениями». После убийства Кирова Троцкий писал о надвигавшемся на партию кризисе. 30 марта 1935 г. он отмечал: «Что-то у них не в порядке, и притом в большом непорядке; «непорядок» сидит где-то глубоко внутри самой бюрократии, вернее, даже внутри правящей верхушки» [82]. Троцкий резко критиковал московские процессы, справедливо считал их мистификацией, фикцией, своеобразным способом сведения счетов Сталина и его группы со своими противниками.

Судя хотя бы по этим фактам, можно сделать вывод, что Троцкий был не лишен стремления к исправлению положения дел в ВКП(б), стране в целом. Почему же к нему вновь, как и в 20-е годы, не прислушались ни в партии, ни в международном коммунистическом движении? Вопрос далеко не простой.

Нам представляется, что предложенная Троцким программа в условиях 30-х годов ставила фактически те же цели, что и «левая» оппозиция в 20-е годы,— навязать отвергнутые ВКП(б), международным коммунистическим движением троцкистские взгляды и представления о переходе от капитализма к социализму, реализации в СССР социалистической перспективы. Борясь против Сталина, Троцкий, по сути, стремился один «изм» — сталинизм — подменить другим, столь же чуждым ленинизму,— троцкизмом.

[82] *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 45, 88—89.

Допускавшиеся группой Сталина провалы в экономической и социальной политике, нарушения социалистической законности, репрессии, свертывание внутрипартийной демократии и другие негативные явления использовались Троцким в качестве доказательства актуальности одного из ключевых положений теории «перманентной революции» — о невозможности построения социализма в одной отдельно взятой стране.

В статье «Новый хозяйственный курс в СССР», справедливо критикуя сталинский авантюризм в экономической политике, Троцкий писал: «Еще и еще раз мы решительно отказываемся от задачи построить в «кратчайший срок» национальное социалистическое общество. Коллективизацию, как и индустриализацию, мы связываем неразрывной связью с проблемами мировой революции. Вопросы нашего хозяйства решаются в конечном счете на международной арене» [83].

Своеобразным было и отношение Троцкого к фактам произвола и беззаконий, творимых группой Сталина. Он фактически первым выдвинул положение, смысл которого определялся пропорцией — чем больше, тем лучше. «Репрессии будут чем дольше, тем больше выдавать результат, противоположный тому, на который рассчитаны: не устрашать, а наоборот, возбуждать противника, порождая в нем энергию отчаяния» [84],— писал Троцкий.

Складывается впечатление, что, приводя на страницах «Бюллетеня оппозиции» четырех-, пятизначные цифры исключенных в ходе партийных чисток, арестованных, отправленных в ссылку, Троцкий как бы хотел сказать: «Жив курилка!»

Раскладывая репрессированных по категориям, он с нескрываемым удовлетворением отмечал, что на первое место выходят «троцкисты». «Даже официальная советская пресса последних месяцев,— писал Троцкий в 1933 г.,— свидетельствует о том, что наши единомышленники мужественно и не без успеха ведут свою работу» [85]. Именно они — а по расчетам Троцкого, их насчитывалось в СССР несколько тысяч — призваны составить ядро новой, возрожденной ВКП(б), а ее программой должна стать программа совершения политической революции в СССР.

[83] Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. С. 8.
[84] *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 44.
[85] Бюллетень оппозиции. 1933. № 36—37.

Выдвижение этой идеи весьма симптоматично. По мере укрепления существовавшего в СССР строя Троцкий пришел к выводу, что предлагавшейся им ранее политики реформ этого строя, центральным пунктом которой было требование устранения Сталина, уже недостаточно. «Устранение Сталина лично означало бы сегодня не что иное, как замену его одним из кагановичей, которого советская печать в кратчайший срок превратила бы в гениальнейшего из гениальных» [86].

В книге «Преданная революция» (1936 г.) Троцкий писал: «Речь идет не о простой замене одной команды руководителей другой. Речь идет об изменении самих принципов управления экономикой и культурой... Нужна вторая революция».

Разумеется, ни от Сталина, ни от других деятелей ВКП(б) и коммунистического движения не укрылся главный смысл «нового троцкизма». Осознание его сущности, казалось бы, давало Сталину шанс для идейного развенчания Троцкого. Сталин, однако, не воспользовался этим шансом. Ему нечего было противопоставить. Исповедовавшаяся им концепция социализма, хотя на словах и представлялась претворением в жизнь ленинского плана социалистического строительства, на деле была крайне далека от взглядов Ленина на социализм как общество самоуправления трудящихся, развития их инициативы и творчества. Сталин на практике фактически реализовал установки Троцкого начала 20-х годов — создал командно-административную систему, опиравшуюся на насилие и репрессии в отношении всех классов и слоев советского общества, на внеэкономическое принуждение ряда категорий трудящихся, свертывание социалистического принципа распределения: «От каждого — по способностям, каждому — по труду», ограничение экономических рычагов в управлении народным хозяйством, насаждение культа личности и др.

В результате в идейном отношении критика Сталиным Троцкого свелась к «войне цитат», навешиванию ярлыков, обвинениям в шпионаже, диверсиях, вредительстве. А в организационном — к физической расправе над всеми, кто подозревался в принадлежности к троцкизму, в том числе и к расправе над их идейным вдохновителем.

В октябре 1936 г. в «Бюллетене оппозиции» утверждалось: «Сталину нужна голова Троцкого — это его главная

[86] Бюллетень оппозиции. 1936. № 52—53. С. 19.

цель». Первые признаки готовившейся ликвидации Троцкого дали себя знать уже в 1937 г. В сентябре в Швейцарии, в окрестностях Лозанны, был убит Игнаций Райсс, сотрудник НКВД, симпатизировавший Троцкому. За два месяца до гибели он отправил письмо в ЦК ВКП(б), где призывал к решительной борьбе против сталинизма. «Райсс пал как один из героев IV Интернационала» [87],— говорилось в редакционной статье «Бюллетеня оппозиции».

В конце 1937 г. Троцкий узнал еще об одной жертве — в мае в Испании исчез 34-летний чешский гражданин Эрвин Вольф, личный секретарь Троцкого. По всей видимости, в Испании он оказался с целью налаживания контактов с ПОУМ — организацией, деятельность которой хотя и критиковалась Троцким, по своим идейно-политическим позициям и методам работы была близкой к троцкистским и анархистским группам. 13 июля 1938 г. в Париже при загадочных обстоятельствах пропал гражданин Германии Рудольф Клемент, один из технических секретарей IV Интернационала, также бывший в 1933—1935 гг. секретарем Троцкого.

В том же году в Мехико была предпринята первая попытка покушения уже на самого Троцкого. На виллу в Койоакане под видом посыльного, принесшего подарок, пытался проникнуть подозрительный человек. Его не пустили. Однако «посыльному» удалось скрыться. При этом неподалеку от дома им был оставлен пакет со взрывчаткой.

Троцкий понял, что круг замкнулся. Он начал всерьез задумываться о самоубийстве. Каждый день начинался им с фразы: «Они нас не убили этой ночью. Они подарили нам еще один день».

Убийцей Троцкого стал человек с паспортом на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона, он же — бельгийский подданный Жак Морнар, туристом прибывший в США. Однако эти имена, фамилии, гражданство были фальшивыми. Убийцей оказался испанец Рамон дель Рио Меркадер.

Он вошел в доверие к близким друзьям Троцкого, которые и ввели его в дом. Вечером 20 августа 1940 г. Меркадер, до того уже несколько раз посещавший Троцкого, оставшись с ним наедине, нанес ему альпийской киркой удар в затылок — настолько сильный, что

[87] Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 2.

вмятина в голове составила почти 7 сантиметров. На следующий день Троцкий скончался.

Одним из тех, через кого непосредственно осуществлялась операция по ликвидации Троцкого, был полковник НКВД Н. Эйтингон. Он завербовал мать Меркадера—Каридад, а с ее помощью привлек к «делу» и сына. В 1939 г. в Париже Эйтингон («незнакомец», по показаниям Меркадера в мексиканском суде) вручил ему паспорт на имя канадца Джексона. Паспорт действительно принадлежал гражданину Канады, но югославу по происхождению, Бабичу, погибшему в Испании бойцу интербригад. Подделка паспорта была совершена настолько небрежно — в фамилии Jackson пропустили букву «к»,— что остается только гадать, как ни французские, ни американские, ни мексиканские власти не заинтересовались личностью «канадца» с таким документом и с такой типично южноевропейской внешностью.

Эйтингон через мать Меркадера передал ему 5 тысяч долларов для поездки за океан. В день убийства Троцкого Эйтингон и Каридад ждали Меркадера неподалеку от виллы в Койоакане, готовые вывезти его по отработанному заранее маршруту. Не получилось. Меркадер был задержан на месте убийства и предан суду.

Но они не оставили его на произвол судьбы. Сперва помогли с адвокатами, а после того как суд приговорил Меркадера к высшей по мексиканским законам мере наказания — 20 годам заключения, как могли, облегчали ему отбывание срока.

В 60-х годах, после освобождения из тюрьмы, Меркадер жил на Кубе, затем в Праге, Москве, потом снова на Кубе. Здесь, в Гаване, как сообщалось в печати, в октябре 1978 г. после почти полутора лет болезни Меркадер умер[88]. Из жизни ушел человек, который многое прояснил бы в убийстве Троцкого. Хотя не исключено, что и он мог не знать всех обстоятельств подготовки и организации совершенного им же преступления.

ТРОЦКИЗМ БЕЗ ТРОЦКОГО

Убийство Троцкого не положило конец основанному им идейно-политическому течению. И это лишний раз свидетельствует о том, что троцкизм возник не на пустом месте, что были, есть и остаются определенные

[88] Le Monde. 1978. 21.X.

предпосылки для его существования. Исследование этих предпосылок — одна из важнейших задач современного исторического познания.

После своего возникновения в 1938 г. IV Интернационал претерпел несколько расколов, и в настоящее время известно по крайней мере несколько группировок, выступающих под флагом троцкистского Интернационала. Их сторонники имеются в более чем 60 несоциалистических странах, прежде всего в тех, где сильны традиции мелкобуржуазного радикализма (ряд стран Латинской Америки, Франция, Испания, Италия), где коммунистическим партиям приходится действовать в очень непростых условиях (США, Великобритания). За последние годы появились троцкистские группы в Австралии и Новой Зеландии. Общая численность этих групп во всем мире сравнительно невелика — около 100 тысяч человек (не забудем, что в конце 30-х годов троцкистов было не более 3 тысяч), но влияние троцкистской идеологии неизмеримо сильнее, чем численность троцкистов. Так, например, во Франции за кандидатов троцкистских групп на выборах в разные органы власти голосуют от 500 тысяч до одного миллиона избирателей. Та же картина наблюдается и в некоторых других странах (Великобритания, Перу, Колумбия).

Общим для всех группировок IV Интернационала является стремление вербовать сторонников преимущественно в мелкобуржуазной среде, из представителей городской интеллигенции, в развивающихся странах — крестьянства, студенчества. Предпочтение, отдаваемое троцкистами этим слоям, в особенности студентам и молодежи, понятно. Выражая недовольство собственным положением в обществе, они не всегда располагают необходимым опытом политической борьбы и могут увлекаться радикальной на первый взгляд идеологией троцкизма.

В 80-е годы многие троцкистские группы высказываются за перенесение центра тяжести в работе из университетов на заводы. Например, в ФРГ появилась троцкистская «Социалистическая рабочая газета», которая объявила себя «свободным органом всего рабочего класса Германии».

Троцкисты пытаются использовать женщин-работниц, подвергающихся двойной дискриминации — в отношении оплаты труда и профессионального продвижения. Они ищут подходы и к другим наиболее угнетенным слоям

буржуазного общества: неквалифицированным или малоквалифицированным рабочим, сельскому пролетариату, иностранным рабочим, безработным и др. В этих категориях населения троцкисты видят «широкий слой боеспособных активистов», наиболее расположенных к усвоению теории «перманентной революции». Ведь всем им свойственно стремление к немедленным переменам, без ясного представления о путях их достижения и формах борьбы, о главных виновниках их бедственного положения.

Троцкисты обращаются (не всегда безуспешно) и к тем, кто уже прошел определенную школу классовой, политической борьбы, будь то в рядах коммунистических или социалистических партий, профсоюзов, молодежных и антивоенных организаций. «Мы,— считают лидеры «рабочей борьбы»,— переживаем период, когда необходимо рекрутировать людей из тех, кто готов бороться за революцию, из сознательных трудящихся, которые находятся пока в рядах коммунистических и социалистических партий, но недовольны политикой их руководства» [89].

Ведя поиск новых форм работы и идей, троцкисты не могут не считаться с тем, что отход от теории «перманентной революции» грозил бы подрывом идеологии и практики троцкизма в целом. Поэтому, стремясь к обновлению троцкистской теории, они неизменно подчеркивают и свою приверженность троцкизму 20—30-х годов. Вот как это делают австралийские сторонники «объединенного секретариата IV Интернационала»: «В течение уже некоторого времени мы не называем себя троцкистами... Мы чаще всего не употребляем этот термин (троцкизм.— *Н. В.*) в своей печати. Но он остается частью нас самих по одной очень важной причине. Эта причина — вклад Троцкого в марксизм. Мы не собираемся отвергать или забывать, каким он был великим революционером. Мы будем продолжать изучать его достижения» [90].

Однако современные троцкисты далеко не всегда изучают именно достижения Троцкого как революционера, снискавшие ему похвалы Ленина и уважение в партии и Коминтерне. Как правило, они тяготеют к опоре на тот его опыт, который лучше бы не ворошить, целиком

---

[89] Rouge. 1985. 24—30. X.
[90] Direct Action. 1984. 12. II.

оставив прошлому. Они упорно держатся за ключевое положение теории «перманентной революции» о невозможности революций и построения социализма в отдельных странах.

Непоследовательной является реакция троцкистов на перестройку в СССР. На словах — они за перемены, хотя и вкладывают в них свое содержание, подразумевая под перестройкой осуществление тезиса Троцкого о «политической революции» в СССР. На деле же — проповедуют идеи о том, что осуществятся реформы или нет, советский режим будто бы останется враждебным трудящимся массам.

Взаимоисключающими выглядят заявления троцкистов и по поводу решения главного глобального вопроса современности — предотвращения мировой термоядерной войны. Они выступают за сохранение мира, но «революционными средствами». Отсюда политика мирного сосуществования квалифицируется ими как «сговор» сверхдержав, «уступка» мировому империализму, а борьба за разоружение — как «мелкобуржуазный пацифизм».

Хотя троцкисты продолжают подвергать нападкам политику коммунистических и рабочих партий, национально-освободительное движение, им не чуждо проведение тактики «критической поддержки» коммунистических, а в ряде стран — социалистических партий, широких левых союзов и коалиций. Суть этой тактики сводится к попыткам противопоставить руководство левых партий и объединений их рядовым членам, с тем чтобы оторвать часть из них и повести за собой.

Метаморфозы современного троцкизма свидетельствуют о стремлении его лидеров вывести троцкизм из политической изоляции, изменить прочно укоренившееся представление о нем как сектантском и экстремистском течении.

Такое мнение у автора этого очерка укрепилось во время встречи с историками и теоретиками современного троцкизма на симпозиуме «Троцкий и современность» (март 1990 г., ФРГ). В своих выступлениях Э. Мандель, П. Бруе, Ж. Ж. Мари, М. Пабло (Раптис), Л. Мейтан говорили о необходимости преодоления негативного наследия троцкистского прошлого, высказывались за критическое отношение к его догмам.

Это не может не сказываться на отношении к троцкистским группам других левых партий и организаций. Известны случаи политического сотрудничества с ними

коммунистических и социалистических партий, антивоенных организаций и движений в ряде стран Западной Европы, Латинской Америки, в Австралии.

Таков в самом сжатом виде политический путь Троцкого и созданного им течения — троцкизма. Троцкий — одна из самых противоречивых фигур в истории российского и международного революционного движения, революционер, партийный и государственный деятель первого в мире государства трудящихся. Что поучительного в его многогранном и далеко не однозначном опыте? Там, где Троцкий проявлял себя как признанный лидер масс, ответственный руководитель партии и Советского государства, его деятельность нам близка и понятна. Там же, где он линии партии, ленинизму противопоставлял собственные концепции и личные амбиции, его дороги расходились с партией. Такова логика исторического развития.

* * *

В настоящее издание включены работы (фрагменты) Л. Д. Троцкого, тематически объединяющие вопросы, вынесенные в его название. Этот выбор обусловлен актуальностью темы, многих идей, заложенных в ней, желанием дать читателю картину эпохи громадной исторической значимости, попытаться понять место Троцкого в революции, его отношение к ее урокам, путям и методам строительства нового общества.

В сборнике содержится материал, дающий возможность, что называется, из первых рук получить представление об основных чертах троцкистской теории «перманентной революции», истоках и содержании троцкизма как идейно-политического течения, которое и по сей день существует в международном рабочем движении.

Разумеется, это только первый шаг на пути к знакомству широкой читательской аудитории в таком объеме с наследием Троцкого. Существовал минимум цитат, на который имелось «высочайшее» разрешение, и вокруг них исследователям позволялось делать определенные комментарии. Ясно, что вся эта запретительность нанесла громадный урон исторической и историко-партийной науке в особенности. Мы значительно отстали от западных, в первую очередь буржуазных, исследователей в изучении деятельности Троцкого и троцкизма.

В 50-е годы были допущены некоторые послабления. Ряду историков, связанных с подготовкой многотомной «Истории КПСС», предоставили возможность познакомиться с архивными материалами Троцкого и его ключевыми произведениями. Именно тогда некоторые документы и были введены в научный оборот. К сожалению, дальше этих попыток — поставить изучение темы «Троцкий и троцкизм» на научную основу, опираясь на работы самого Троцкого,— дело не пошло.

Перестройка качественно меняет положение дел и в области историко-партийных исследований. В настоящее время все без исключения произведения Троцкого, увидевшие свет до 1929 г.— года высылки за пределы СССР, возвращены из спецхрана. Сложнее с теми работами, которые опубликованы в его третьей эмиграции.

Тридцатые годы были годами особенно яростной борьбы Троцкого со Сталиным. И эта сторона его деятельности, безусловно, важна сегодня, потому что Троцкий ярко и убедительно разоблачил сталинизм. Видимо, наступает такой момент, когда эти работы будут изданы без всяких купюр.

Но Троцкий в своих произведениях поднимал и другие важные темы, например деятельность Коминтерна, международного рабочего движения, различных коммунистических партий, их руководителей и др. Должны отметить, что эти работы, несущие на себе печать страстной полемики, в ряде мест переходят в тенденциозные оценки, в превратные толкования событий. И это обстоятельство должно быть принято во внимание при знакомстве с книгой широкого круга читателей.

Но как бы мы ни относились к наследию Троцкого, ясно, что без знакомства с его идеями и деятельностью будут неполными, урезанными и наши представления не только о недавнем историческом прошлом, но и о сложном, многогранном процессе выработки революционных и социалистических идей и в особенности их практической реализации.

Работы в книге расположены в хронологическом порядке. Правописание слов приводится в соответствии с новой орфографией. Пропуски слов в тексте и отточия от составителя взяты в квадратные скобки. В конце книги даны примечания.

Итак, читаем Троцкого...

НАШИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

(Тактические и организационные вопросы) [1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тяжелым годом был последний год нашей партийной жизни.

Подумать только, что, в то время как революционный пролетариат всего мира с ожиданием смотрит на нашу партию, перед которой история поставила грандиозную задачу: разрубить узел мировой реакции, русские социал-демократы как бы не знают других задач, кроме задач мелочной внутренней борьбы, не знают других вопросов, кроме вопросов юридической «компетенции», не видят других перспектив, кроме перспектив партийного раскола... Какой ужас!

Какой душераздирающий трагизм в том факте, что широкие круги партии — под отдаленные раскаты надвигающейся исторической бури — копошатся в организационных мелочах, заподозревают старейших и лучших товарищей, идущих в первых рядах международной социал-демократии, в теоретических грехах, которых обвинители не способны даже формулировать, призывают к крестовому походу против половины партии, отмежевывают себя от своих единомышленников, стоящих за примирение с крылом «оппозиции», и готовы, далее, объявить непримиримую войну не только активным «примирителям», но и всем тем, которые снисходительно относятся к «примирительству».

В такой кошмарной атмосфере мы прожили целый год... Раскол временами казался неизбежным... Все чувствовали ужас положения, почти сознавали преступность раскола, но никто не мог вырваться из стальных тисков истории... [2]

Острый период прошел. Сторонники партийного единства имеют теперь право с уверенностью глядеть вперед. Единичные фанатики раскола, еще так недавно импонировавшие своей «непримиримостью», вызывают теперь

резкий отпор даже со стороны своих вчерашних единомышленников.

Наша партия явно подошла к поворотному пункту в своих внутренних отношениях и, как мы думаем, во всей своей революционной деятельности. Этот поворот ознаменуется прежде всего организованным умиротворением, которое создаст возможность концентрации всех работоспособных сил вокруг общепартийных задач. Внутреннее умиротворение, которого жаждут все здоровые элементы партии, означает в первую голову организационную смерть так называемого «меньшинства».

Мы, представители «меньшинства» [3], без всяких скорбных чувств смотрим в глаза этой смерти, ибо она, как это ни странно на первый взгляд, целиком входила в наши планы. Мы ни на минуту не задавались целью перетянуть всю партию в «меньшинство». Это не только противоречило бы этимологическому смыслу нашего наименования (партия не может быть в «меньшинстве»!), но и шло бы вразрез с теми задачами, на почве которых организационно сложилось «меньшинство».

Только на первый взгляд сказанное кажется парадоксом.

«Меньшинство», как неофициально организованная часть официальной партии, боролось против известного партийного режима, вытекающего из совершенно фанатических представлений о путях партийного развития. По этим представлениям, партия развивается не путем выживания наиболее прогрессивных программных, тактических и организационных оттенков и течений, но исключительно путем логического извлечения уполномоченным на это Центральным Комитетом (или Органом, или Советом) — к сведению и руководству партии и пролетариата — новых тактических и организационных выводов из известных теоретических посылок. Это чисто рационалистическое представление порождает своеобразный формальный ригоризм, которому всякое «скопление» инакомыслящих элементов представляется явлением болезненным, чем-то вроде организационного нарыва, требующего вмешательства руки авторитетного оператора и применения ланцета.

Мы не будем касаться (ни в предисловии, ни в брошюре) различных эпизодов почти годовой организационной сутолоки. По этому вопросу существует уже целая литература, успевшая набить всей партии оскомину. Для нас важно в данном случае лишь то, что «меньшин-

ство» завоевало для себя, а так как кампания его велась под принципиальным знаменем, то, значит, и для других оппозиционных течений на предыдущие времена — право гражданства. Последнее заявление Центрального Комитета [4], как бы подводящее итог происшедшей перемене в партийном сознании и представляющее — если мы верно понимаем намерения его составителей — решительный шаг в сторону подлинного объединения партии, окончательно и, надо надеяться, бесповоротно сдает в архив приемы и методы «осадного положения». Но смерть этого режима означает вместе с тем и организационную смерть «меньшинства». «Ныне отпущаеши...» — может облегченно сказать это последнее, растворяясь в партии. «Ныне отпущаеши!..»

Рядом с борьбой против определенной внутрипартийной политики «меньшинство» — или, вернее, небольшая, в особо благоприятные условия поставленная часть его — подвергало пересмотру политическую практику партии и искало новых тактических путей. Организационная смерть «меньшинства» не означает уничтожения сделанных им в этой области приобретений. Наоборот. Мы питаем твердую уверенность, что разрушение исторически возникшей организационной стены между двумя частями партии позволит сконцентрировать все силы ее для дружной переработки нашей партийной практики, для совместного разрешения новых, выдвинутых нашим собственным политическим ростом тактических задач.

Эта брошюра и представляет собою попытку привлечь внимание товарищей, утомленное и притупленное наполовину схоластическими организационными дебатами, к вопросам политической тактики, с которыми связана вся дальнейшая судьба нашей партии.

Но не одни вопросы тактики составляют содержание предлагаемой работы.

Тяжелые внутренние трения последнего года скомпрометировали лишь определенные *практические приемы* «внутренней политики», не выдержавшие объективного испытания «жизни»; но *принципиальные предрассудки*, связанные с этими практическими приемами и на их почве выросшие, все еще остаются хозяевами широких сфер партийной мысли. Мы не сомневаемся, что эти предрассудки в конце концов погибнут, но мы считаем своей теоретической обязанностью оказать им в этом самое активное содействие.

Нам пришлось поэтому посвятить часть нашей брошюры последней книжке тов. Ленина — «Шаг вперед, два шага назад», в которой разрозненным предрассудкам придано подобие системы. Признаемся, мы выполнили эту часть работы крайне неохотно. Хотя и до выхода названной книжки мы не сомневались, что ничего внушительного тов. Ленин не сможет сказать в защиту своей позиции, ибо позиция, занятая им, совершенно безнадежна, но все же такой бедности мысли, какую он обнаружил, мы не ожидали [5]. Первым движением по прочтении брошюры было: простой переход к очередным делам! Но по здравом размышлении, суть которого мы выше изложили, пришлось *простой* переход заменить *мотивированным:* нельзя перескочить через известное состояние партийного сознания.

Разумеется, читатель, который считает себя совершенно свободным от организационно-бюрократических и «якобинских» предрассудков, может ограничиться первыми двумя отделами брошюры.

В течение тех месяцев, когда писалась эта работа — а писалась она частями *,— мысль: не время! — не раз сковывала пассивностью руку...

В то время как издыхающий царизм пытается подкупить представшую перед ним в лице Японии буржуазную Немезиду, сжигая на ее жертвеннике силы и средства истерзанной нации, в то время как внизу, в народных глубинах, идет невидимый, но неотвратимый молекулярный процесс накопления революционного гнева, который, может быть, завтра прорвется наружу с элементарной силой стихии, снося — как полые вешние воды смывают мосты и запруды — не только полицейские заставы, но и все постройки нашей муравьиной организационной работы, в то время, когда своевременна, по-видимому, лишь одна наука — наука восстаний, когда уместно одно искусство — искусство баррикад,— в это время сражаться с организационными предрассудками, распутывать теоретические софизмы, писать о новых вопросах тактики, искать новых форм развития самодеятельности пролетариата... в такую беспримерную минуту истории!..

Не время! — отвечает уверенный голос социал-демократического сознания и — побеждает.

Время! Всегда — время!

* Это отразилось и на содержании и на тоне отдельных ее глав. Кое-что из содержания брошюры было в различной связи высказано за это время другими авторами в «Искре».

Никому не дано знать времена и сроки, и каждый час, каждую минуту, которые остаются еще до решительного дня, мы должны использовать для самокритики, для своей политической подготовки к такому участию в решительных событиях, чтоб оно было достойным великого класса, с которым мы связали свою революционную судьбу.

Никому не дано знать времена и сроки. Если, вопреки всем вероятиям, смертный час самодержавия отступит, если надвинется новый период «затишья», который сметет с политического поля появившиеся на нем в период подъема оппозиционные и революционные группы, мы, социал-демократы, останемся на своем месте, в рядах пролетариата, и будем выполнять свою великую работу. Реакция, как и революция, не может отвлечь нас от наших исторических задач [...]

23 августа 1904 г. *Н. Т.*

ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Содержание нашей деятельности в пролетариате

Да, нет сомнения, нас ждут интересные боевые годы, готовятся дух захватывающие события, но сейчас нам необходимо во что бы то ни стало выбиться из того тупика, в котором вот уже год бьется наша партия. Комитетская работа в необычайно жалком состоянии. Организационные связи с массой ничтожны. Политического «контакта» с массой почти нет вовсе. Речи о пролетариате как авангарде общедемократического движения все более и более начинают резать ухо, как политическая фальшь. Для всякого социал-демократа, умеющего политически мыслить, должно быть из всего этого ясно, что в нашей работе существует какой-то глубокий порок, либо унаследованный нами от «экономизма» [6], либо же благоприобретенный в период «Искры», «порок», который не дает нам выпрямиться во весь рост. Наивно думать, что внутренние трения — причина застоя. Они только его симптом.

Отвлечемся на время от партийных разногласий, от организационных столкновений, взаимного «бойкота», оглянемся на содержание нашей партийной работы, и оно поразит нас не только своей количественной, но и своей качественной бедностью... Все поле нашей деятель-

ности покрыто разной величины белыми листками, на которых напечатаны общие мысли о необходимости низвергнуть самодержавие — «во имя социализма». Листки эти называются прокламациями. Совокупность этих прокламаций называется почему-то Российской социал-демократической рабочей партией... Разве это не так? [...]

Если партия есть организованное *сознание* и организованная *воля* класса — а мы имеем право ее так определить,— то ясно, что условием ее развития является систематическое упражнение *обоих* этих качеств. Более или менее правильно воздействовать на *сознание* пролетариата путем «массового» распространения социал-демократической литературы еще не значит строить пролетарскую партию. Ибо партия есть не только организованное *сознание* класса, но и его организованная *воля*. Партия начинается там, где мы на почве достигнутого уровня сознания путем целесообразных тактических приемов организуем политическую волю класса. Партия способна неудержимо расти и развиваться только при взаимодействии «воли» и «сознания», когда каждый тактический шаг, организующий в форме того или другого политического «оказательства» волю наиболее сознательных элементов класса, тем самым неизбежно повышает их политическую восприимчивость, толкает к ним новые слои вчера еще не затронутой пролетарской целины и, таким образом, подготовляет материальный и идейный базис для новых, более решительных и политически веских, более выразительных со стороны классового характера тактических шагов...

Если мы оглянемся на содержание нашей *работы* — не только на «содержание» нашего сознания, нашей программы или нашего Центрального органа, то мы увидим стоящую над пролетариатом «партию» (то, что считают партией тов. Ленин и его единомышленники), вернее сказать — организацию, на три четверти, если не девять десятых, состоящую из марксистской интеллигенции, руководящую примитивными проявлениями классовой (экономической и политической) борьбы пролетариата и, сверх того, совершающую время от времени походы «во все классы населения»... то есть участвующую в политической борьбе радикальной буржуазии. Скажут, что это каламбур или, еще хуже, литературная передержка. К несчастью, практика комитетской работы как нельзя более точно соответствует этой «передержке». Комитеты «руководят» (хотя, как мы уже говорили, они все более

и более разучиваются этому искусству) примитивными проявлениями экономической (стачки) и политической (полустихийные демонстрации с неопределенными революционными лозунгами) борьбы пролетариата и, кроме того, в той или другой форме «ходят во все классы общества» — чаще всего в форме прокламаций... Это все.

Некоторые товарищи с гордостью указывали на то, что изгнание Пронина и Степанова с «технического» съезда было подготовлено Петербургским комитетом партии. Я охотно допускаю это. Но этот факт лишь с избыточной полнотою подчеркивает правильность сделанного анализа. Петербургский комитет без участия и даже без ведома сознательного петербургского пролетариата вступает в известное соглашение с радикальной интеллигенцией. Мы не сомневаемся, что своим вмешательством — может быть, даже своей инициативой — в изгнании двух кишиневских громил Петербургский комитет сделал хорошее дело. Он оказал услугу радикальной интеллигенции, которая при его помощи сплотилась на известном лозунге, почувствовала свою силу, сделала шаг вперед в своем политическом развитии. Поддержав своей инициативой и практическим содействием демократическую интеллигенцию, Петербургский комитет поддержал тем самым дело общедемократической борьбы с абсолютизмом. Но нельзя же закрывать глаза на то, что пролетариат, живой петербургский пролетариат стоял при этом совершенно в стороне и лишь после, когда было уж поздно, спрашивал посланное к нему от «партии» лицо: «Что же *нам* теперь делать?» Группа «профессиональных революционеров» шла не *во главе* сознательного пролетариата, она действовала, поскольку действовала, *вместо* пролетариата.

Совершенно ясно, что эта практика *политического заместительства* очень далека от практики социал-демократической и гораздо полнее покрывается программой «Credo», чем даже практика «экономизма». Последняя сознательно ограничивалась руководством примитивными («тред-юнионистскими») требованиями рабочего движения. Теоретики «Credo», считаясь с отсутствием самостоятельной политики пролетариата, как с непреодолимым при русских общественно-политических условиях фактом, делали надлежащий вывод, требуя от социал-демократической интеллигенции выполнения ею *ее* гражданских обязанностей в форме активного участия в политической жизни, что — при отсутствии самостоятельной

политики пролетариата — и не могло означать ничего иного, кроме участия в оппозиционной политике либеральных элементов общества. С этой точки зрения нежелание марксиста раствориться в буржуазной оппозиции означало лишь доктринерское упрямство и «существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач» «Credo». «Экономисты» были непоследовательны и в массе своей проявляли именно такое «упрямство».

Что же сделали пришедшие им на смену «политики»? Они прибавили к ухудшенной ими в одном отношении и улучшенной в другом практике «экономизма» выполнение второй — по существу, буржуазной — задачи, выдвинутой «Credo». И — как это ни поразительно — люди, которые без ужаса не могут слышать самого имени Credo, выполняют такую работу, что авторы «Credo» могли бы сказать: «Они пришли не нарушить наш закон, но исполнить» [...]

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Диалог (По Сократу)

— Скажите,— с соболезнованием спрашивает ваш собеседник, если он добрый, и со скрежетом, если злой (последнее бывает чаще),— вы против организационного плана Ленина?

— А что вы понимаете под организационным планом Ленина?

Минута замешательства.

— Устав?

— Нет, зачем же,— обижается слегка собеседник,— это «меньшинство» только, считающее нас «бюрократическими централистами», думает, что для нас устав — все. Дело не в уставе, а во всем организационном плане...

— Вы о «Письме» Ленина к петербургскому товарищу говорите?

— Ну хотя бы и об этом письме. Да и в «Что делать?» прежде всего... изложен, так сказать, организационный план.

— В чем же он состоит?

— Да позвольте... что вы...— выходит наконец окончательно из себя ваш собеседник,— как — в чем? — организационный план... план Ленина!..

— Ну да, план, план, план Ленина!

— Вот прекрасно! Все и всегда говорили: организационные планы Ленина, у Ленина есть план... А теперь — вдруг: в чем он состоит?

— Да и про генерала Трошю[7] (это во время осады Парижа было) все говорили: «У него есть план... Трошю имеет план...» А весь-то план его был — отдать Париж пруссакам. Нет, вы мне определенно скажите: в чем состоит организационный план Ленина?

— Да я не могу так... сразу... Вы прочитайте «Что делать?».

— Читал... Ну так хоть не весь «план», а только основные принципы укажите.

— Основные принципы — это другое дело... Например, разделение труда... конспирация... дисциплина... и вообще централизм... чтобы Центральный Комитет мог контролировать... ну то, что называется «организация профессиональных революционеров»... и против демократизма... вот принципы.

— Ну, прекрасно. Вы вот говорите: разделение труда. Согласен, очень почтенная вещь, оказала большие услуги социальному прогрессу. Но разве этот принцип провозглашен Лениным? Помилуйте, еще все политико-экономы мануфактурного периода разъяснили выгоды разделения труда. Адама Смита[8] откройте. Какие он развертывает волшебные булавочные перспективы! Право же, я никак не могу с вами согласиться, будто Ленин изобрел разделение труда, вроде того, как некоторые мифологические персонажи изобретали земледелие, скотоводство, торговлю... Понимаю, понимаю, вы хотите сказать, что Ленин провозгласил применение этого принципа у порога «четвертого периода»? Пусть так. Но неужели же вы думаете, что «меньшинство» отрицает «принцип» разделения труда? Или «принцип» конспирации?

— Не знаю... Однако же Аксельрод[9] пишет о «колесиках» и «винтиках»... И я думаю, что прав Ленин, который говорит, что «меньшинство» выдает с головой свою мелкобуржуазную природу, когда испускает трагикомические вопли против разделения труда под руководством центра...

О «воплях» «меньшинства» я поговорю сейчас, и поговорю подробно. Но прежде чем этим заняться, я ставлю вопрос. Может ли разделение труда быть или считаться принципом нашей, социал-демократической партийной организации? Разделение труда технически выгодно, но

выгодно не только для *социал-демократической,* а и для всякой другой партии, выгодно для любой канцелярии, для магазина... Если разделение труда может рассматриваться как *организационный принцип,* то только по отношению к мануфактуре, никак не по отношению к политической партии вообще, к нашей — в частности. Разве не очевидно для вас, что «принцип» разделения труда ничем не характерен для организации, ставящей себе задачей развитие классового сознания пролетариата,— взятый сам по себе, этот «принцип» обезличивает нашу партию, сводя ее попросту к сложной кооперации. Далее, *конспирация.* Это уже более узкий принцип, имеющий исключительно *политический смысл.* Но и конспирация ничем внутренне не связана с социал-демократической партией. Конспиративно работать приходилось и приходится главным образом буржуазно-революционным партиям. Значит, вы должны согласиться, что и конспирация не может быть организационным принципом нашей партии *как таковой.* То же самое нужно сказать и *о централизме.* Централизована фабрика, централизовано государство, централизован заговор. Что же в централизме «ортодоксального»? Вы не упомянули в вашем перечне ленинских «принципов» *централизации руководства и децентрализации ответственности»* [...] Не буду останавливаться на них и я. Скажу лишь, что они выражают, повидимому, ту самую идею, которую покойный аббат Сийэс[10] положил в основу своей конституции: *«Доверие должно идти снизу* (=децентрализация ответственности), а *власть сверху* (=централизация руководства)». Значит, и в этих «принципах» пролетариат не найдет себя. Словом, если соединить все то, что вы называете «организационными принципами» Ленина, то получится *сложная централизованная кооперация, конспиративно преследующая какие-то политические цели.* Но социал-демократической организации еще не будет. В лучшем случае, она этим определением не исключена, она — одна из возможностей. В лучшем случае мы имеем перед собой только организационную алгебраическую формулу, которая может получить социал-демократическое содержание, если на место букв поставить определенные числовые значения. Но сам «план» этих определенных числовых значений не включает... Один товарищ произвел следующий любопытный опыт: на всем протяжении «Письма к петербургскому товарищу» он заменил слово *социал-демократ* словом *социалист-революционер.* И ни разу не впал

в противоречие. А попробуйте проделать эту операцию над нашей партийной программой или над тактическими резолюциями — обожжете пальцы... Вот почему такие схемы, как изложенная в «Письме к петербургскому товарищу», неизбежно рождают вопрос: где же тут социал-демократия? Она предполагается сама собой, скажете вы. Предполагается *субъективно*, но вовсе не «предполагается» *объективно*. И в этом вся сила [...]

ДИСЦИПЛИНА И ЦЕНТРАЛИЗМ

До второго съезда существовали отдельные, совершенно самостоятельные комитеты, как реальные и формальные величины. Вокруг них только и складывалась и развивалась вся партийная жизнь. Второй съезд радикально меняет физиономию партии. В результате таких простых действий, как поднятие рук или подача избирательных бумажек, оказывается, что в партии уже существует «централизованная организация», «в полном распоряжении которой находятся местные комитеты». «Централизм», очевидно, понимается не как сложная организационно-политическая и организационно-техническая *задача*, а как голая антитеза пресловутому «кустарничеству». Думают обойти реальную задачу — развить в процессе совместной работы во всех членах партии чувство нравственной и политической ответственности, дав Центральному Комитету право раскассировывать все, что стоит на его пути. Таким образом, для осуществления идеалов этого «централизма» необходимо, чтобы все реальные, еще никем и ничем не дисциплинированные элементы партии не оказывали ЦК никакого противодействия в его попытках дезорганизовать их. «Иначе,— по мнению уральских товарищей,— нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы». Останется только спросить: может ли быть вообще в таком случае организовано «дело пролетарской борьбы»? И придется ответить: нет, не может [...]

Что же делать? Нужно под сферой разлагающейся дисциплины найти такие реальные запросы и нужды движения, которые одинаково общи всем и вокруг обслуживания которых можно объединить наиболее ценные и влиятельные элементы партии. По мере сплочения таких сил вокруг жизненных лозунгов движения раны, нанесенные с обеих сторон партийному единству, будут залечиваться, о дисциплине перестанут говорить, потому что

ее перестанут нарушать. Кто под этим углом зрения попытается обозреть работу двух борющихся течений нашей партии, тот не затруднится ответить на вопрос, какое из них ведет партию к *реальному* объединению.

Если на пути к этой цели «меньшинству» приходилось нарушать то, что «большинство» считало дисциплиной, то остается лишь сделать вывод: да погибнет та «дисциплина», которая подавляет жизненные интересы движения! «История», бесспорно, сделает этот вывод. Ибо, в отличие от Екатеринославского комитета, она не придерживается идеалистического принципа: «Да сгинет мир — и да здравствует дисциплина!» Наоборот, как диалектическая материалистка, она всегда в конце концов признает, что в случае внутрипартийного столкновения прав тот, на чьей стороне победа, потому что победа в *конечном счете* всегда окажется на стороне того, кто лучше, полнее и глубже понимает задачи революционного дела.

Поэтому мы с доверием смотрим в глаза будущему [...]

Ничто не может быть жалче [...] фигуры «вождя», пытающегося заворожить несогласных, занять горизонтальное положение противников повторением слова *дисциплина.* Ленин, очевидно, почувствовал неловкость своего положения и попытался «философски» углубить свои заклинания.

Вот что получилось при этом.

Хлюпкий, нервно-развинченный интеллигент-индивидуалист чурается суровой дисциплины. «Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (фельетон Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики»... И отсюда мораль: «Вот где прошедший школу «фабрики» пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму».

Значит, по новой философии Ленина, едва успевшего истоптать пару башмаков после написания брошюры «Что делать?», пролетарию достаточно пройти «школу фабрики», чтобы давать интеллигенции, играющей пока в его партии руководящую роль, уроки *политической дисциплины!* По этой новой философии всякий, кому идеальная партия не рисуется «как огромная фабрика»,

кому, наоборот, такое представление кажется «чудовищным», всякий, кто не верит в непосредственную политически воспитательную силу машины, тот «сразу выдает психологию буржуазного интеллигента», от природы неспособного различать между отрицательной стороной фабрики — «дисциплиной, основанной на страхе голодной смерти»,— и ее положительной стороной — «дисциплиной, основанной на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства».

Не боясь проявить «психологию буржуазного интеллигента», мы утверждаем, прежде всего, что условия, толкающие пролетариат к коллективно-согласованным методам борьбы, лежат не в фабрике, а в общих социальных условиях существования пролетариата; мы утверждаем, далее, что между этими *объективными условиями и сознательной дисциплиной* политического действия лежит длинный путь борьбы, ошибок, воспитания — не «школа фабрики», а школа политической жизни, в которую наш пролетариат только вступает под руководством — дурным или хорошим — социал-демократической интеллигенции; мы утверждаем, что русский пролетариат, в котором мы едва начали развивать политическую *самодеятельность,* не способен еще — к несчастью для себя и к счастью для господ кандидатов в «диктаторы» — давать уроки дисциплины своей «интеллигенции», сколько бы фабрика ни упражняла его в «совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства». Нисколько не боясь проявить «психологию буржуазного интеллигента», мы заявляем, далее, свою полную солидарность с той мыслью, что «техническое подчинение рабочих однообразному ходу орудий труда (=«дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства») и характерное для фабрики образование целого рабочего организма из индивидуумов обоих полов и различнейших возрастов создает *казарменную* (казарменную, а не сознательно-политическую!) *дисциплину,* которая превращается в настоящий фабричный режим» (Капитал. Т. 1. С. 347. Рус. пер. изд. Поповой).

Взывая к дисциплине русского пролетариата как к реальной величине, Ленин действительно подменяет, употребляя его собственное выражение, вопрос политический вопросом «философским». Конечно, «высокоразвитое технически производство» создает материальные

условия политического развития и политической дисциплинированности пролетариата, подобно тому как капитализм вообще создает *предпосылки* социализма. Но как неосновательно отождествлять социализм с капитализмом, точно так же негоже отождествлять *фабричную* дисциплину пролетариата с дисциплиной *революционно-политической*.

Задача социал-демократии в том и состоит, чтоб восстановить пролетариат против той дисциплины, которая заменяет работу человеческой мысли ритмом физических движений, и сплотить его против этой мертвой и мертвящей дисциплины в одну боевую армию — нога к ноге и плечо к плечу,— связанную общностью политического сознания и революционного энтузиазма. *Такой* дисциплины у российского пролетария еще нет, фабрика и машина не снабжают его этим качеством так же стихийно, как они наделяют его профессиональными болезнями.

Казарменный режим не может быть режимом нашей партии, как фабрика не может быть ее прообразом! Бедный тов. Практик, высказавший эту мысль, «и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово (фабрика) сразу выдает психологию буржуазного интеллигента» (Шаг вперед. С. 147). Бедный тов. Ленин! Судьба захотела поставить его в особенно смешное положение: он «и не догадывается», что тов. Практик — не буржуазный «интеллигент», а прошедший спасительную фабричную выучку пролетарий...

Русский пролетариат, тот самый, от которого единомышленники тов. Ленина сплошь да рядом *скрывают* вопросы партийного кризиса, должен завтра — по окрику Ленина — дать суровый урок «анархическому индивидуализму»...

Какое негодование охватывает вас, когда читаете эти безобразные, распущенно-демагогические строки! Пролетариат, тот самый пролетариат, о котором вам вчера еще говорили, что он «стихийно влечется к тред-юнионизму», сегодня уже призывается давать уроки *политической* дисциплины! И кому? Той самой интеллигенции, которой — по вчерашней схеме — принадлежала роль извне вносить в пролетариат его классовое, его политическое сознание! Вчера он еще ползал во прахе, сегодня он уже вознесен на неожиданную высоту! Вчера она еще была носительницей социалистического сознания, сегодня уже на нее призываются шпицрутены фабричной дисциплины!

И это марксизм! И это социал-демократическое мышление! Поистине нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть!..

«Меньшинство» против централизма. Во всем мире оппортунисты социал-демократии восстают против централизма. Следовательно, «меньшинство» оппортунистично. Этот силлогизм — неправильный даже с формальной стороны — составляет главную боевую мысль последней книжки Ленина, если освободить ее от балласта прокурорских конструкций, грубо и неряшливо построенных по системе косвенных улик... Ленин повторяет свой силлогизм на тысячу ладов, стараясь заворожить читателя централистическими «пассами». Аксельрод в Цюрихе против централизма. Гейне[11] в Берлине против централизма. Жорес[12] в Париже против централизма. Гейне и Жорес — оппортунисты. Следовательно, Аксельрод — в компании оппортунистов. Ясно, что он оппортунист. И яснее ясного, что «меньшинство» оппортунистично. С другой стороны, Каутский[13] в Берлине стоит за централизм. Некоторый член ЦК, Васильев, распускал Лигу во имя централизма. Тов. Ленин был великим вдохновителем этого похода во славу централизма. Следовательно... и т. д. и т. д. [...]

Но — диалектике нечего делать с тов. Лениным.

Он обращается с марксистскими «положениями», как с несгибаемыми статьями «Уложения о наказаниях». Сперва находит «подходящую» статью, а затем копошится в материалах обвинительного акта, изыскивая там признаки преступления, формально отвечающие содержанию карательной статьи.

Диалектике нечего делать с тов. Лениным. Он твердо знает, что «оппортунизм не случайно, а по самой своей природе — и не в России только, а *во всем свете (!)* — приводит к мартовским и аксельродовским организационным «взглядам» (Шаг вперед. С. 128).

Он это твердо знает, но так как даже наш отважный полемист не решается занести Аксельрода и Мартова[14] в категорию оппортунистов вообще (а это было бы так привлекательно с точки зрения ясности и простоты!), то

он создает для них рубрику «оппортунистов в организационном вопросе»... *Понятие оппортунизма лишается* при этом *всякого политического содержания*. Это просто «трубочист», которым пугают малых детей.

Низведение диалектики до софистики, опустошение всех живых понятий идейного обихода марксизма, превращение социально-исторических «типов» в неподвижные надобщественные нормы, служащие для измерения земных прегрешений,— такою ценою покупается борьба с «меньшинством»! *«Оппортунизм в организационном вопросе»!* Жирондизм в вопросе о кооптации двумя третями при отсутствии одного мотивированного протеста! Жоресизм в вопросе о праве Центрального Комитета назначать место жительства администрации Лиги!..

Казалось бы, дальше идти некуда! Но тов. Ленин идет дальше.

Написав целую книгу на тему о том, что революционные методы («восстание» и «свержение») были допустимы лишь при кружковой жизни; что в «единой и нераздельной» партии должна царить дисциплина; что элементы, нарушающие дисциплину в партии пролетариата, уже *тем самым* демонстрируют свой мелкобуржуазный индивидуализм, тов. Ленин, успевший на полутораста страницах если не убедить, то утомить читателя всей этой философией, вдруг буквально огревает его по темени такого рода афоризмом: «Восстание — прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного — это дурно» (Шаг вперед. С. 160).

Всем почитателям тов. Ленина полезно было бы вдуматься в его «аргументацию». «Меньшинство» не хочет мириться с партийной дисциплиной. Этим самым (заметьте: этим самым!) оно выдает свой «анархизм» и «жоресизм». Следовательно, «меньшинство» — оппортунистическое крыло нашей партии. Это *прямая* теорема. Теперь следует *обратная*.

Восстание «меньшинства» — из рук вон плохая вещь, ибо «меньшинство» — оппортунистическое крыло нашей партии. Другое дело, если восставать придется «большинству», революционность которого засвидетельствована тем, что против него борется оппортунистическое «меньшинство»... «Меньшинство» же, как доказано в прямой теореме, оппортунистично потому, что нарушает

дисциплину. Вывод из обеих теорем: у тов. Ленина руки развязаны на обе стороны.

Quod est demonstrandum *.

Нужно сделать очень незначительное усилие мысли, чтобы разрешить вопрос: каким это образом Ленин мог решиться в нескольких процитированных строчках с такой откровенностью пнуть ногою всю свою брошюру? Положение вынуждает!.. Армия нашего генералиссимуса тает, и «дисциплина» грозит повернуться к нему не тем концом. А так как Ленин — в противовес анархическим интеллигентам «меньшинства» — представляет собою, пользуясь приведенной им цитатой из статьи Каутского, «идеальный образчик интеллигента, который всецело проникся пролетарским настроением... который без воркотни идет в ряду и шеренге, работает на каждом посту, на который его назначили...»; так как Ленин, подобно Марксу, «*никогда не протискивается на первое место* ** и образцовым образом подчиняется партийной дисциплпне»; так как тов. Ленин обладает всеми этими совершенно неоценимыми качествами дисциплинированного члена партии, не боящегося остаться в «меньшинстве», то он и считает необходимым заблаговременно «ввернуть» в свое сочинение *философическое оправдание замышляемого им для удержания и закрепления остатков своей армии партийного раскола.* И он делает это с непринужденностью, которая представляет собою лишь оборотную сторону его глубокого презрения к собственным единомышленникам.

Когда против меня восстают, это очень дурно. Когда я восстаю, тогда хорошо.

Такова краткая и веселая мораль длинной и скучной книги с обильными цитатами, «международными» параллелями, хитрыми диаграммами и прочими средствами психического оглушения [...]

---

* Что и требовалось доказать *(лат.). Н. В.*

** Мы думаем, что бумага, на которой Ленин выписывал эти слова, краснела за него...

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ[1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о характере русской революции был основным вопросом, по линии которого группировались различные идейные течения и политические организации в русском революционном движении. В самой социал-демократии этот вопрос с того момента, как он ходом событий стал получать конкретную постановку, вызвал крупнейшие разногласия. С 1904 г. эти разногласия улеглись в два основных течения — меньшевизм и большевизм. Меньшевистская точка зрения исходила из того, что наша революция будет революцией *буржуазной,* то есть будет иметь своим естественным последствием передачу власти буржуазии и создание условий буржуазного парламентаризма. Точка зрения большевиков, признавая неизбежность буржуазного характера грядущей революции, в качестве задач ее выдвигала создание демократической республики путем диктатуры пролетариата и крестьянства.

Социальный анализ меньшевиков отличался чрезвычайной поверхностью и, в сущности, сводился к грубым историческим аналогиям — типичному методу «образованного» мещанства. Указания на то, что условия развития русского капитализма создали чрезвычайные противоположности на обоих его полюсах и обрекли на ничтожество буржуазную демократию, не удерживали меньшевиков, как не удержал их и дальнейший опыт событий, от неутомимых поисков за «подлинной», «настоящей» демократией, которая станет во главе «нации» и установит парламентские — по возможности демократические — условия капиталистического развития. Меньшевики везде и всюду выискивали признаки развития буржуазной демократии, а если не находили, то выдумывали их. Они преувеличивали значение «каждого демократического»

заявления и выступления, преуменьшая в то же время силу пролетариата и перспективы его борьбы. Они так фанатически стремились найти руководящую буржуазную демократию, чтобы обеспечить «закономерный» буржуазный характер русской революции, что в эпоху самой революции, когда руководящей буржуазной демократии не оказалось налицо, меньшевики взяли на себя с большим или меньшим успехом выполнение ее обязанностей: ведь совершенно ясно, что мелкобуржуазная демократия без всякой социалистической идеологии, без классовой марксистской подготовки не могла бы в условиях русской революции поступать иначе, чем поступали меньшевики в качестве «руководящей» партии Февральской революции. Отсутствие серьезной социальной основы для буржуазной демократии сказалось на самих меньшевиках тем, что они очень быстро изжили себя и на восьмом месяце революции оказались ходом классовой борьбы отброшены прочь.

Большевизм, наоборот, отнюдь не был заражен верой в могущество и силу революционной буржуазной демократии в России. Он с самого начала признавал решающее значение рабочего класса в грядущей революции, но программу этой революции он на первых порах ограничивал интересами многомиллионных крестьянских масс, без которых и против которых революция не могла быть пролетариатом доведена до конца. Отсюда признание (до поры до времени) *буржуазно*-демократического характера революции.

В отношении оценки внутренних сил революции и ее перспектив автор не примыкал в тот период ни к тому, ни к другому из главных течений в русском рабочем движении. Защищавшаяся автором точка зрения может быть схематически сформулирована так[2]: начавшись как буржуазная по своим ближайшим задачам, революция скоро развернет могущественные классовые противоречия и придет к победе, лишь передав власть единственному классу, способному встать во главе угнетенных масс, то есть пролетариату. Встав у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться буржуазно-демократической программой. Он сможет довести революцию до конца только в том случае, если русская революция перейдет в революцию европейского пролетариата. Тогда буржуазно-демократическая программа революции будет преодолена вместе с ее национальными рамками и временное политическое господство русского

рабочего класса развернется в длительную социалистическую диктатуру. Если же Европа останется неподвижной, буржуазная контрреволюция не потерпит правительства трудящихся масс в России и отбросит страну далеко назад — от демократической республики рабочих и крестьян. Став у власти, пролетариат должен будет поэтому не ограничивать себя рамками буржуазной демократии, а развернуть тактику *перманентной революции,* то есть уничтожить границы между минимальной и максимальной программой социал-демократии, переходить ко все более и более глубоким социальным реформам и искать прямую и непосредственную опору в революции на европейском западе. Развитию этой позиции, ее обоснованию посвящена переиздаваемая в настоящее время работа, которая писалась в 1904—1906 гг.

Отстаивая в течение полутора десятилетий точку зрения перманентной революции, автор впадал, однако, в ошибку в оценке боровшихся фракций социал-демократии. Так как обе они исходили тогда из перспектив *буржуазной* революции, то автор полагал, что разногласия между ними не настолько глубоки, чтобы оправдывать раскол. В то же время он надеялся на то, что дальнейший ход событий обнаружит воочию бессилие и ничтожество русской буржуазной демократии, с одной стороны, и объективную невозможность для пролетариата удержаться в рамках демократической программы — с другой, и, таким образом, вырвет почву из-под фракционных разногласий.

Стоя в эмиграции вне обеих фракций, автор недооценивал того капитальнейшего факта, что по линии разногласий между большевиками и меньшевиками фактически шла группировка несгибаемых революционеров, с одной стороны, и элементов все больше и больше разъедавшихся оппортунизмом и приспособленчеством — с другой. Когда разразилась революция 1917 г., большевистская партия представляла собой сильную централизованную организацию, впитавшую в себя все лучшие элементы передовых рабочих и революционной интеллигенции и в полном соответствии со всей международной обстановкой и с классовыми отношениями в России определившую — после небольшой внутренней борьбы — свою тактику в сторону социалистической диктатуры рабочего класса. Меньшевистская же фракция созрела к этому времени как раз для того, чтобы, как сказано выше, выполнять обязанности буржуазной демократии.

Переиздавая в настоящее время свою работу, автор хочет не только разъяснить те принципиальные теоретические основания, которые позволили ему и другим товарищам, оставшимся в течение ряда лет вне большевистской партии, связать свою судьбу с ее судьбой с начала 1917 г. (такое личное объяснение было бы недостаточным мотивом для переиздания книги), но и напомнить тот социально-исторический анализ движущих сил русской революции, исходя из которого можно и должно было задачу русской революции видеть в завоевании политической власти рабочим классом задолго до того, как диктатура пролетариата стала свершившимся фактом. То обстоятельство, что мы сейчас имеем возможность переиздать без изменения работу, написанную в 1906 г., а в основных своих чертах формулированную уже в 1904 г., является достаточно убедительным доказательством того, что марксистская теория — не с меньшевистскими заместителями буржуазной демократии, а с той партией, которая сейчас на деле проводит диктатуру рабочего класса [3].

Последней инстанцией для теории остается опыт. Неопровержимым доказательством того, что марксистская теория применяется нами правильно, является тот факт, что события, в которых мы теперь участвуем, и самые методы этого участия были предвидены в основных своих чертах полтора десятилетия тому назад...

* * *

Я сохранил текст... без всякого изменения. Первоначально я предполагал снабдить текст примечаниями, которые приблизили бы изложение к настоящему моменту. Но при просмотре текста пришлось отказаться от этого плана. Если входить в детали, нужно было бы примечаниями удвоить размеры книги: для этого у меня сейчас не хватило бы времени, да и вряд ли такая «двухэтажная» книга была бы удобна для читателя [4]. А главное, я констатировал, что ход мыслей в основных своих разветвлениях весьма близко подходит к условиям нашего времени, и читатель, который даст себе труд более внимательно ознакомиться с этой книгой, сам без труда дополнит ее изложение необходимыми данными из опыта нынешней революции.

Л. Троцкий

12 марта 1919 г.
Кремль

Революция в России явилась неожиданностью для всех, кроме социал-демократии. Марксизм давно предсказал неизбежность русской революции, которая должна была разразиться в результате столкновения сил капиталистического развития с силами косного абсолютизма. Марксизм заранее оценил социальное содержание грядущей революции. Называя ее буржуазной, он указывал тем, что *непосредственные объективные* задачи революции состоят в создании «нормальных» условий для развития буржуазного общества в его целом.

Марксизм оказался прав, и этого уже не приходится ни оспаривать, ни доказывать. Перед марксистами стоит задача совершенно иного рода: путем анализа внутренней механики развивающейся революции вскрыть ее «возможности». Было бы грубой ошибкой просто отождествить нашу революцию с событиями 1789—93 или 48 годов [5]. Исторические аналогии, которыми питается и живет либерализм, не могут заменить социального анализа.

Русская революция имеет совершенно своеобразный характер, который является итогом особенностей всего нашего общественно-исторического развития и который, в свою очередь, раскрывает совершенно новые исторические перспективы.

1.
ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Если сравнивать общественное развитие России с развитием европейских стран, взяв у этих последних за скобки то, что составляет их наиболее сходные общие черты и что отличает их историю от истории России, то можно сказать, что основной чертой русского общественного развития является его сравнительная примитивность и медленность [6].

Мы не станем здесь останавливаться на естественных причинах этой примитивности, но сам факт мы считаем несомненным: русская общественность складывалась на более первобытном и скудном экономическом основании.

Марксизм учит, что в основе социально-исторического движения лежит развитие производительных сил. Сложение экономических корпораций, классов и сословий возможно лишь на известной высоте этого развития. Для сословно-классовой дифференциации, которая определяется развитием разделения труда и созданием более специализированных общественных функций, необходимо,

чтобы часть населения, занятая непосредственно материальным производством, создавала добавочный продукт, избыток сверх собственного потребления: только путем отчуждения этого избытка могут возникнуть и сложиться непроизводительные классы. Далее, внутри самих производительных классов мыслимо разделение труда лишь на известной высоте развития земледелия, способной обеспечить продуктами земли неземледельческое население. Эти основные положения социального развития были точно формулированы еще Адамом Смитом.

Отсюда, само собой, вытекает, что хотя новгородский период нашей истории совпадает с началом средневековой истории Европы, но медленный темп экономического развития, вызывавшийся естественноисторическими условиями (менее благоприятная географическая среда и редкость населения), должен был задержать процесс классового формирования и придать ему более примитивный характер.

Трудно рассуждать, как сложилась бы история русской общественности, если бы она протекала изолированно, под влиянием одних внутренних тенденций. Достаточно, что этого не было. Русская общественность, слагавшаяся на известной внутренней экономической основе, неизменно находилась под влиянием и даже давлением внешней социально-исторической среды.

В процессе столкновений этой слагавшейся общественно-государственной организации с другими, соседними, решительную роль играла, с одной стороны, примитивность экономических отношений, с другой — относительная их высота.

Русское государство, складывавшееся на первобытной экономической базе, вступало в отношения и приходило в столкновения с государственными организациями, сложившимися на более высоком и устойчивом экономическом основании. Тут были две возможности: либо Русское государство должно было пасть в борьбе с Московским государством, либо в своем развитии обгонять развитие экономических отношений и поглощать гораздо больше жизненных соков, чем это могло бы иметь место при изолированном развитии. Для первого исхода русское хозяйство оказалось недостаточно примитивным. Государство не разбилось, а стало расти при страшном напряжении народнохозяйственных сил.

Суть, таким образом, не в том, что Россия была окружена врагами со всех сторон. Одного этого недостаточно.

В сущности, это относится и ко всякому другому из европейских государств, кроме разве Англии. Но в своей взаимной борьбе за существование эти государства опирались на приблизительно однородный экономический базис, и потому развитие их государственности не испытывало таких могучих внешних давлений.

Борьба с крымскими и ногайскими татарами вызывала большое напряжение сил. Но, разумеется, не большее, чем вековая борьба Франции с Англией. Не татары вынудили Русь ввести огнестрельное оружие и создать постоянные стрелецкие полки; не татары заставили впоследствии создать рейтарскую конницу и солдатскую пехоту. Тут было давление Литвы, Польши и Швеции.

В результате этого давления Западной Европы государство поглощало непропорционально большую долю прибавочного продукта, то есть жило за счет формировавшихся привилегированных классов, и тем задерживало их и без того медленное развитие. Но мало этого. Государство набрасывалось на «необходимый продукт» земледельца, вырывало у него источники его существования, сгоняло его этим с места, которого он не успел обогреть, и тем задерживало рост населения и тормозило развитие производительных сил. Таким образом, поскольку государство поглощало непропорционально большую долю прибавочного продукта, оно задерживало и без того медленную сословную дифференциацию; поскольку же оно отнимало значительную долю необходимого продукта, оно разрушало даже и те примитивные производственные основы, на какие опиралось.

Но для того чтобы существовать, функционировать и, значит, прежде всего отчуждать необходимую часть общественного продукта, *государство нуждалось в сословно-иерархической организации.* Вот почему, подкапываясь под экономические основания ее роста, оно стремится в то же время форсировать ее развитие мерами государственного порядка, и, как и всякое другое государство, стремится отвести этот процесс сословного формирования в свою сторону. Историк русской культуры г. Милюков[7] видит в этом прямую *противоположность* с историей Запада. Противоположности здесь нет.

Средневековая сословная монархия, развившаяся в бюрократический абсолютизм, представляла собой государственную форму, закреплявшую определенные социальные интересы и отношения. Но у этой государственной формы (самой по себе, раз она возникла и сущест-

вовала) были свои собственные интересы — династические, придворные, бюрократические,— которые приходили в конфликты с интересами сословий, не только низших, но и высших. Господствующие сословия, которые составляли социально необходимое «средостение» между народной массой и государственной организацией, давили на эту последнюю и делали свои интересы содержанием ее государственной практики. Но в то же время государственная власть, как самостоятельная сила, рассматривала даже интересы высших сословий под своим углом зрения и, развивая сопротивление их притязаниям, стремилась подчинить их себе. Действительная история отношений государства и сословий шла по равнодействующей, определявшейся соотношением сил.

Однородный в основе своей процесс происходил и на Руси.

Государство стремилось использовать развивающиеся экономические группы, подчинить их своим специализированным финансовым и военным интересам. Возникающие экономически господствующие группы стремились использовать государство для закрепления своих преимуществ в виде сословных привилегий. В этой игре социальных сил равнодействующая гораздо дальше отклонялась в сторону государственной власти, чем это имело место в западноевропейской истории. Тот обмен услуг за счет трудящегося народа — между государством и верхними общественными группами,— который выражается в распределении прав и обязанностей, тягот и привилегий, складывался у нас к меньшей выгоде дворянства и духовенства, чем в средневековых сословных государствах Западной Европы. Это несомненно. И тем не менее страшным преувеличением, нарушением всяких перспектив будет сказать, что, в то время как на Западе сословия создавали государство, у нас государственная власть в своих интересах создавала сословия (Милюков).

Сословия не могут быть созданы государственным юридическим путем. Прежде чем та или другая общественная группа сможет при помощи государственной власти опериться в привилегированное сословие, она должна сложиться экономически во всех своих социальных преимуществах.

Сословий нельзя фабриковать по заранее созданной табели о рангах или по уставу Légion d'honneur *. Госу-

* Орден Почетного легиона *(фр.)*. *Н. В.*

дарственная власть может лишь со всеми своими орудиями прийти на помощь тому элементарному экономическому процессу, который выдвигает верхние экономические формации. Русское государство, как мы указали, поглощало относительно очень много сил и тем задерживало процесс социальной кристаллизации, но оно само же нуждалось в ней. Естественно, если оно под влиянием и давлением более дифференцированной западной среды, давлением, передававшимся через военно-государственную организацию, стремилось, в свою очередь, форсировать социальную дифференциацию на примитивной и экономической основе. Далее. Так как самая потребность в форсировании вызывалась слабостью социально-экономических образований, то естественно, если государство в своих попечительных усилиях стремилось использовать перевес своей силы, чтобы самое развитие верхних классов направить по своему усмотрению. Но по пути к достижению больших успехов в этом направлении государство наталкивалось в первую очередь на свою собственную слабость, на примитивный характер своей собственной организации, который, как мы уже знаем, определялся примитивностью социальной структуры.

Таким образом, Русское государство, создававшееся на основе русского хозяйства, толкалось вперед дружеским и особенно враждебным давлением соседних государственных организаций, выросших на более высокой экономической основе. Государство с известного момента — особенно с конца XVII в.— изо всех сил старается ускорить естественное экономическое развитие. Новые отрасли ремесла, машины, фабрики, крупное производство, капитал представляются — с известной точки зрения — как бы искусственной прививкой к естественному хозяйственному стволу. Капитализм кажется детищем государства.

С этой точки зрения можно, однако, сказать, что вся русская наука есть искусственный продукт государственных усилий, искусственная прививка к естественному стволу национального невежества.

Русская мысль, как и русская экономика, развивалась под непосредственным давлением более высокой мысли и более развитой экономики Запада. Так как при натурально-хозяйственном характере экономики (значит, при слабом развитии внешней торговли) отношения с другими странами носили преимущественно государственный характер, то влияние этих стран, прежде чем принять

форму непосредственного хозяйственного соперничества, выражалось в форме обостренной борьбы за государственное существование. Западная экономика влияла на русскую через посредство государства. Чтобы существовать в среде враждебных вооруженных государств, Россия вынуждена была ввести фабрики, навигационные школы, учебники фортификации и пр. Но если б общее направление внутреннего хозяйства огромной страны не шло в том же направлении, если бы развитие этого хозяйства не рождало потребности в прикладных и обобщающих знаниях, то все усилия государства погибли бы бесплодно: национальная экономика, естественно развивавшаяся от натурального хозяйства к денежно-товарному, откликалась только на те мероприятия правительства, которые отвечали этому развитию, и лишь в той мере, в какой они согласовались с ним. История русской фабрики, история русской монетной системы, история государственного кредита — все это как нельзя лучше свидетельствует в пользу высказанного взгляда.

«Большинство видов промышленности (металлургической, сахарной, нефтяной, винокуренной, даже касающейся волокнистых веществ),— пишет профессор Менделеев,— зачалось прямо под влиянием правительственных мероприятий, а иногда и больших правительственных субсидий, но особенно потому, что правительство совершенно сознательно, кажется во все времена, держалось покровительственной политики, а в царствование императора Александра III выставило ее на своем знамени с полной откровенностью... Высшее правительство, держась с полным сознанием начал протекционизма в приложении к России, оказывалось впереди наших образованных классов, взятых в целом» *.

Ученый, панегирист промышленного протекционизма, забывает прибавить, что правительственная политика диктовалась не заботой о развитии производительных сил, но чисто фискальными и отчасти военно-техническими соображениями. Поэтому политика протекционизма нередко противоречила не только основным интересам промышленного развития, но и приватным интересам отдельных предпринимательских групп. Так, хлопчатобумажные фабриканты прямо указывали на то, что «высокая пошлина на хлопок сохраняется ныне в тарифе не ради поощрения хлопководства, а исключительно

* *Менделеев Д.* К познанию России. Спб., 1906. С. 84.

в интересах фискальных». Как в «создании» сословий правительство прежде всего преследовало задачи государственного тягла, так и в «насаждении» индустрии оно главную заботу свою направляло на нужды государственного фиска. Но несомненно все же, что в деле перенесения на русскую почву фабрично-заводского производства самодержавие сыграло немалую роль.

К тому времени, когда развивавшееся буржуазное общество почувствовало потребность в политических учреждениях Запада, самодержавие оказалось вооруженным всем материальным могуществом европейских государств. Оно опиралось на централизованно-бюрократический аппарат, который был совершенно негоден для регулирования новых отношений, но способен был развить большую энергию в деле систематических репрессий. Огромные размеры государства были побеждены телеграфом, который придает действиям администрации уверенность и относительное единообразие и быстроту (в деле репрессий), а железные дороги позволяют перебрасывать в короткое время военную силу из конца в конец страны. Дореволюционные правительства Европы почти не знали ни железных дорог, ни телеграфа. Армия в распоряжении абсолютизма колоссальна, и если она оказалась никуда не годной в серьезных испытаниях русско-японской войны, то она все же была достаточно хороша для внутреннего господства. Ничего подобного нынешней русской армии не знало не только правительство старой Франции, но и правительство 48 года.

Эксплуатируя при помощи своего фискально-военного аппарата до крайней степени страну, правительство довело свой годовой бюджет до колоссальной цифры — до 2 миллиардов рублей. Опираясь на свою армию и на свой бюджет, самодержавное правительство сделало европейскую биржу своим казначейством, а русского плательщика — безнадежным данником европейской биржи.

Таким образом, в 80-е и 90-е годы XIX в. русское правительство стояло перед лицом мира как колоссальная военно-бюрократическая и фискально-биржевая организация несокрушимой силы.

Финансовое и военное могущество абсолютизма подавляло и ослепляло не только европейскую буржуазию, но и русский либерализм, отнимая у него всякую веру в возможность тягаться с абсолютизмом в деле открытого соразмерения сил. Военно-финансовое могущество абсо-

лютизма исключало, казалось, какие бы то ни было возможности русской революции.

На самом же деле оказалось как раз обратное.

Чем централизованнее государство и чем независимее от общества, тем скорее оно превращается в самодовлеющую организацию, стоящую над обществом. Чем выше военно-финансовые силы такой организации, тем длительнее и успешнее может быть ее борьба за существование. Централизованное государство с двухмиллиардным долгом и с миллионной армией под ружьем могло продержаться еще долго после того, как перестало удовлетворять элементарнейшие потребности общественного развития — не только потребность внутреннего управления, но даже потребность в военной безопасности, для охранения которой оно первоначально сложилось.

Чем дальше затягивалось такое положение, тем больше становилось противоречие между нуждами хозяйственно-культурного развития и политикой правительства, развившей свою могучую «миллиардную» инерцию. После того как эпоха великих заплат была оставлена позади, не только не устранив этого противоречия, но впервые вскрыв его, самостоятельный поворот правительства на путь парламентаризма становился и объективно все труднее и психологически все недоступнее. Единственный выход из этого противоречия, который намечался для общества, состоял в том, чтобы в железном котле абсолютизма накопить достаточно революционных паров, которые могли бы разнести котел.

Таким образом, административное, военное и финансовое могущество абсолютизма, дававшее ему возможность существовать наперекор общественному развитию, не только не исключало возможности революции, как думал либерализм, но, наоборот, делало революцию единственным выходом, притом за этой революцией был обеспечен тем более радикальный характер, чем более могущество абсолютизма углубляло пропасть между ним и нацией. Русский марксизм поистине может гордиться тем, что он один уяснил направление развития и предсказал его общие формы *, в то время как либерализм

* Даже такой реакционный бюрократ, как проф. Менделеев, не может не признать этого. Говоря о развитии индустрии, он замечает: «Социалисты тут кое-что увидели и даже отчасти поняли, но сбились, следуя за латинщиной (!), рекомендуя прибегать к насилиям, потворствуя животным инстинктам черни, стремясь к переворотам и власти» (К познанию России. С. 120).

питался самым утопическим «практицизмом», а революционное народничество жило фантасмагориями и верой в чудеса.

Все предшествующее социальное развитие делало революцию неизбежной. Каковы же были силы этой революции?

2.
ГОРОД И КАПИТАЛ

[...] Пролетаризуя и пауперизуя крестьянина тяжестью обложения, абсолютизм превращал миллионы европейской биржи в солдат, в броненосцы, в одиночные тюрьмы, в железные дороги. Большая часть этих расходов с хозяйственной точки зрения является совершенно непроизводительной. Огромная доля национального продукта уходила в виде процента за границу, обогащая и усиливая финансовую аристократию Европы. Европейская финансовая буржуазия, политическое влияние которой в парламентарных странах непрерывно растет в течение последних десятилетий, отодвигая назад влияние торгово-промышленных капиталистов, правда, превратило царское правительство в своего вассала; но она не могла стать, не хотела стать и не стала составной частью буржуазной оппозиции внутри России. В своих симпатиях и антипатиях она руководствовалась тем началом, которое голландские банкиры Гоппе и К⁰ формулировали еще в условиях павловского займа 1798 г.: платеж процентов должен быть производим, *несмотря ни на какие политические обстоятельства.* Европейская биржа была даже прямо и непосредственно заинтересована в сохранении абсолютизма: никакое другое национальное правительство не могло ей обеспечить таких ростовщических процентов. Но государственные займы не были единственным путем иммиграции европейских капиталов в Россию. Те же самые деньги, впитавшие в себя добрую долю русского государственного бюджета, возвращались на территорию России как торгово-промышленный капитал, привлекаемый ее нетронутыми естественными богатствами и главным образом неорганизованной и не привыкшей к сопротивлению рабочей силой. Последний период нашего промышленного подъема 1893—1899 гг. был вместе с тем периодом усиленной иммиграции европейского капитала. Таким образом, капитал, оставаясь по-прежнему в значительной своей части европейским,

реализуя свою политическую мощь во французском или бельгийском парламенте, мобилизовал на русской почве национальный рабочий класс.

Покоряя экономически отсталую страну, европейский капитал перебрасывал главные отрасли ее производства и сообщения через целый ряд промежуточных технических и экономических ступеней, которые ему пришлось пройти у себя на родине. Но чем меньше препятствий он встречал на пути своего *экономического* господства, тем ничтожнее оказалась его *политическая* роль.

Европейская буржуазия развилась из третьего сословия средних веков. Она подняла знамя протеста против хищничества и насилия двух первых сословий во имя интересов народа, который она хотела сама эксплуатировать. Средневековая сословная монархия на пути превращения в бюрократический абсолютизм опиралась на население городов в своей борьбе против притязаний духовенства и дворянства. Буржуазия пользовалась этим для своего государственного возвышения. Таким образом, бюрократический абсолютизм и капиталистический класс развивались одновременно, и когда они враждебно столкнулись друг с другом в 1789 г., то оказалось, что за буржуазией стоит вся нация.

Русский абсолютизм развился под непосредственным давлением западных государств. Он усвоил их методы управления и господства гораздо раньше, чем на почве национального хозяйства успела возникнуть капиталистическая буржуазия. Абсолютизм уже располагал огромной постоянной армией, централизованным бюрократическим и фискальным аппаратом, входил в неоплатные долги европейским банкирам в то время, когда русские города играли еще совершенно ничтожную экономическую роль.

Капитал вторгся с Запада при непосредственном содействии абсолютизма и в течение короткого времени превратил целый ряд старых, архаических городов в средоточия индустрии и торговли, и даже создал в короткое время огромные торгово-промышленные города на совершенно чистом месте. Капитал этот нередко сразу являлся в лице огромных безличных акционерных предприятий. За десятилетие промышленного подъема — 1893—1902 гг.— основной капитал акционерных предприятий возрос на 2 миллиарда рублей, между тем как за период 1854—1892 гг. он увеличился всего на 900 миллионов. Пролетариат сразу оказался сосредоточенным

в огромных массах, а между ним и абсолютизмом стояла немногочисленная капиталистическая буржуазия, оторванная от «народа», наполовину чужестранная, без исторических традиций, одухотворенная одной жаждой наживы [...]

4. РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ

Революция — это открытое соразмерение социальных сил в борьбе за власть. Государство — не самоцель. Оно только рабочая машина в руках господствующей социальной силы. Как всякая машина, государство имеет свой двигательный, передаточный и исполнительный механизм. Двигательная сила — это классовый интерес; его механизм — это агитация, печать, церковная и школьная пропаганда, партия, уличное собрание, петиция, восстание. Передаточный механизм — это законодательная организация кастового, династического, сословного или классового интереса под видом божественной (абсолютизм) или национальной (парламентаризм) воли. Наконец, исполнительный механизм — это администрация с полицией, суд с тюрьмой, армия.

Государство — не самоцель. Но оно величайшее средство организации, дезорганизации и реорганизации социальных отношений. Смотря по тому, в чьих руках оно находится, оно может быть рычагом глубокого переворота или орудием организованного застоя.

Всякая политическая партия, заслуживающая этого имени, стремится овладеть правительственной властью и, таким образом, поставить государство на службу тому классу, интересы которого она выражает. Социал-демократия, как партия пролетариата, естественно, стремится к политическому господству рабочего класса.

Пролетариат растет и крепнет вместе с ростом капитализма. В этом смысле развитие капитализма есть развитие пролетариата к диктатуре. Но день и час, когда власть перейдет в руки рабочего класса, зависит *непосредственно* не от уровня производительных сил, а от отношений классовой борьбы, от международной ситуации, наконец, от ряда субъективных моментов: традиции, инициативы, боевой готовности...

В стране экономически более отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой. В 71 г. он сознательно взял в свои

руки управление общественными делами в мелкобуржуазном Париже — правда, только на два месяца,— но ни на один час он не брал власти в крупно-капиталистических центрах Англии или Соединенных Штатов. Представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических сил и средств страны представляет собой предрассудок упрощенного до крайности «экономического» материализма. С марксизмом такой взгляд не имеет ничего общего.

Русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции — *должна*) перейти в руки пролетариата, прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений [...]

5.
ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВО

В случае решительной победы революции власть переходит в руки класса, игравшего в борьбе руководящую роль,— другими словами, в руки пролетариата. Разумеется, скажем тут же, это вовсе не исключает вхождения в правительство революционных представителей непролетарских общественных групп.

Они могут быть и должны быть — здравая политика заставит пролетариат приобщить к власти влиятельных вождей мещанства, интеллигенции или крестьянства. Весь вопрос в том, *кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство?*

Одно дело, когда в рабочем (по составу своего большинства) правительстве участвуют представители демократических сил народа, другое дело, когда в определенном буржуазно-демократическом правительстве участвуют — в качестве более или менее почетных заложников — представители пролетариата.

Политика либеральной капиталистической буржуазии во всех своих колебаниях, отступлениях и изменах очень определенна. Политика пролетариата еще того более определенна и закончена. Но политика интеллигенции — в силу ее социальной промежуточности и политической гибкости, политика крестьянства — в силу его социальной разнородности, промежуточности, примитивности, политика мещанства — опять-таки в силу его

безличности, промежуточности и полного отсутствия политических традиций — политика этих трех общественных групп совершенно неопределенна, не оформлена, полна возможностей и, значит, неожиданностей.

Достаточно попытаться представить себе революционное демократическое правительство без представителей пролетариата, чтобы полная нелепость такого представления ударила в глаза. Отказ социал-демократов от участия в революционном правительстве означал бы полную невозможность самого революционного правительства и был бы, таким образом, изменой делу революции. Но участие пролетариата в правительстве и объективно наиболее вероятно, и принципиально допустимо лишь как *доминирующее и руководящее* участие. Можно, конечно, назвать это правительство диктатурой пролетариата и крестьянства, диктатурой пролетариата, крестьянства и интеллигенции или, наконец, коалиционным правительством рабочего класса и мелкой буржуазии. Но все же останется вопрос: кому принадлежит гегемония в самом правительстве и через него — в стране? И когда мы говорим о рабочем правительстве, то этим мы отвечаем, что гегемония будет принадлежать рабочему классу.

Конвент, как орган якобинской диктатуры, вовсе не состоял из одних якобинцев; более того, якобинцы были в нем даже в меньшинстве. Но влияние санкюлотов за стенами Конвента и необходимость решительной политики для спасения страны передали власть в руки якобинцев. Таким образом, Конвент, будучи *формально* национальным представительством, составлявшимся якобинцами, жирондистами и огромным болотом, был по *существу* диктатурой якобинцев.

Когда мы говорим о рабочем правительстве, мы имеем в виду господствующее и руководящее положение в нем рабочих представителей.

Пролетариат не сможет упрочить свою власть, не расширив базы революции.

Многие слои трудящейся массы, особенно в деревне, будут впервые вовлечены в революцию и получат политическую организацию лишь после того, как авангард революции, городской пролетариат, станет у государственного кормила. Революционная агитация и организация будут проводиться при помощи государственных средств. Наконец, сама законодательная власть станет могучим орудием революционизирования народных масс. При этом характер наших социально-исторических отноше-

ний, который всю тяжесть буржуазной революции взваливает на плечи пролетариата, создаст для рабочего правительства не только громадные трудности, но, по крайней мере, в первый период его существования даст ему также и неоценимые преимущества. Это скажется в отношениях пролетариата и крестьянства.

В революциях 89—93 гг. и 48 г. власть сперва переходила от абсолютизма к умеренным элементам буржуазии; эта последняя освобождала крестьянство (*как* — это другой вопрос) прежде, чем революционная демократия получала или собиралась получить власть в свои руки. Раскрепощенное крестьянство теряло всякий интерес к политическим затеям «горожан», то есть к дальнейшему ходу революции, и, ложась неподвижным пластом в основу «порядка», выдавало революцию с головой цезаристской или исконно абсолютистской реакции.

Русская революция не дает и еще долго не даст установиться какому-нибудь буржуазно-конституционному порядку, который мог бы разрешить самые примитивные задачи демократии. Что же касается реформаторов-бюрократов в стиле Витте [8] или Столыпина [9], то все их «просвещенные» усилия разрушаются их же собственной борьбой за существование. Вследствие этого судьба самых элементарных революционных интересов крестьянства, даже всего крестьянства, как *сословия,* связывается с судьбой всей революции, то есть с судьбой пролетариата.

Пролетариат у власти предстанет перед крестьянством как класс-освободитель.

Господство пролетариата не только будет означать демократическое равенство, свободное самоуправление, перенесение всей тяжести налогового бремени на имущие классы, растворение постоянной армии в вооруженном народе, уничтожение обязательных поборов церкви, но и признание всех произведенных крестьянами революционных перетасовок (захватов) в земельных отношениях. Эти перетасовки пролетариат сделает исходным пунктом для дальнейших государственных мероприятий в области сельского хозяйства.

При таких условиях русское крестьянство будет, во всяком случае, не меньше заинтересовано в течение первого, наиболее трудного, периода в поддержании пролетарского режима («рабочей демократии»), чем французское крестьянство было заинтересовано в поддержании военного режима Наполеона Бонапарта, гарантировавшего новым собственникам силою штыков неприкосно-

венность их земельных участков. А это значит, что народное представительство, созванное под руководством пролетариата, заручившегося поддержкой крестьянства, явится не чем иным, как демократическим оформлением господства пролетариата.

Но может быть, само крестьянство оттеснит пролетариат и займет его место?

Это невозможно. Весь исторический опыт протестует против этого предположения. Он доказывает, что крестьянство совершенно не способно к *самостоятельной* политической роли.

История капитализма — это история подчинения деревни городу. Индустриальное развитие европейских городов сделало в свое время невозможным дальнейшее существование феодальных отношений в области земледельческого производства.

Но сама деревня не выдвинула такого класса, который мог бы справиться с революционной задачей уничтожения феодализма. Тот же город, который подчинил сельское хозяйство капиталу, выдвинул революционные силы, которые взяли в свои руки политическую гегемонию над деревней и распространили на нее революцию в государственных и имущественных отношениях. В дальнейшем развитии и деревня окончательно попадает в экономическую кабалу к капиталу, а крестьянство — в политическую кабалу к капиталистическим партиям. Они возрождают феодализм в парламентарной политике, превращая крестьянство в свой политический домен, в место своей избирательной охоты. Современное буржуазное государство посредством фиска и милитаризма толкает крестьян в пасть ростовщическому капиталу, а посредством государственных попов, государственной школы и казарменного развращения делает его жертвой ростовщической политики.

Русская буржуазия сдает пролетариату все революционные позиции. Ей придется сдать и революционную гегемонию над крестьянством. При той ситуации, которая создастся переходом власти к пролетариату, крестьянству останется лишь присоединиться к режиму рабочей демократии. Пусть даже оно сделает это не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму! Но в то время как каждая буржуазная партия, овладев голосами крестьянства, спешит воспользоваться властью, чтоб обобрать крестьянство и обмануть его во всех ожиданиях и обещаниях, а затем,

в худшем для себя случае, уступить место другой капиталистической партии, пролетариат, опираясь на крестьянство, приведет в движение все силы для повышения культурного уровня в деревне и развития в крестьянстве политического сознания.

Из сказанного ясно, как мы смотрим на идею «диктатуры пролетариата и крестьянства». Суть не в том, считаем ли мы ее принципиально допустимой, «хотим мы или не хотим» такой формы политической кооперации. Но мы считаем ее неосуществимой — по крайней мере, в прямом и непосредственном смысле.

В самом деле. Такого рода коалиция предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно.

6. ПРОЛЕТАРСКИЙ РЕЖИМ

Достигнуть власти пролетариат может, только опираясь на национальный подъем, на общенародное воодушевление. Пролетариат вступит в правительство как революционный представитель нации, как признанный народный вождь в борьбе с абсолютизмом и крепостным варварством. Но, став у власти, пролетариат откроет новую эпоху — эпоху революционного законодательства, положительной политики,— и здесь сохранение за ним роли признанного выразителя нации вовсе не обеспечено. Первые мероприятия пролетариата — очистка авгиевых конюшен старого режима и изгнание их обитателей — встретят деятельную поддержку всей нации, что бы ни говорили либеральные кастраты о прочности монархических предрассудков народных масс.

Политическая расчистка будет дополняться демократической реорганизацией всех общественных и государственных отношений. Рабочему правительству придется — под влиянием непосредственных толчков и запросов — вмешиваться решительно во все отношения и явления...

Первым делом оно должно будет вышвырнуть вон всех запятнавших себя народною кровью из армии и администрации, распустить или раскассировать наиболее запятнавшие себя преступлением против народа полки. Эту работу необходимо будет выполнить в первые же

дни, то есть задолго до того, как возможно будет провести систему выборного и ответственного чиновничества и приступить к организации народной милиции. Но ведь на этом дело не остановится. Перед рабочей демократией немедленно предстанут: вопрос о норме рабочего времени, аграрный вопрос и проблема безработицы.

Несомненно одно. Каждый новый день будет углублять политику пролетариата у власти и все более и более определять ее *классовый характер.* И вместе с тем будет нарушаться революционная связь между пролетариатом и нацией, классовое расчленение крестьянства выступит в политической форме, антагонизм между составными частями будет расти в той мере, в какой политика рабочего правительства будет самоопределяться и из общедемократической становиться классовой.

Если отсутствие сложившихся буржуазно-индивидуалистических традиций и антипролетарских предрассудков у крестьянства и интеллигенции и поможет пролетариату стать у власти, то, с другой стороны, нужно принять во внимание, что это отсутствие предрассудков опирается не на политическое сознание, а на политическое варварство, на социальную неоформленность, примитивность, бесхарактерность. А все это такие свойства и черты, которые никоим образом не могут создать надежного базиса для последовательной активной политики пролетариата.

Уничтожение сословного крепостничества встретит поддержку всего крестьянства, как тяглового сословия. Подоходно-прогрессивный налог встретит поддержку огромного большинства крестьянства; но законодательные меры в защиту земледельческого пролетариата не только не встретят такого активного сочувствия большинства, но и натолкнутся на активное сопротивление меньшинства.

Пролетариат окажется вынужденным вносить классовую борьбу в деревню и, таким образом, нарушать ту общность интересов, которая, несомненно, имеется у всего крестьянства, но в сравнительно узких пределах. Пролетариату придется в ближайшие же моменты своего господства искать опоры в противопоставлении деревенской бедноты деревенским богачам, сельскохозяйственного пролетариата — земледельческой буржуазии. Но если неоднородность крестьянства представит затруднения и сузит [пределы] пролетарской политики, то недостаточная классовая дифференциация крестьянства будет

создавать препятствия внесению в крестьянство развитой классовой борьбы, на которую мог бы опереться городской пролетариат. Примитивность крестьянства повернется к пролетариату своей враждебной стороной.

Но охлаждение крестьянства, его политическая пассивность, а тем более активное противодействие его верхних слоев не смогут остаться без влияния на часть интеллигенции и на городское мещанство.

Таким образом, чем определеннее и решительнее будет становиться политика пролетариата у власти, тем уже будет под ним базис, тем зыбче будет почва под его ногами. Все это крайне вероятно, даже неизбежно.

Две главные части пролетарской политики встретят противодействия со стороны его союзников: это *коллективизм и интернационализм...*

Мелкобуржуазный характер и политическая примитивность крестьянства, деревенская ограниченность кругозора, оторванность от мировых политических связей представят страшное затруднение для упрочения революционной политики пролетариата у власти.

Представлять себе дело так, что социал-демократия входит во Временное правительство, руководит им в период революционно-демократических реформ, отстаивая их наиболее радикальный характер и опираясь при этом на организованный пролетариат, и затем, когда демократическая программа выполнена, социал-демократия выходит из выстроенного ею здания, уступая место буржуазным партиям, а сама переходит в оппозицию и, таким образом, открывает эпоху парламентарной политики,— представлять себе дело так значило бы компрометировать саму идею рабочего правительства. И не потому, что это «принципиально» недопустимо — такая абстрактная постановка вопроса лишена содержания,— а потому, что это совершенно нереально, это — утопизм худшего сорта, это какой-то революционно-филистерский утопизм.

И вот почему.

Разделение нашей программы на минимальную и максимальную имеет громадное и глубоко принципиальное значение при том условии, что власть находится в руках буржуазии. Именно этот факт — принадлежность власти буржуазии — изгоняет из нашей минимальной программы все требования, которые непримиримы с частной собственностью на средства производства. Эти последние требования составляют содержание социалистической

революции, и их предпосылкой является диктатура пролетариата.

Но раз власть находится в руках революционного правительства с социалистическим большинством, как тотчас же различие между минимальной и максимальной программой теряет и принципиальное, и непосредственно-практическое значение. Удержаться в рамках этого разграничения пролетарское правительство никоим образом не сможет. Возьмем требование 8-часового рабочего дня. Оно, как известно, отнюдь не противоречит капиталистическим отношениям и потому входит в минимальную программу социал-демократии. Но представим себе картину его реального проведения в революционный период при напряжении всех социальных страстей. Несомненно, новый закон натолкнулся бы на организованное и упорное сопротивление капиталистов — скажем, в форме локаута и закрытия фабрик и заводов.

Сотни тысяч рабочих оказались бы выброшенными на [улицу]. Что бы сделало правительство? Буржуазное правительство, как бы радикально оно ни было, никогда не дало бы делу зайти так далеко, ибо перед закрытыми фабриками и заводами оно оказалось бы бессильным. Оно бы вынуждено было пойти на уступки, 8-часовой рабочий день не был бы введен, возмущения пролетариата были бы подавлены...

При политическом господстве пролетариата проведение 8-часового рабочего дня должно привести к совершенно другим последствиям. Закрытие фабрик и заводов капиталистами не может быть, разумеется, основанием к удлинению рабочего дня для правительства, которое хочет опираться на пролетариат, а не на капитал, как либерализм, и не играть роли «беспристрастного» посредника буржуазной демократии. Для рабочего правительства выход будет только один: экспроприация закрытых фабрик и заводов и организация на них работ за общественный счет.

Конечно, можно рассуждать так. Допустим, что рабочее правительство, верное своей программе, декретирует 8-часовой рабочий день; если капитал оказывает противодействие, не преодолимое средствами демократической программы, предполагающей сохранение частной собственности, социал-демократия уходит в отставку, апеллируя к пролетариату. Такое решение было бы решением только с точки зрения той группы, которая составляла персонал правительства, но это не решение с точки зре-

ния пролетариата или с точки зрения развития самой революции. Потому что после выхода в отставку социалдемократии положение окажется такое же, какое было прежде и какое заставило ее взять эту власть. Бегство ввиду организованного противодействия капитала будет еще большей изменой революции, чем отказ взять в свои руки власть: ибо поистине лучше не входить, чем войти только для того, чтобы обнаружить свое бессилие и уйти.

Еще пример. Пролетариат у власти не сможет не принять самых энергичных мер для решения вопроса о безработице, ибо само собой разумеется, что представители рабочих, входящие в состав правительства, не смогут на требование безработных отвечать ссылкой на буржуазный характер революции.

Но если только государство возьмет на себя обеспечение существования безработных — для нас сейчас безразлично в какой форме,— этим будет сразу совершено огромное перемещение экономической силы в сторону пролетариата. Капиталисты, давление которых на пролетариат всегда опиралось на факт существования резервной армии, почувствуют себя *экономически* бессильными, а революционное правительство обречет их в то же время на *политическое* бессилие.

Взяв на себя поддержку безработных, государство тем самым берет на себя задачу обеспечения существования стачечников. Если оно этого не сделает, оно сразу и непоправимо подкопает под собой устои своего существования.

Фабрикантам не останется ничего другого, как прибегнуть к локауту, то есть закрытию фабрик. Совершенно ясно, что фабриканты дольше выдержат приостановку производства, чем рабочие, и рабочему правительству на массовый локаут останется только один ответ: экспроприация фабрик и введение в них — по крайней мере, в крупнейших — государственного или коммунального производства.

В области сельского хозяйства аналогичные проблемы создадутся уже самим фактом экспроприации земли. Никоим образом нельзя предположить, что пролетарское правительство, экспроприировав частновладельческие имения с крупным производством, разобьет их на участки и продаст для эксплуатации мелким производителям; единственный путь для него — это организация кооперативного производства под коммунальным контролем

или прямо за государственный счет. Но это — путь социализма.

Все это совершенно ясно показывает, что социал-демократия не может вступить в революционное правительство, дав предварительно пролетариату обязательство ничего не *уступать* из минимальной программы и обещав буржуазии не *переступать* за пределы минимальной программы. Такое двустороннее обязательство было бы совершенно невыполнимым. Вступая в правительство не как бессильные заложники, а как руководящая сила, представители пролетариата тем самым разрушают грань между минимальной и максимальной программой, *то есть ставят* коллективизм *в порядок дня*. На каком пункте пролетариат будет остановлен в этом направлении, это зависит от соотношения сил, но никак не от первоначальных намерений партии пролетариата.

Вот почему не может быть и речи о какой-то особенной форме пролетарской диктатуры в буржуазной революции, именно о демократической диктатуре пролетариата (или пролетариата и крестьянства). Рабочий класс не сможет обеспечить демократический характер своей диктатуры, не переступая за границы своей демократической программы. Всякие иллюзии на этот счет были бы совершенно пагубны. Они скомпрометировали бы социал-демократию с самого начала.

Раз партия пролетариата возьмет власть, она будет бороться за нее до конца. Если одним средством этой борьбы за сохранение и упрочение власти будет агитация и организация, особенно в деревне, то другим средством будет коллективистская политика. Коллективизм станет не только неизбежным выводом из положения партии у власти, но и средством сохранить это положение, опираясь на пролетариат.

Когда в социалистической прессе была сформулирована идея *непрерывной революции,* связывающей ликвидацию абсолютизма и гражданского крепостничества с социалистическим переворотом, рядом нарастающих социальных столкновений, восстаний новых слоев массы, непрекращающихся атак пролетариата на политические и экономические привилегии господствующих классов, то «прогрессивная» печать подняла единодушный негодующий вопль, она многое терпела, но этого не может допустить. Революция, кричала она, не есть путь, который можно «узаконять». Применение исключительных средств позволительно лишь в исключительных случаях.

Цель освободительного движения не увековечить революцию, но по возможности скорее ввести ее в русло *права*. И т. д. и пр.

Более радикальные представители той же демократии не рискуют выступать против революции с точки зрения уже сделанных конституционных «завоеваний»: даже для них этот парламентарный кретинизм, упредивший самое возникновение парламентаризма, не представляется сильным оружием в борьбе с революцией пролетариата. Они избирают другой путь, они становятся не на почву права, а на почву того, что им кажется фактами,— на почву исторических «возможностей», на почву политического «реализма», наконец... наконец, даже на почву «марксизма». Почему бы нет? Еще Антонио, благочестивый буржуа Венеции, очень метко сказал:

Заметь себе, ссылаться может черт
На доводы священного писания...

Они не только считают фантастической саму идею рабочего правительства в России, но и отвергают возможность социалистической революции в Европе в ближайшую историческую эпоху. Еще нет налицо необходимых «предпосылок». Верно ли это? Дело, конечно, не в том, чтобы назначить срок социалистической революции, а в том, чтобы установить ее реальные исторические перспективы [...]

8.
РАБОЧЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ И СОЦИАЛИЗМ

Выше мы показали, что объективные предпосылки социалистической революции уже созданы экономическим развитием передовых капиталистических стран. Но что можно в этом отношении сказать относительно России? Можно ли ожидать, что переход власти в руки русского пролетариата будет началом преобразования нашего национального хозяйства на социалистических началах?..

Политическое господство пролетариата несовместимо с его экономическим рабством. Под каким бы политическим знаменем пролетариат ни оказался у власти, он вынужден будет стать на путь социалистической политики. Величайшей утопией нужно признать мысль, будто пролетариат, поднятый на высоту государственного гос-

подства внутренней механикой буржуазной революции, сможет, если даже захочет, ограничить свою миссию созданием республиканско-демократической обстановки для социального господства буржуазии. Политическое господство пролетариата, хотя бы и временное, крайне ослабит сопротивление капитала, всегда нуждающегося в поддержке государственной власти, и придаст грандиозные размеры экономической борьбе пролетариата. Рабочие не смогут не требовать от революционной власти поддержки стачечников, и правительство, опирающееся на пролетариат, не сможет в такой поддержке отказать. Но это значит парализовать влияние резервной армии труда, сделать рабочих господами не только в политической, но и в экономической области, превратить частную собственность и средства производства в фикцию. Эти неизбежные социал-экономические последствия диктатуры пролетариата проявятся немедленно гораздо раньше, чем будет закончена демократизация политического строя. Грань между минимальной и максимальной программой стирается, как только у власти становится пролетариат.

Пролетарский режим на первых же порах должен будет приняться за разрешение аграрного вопроса, с которым связан вопрос о судьбе огромных масс населения России. В решении этого вопроса, как и всех других, пролетариат будет исходить из основного стремления своей экономической политики: овладеть как можно большим полем для организации социалистического хозяйства, причем формы и темп этой политики в аграрном вопросе должны определяться как теми материальными ресурсами, которыми сможет овладеть пролетариат, так и необходимостью располагать свои действия так, чтоб не отталкивать в ряды контрреволюционеров возможных союзников.

Само собой разумеется, что аграрный вопрос, то есть вопрос о судьбе земледельческого хозяйства и его общественных отношений, вовсе не покрывается *земельным вопросом,* то есть вопросом о формах земельной собственности. Но несомненно, что решение земельного вопроса если и не предрешит аграрной эволюции, то предрешит аграрную политику пролетариата; другими словами, то назначение, которое пролетарский режим даст земле, должно быть связано с его общим отношением к ходу и потребностям сельскохозяйственного развития. Поэтому земельный вопрос станет в первую очередь.

Одно из решений, которому социалисты-революционеры придали далеко не безупречную популярность,— это социализация всей земли; будучи освобождена от европейского грима, она означает не что иное, как «уравнительное землепользование», или «Черный передел». Программа уравнительного передела предполагает, таким образом, экспроприацию всех земель — не только частновладельческих вообще, не только частновладельческих крестьянских, но и общинных. Если принять во внимание, что эта экспроприация должна быть проведена с первых шагов нового режима, при полном еще господстве товарно-капиталистических отношений, то окажется, что первыми «жертвами» экспроприации окажутся или, вернее, почувствуют себя крестьяне. Если принять во внимание, что крестьяне в течение нескольких десятилетий выплачивали выкупные платежи, которые должны были превратить надельную землю в их собственность; если принять во внимание, что отдельные более зажиточные крестьяне, несомненно, при помощи больших жертв, принесенных еще живущим поколением, приобрели в собственность огромную площадь земли, то легко себе представить, какое сопротивление вызовет отчуждение общинных и мелких частновладельческих участков в государственную собственность. Идя таким путем, новый режим начал бы с того, что восстановил бы против себя огромные массы крестьянства.

Во имя чего общинные и мелкие собственнические участки будут превращены в государственную собственность? Чтоб тем или другим путем предоставить ее для «уравнительной» хозяйственной эксплуатации всем землевладельцам, в том числе и нынешним безземельным крестьянам и батракам. Таким образом, в хозяйственном отношении новый режим ничего не выиграет от экспроприации мелких и общинных участков, так как и после передела государственная или общественная земля поступит в частнохозяйственную обработку. В политическом же отношении новый режим сделает величайший промах, так как сразу враждебно противопоставит крестьянскую массу городскому пролетариату, как руководителю революционной политики.

Далее. Уравнительное распределение предполагает законодательное воспрещение применения наемного труда. Уничтожение наемного труда может и должно быть следствием хозяйственных реформ, но не может быть предрешено юридическими запретами. Недостаточно

запретить земледельцу-капиталисту нанимать рабочих, нужно предварительно создать для безземельных батраков возможность существования — притом существования рационального с общественно-хозяйственной точки зрения. Между тем при программе уравнительного землепользования воспретить применение наемного труда — значит, с одной стороны, обязать безземельных батраков сесть на клочок земли, с другой стороны, для государства значит обязаться снабдить этого батрака необходимым инвентарем для его общественно-нерационального производства.

Разумеется, вмешательство пролетариата в организацию сельского хозяйства начнется не с прикрепления разрозненных работников к разрозненным клочкам земли, а с эксплуатации крупных имений за государственный или коммунальный счет.

Только в том случае, если такое обобществленное производство станет прочно на ноги, процесс дальнейшей социализации сможет быть двинут вперед воспрещением применения наемного труда. Этим путем сделается невозможным мелкое капиталистическое земледелие, но останется еще поле для продовольственных и полупродовольственных хозяйств, насильственная экспроприация которых никоим образом не входит в планы социалистического пролетариата.

Во всяком случае, пролетариат никоим образом не сможет принять к руководству программу «уравнительного распределения», которая, с одной стороны, предполагает бесцельную, чисто формальную экспроприацию мелких собственников, с другой стороны, требует вполне реального раздробления крупных имений на мелкие части. Такая политика, будучи непосредственно хозяйственно-расточительной, имела бы в своей основе реакционно-утопическую заднюю мысль и — сверх всего — политически ослабила бы революционную партию.

Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. **Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру.** В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться и

в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру [...]

9.

ЕВРОПА И РЕВОЛЮЦИЯ

Влияние русской революции на европейский пролетариат огромно. Помимо того что она разрушает петербургский абсолютизм, главную силу европейской реакции, она создает, кроме того, необходимые революционные предпосылки в сознании и настроении европейского рабочего класса.

Задача социалистической партии состояла и состоит в том, чтобы революционизировать сознание рабочего класса, как развитие капитализма революционизировало социальные отношения. Но агитационная и организационная работа в рядах пролетариата имеет свою внутреннюю косность. Европейские социалистические партии — и в первую голову наиболее могучая из них, германская,— выработали свой консерватизм, который тем сильнее, чем большие массы захватывает социализм и чем выше организованность и дисциплина этих масс. *В силу этого социал-демократия, как организация, воплощающая политический опыт пролетариата, может стать в известный момент непосредственным препятствием на пути открытого столкновения рабочих с буржуазной реакцией.* Другими словами, пропагандистско-социалистический консерватизм пролетарской партии может в известный момент задерживать прямую борьбу пролетариата за власть. Огромное влияние русской революции сказывается в том, что она убивает партийную рутину, разрушает консерватизм и ставит на очередь дня вопросы открытого соразмерения сил пролетариата и капиталистической реакции. Борьба за всеобщее избирательное право в Австрии, Саксонии и Пруссии обострилась под прямым влиянием октябрьской стачки в России. Восточная революция заражает западный пролетариат революционным идеализмом и рождает в нем желание заговорить с врагами «по-русски».

Российский пролетариат, оказавшись у власти (хотя бы лишь вследствие временной конъюнктуры нашей буржуазной революции), встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организован-

ной поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам, рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе. Ту колоссальную государственно-политическую силу, которую дает ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. С государственной властью в руках, с контрреволюцией за спиной, с европейской реакцией перед собой, он бросит своим собратьям во всем мире старый призывный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*»

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ[1]

1905 ГОД, РЕАКЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ

Точка зрения меньшевиков на русскую революцию в целом никогда не отличалась ясностью. Вместе с большевиками они говорили о «доведении революции до конца», причем обе стороны понимали это чисто формалистически, в смысле осуществления нашей «программы-minimum», после чего должна открыться эпоха «нормальной» капиталистической эксплуатации в демократической обстановке. «Доведение революции до конца» предполагало, однако, низвержение царизма и переход государственной власти в руки революционной общественной силы. Какой? Меньшевики отвечали: *буржуазной демократии*. Большевики отвечали: *пролетариата и крестьянства*.

Но что такое «буржуазная демократия» меньшевиков? Это не наименование определенной реально существующей и осязаемой социальной силы, это — созданная журналистами (путем дедукции и аналогии) внеисторическая категория. Так как революция должна быть доведена «до конца», так как это — буржуазная революция, так как во Франции революцию доводили до конца демократические революционеры — якобинцы, следовательно, русская революция может передать власть только в руки революционно-буржуазной демократии.

Установив незыблемо алгебраическую формулу революции, они потом стараются подобрать для нее такие арифметические значения, которых не существует в природе. Они на каждом шагу наталкиваются на тот факт, что социал-демократия растет и усиливается за счет демократии буржуазной. В этом нет ничего случайного, это вытекает из социальной структуры общества. Но чем естественнее само явление, тем резче оно направляется против искусственных конструкций меньшевизма. Главной помехой на пути к торжеству буржуазно-демократи-

ческой революции является, таким образом, рост силы и значения партии пролетариата. Отсюда меньшевистская философия, направленная к тому, чтобы социал-демократия фактически выполняла ту роль, которая не по плечу выморочной буржуазной демократии, то есть чтобы социал-демократия действовала не как самостоятельная партия пролетариата, а как революционная агентура, стремящаяся к власти буржуазии. Совершенно очевидно, что, если бы социал-демократия стала на этот путь, она обрекла бы себя на такое же бессилие, как и левое крыло нашего либерализма. Ничтожество последнего, как и возрастающая сила революционной социал-демократии,— два явления, тесно связанные и дополняющие друг друга. Меньшевики не понимают, что социальные причины слабости буржуазной демократии являются в то же время источником силы и влияния социал-демократии. В бессилии первой они видят бессилие самой революции. Незачем говорить, насколько ничтожна эта мысль под углом зрения интернациональной социал-демократии, как партии мирового социалистического переворота. Достаточно того, что условия нашей революции таковы, каковы они суть. Причитаниями третьего сословия не воскресишь. Остается сделать вывод, что только классовая борьба пролетариата, подчиняющая его революционному руководству крестьянские массы, способна «довести революцию до конца».

* * *

Совершенно верно! — говорят большевики. Для победы в нашей революции необходима совместная борьба пролетариата и крестьянства. Но «коалиция пролетариата и крестьянства, одерживающая *победу* в буржуазной революции,— говорит Ленин в № 2 «Przegląd», * — и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Содержанием ее деятельности явится демократизация экономических и политических отношений в пределах частной собственности на средства производства. Ленин устанавливает принципиальное различие между социалистической диктатурой пролетариата и демократической (то есть буржуазно-демократической) диктатурой пролетариата и крестьянства. Эта логическая, чисто формальная операция

* «Przegląd» («Przegląd Socjaldemokratyczny») — «Социал-демократическое обозрение» — журнал, издаваемый польскими социал-демократами. *Н. В.*

вполне спасает, как ему кажется, от материального противоречия между низким уровнем производительных сил и господством рабочего класса. Если бы мы думали, говорит он, что можем совершить социалистический переворот, мы шли бы навстречу политическому краху. Но раз пролетариат, став вместе с крестьянством у власти, твердо сознает, что его диктатура имеет только «демократический характер», тогда все спасено. Эту мысль Ленин неутомимо повторяет начиная с 1904 г. Но от этого она не становится правильнее.

Так как социальные условия России не созрели для социалистического переворота, то политическая власть была бы для пролетариата величайшим несчастьем. Так говорят меньшевики. Это было бы верно, отвечает Ленин, если б пролетариат не сознавал, что дело идет только о *демократической* революции. Другими словами, выход из противоречия между классовыми интересами пролетариата и объективными условиями Ленин видит в политическом самоограничении пролетариата, причем это самоограничение должно явиться в результате теоретического сознания, что переворот, в котором рабочий класс играет руководящую роль, есть переворот буржуазный. Объективное противоречие Ленин переносит в сознание пролетариата и разрешает путем классового аскетизма, имеющего своим корнем не религиозную веру, а «научную» схему. Достаточно лишь ясно представить себе эту конструкцию, чтобы понять ее безнадежно-идеалистический характер.

В другом месте я обстоятельно показал, что уже на второй день «демократической диктатуры» вся эта идиллия марксистского аскетизма разлетится прахом. Под каким бы теоретическим знаком пролетариат ни стал у власти, он не сможет сейчас же, в первый же день, не столкнуться лицом к лицу с проблемой безработицы. Вряд ли ему в этом деле сильно поможет разъяснение разницы между социалистической и демократической диктатурой. Пролетариат у власти должен будет в той или другой форме (общественные работы и пр.) взять немедленно обеспечение безработных на государственный счет. Это, в свою очередь, немедленно же вызовет могучий подъем экономической борьбы и целую эпопею стачек: все это мы в малом размере видели в конце 1905 г. И капиталисты ответят тем, чем они ответили тогда на требование 8-часового рабочего дня: закрытием фабрик и заводов. Они повесят на воротах большие замки и при

этом скажут себе: «Нашей собственности не грозит опасность, так как установлено, что пролетариат сейчас занят не социалистической, а демократической диктатурой». Что сможет сделать рабочее правительство перед лицом закрытых фабрик и заводов? Оно должно будет открыть их и возобновить производство за государственный счет. Но ведь это же путь к социализму? Конечно! Какой, однако, другой путь вы сможете предложить?

Могут возразить: вы рисуете картину неограниченной диктатуры рабочих. Но ведь речь идет о коалиционной диктатуре пролетариата и крестьянства. Хорошо. Учтем и это возражение. Мы только что видели, как пролетариат, вопреки лучшим намерениям своих теоретиков, стер на практике логическую черту, которая должна была ограничивать его демократическую диктатуру. Теперь политическое самоограничение пролетариата предлагают дополнить объективной антисоциалистической «гарантией» в виде сотрудника-мужика. Если этим хотят сказать, что стоящая у власти — рядом с социал-демократией — крестьянская партия не позволит взять безработных и стачечников на государственный счет и отпереть закрытые капиталистами заводы и фабрики для государственного производства, то это значит, что мы в первый же день, то есть еще задолго до выполнения задач «коалиции», будем иметь конфликт пролетариата с революционным правительством. Конфликт этот может закончиться либо усмирением рабочих со стороны крестьянской партии, либо устранением этой последней от власти. И то и другое очень мало похоже на коалиционную «демократическую» диктатуру. Вся беда в том, что большевики классовую борьбу пролетариата доводят только до момента победы революции; после этого она временно растворяется в «демократическом» сотрудничестве. И лишь после окончательного республиканского устроения классовая борьба пролетариата снова выступает в чистом виде — на этот раз в форме непосредственной борьбы за социализм. Если меньшевики, исходя из абстракции — *«наша революция буржуазна»*, приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии, вплоть до завоевания ею государственной власти, то большевики, исходя из такой же голой абстракции — *«демократическая, а не социалистическая диктатура»*, приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними

в этом вопросе весьма значительна: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы *.

* * *

Победа революции может передать власть только в руки той партии, которая сможет опереться на вооруженный народ городов, то есть на пролетарскую милицию. Став у власти, социал-демократия окажется перед глубочайшим противоречием, которое нельзя устранить наивной вывеской «только демократической диктатуры». «Самоограничение» рабочего правительства означало бы не что иное, как предательство интересов безработных, стачечников, наконец, всего пролетариата во имя осуществления республики. Перед революционной властью будут стоять объективные социалистические задачи, но разрешение их на известном этапе столкнется с хозяйственной отсталостью страны. В рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет. Перед рабочим правительством с самого начала встанет задача: соединить свои силы с силами социалистического пролетариата Западной Европы. Только на этом пути его временное революционное господство станет прологом социалистической диктатуры. Перманентная революция станет, таким образом, для пролетариата России требованием классового самосохранения. Если бы у рабочей партии не оказалось достаточной инициативы для революционно-агрессивной тактики и она задумала бы перейти на сухоядение только национальной и только демократической диктатуры, соединенная реакция Европы не замедлила бы ей разъяснить, что рабочий класс, в руках которого находится государственная власть, должен всю ее обрушить на чашу весов социалистической революции.

---

* Примечание к нынешнему изданию. Этого, как известно, не случилось, так как под руководством тов. Ленина большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г., то есть до завоевания власти.

ПИСЬМО ТОВ. ТРОЦКОГО К ЧХЕИДЗЕ (1913 г.)[1]

Вена. 1 апреля 1913 г.,
Н. Троцкий в С.-Петербург, Таврический дворец,
члену Государственной думы
Николаю Семеновичу Чхеидзе[2].

Дорогой Николай Семенович. Во-первых, позволяю выразить Вам благодарность за то — не только политическое, но и эстетическое — удовольствие, которое получаешь от Ваших речей, в частности от Вашей последней речи по поводу хулиганства. Да и вообще нужно сказать: душа радуется, когда читаешь выступления наших депутатов, письма рабочих в редакции «Луча»[3] или когда регистрируешь факты рабочего движения. И каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно не поврежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из-за тех маргариновых разногласий, которые фабрикуются Лениным в Кракове[4].

«Успехи» Ленина сами по себе, каким бы тормозом они ни являлись, не внушают мне больше опасений. Теперь не 1903-й и не 1908 год[5]. На «темные деньги», перехваченные у Каутского и Цеткиной, Ленин поставил орган, захватил для него фирму популярной газеты и, поставив «единство» и «неофициальность» на ее знамени, привлек читателей-рабочих, которые в самом появлении ежедневной рабочей газеты, естественно, видели огромное свое завоевание[6]. А потом, когда газета окрепла, Ленин сделал ее рычагом кружковых интриганств и беспринципного раскольничества. Однако стихийная тяга рабочих к единству так непреодолима, что Ленину приходится систематически играть в прятки с читателями, говорить о

единстве снизу, проводя раскол сверху, представлять под кружковые и фракционные определения понятие классовой борьбы. Словом, все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Можно не сомневаться, что при разумном поведении другой стороны среди ленинцев начнется в самом недалеком будущем жестокое разложение — именно в линии вопроса: единство или раскол.

Но повторяю: при условии разумного поведения другой стороны. И если ленинизм сам по себе не внушает опасений, то должен признаться — у меня нет никакой уверенности в том, что наши друзья — ликвидаторы не помогут Ленину снова поправиться и укрепиться в седле.

Сейчас могут быть две политики: идейное и организационное разрушение переживших себя фракционных перегородок, а значит, и разрушение самих основ ленинизма, который несовместим с партийно-политической организацией рабочих, но зато великолепно расцветет на навозе фракционных межеваний. Или наоборот: фракционный подбор антиленинцев (или меньшевиков, или ликвидаторов) путем тщательного культивирования тактических разногласий. Известная часть меньшевиков — наиболее консервативная — склоняется именно к этой второй тактике. И в том, на мой взгляд, главные опасения.

Насколько я знаком с настроением большинства думской фракции[7], оно мне кажется спасительным для партийного развития в настоящее время. Но мне кажется, что это большинство слишком мало предприняло для того, чтобы познакомить партию со своими взглядами на партийный кризис. Соответственные действия фракции (решение на счет сотрудничества в обоих органах и пр.) были очень важны, но все ж эпизодичны. В том хаосе, который «Правда» поднимает вокруг фракции, исчезает для широких кругов (фракции) лицо...

Она должна в решительной, авторитетной форме заявить, что она по-прежнему отстаивает определенные внутренние задачи (то есть прежде всего единство) и отнюдь не готова стать пассивным материалом для кружковых экспериментов. Соответственный манифест со стороны фракции встретил бы самый живой отклик со стороны широких рабочих кругов и сразу превратил бы фракцию в средоточие всех прогрессивных и жизненных элементов социал-демократии. Но главное значение имеет другая постоянная задача — бдительный контроль над

«Лучом». Работа «Луча» за последние два-три месяца — мелочной и придирчивый полонизм, усердие по части формальной защиты платформы вместо политического ее применения; защита авторитетом августовской конференции всего прошлого ликвидаторства и даже отождествление «Луча» и большинства думской фракции с ликвидаторством — эта работа чрезвычайно облегчила Ленину его работу по части деморализации партии и разложения фракции (за самое последнее время «Луч» сильно выровнялся). И в сознание рабочих, для которых большинство фракции и «Луч» стали знаменем, внесено таким путем много смуты. И эта смута легла не только на газету, но и на фракцию, ибо рабочие редакции не знают, а знают, что за газету ответственны те восемь депутатов, которые объявили о своей солидарности с платформой «Луча». Если рассматривать все сказанное выше, то придется сказать так: самым важным условием всякого успеха в деле социал-демократического строительства является сейчас более активная «внутренняя» политика большинства думской фракции. Активная не в смысле вмешательства в мелочную склоку (упаси боже), а в смысле 1) решительного предъявления своего «вадемекума» — в виде, например, манифеста на страницах «Луча», 2) бдительного контроля над «Лучом» с целью полного устранения «атавистических» методов политики в том органе, который должен быть органом фракции, ибо у меня нет никакой уверенности в том, что завтра-послезавтра не последует нового «скачка в сторону». А такой скачок был бы спасителен для Ленина и убийствен для всех нас.

В частности, фракция могла в агитационных целях использовать немецкую инициативу по объединению социал-демократии [8]. Если бы Вы лично могли на Пасхе появиться в Берлине, это было бы во всех смыслах очень полезно (в частности, и для кавказской социал-демократии).

Желаю Вам всякого успеха и сердечно жму Вам руку.

Н. Троцкий

Адрес: Л. Бронштейну, XIX Родлергассе, 25-П, Вена [9].

ПИСЬМО Л. Д. ТРОЦКОГО М. С. УРИЦКОМУ (1915 г.) [1]

...Я Вас очень прошу со своей стороны написать Ролланд-Хольст [2] по следующему поводу. Более месяца тому назад Радек [3] обратился ко мне с предложением сотрудничать в журнале [4], во главе которого будут стоять Ролланд-Хольст и Паннекук [5]. Этот журнал должен был обнимать «центр» и экстремистскую левую Циммервальдской конференции (то есть те самые две группировки, наличность которых отрицает Мартов) [6], за исключением той группировки, к которой Мартов сейчас принадлежит. Я, разумеется, принял в принципе предложение и обратился к Ролланд-Хольст за необходимыми справками. Я себе дело рисовал так: вокруг Ролланд-Хольст, как своего представителя в редакции, группируется штаб сотрудников, в общем и целом единомышленных: группа «Нашего слова», немцы из группы Internationale, некоторые французы, Раковский [7] и прочие. Их связь между собою обеспечит им необходимое положение в коалиционном журнале, где экстремисты будут в качестве своего представителя иметь Паннекука. По конституции журнала голос одного из двух редакторов достаточен для напечатания статьи.

Но вот оказывается, что издание журнала перенесено в Швейцарию и в качестве секретаря фигурирует Радек, который за этот год совершил эволюцию от бледнорозового интернационализма к ленинскому экстремизму. В этом случае редакторство Ролланд-Хольст и Паннекука станет фикцией, а редакторство Ленина — реальностью. Но тогда журнал будет лишь переводом «Коммуниста» на немецкий язык. Мы здесь пришли к тому выводу, что сотрудничать в таком журнале — значит только прикрывать его узкокружковой характер и служить при-

манкой для отдельных интернационалистов. Так, Мерргейм ни в коем случае не дал бы своей статьи для чисто ленинского издания, но согласился бы сотрудничать в органе коалиционном. Ролланд-Хольст отдала Ленину для прикрытия свое безупречное имя, и само собой разумеется, что она не сможет иметь никакого влияния на журнал, который будет издаваться в Берне. К этому нужно прибавить еще личность Радека, к которому крайне отрицательно относятся многие немецкие товарищи, в том числе и интернационалисты. Как сотрудник, хотя бы и близкий,— это одно. Но как секретарь редакции... Ближе всего в Германии будет стоять к журналу, несомненно, Борхард, которого немецкая делегация единогласно отказалась включить в свой состав и который щеголял на конференции самодовольной глупостью. Участвовать в такой компании — значит компрометировать себя. Ролланд-Хольст не имеет понятия о тех перспективах, какие ей сулит новый журнал. Но мы, русские, можем ей на этот счет кое-что сообщить.

Одно из двух: либо журнал будет выходить в Голландии, под действительной редакцией Ролланд-Хольст и Паннекука, тогда мы все, нашесловцы, будем энергично поддерживать издание, за которым обеспечено в таком случае сотрудничество Мерргейма, Монатта, Росмера [8] и других. Либо же журнал останется в Швейцарии обеспечить такой секретариат или такую редакцию, которая вызывала бы полное к себе доверие и обеспечивала бы за журналом действительно коалиционный характер. Об этом вы напишите Ролланд-Хольст. Она более всего боится изолирования экстремистов, которые-де окончательно ударятся в крайность, отдав нас вместе с тем в жертву оппортунистам. Она находится тут под слишком большим впечатлением голландских условий. По отношению к России эти условия тоже имеют свою долю основания. Но если мы ставим интернациональный орган на немецком языке, то мы должны принять во внимание прежде всего Германию, а затем Францию и Англию. В Германии экстремисты ничтожны. А журнал Ленина будет между тем опираться именно на них. Во Франции и в Англии Ленин совсем не имеет единомышленников. Стремление Ролланд-Хольст во что бы то ни стало «не отрываться» от ленинцев ценою каких бы то ни было уступок может привести ее к тому, что она отвернется от своих действительных единомышленников и друзей в России, Германии, Англии и других странах. Было бы большой

ошибкой, если бы она — под влиянием национальных голландских условий — заняла позицию, которая чрезвычайно повредит ее интернациональным политическим действиям. Напишите ей, пожалуйста, об этом. Может быть, вы приведете некоторые части настоящего моего письма.

Никаких статей мы от нее не получали до сих пор. А между тем было бы в высшей степени желательно иметь от нее что-нибудь по злободневным вопросам.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

Ваш *Троцкий*

ПРОГРАММА МИРА[1]

Временное правительство второго состава[2] заявило в своей декларации, что намерено отстаивать мир без аннексий, без контрибуций и с гарантией права на национальное самоопределение. Эта формула могла показаться многим простодушным людям подлинным решением вопроса — особенно после империалистического бесстыдства г. Милюкова. Но кто знаком с формулами англо-французского изготовления (фирмы Ллойд-Джорджа — Бриана — Рибо[3]) или хотя бы с пацифистскими формулами американского президента Вильсона[4], тот не мог не отнестись к декларации Временного правительства со спасительным недоверием. Никогда со времени сотворения мира правящие классы не лгали так много, как в эпоху нынешней войны. «Эта война есть война за демократию». «Эта война есть война за мир и союз наций». «Эта война есть последняя война». Под прикрытием этих лозунгов шло и идет дальнейшее натравливание народа на народ. Чем оголеннее и бесстыднее исторический смысл нынешней империалистической бойни, тем более пышными формулами стремятся правящие и услужающие политики прикрыть ее содержание. Буржуазия Соединенных Штатов вмешалась в войну, защищая свое священное право вывозить в Европу амуницию и наживать миллиарды на европейской крови: тем настоятельнее было для демократического ханжи Вильсона привести в движение все хоругви пацифизма.

Над поставкой усыпляющих сознание формул особенно много потрудились социал-патриоты: в этом, собственно, и состояла их главная роль в механизме нынешней войны. Ставя перед массами такие цели, как «защита страны», или «установление международного третейского суда», или «освобождение угнетенных наций», социал-патриоты разрешение этих задач связывали в сознании

массы с победой оружия собственной страны. Они неутомимо мобилизовали идеалистические лозунги в интересах империализма.

Безвыходно-затяжной характер войны, всеобщее экономическое расстройство, рост недовольства и нетерпения в низах, уже нашедший свое первое выражение в великолепном прологе русской революции,— все это заставляет правящие обе коалиции искать путей к ликвидации войны.

Разумеется, самым лучшим способом ликвидации явилась бы так называемая «решительная победа». Германские империалисты доказывают, что без победы и всех вытекающих из нее преимуществ всему общественному режиму грозит опасность. Французские националисты не менее убедительно доказывали то же самое по отношению к Франции. Но чем дальше затягивается война, чем менее осуществимой становится «решительная победа» *, тем тревожнее и неувереннее становится настроение правящих, в том числе и их социал-патриотического фланга. Ликвидация войны путем гнилого соглашения (главным образом за счет малых и слабых народов) становится такой же задачей для официальной дипломатии, как восстановление «Интернационала» путем взаимного отпущения грехов — для дипломатии социал-патриотической.

Правящие ощущают острую потребность в мире. Но в то же время они боятся мира, ибо день открытия мирных переговоров будет днем подведения итогов. Именно поэтому официальная дипломатия не прочь, чтобы на хрупкий лед мирных переговоров вступили первыми дипломаты социал-патриотизма. Между собою и ими официальные правительства предусмотрительно устанавливают известную дистанцию — на случай провала. В этом полуофициальном нащупывании почвы для мирных переговоров и состоит основная задача предстоящей вскоре Стокгольмской «социалистической» конференции [5].

Внутренняя противоречивость этой конференции ярче всего вскрывается на политике русского Временного правительства и его составных частей. Во имя одной и той же программы «мира без аннексий» Терещенко [6], как нам говорят, убеждает союзных империалистов перейти

* В этой характеристике военного положения, которую давало «Наше слово» на основании оценки соотношения сил двух европейских лагерей, не учтена роль С.-Американских Соединенных Штатов, вмешательство которых привело к разгрому Германии.

к честному образу жизни, Керенский [7], не дожидаясь плодов этого убеждения, готовит русскую армию для наступления, а Церетели [8] и Скобелев [9] собираются в Стокгольм для неофициальных переговоров о мире. На увещания г. Терещенко итальянское правительство отвечает объявлением протектората над Албанией, а г. Рибо снова подтверждает необходимость полной победы и отказывает своим социалистам в паспортах для поездки в Стокгольм, куда приглашают их стоящие у власти русские коллеги г. Рибо. Как ни взять программу «мира без аннексий» и пр.— как тему ли для увещаний по адресу союзников, как лозунг для стратегического наступления или как предмет для переговоров между Церетели, Шейдеманом и Ренoccupied Ренoделем [10],— программа эта не внушает нам никакого доверия. Ренодель уже сейчас выясняет своим политическим господам, то есть правящим классам, что он собирается в Стокгольм прежде всего для того, чтобы разоблачить немецких социалистов и доказать французским и союзным рабочим необходимость войны «до конца». Надо думать, что Шейдеман вооружен — на худой конец — подобным же планом. Ничто не обеспечивает нам того, что конференция действительно станет хотя бы вступлением к мирным переговорам капиталистической дипломатии. Она может с такой же вероятностью стать средством разжигания потухающих шовинистических страстей. При таких условиях было бы с нашей стороны преступлением внушать рабочим массам доверие к Стокгольмской конференции и тем отвлекать их внимание от единственно верного, то есть революционного, пути к миру и братству народов.

Инициатива созыва Стокгольмской конференции находится в руках Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Это придает всему предприятию величайшую двойственность. Не будучи социалистической организацией, Совет говорит, однако, от имени глубоко революционных масс. В то же время во главе Совета, опираясь на недостаточную оформленность сознания этих масс, стоят политики, насквозь пропитанные мелкобуржуазным скептицизмом, недоверием к пролетариату и социальной революции.

«Было бы бесцельно,— говорят «Известия Совета» под давлением критики интернационалистов,— созывать конференцию социалистических дипломатов, которые пытались бы за кабинетным столом прийти к полюбовному соглашению насчет перекройки карты Европы. Такая

конференция не только не привела бы к положительным результатам, но могла бы сделать еще глубже пропасть, разделяющую социалистов разных стран, пока их кругозор не выходит за пределы национальных задач.

Действительно плодотворные результаты может дать лишь другая конференция — конференция, на которой каждая из явившихся групп с самого начала будет себя чувствовать одним из отрядов международной армии труда, собравшихся, чтобы общими силами делать общее дело.

Так именно,— заключают «Известия»,— и ставит вопрос письмо Исполнительного комитета».

При этом «Известия» скидывают со счетов то обстоятельство, что сам Исполнительный комитет теснейшими узами связан с русской капиталистической дипломатией, а через нее — и с дипломатией союзников. Высказываясь «в принципе» за разрыв национального единения, Исполнительный комитет тем прочнее стремится закрепить национальное единение у себя дома.

Построенная на таких началах конференция, если бы ей даже удалось собраться, не сможет на первых же шагах не обнаружить своей полной несостоятельности. Было бы легкомыслием или слепотой брать на себя ответственность перед массами за предприятие, в самой основе которого заложена двойственность и беспринципность.

Программа мира — для нас — есть программа международной революционной борьбы руководимых пролетариатом трудящихся масс против правящих классов. В Циммервальде и Кинтале [11] революционные социалисты с достаточной определенностью формулировали общие принципы такой борьбы. У нас сейчас меньше, чем когда бы то ни было, оснований отклоняться от них в сторону «принципов» Керенского или Церетели. Мы вошли в эпоху могущественных революционных потрясений. Политическая половинчатость, а тем более политический авантюризм будут быстро изживаться. Идти в ногу с историческим движением сможет только та партия, которая свою программу и тактику строит в расчете на развитие социально-революционной борьбы мирового, в первую голову европейского, пролетариата.

Петроград, 25 мая 1917 г.

I.
ЧТО ТАКОЕ ПРОГРАММА МИРА?

Что такое программа мира? С точки зрения господствующих классов или услужающих им партий, это совокупность тех требований, осуществление которых должно быть обеспечено силою милитаризма. Так, для осуществления «программы мира» г. Милюкова нужно с оружием в руках овладеть Константинополем. «Программа мира» Вандервельде[12] требует предварительного изгнания немцев из Бельгии. С этой точки зрения параграфы мира подводят только итоги тому, что сделано оружием войны. Иначе сказать, программа мира есть программа войны. Но так представляется дело *до вмешательства третьей силы* — Социалистического интернационала. Для революционного пролетариата программа мира означает не те требования, которые должен осуществить национальный милитаризм, а те, которые международный пролетариат хочет навязать своей революционной борьбой против милитаризма всех стран. Чем больше развертывается международное революционное движение, тем более независимыми становятся вопросы мира от чисто военного положения сторон, тем более сводится на нет опасность, что условия мира могут быть поняты массами как цели войны.

Это ярче всего раскрывается перед нами на вопросе о судьбе малых наций и слабых государств.

Война открылась сокрушительным натиском германских армий на Бельгию и Люксембург. В отклике, порожденном разгромом маленькой страны, наряду с фальшивым и корыстным негодованием правящих классов противного лагеря слышалось и неподдельное возмущение народных масс, симпатии которых были привлечены судьбою маленького народа, громимого только потому, что он оказался между двумя воюющими гигантами.

В тот начальный момент войны участь Бельгии привлекала внимание и сочувствие исключительностью трагизма. Но 34 месяца военных операций показали, что бельгийский эпизод был только первым шагом на пути разрешения основной задачи империалистической войны — *подчинения слабых сильным.*

На область международных отношений капитализм перенес те же методы, какими он «регулирует» внутреннюю хозяйственную жизнь отдельных наций. Путь конкуренции есть путь систематического крушения мелких и

средних предприятий и торжества крупного капитала. Мировое соперничество капиталистических сил означает систематическое подчинение мелких, средних и отсталых наций крупным и крупнейшим капиталистическим державам. Чем выше становится капиталистическая техника, чем большую роль играет финансовый капитал, чем более высокие требования предъявляет милитаризм, тем в большую зависимость попадают мелкие государства от великих держав. Этот процесс, составляющий необходимую составную часть в механике империализма, непрерывно совершался и в мирное время — через посредство государственных займов, железнодорожных и иных концессий, военно-дипломатических соглашений и пр. Война обнаружила и ускорила этот процесс, введя в него фактор открытого насилия. Она разрушает последние остатки «независимости» мелких государств, совершенно независимо от того, каков будет исход военного состязания между двумя основными лагерями.

Бельгия все еще стонет под гнетом немецкой солдатчины. Но это только внешнее кроваво-драматическое выражение крушения ее независимости. «Освобождение» Бельгии совершенно не стоит перед союзниками как самостоятельная задача. В дальнейшем ходе войны, как и после нее, Бельгия войдет составной и подчиненной частицей в великую игру капиталистических гигантов. Без вмешательства третьей силы — *революции* — Бельгия может в результате войны остаться в тисках Германии, попасть в кабалу к Великобритании или быть поделенной между великодержавными хищниками обеих коалиций.

Точно то же приходится сказать о *Сербии*, национальная энергия которой послужила гирькой на мировых империалистических весах, колебания которых в ту и другую сторону меньше всего зависят от самостоятельных интересов Сербии.

Центральные империи вовлекли в водоворот войны *Турцию* и *Болгарию*. Останутся ли эти две страны юго-восточными органами австро-германского империалистического блока («Срединная Европа») или превратятся в разменную монету при подведении счетов, война, во всяком случае, дописывает последнюю главу в историю их самостоятельности.

Отчетливее всего — до того как развернулась русская революция — оказалась ликвидированной независимость *Персии*, с которой в принципе покончило англо-русское соглашение 1907 г.

Румыния и *Греция* достаточно ясно показали нам, какую скромную «свободу» выбора предоставляет борьба империалистических трестов мелким государственным фирмам. Румыния предпочла жест свободного избрания, поднимая шлюзы своего государственного нейтралитета. Греция с пассивным упорством стремилась оставаться у себя «дома». Как бы для того, чтобы нагляднее обнаружить всю тщету «нейтралистской» борьбы за самосохранение, вся европейская война — в лице болгарских, турецких, французских, английских, русских и итальянских войск — перенеслась на греческую территорию. Свобода выбора распространяется в лучшем случае на *форму* самоупразднения. В конечном счете Румыния, как и Греция, подведет один и тот же итог: окажется ставкой в руках крупных игроков.

На другом конце Европы маленькая *Португалия* сочла нужным вмешаться в войну на стороне союзников. Ее решение могло бы казаться необъяснимым, если бы в вопросе о вмешательстве в свалку у Португалии, состоящей под английским протекторатом, было много больше свободы, чем у Тверской губернии или у Ирландии.

Капиталистические верхи *Голландии* и трех *Скандинавских стран* загребают благодаря войне горы золота. Но тем ярче ощущают четыре нейтральных государства европейского северо-запада всю призрачность своего «суверенитета», который, если ему и удастся пережить войну, подвергнется великодержавному «учету» в условиях мира.

«Независимая» *Польша* в империалистической Европе сможет поддерживать вывеску своей независимости, только ставши в кабальную финансовую и военную зависимость от одной из великодержавных группировок.

Государственная самостоятельность *Швейцарии* раскрыла все свое содержание в принудительной регламентации ее ввоза и вывоза. И уполномоченные маленькой федеративной республики, обивающие с шапкой в руке пороги обоих воюющих лагерей, могут составить себе ясное представление о том, что означают независимость и нейтралитет нации, которая не может поставить на ноги несколько миллионов штыков.

Если война — благодаря умножению своих фронтов и числа участников — превратилась в уравнение со многими неизвестными, исключающее для любого из правительств возможность формулировать так называемые «цели войны», то мелкие государства имеют то весьма,

впрочем, условное преимущество, что их историческая судьба может считаться заранее предопределенной. Какой бы из лагерей ни одержал победу и каков бы ни был размах этой победы, возврата назад, к независимости малых государств, уже не может быть. Победит ли Германия или Англия, это может решить вопрос лишь о том, *кто* будет непосредственным хозяином над малыми нациями. Но только шарлатаны или безнадежные простофили могут связывать вопрос о свободе малых народов с победой той или другой стороны.

Совершенно такой же результат будет иметь и третий, наиболее вероятный исход войны — *вничью:* отсутствие явного перевеса одного из воюющих лагерей над другим только заставит ярче обнаружиться перевес сильных над слабыми внутри каждого из лагерей и перевес их обоих — над «нейтральными» жертвами империализма. Исход войны без победителей и побежденных сам по себе никого ни от чего не гарантирует, *побежденными* все равно окажутся все мелкие и слабые государства: как те, что истекали кровью на полях сражений, так и те, что пробовали укрыться от судьбы в тени своего нейтралитета.

Независимость бельгийцев, сербов, поляков, армян и пр. является для нас не составной частью программы войны союзников (как для Геда [13], Плеханова [14], Вандервельде, Гендерсона [15] и прочих), а входит в программу борьбы международного пролетариата против империализма.

II
STATUS QUO ANTE BELLUM *

Но может ли пролетариат при настоящих условиях выдвигать свою самостоятельную программу мира, то есть свои решения тех вопросов, которые породили нынешнюю войну или которые вскрылись в ее течении?

Для осуществления такой программы, говорили нам, у пролетариата сейчас нет сил. Утопично надеяться, чтоб он осуществил свою собственную программу мира уже в результате нынешней войны. Другое дело — борьба за самое прекращение войны и за мир без аннексий, то есть за возвращение к status quo ante bellum (к тому порядку, какой был до войны). Это более реалистическая

* Тот порядок, какой был до войны.

программа. Таковы были, например, доводы Мартова, Мартынова[16] и вообще меньшевиков-интернационалистов, которые в этом вопросе, как и во всех других, стоят не на революционной, а на консервативной точке зрения (*не* социальная революция, а восстановление классовой борьбы, *не* III Интернационал, а восстановление II, *не* революционная программа мира, а возвращение к status quo ante bellum, *не* завоевание власти Советов рабочих и солдатских депутатов, а предоставление власти партиям буржуазии...). В каком, однако, смысле можно говорить о «реалистичности» борьбы за прекращение войны и за «мир без аннексий»? Что война раньше или позже прекратится, это несомненно. В этом *выжидательном* смысле лозунг прекращения войны, бесспорно, очень «реалистичен», ибо бьет наверняка. А в революционном смысле? Не утопично ли надеяться — так можно бы возразить,— что европейскому пролетариату, при его нынешних силах, удастся приостановить военные действия *против* воли правящих классов? И не отказаться ли поэтому от лозунга прекращения войны? Далее. При каких условиях произойдет это прекращение? Тут могут быть, теоретически рассуждая, три типических положения: 1) решительная победа одной из сторон; 2) общее истощение противников при отсутствии решающего перевеса какой-либо стороны; 3) вмешательство революционного пролетариата, приостанавливающее «естественное» развитие военных событий.

Совершенно очевидно, что в первом случае, когда война заканчивается решительной победой одной стороны, наивно мечтать о «мире без аннексий». Если Шейдеманы и Ландсберги, всемерно поддерживающие работу своего милитаризма, выступают в парламенте за «мир без аннексий», то именно в твердом расчете на то, что такого рода протесты никаким «полезным» аннексиям помешать не могут. С другой стороны, наш собственный верховный командующий генерал Алексеев[17], объявляющий «мир без аннексий» «утопической фразой», совершенно основательно заключает, что главное дело — наступление и что в случае успеха военных операций все остальное приложится само собою*. Для того чтоб вырвать аннексии из рук победоносной стороны, вооруженной с ног до головы, пролетариату, очевидно, понадобились бы помимо доброй воли революционная сила и прямая

* Выход ген. Алексеева в отставку нимало не нарушает основательности его суждения.

готовность открыто пустить ее в дело. Во всяком случае, в его распоряжении нет никаких «экономных» средств добиться от победоносной стороны отказа от использования достигнутой победы.

Второй исход войны, на который и рассчитывают преимущественно сторонники ограниченной программы «мира без аннексий — и только», предполагает, что война, не прерываемая революционным вмешательством третьей силы, исчерпывает все ресурсы воюющих и заканчивается измором — без победителей и побежденных. К этому состоянию, когда милитаризм окажется слаб для завоеваний, а пролетариат — для революции, пассивные интернационалисты и приспособляют свою куцую программу «мира без аннексий», которую они нередко формулируют как возвращение к status quo ante bellum, то есть к порядку, какой был до войны. Но здесь-то мнимый реализм и открывает свою ахиллесову пяту. На самом деле исход войны «вничью», как мы уже показали выше, вовсе не исключает аннексий; наоборот, *предполагает* их. Если ни одна из двух великодержавных группировок не победит, это вовсе не значит, что Сербия, Греция, Бельгия, Польша, Персия, Сирия, Армения и пр. останутся неприкосновенными. Наоборот, именно за счет третьего, слабейшего, и будут произведены в этом случае аннексии. Чтобы помешать этим взаимным «компенсациям» (вознаграждениям), международному пролетариату нужно прямое революционное восстание против правящих. Газетные статьи, резолюции съездов, парламентские протесты и даже уличные манифестации никогда не мешали и не мешают правящим — путем ли победы или путем соглашения — совершать территориальные захваты и попирать слабые народности.

Что касается третьего исхода, то он яснее всего. Он предполагает, что международный пролетариат еще в разгаре этой войны подымется с такой силой, что парализует и приостановит войну снизу. Совершенно очевидно, что в этом наиболее благоприятном случае пролетариат, у которого хватило сил приостановить войну, менее всего сможет и захочет ограничиться чисто консервативной программой, сводящейся к отрицанию аннексий.

Действительное осуществление «мира без аннексий» предполагает, как видим, во *всех случаях* могущественное революционное движение пролетариата. Но, предполагая такое движение, указанная программа остается совершенно мизерной по отношению к нему, резюмируясь

в требовании восстановления того порядка, какой был до войны и из которого выросла война. Европейский status quo ante bellum — продукт войн, хищений, насилий, легитимизма, дипломатической тупости и бессилия народов — остается единственным положительным содержанием лозунга «без аннексий».

В своей борьбе против империализма пролетариат не может ставить себе политической целью возвращение к старой европейской карте, он должен выдвинуть *свою собственную программу государственных и национальных отношений,* отвечающую основным тенденциям экономического развития, революционному характеру эпохи и социалистическим интересам пролетариата.

Изолированно поставленный лозунг «без аннексий» не дает, прежде всего, никакого критерия для политической ориентировки в отдельных вопросах, как они ставятся ходом войны. Если предположить, что Франция в дальнейшем займет Эльзас и Лотарингию, обязана ли германская социал-демократия, вслед за Шейдеманом, требовать возвращения этих провинций Германии? Потребуем ли мы возвращения Царства Польского России? Будем ли мы стоять на том, чтобы Япония вернула Киао—Чау... Германии? Чтоб Италия возвратила по принадлежности занятые ею части Трентино? Это было бы бессмыслицей! Мы оказались бы фанатиками легитимизма, то есть защитниками династических и «исторических» прав в духе самой реакционной дипломатии. Да беда в том, что и эта «программа» потребовала бы для своего осуществления революции. Во всех перечисленных и других подобных случаях, поставленные лицом к лицу с конкретной действительностью, мы сможем, очевидно, выдвинуть только один принцип: *опрос заинтересованного населения.* Разумеется, это критерий совсем не абсолютный. Так, французские «социалисты» из большинства сводят опрос населения (Эльзас-Лотарингии) к постыдной комедии: сперва оккупировать, то есть захватить военной силой, затем потребовать согласия быть аннексированными. Совершенно очевидно, что действительный опрос предполагает *революционные условия*, когда население может давать ответ не под дулом револьвера, немецкого или французского — все равно.

Единственное приемлемое содержание лозунга «без аннексий» сводит его, таким образом, к протесту против новых *насильственных* захватов, стало быть к отрицательному выражению *права наций на самоопределение.*

Но мы видели, что это демократически бесспорное «право» неизбежно превращается и будет превращаться для сильных наций в право захвата и попрания, а для слабых — в бессильное пожелание или в «клочок бумаги», доколе политическая карта Европы замыкает нации и осколки наций в рамки государств, таможнями отделенных друг от друга и непрерывно сталкивающихся в империалистической борьбе. А преодоление этого режима мыслимо только через пролетарскую революцию. *В сочетании пролетарской программы мира с программой социальной революции и лежит центр тяжести вопроса.*

III

ПРАВО НАЦИИ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ [18]

Мы видели выше, что социал-демократия не может шагу ступить при решении конкретных вопросов в области национально-государственных перегруппировок и новообразований без принципа национального самоопределения, который — в последнем своем выводе — означает признание за каждой национальной группой права определять свою *государственную судьбу,* стало быть отделяться от данного государства национальностей (например, Россия, Австрия). Единственно демократический путь узнать «волю» нации — это опросить ее путем референдума. Но этот ответ, демократически обязательный, останется в изложенном виде чисто *формальным.* Он ничего не говорит нам о реальных возможностях, путях и средствах национального самоопределения в современных условиях капиталистического хозяйства. А между тем в этом именно центр тяжести вопроса.

Для многих, если не для большинства, угнетенных наций и национальных групп и осколков самоопределение означает расторжение существующих границ и расчленение нынешних государств. В частности, этот демократический принцип ведет к освобождению колоний. Между тем вся политика империализма направлена на расширение государственных границ независимо от национального принципа, на принудительное включение слабых народов в таможенную черту, на захват новых колоний. Империализм экспансивен и *наступателен* по существу, и именно этим своим качеством он характеризуется, а не изменчивыми маневрами дипломатии.

Таким образом, принцип национального самоопределения, во многих случаях ведущий к государственной и

экономической децентрализации (расчленение, распад), враждебно сталкивается с могущественными централизаторскими стремлениями империализма, имеющего в своих руках государственную организацию и военную силу. Правда, во многих случаях национально-сепаратистское движение находит поддержку в империалистических происках *соседнего* государства. Но эта поддержка может стать решающей только путем применения военной силы. А как только дело доходит до военного столкновения двух империалистических организаций, *новые* государственные границы определяются не на основе национального принципа, а на основе соотношения военных сил. *Заставить* победоносное государство отказаться от аннексии вновь завоеванных земель так же трудно, как и принудить его дать ранее захваченным провинциям свободу самоопределения. Наконец, если б даже совершилось чудо и Европа оказалась силою оружия — о чем разглагольствуют полуфантасты-полуплуты типа Эрве [19] — разбита на законченные национальные государства и государствица, этим ни в малой мере не был бы разрешен национальный вопрос. На другой же день после «справедливого» национального передела капиталистическая экспансия возобновила бы свою работу, начались бы столкновения, войны и новые захваты с полным нарушением национального принципа во всех тех случаях, когда на его охране не оказывалось бы достаточного количества штыков. Все вместе производило бы такое впечатление, как если бы азартные игроки были вынуждены посреди игры «справедливо» перераспределить между собою золото, чтобы затем, с двойным неистовством возобновить ту же игру.

Из могущества централистических тенденций империализма вовсе не вытекает для нас, однако, обязательство пассивного преклонения перед ними. Национальная общность является живым очагом культуры, как национальный язык — ее живым органом, и это свое значение они сохранят еще в течение неопределенно долгих исторических периодов. Социал-демократия хочет и должна в интересах материальной и духовной культуры обеспечить за национальной общностью свободу развития (или растворения), именно в этом смысле она переняла от революционной буржуазии демократический принцип национального самоопределения как политическое обязательство.

Право на национальное самоопределение не может быть устранено из пролетарской программы мира; но оно не может претендовать на *абсолютное* значение: наоборот, оно ограничено для нас встречными и глубоко прогрессивными тенденциями исторического развития. Если это «право» должно быть — путем революционной силы — противопоставлено империалистическим методам централизма, закабаляющего слабые и отсталые народы и попирающего очаги национальной культуры, то, с другой стороны, пролетариат не может позволить «национальному принципу» стать поперек дороги неотразимому и глубоко прогрессивному стремлению современного хозяйства планомерно организоваться на всем нашем континенте и далее на всем земном шаре. Империализм есть капиталистически-хищническое выражение этой тенденции хозяйства — окончательно вырваться из идиотизма национальной ограниченности, как оно вырвалось в свое время из идиотизма ограниченности деревенской и областной. Борясь против империалистической формы хозяйственной централизации, социализм не только не выступает против самой тенденции. но, наоборот, делает ее своим собственным руководящим принципом.

С точки зрения исторического развития. как и с точки зрения задач социал-демократии, централизующая тенденция современного хозяйства является *основной,* и за ней должна быть обеспечена полная возможность выполнения ее поистине освободительной исторической миссии — *постройки объединенного мирового хозяйства* независимо от национальных рамок и государственно-таможенных застав, подчиненного только свойствам почвы, недр земных, климата и потребностям разделения труда. Поляки, эльзасцы, далматинцы, бельгийцы, сербы и еще не захваченные малые и слабые европейские нации лишь в том случае могут быть восстановлены или впервые утверждены в тех национальных очертаниях, к которым они тяготеют, и, главное, лишь в той мере смогут в этих очертаниях оставаться и свободно вести свое культурное существование, в какой национальные группировки перестанут быть хозяйственными группировками, не будут связаны с государственными границами, не будут экономически отделены друг от друга и противопоставлены друг другу. Другими словами, для того чтобы поляки, сербы, румыны и прочие могли создать действительно нестесненные национальные объединения, нужно, чтоб были уничтожены расщепляющие их ныне на части

государственные границы; нужно, чтоб рамки государства *(как хозяйственной, а не национальной организации)* раздвинулись, охватив всю капиталистическую Европу, изрезанную таможнями и границами и раздираемую ныне войной. Предпосылкой самоопределения больших и малых наций Европы является государственное объединение самой Европы. Только под кровлей демократически объединенной Европы, освобожденной от государственно-таможенных перегородок, возможно национально-культурное существование и развитие, освобожденное от национально-экономических антагонизмов, на основе действительного самоопределения.

Эта прямая и непосредственная зависимость национального самоопределения слабых народов от всего европейского режима исключает возможность для пролетариата ставить вопрос, например, о независимости Польши или объединении всех сербов *вне европейской революции.* Но это, с другой стороны, означает, что право на самоопределение — как составная часть пролетарской программы мира — имеет не «утопический», а революционный характер. Это соображение направляется по двум адресам: против немецких Давидов и Ландсбергов, которые с высоты своего империалистического «реализма» шельмуют принцип национальной независимости как реакционную романтику; и против упростителей из нашего революционного лагеря, которые объявляют этот принцип осуществимым только при социализме и этим избавляют себя от необходимости дать принципиальный ответ на национальные вопросы, в упор поставленные войной.

Между нашим нынешним общественным состоянием и социализмом пролегает еще большая эпоха *социальной революции,* то есть эпоха открытой борьбы пролетариата за государственную власть, завоевания ее и применения этой власти в целях полной демократизации общественных отношений и систематического преобразования капиталистического общества в социалистическое. Это эпоха не умиротворения и успокоения, а, наоборот, высшего напряжения социальной борьбы, эпоха народных восстаний, войн, расширяющихся опытов пролетарского режима, социалистических реформ. Эта эпоха потребует от пролетариата практического, то есть непосредственно действенного, ответа на вопрос о дальнейших условиях существования нации и ее взаимоотношениях с государством и хозяйством.

IV
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ[20]

Мы пытались выше установить, что экономическое и политическое объединение Европы является необходимой предпосылкой самой возможности национального самоопределения. Как лозунг *национальной независимости* сербов, болгар, греков и прочих остается голой абстракцией без дополняющего его лозунга *федеративной балканской республики,* играющего такую огромную роль во всей политике балканской социал-демократии, так в общеевропейском масштабе принцип «права» на самоопределение может получить плоть и кровь только в условиях европейской федеративной республики.

Но если на Балканском полуострове лозунг демократической федерации стал чисто пролетарским, то тем более это относится к Европе, с ее несравненно более глубокими капиталистическими антагонизмами.

Непреодолимой трудностью для буржуазной политики является уничтожение «внутренних» европейских таможен, а без этого межгосударственные третейские суды и кодексы будут обладать не большей прочностью, чем, например, бельгийский нейтралитет. Стремление к объединению европейского рынка, порождаемое — наравне со стремлением к захвату отсталых неевропейских стран — развитием капитализма, наталкивается на могущественное сопротивление самих же аграрных и капиталистических классов, в руках которых таможенный аппарат в сочетании с аппаратом милитаризма (без которого первый — ничто) является незаменимым орудием эксплуатации и обогащения.

Венгерская финансовая и промышленная буржуазия противится экономическому объединению с капиталистически более развитой Австрией. Австро-венгерская буржуазия непримиримо относится к идее таможенной унии с более сильной Германией. С другой стороны, германские аграрии никогда добровольно не примут уничтожения хлебных пошлин. Что экономические интересы имущих классов центральных империй не так легко согласовать с интересами англо-франко-русских капиталистов и аграриев, об этом достаточно красноречиво свидетельствует нынешняя война. Наконец, несогласованность и несогласуемость капиталистических интересов в среде

самих союзников еще более очевидна, чем в центральных империях. В этих условиях сколько-нибудь полное экономическое объединение Европы *сверху*, путем соглашения капиталистических правительств, является чистейшей утопией. Тут дело не может идти дальше частичных компромиссов и полумер. Тем самым экономическое объединение Европы, сулящее огромные выгоды производителю и потребителю, всему вообще культурному развитию, становится революционной задачей европейского пролетариата в борьбе с империалистическим протекционизмом и его орудием — милитаризмом.

Соединенные Штаты Европы — без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии — являются поэтому важнейшей составной частью пролетарской программы мира.

Идеологи и политики германского империализма выдвигали не раз, особенно в начале войны, свою программу европейских или, по крайней мере, среднеевропейских (без Франции и Англии, с одной стороны, России — с другой) «соединенных штатов». Программа насильственного объединения Европы так же характерна для тенденций немецкого империализма, как для французских тенденций — программа насильственного расчленения Германии.

Если б немецкие армии одержали ту решительную победу, на которую в Германии рассчитывали в первую эпоху войны, германский империализм сделал бы, несомненно, гигантскую попытку осуществить принудительный военно-таможенный союз европейских государств, весь построенный на изъятиях и компромиссах, которые свели бы к минимуму прогрессивное значение объединения европейского рынка. Незачем говорить, что при этих условиях не могло бы быть и речи об автономии наций, насильственно связанных в карикатуру Европейских Соединенных Штатов. Такова именно перспектива, которую выдвигали иные оппоненты против защищаемой нами программы Соединенных Штатов Европы в доказательство того, что эта идея может, при известных условиях, получить «реакционное» монархически-империалистическое осуществление. Между тем именно эта перспектива является самым ярким свидетельством в пользу революционной жизненности лозунга Соединенных Штатов. Если б немецкому милитаризму удалось в самом деле насильственное полуобъединение Европы, как прусский милитаризм осуществил в свое время полуобъединение Гер-

мании, каков был бы центральный лозунг европейского пролетариата? Расторжение навязанного европейского единства и возвращение всех народов под кровлю изолированных национальных государств? Восстановление «автономных» таможен, «национальной» монеты, «национального» социального законодательства и пр.? Разумеется, нет. Программой революционного европейского движения стало бы уничтожение насильственной, антидемократической формы осуществленного единства при сохранении и дальнейшем развитии его основ — в виде полного уничтожения таможенных перегородок, объединения законодательства, прежде всего рабочего, и пр. Другими словами, лозунг Соединенных Штатов Европы — *без монархий и постоянных армий* — стал бы в указанных условиях объединяющим и направляющим лозунгом европейской революции.

Возьмем второй случай — исход войны «вничью». Еще в самом начале войны известный профессор Лист, пропагандист «объединенной Европы», доказывал, что в случае, если бы Германии не удалось победить своих противников, европейское объединение все равно произошло бы — даже еще полнее, по мнению Листа, чем в случае германской победы. При все возрастающей потребности в экспансии (расширении) враждебно противостоящие друг другу, но неспособные в то же время друг с другом справиться, европейские государства продолжали бы мешать друг другу выполнить свою «миссию» на Ближнем Востоке, в Африке и Азии и оказались бы повсюду оттесняемы Соединенными Штатами Америки и Японией. Именно при исходе войны «вничью» выдвинется, по мысли Листа, на передний план необходимость экономического и военного соглашения европейских великих держав против слабых и отсталых народов, и прежде всего, разумеется, против собственных рабочих масс. Выше мы указали уже, какие огромные препятствия стоят на пути осуществления этой программы. Преодоление этих препятствий, хотя бы только наполовину, означало бы создание империалистического треста европейских государств, хищнического товарищества на паях. И эта перспектива неосновательно выдвигается подчас как доказательство «опасности» лозунга Соединенных Штатов, тогда как на самом деле она является самым ярким доказательством его реалистического и революционного значения. Если б капиталистическим государствам Европы удалось сплотиться в империалистический трест, это,

разумеется, означало бы шаг вперед по сравнению с *нынешним* состоянием, ибо прежде всего создавало бы объединенную общеевропейскую материальную базу для рабочего движения. Пролетариату и в этом случае приходилось бы бороться не за возврат к «автономному» национальному государству, а за превращение империалистического треста государств в республиканскую европейскую федерацию.

Об этих широких планах объединения Европы *сверху* говорят, однако, тем меньше, чем дальше подвигается война, обнаруживающая полную неспособность милитаризма справиться с вопросами, вызвавшими войну. На смену империалистическим «Соединенным Штатам Европы» выступили планы экономического объединения Австро-Германии, с одной стороны, четверного Согласия [21] — с другой, с боевым тарифом и дополняющим его милитаризмом друг против друга. После сказанного выше незачем пояснять, какое огромное значение (при осуществлении этих планов) получила бы в политике пролетариата обоих государственных «трестов» борьба против воздвигнутой ими таможенной и военно-дипломатической стены — за экономическое объединение Европы.

Но сейчас, после столь многообещающего начала русской революции, у нас есть все основания надеяться на то, что еще в течение этой войны развернется во всей Европе могущественное революционное движение. Ясно, что оно сможет успешно развиваться и прийти к победе только как *общеевропейское*. Оставаясь изолированным в национальных рамках, оно оказалось бы обречено на гибель. Наши социал-патриоты указывают на опасность, грозящую русской революции со стороны германского милитаризма. Эта опасность несомненна, но это не единственная опасность. Английский, французский, итальянский милитаризм является не менее грозным врагом русской революции, чем военная машина Гогенцоллерна. Спасение русской революции — в перенесении ее на всю Европу. Если б революционное движение развернулось в Германии, немецкий пролетариат искал бы — и нашел бы — революционный отклик во «вражеских» странах Запада, и если бы в одной из стран Европы пролетариат вырвал из рук буржуазии власть, он был бы вынужден, хотя бы только для того, чтоб удержать эту власть в своих руках, немедленно поставить ее на помощь революционному движению в других странах. Иными слова-

ми, установление прочного режима пролетарской диктатуры оказалось бы мыслимым только на протяжении всей Европы, стало быть в форме европейской республиканской федерации. Государственное объединение Европы, не достигнутое ни силою оружия, ни промышленными и дипломатическими договорами, встало бы в этом случае как неотложная задача победоносного революционного пролетариата.

Соединенные Штаты Европы есть лозунг революционной эпохи, в которую мы вступили. Какой бы ход ни приняли в дальнейшем военные действия, как бы дипломатия ни подвела итоги нынешней войне, каким бы темпом ни пошло в ближайший период развитие революционного движения, лозунг Соединенных Штатов Европы получит во всех случаях огромное значение, как политическая формула борьбы европейского пролетариата за власть. В этой программе находит свое выражение тот факт, что национальное государство пережило себя — как рама для развития производительных сил, как база для классовой борьбы и тем самым как государственная форма диктатуры пролетариата. Наше отрицание «защиты отечества», как пережившей себя политической программы пролетариата, перестает быть чисто отрицательным актом идейно-политической самообороны, а получает все свое революционное содержание лишь в том случае, если консервативной защите устаревшего национального отечества мы противопоставляем прогрессивную задачу создания нового, более высокого «отечества» революции — республиканской Европы, исходя из которой пролетариат только и сможет революционизировать и организовать весь мир.

В этом, между прочим, ответ тем, которые догматически спрашивают: «Почему объединение Европы, а не всего мира?» Европа не только географический термин, а и некоторая экономическая и культурно-историческая общность. Европейской революции не приходится дожидаться революции в Азии и Африке, ни даже в Австралии и Америке. А между тем победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии, и наоборот. Настоящую войну называют мировой, но воюет-то, даже и после вмешательства Соединенных Штатов, все-таки Европа. И революционные проблемы стоят прежде всего перед европейским пролетариатом.

Само собой разумеется, что Соединенные Штаты Европы станут лишь одной из двух осей *мировой*

организации хозяйства. Другой осью явятся Соединенные Штаты Америки.

Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение против лозунга Соединенных Штатов было формулировано в швейцарском «Социал-демократе»[22] в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции неодинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствуют и опыт истории, и теоретические соображения,— что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире.

Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма. Вальян до конца дней своих считал Францию обетованной землей социальной революции и именно в этом смысле стоял за ее защиту до конца. Ленч и другие — одни лицемерно, другие искренно — считают, что поражение Германии означает в первую голову разрушение основы социальной революции. Наконец, наши Церетели и Черновы[23], воспроизводя в наших национальных условиях печальнейший опыт французского министериализма, клянутся, что их

политика служит делу революции и не имеет поэтому ничего общего с политикой Геда и Самба[24]. Не нужно вообще забывать, что в социал-патриотизме наряду с вульгарнейшим реформизмом подвизается национально-революционный мессианизм, который считает именно свое национальное государство — по состоянию ли его индустрии или по его демократической форме и революционным завоеваниям — призванным ввести человечество в социализм или в «демократию». Если б победоносная революция действительно мыслима была в пределах одной более подготовленной нации, этот мессианизм, связанный с программой национальной обороны, имел бы свое относительное историческое оправдание. Но он его на самом деле не имеет. Бороться за охранение национальной базы революции такими методами, которые подрывают интернациональные связи пролетариата,— значит фактически подкапываться под революцию, которая не может не начаться на национальной базе, но которая не может на ней завершиться при нынешней экономической и военно-политической взаимозависимости европейских государств, никогда еще не раскрывавшейся с такой силой, как именно в нынешней войне. Этой взаимозависимости, которая будет прямо и непосредственно обусловливать согласование действий европейского пролетариата в революции, и дает выражение лозунг Соединенных Штатов Европы.

Социал-патриотизм, который принципиально, если не всегда фактически, есть доведение до последних выводов и применение к империалистической эпохе социал-реформизма, предлагает нам в нынешней мировой катастрофе направлять политику пролетариата по линии «меньшего зла», примыкая к одной из воюющих группировок. Мы отбрасываем этот метод. Мы говорим, что подготовленная всем предшествующим развитием европейская война поставила ребром *основные* проблемы современного капиталистического развития в *целом* и что линия поведения международного пролетариата и его национальных отрядов должна определяться не вторичными политическими и национальными признаками, не проблематическими выгодами военного перевеса той или другой стороны — причем за эти гадательные выгоды приходится авансом платить полным отказом от самостоятельной политики пролетариата,— а основным антагонизмом международного пролетариата и капиталистического режима в целом.

Эта единственно принципиальная постановка вопроса имеет по самому существу своему социально-революционный характер. И только она дает теоретическое и историческое оправдание тактике революционного интернационализма.

Отказывая государству — не от имени пропагандистского кружка, а от имени важнейшего класса — в поддержке во время величайшей катастрофы, интернационализм не просто пассивно уходит «от греха», но говорит, «что судьба мирового развития не связана для нас больше с судьбой национального государства, более того, что это последнее стало тисками развития и должно быть преодолено, то есть заменено более высокой хозяйственно-культурной организацией на более широком фундаменте. *Если бы проблема социализма могла быть совместима с рамками национального государства, то она тем самым была бы совместима с национальной обороной.* Но проблема социализма встает перед нами на империалистической основе, то есть в таких условиях, когда сам капитализм вынужден насильственно ломать им же установленные национально-государственные рамки.

Империалистическое полуобъединение Европы могло бы быть достигнуто, как мы старались показать, в результате как решительной победы одной группы великих держав над другой, так и самого нерешительного окончания войны. И в том и в другом случае объединение Европы означало бы полное попрание принципа национального самоопределения для всех слабых наций и сохранение и централизацию всех сил и орудий европейской реакции: монархии, постоянной армии и тайной дипломатии.

Демократическое, республиканское объединение Европы, действительно способное обеспечить свободу национального развития, возможно только путем революционной борьбы против милитаристического, империалистического, династического централизма, путем восстаний в отдельных странах; путем слияния этих восстаний в общеевропейскую революцию. Но победоносная европейская революция — каковы бы ни были ее перипетии в отдельных странах — за отсутствием других революционных классов, может передать власть только пролетариату. Следовательно, Европейские Соединенные Штаты прежде всего представляют собой форму — единственно мыслимую форму — диктатуры европейского пролетариата.

ПОСЛЕСЛОВИЕ (1922 г.)

«Программа мира» тесно примыкает по своему содержанию к напечатанной в первом томе работе «Война и Интернационал»[25].

Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных, странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли. Борьба за революционно-государственное самосохранение вызвала за этот период чрезвычайное понижение производительных сил; социализм же мыслим только на основе их роста и расцвета. Торговые переговоры с буржуазными государствами, концессии, Генуэзская конференция и пр. являются слишком ярким свидетельством невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках. До тех пор пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены — в борьбе с экономической изолированностью — искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения в лучшем случае могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы.

Что Европа представляет не только географический, но и хозяйственно-политический термин, об этом ярко свидетельствуют события последних лет: упадок Европы, рост могущества Соединенных Штатов, попытки Ллойд-Джорджа «спасти» Европу при помощи комбинации методов империализма и пацифизма.

Сейчас европейское рабочее движение находится в периоде оборонительных действий, собирания сил и подготовки. Новый период открытых революционных боев

за власть неизбежно выдвинет вопрос о государственных взаимоотношениях народов революционной Европы. Единственным программным решением этого вопроса являются Европейские Соединенные Штаты. Поскольку опыт России выдвинул Советское государство как наиболее естественную форму диктатуры пролетариата и поскольку пролетарский авангард других стран принципиально усыновил эту государственную форму, можно полагать, что — при возрождении непосредственной борьбы за власть — европейский пролетариат выдвинет программу Федеративной Европейской Советской Республики. Опыт России в этом отношении крайне поучителен. Он свидетельствует о полной совместимости при режиме пролетариата самой широкой национальной и культурной автономии с хозяйственным централизмом. В этом смысле лозунг Соединенных Штатов Европы, переведенный на язык Советского государства, не только сохраняет весь свой смысл, но еще только обещает обнаружить свое огромное значение в предстоящую эпоху социальной революции.

«1905»[1]

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

События 1905 г. являются могущественным прологом к революционной драме 1917 г. В течение ряда лет победоносной реакции 1905 год стоял перед нашим сознанием как законченное целое, как *русская революция*. Сейчас он эту самостоятельность утратил, нисколько не умалившись в своем историческом значении. Революция 1905 г. непосредственно выросла из русско-японской войны, как революция 1917 г. явилась непосредственным плодом великой империалистической бойни. Таким образом, и по происхождению и по развитию пролог заключал в себе все элементы той исторической драмы, свидетелями и участниками которой мы ныне являемся. Но в прологе эти элементы заключались в сжатом, еще не развернутом виде. Все составные силы, выступавшие в 1905 г. на арене борьбы, ярче, чем ранее, освещаются теперь отбрасываемым назад светом событий 1917 г. Красный Октябрь, как мы его называли уже и тогда, вырос через 12 лет в другой, несравненно более могучий и подлинно победоносный Октябрь [...]

События 9 января [...] потребовали конкретной постановки вопроса о революционной власти. С этого момента остро ставится в рядах тогдашней русской социал-демократии вопрос о природе русской революции и ее внутренней классовой динамике. Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции»[2]. Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие, буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки

власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране (с подавляющим большинством крестьянского населения) смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав, в силу исторической необходимости, ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, то есть должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой.

Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком. Русская революция не могла завершиться буржуазно-демократическим режимом. Она должна была передать власть рабочему классу. Если этот последний оказался в 1905 г. еще слишком слаб для завоевания власти, то крепнуть и дозревать ему пришлось не в буржуазно-демократической республике, а в подполье третьеиюньского царизма[3]. Пролетариат пришел в 1917 г. к власти, опираясь на приобретенный в 1905 г. опыт своего старшего поколения. Молодым рабочим нужно овладеть этим опытом, нужно знать историю 1905 г.

Л. Троцкий

Москва, 12 января 1922 г.

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ[1]

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

В Брест-Литовск мы отправились для того, чтобы заключить мир[2]. Почему? Потому что воевать не могли. На совещании представителей фронта мы произвели предварительную анкету, вывод которой был совершенно ясен: армия не хочет и не может воевать. Вывод этот был, впрочем, только формальным подтверждением вполне очевидного факта [...]

Мы все были солидарны в том, что переговоры нужно тянуть как можно долее, чтобы извлечь из них агитационный «капитал» и в то же время выгадать как можно более времени, дав истории возможность приблизить нас к германской и общеевропейской революции[3]. Разногласия начались с вопроса: как быть в случае ультиматума? Тов. Ленин ставил вопрос ребром: ни в коем случае не доводить переговоров до разрыва. Раз мы не можем вести войну, то непозволительно играть с войной. Меньшинство партии («левые коммунисты».— *Н. В.*), наоборот, считало обязательным довести переговоры до разрыва, чтобы ответить на наступление партизанской войной. Наконец, было течение, которое считало невозможным военное сопротивление, но в то же время находило необходимым довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистической силы и вырвать тем самым почву из-под ног инсинуаций и подозрений, будто переговоры являются только прикрытием уже состоявшейся сделки. Этот агитационный довод представлялся решающим автору настоящих строк. При борьбе двух крайних течений в партии временное преобладание получила «средняя» точка зрения[4], дававшая каждому из флангов надежду на то, что дальнейший ход событий подтвердит правильность его диагноза и прогноза.

Переговоры были прерваны [...] Переход немцев в наступление, захват ряда городов, расстрелы коммунистов на Украине — все это слишком ясно показало, что дело идет не о закулисной сделке. Нам ничего не оставалось, как временно капитулировать перед силой [5] [...]

ИЗ СТЕНОГРАММЫ РЕЧИ ТРОЦКОГО НА ЗАСЕДАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ 10 ФЕВРАЛЯ 1918 г.

«Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру» [...]

В связи с этим заявлением, я передаю объединенным Союзническим делегациям следующее письменное и подписанное заявление:

«Именем Совета Народных Комиссаров, Правительства Российской Федеративной республики [6] настоящим доводим до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту» [7].

Л. Троцкий
А. Иоффе [8]
М. Покровский [9]
А. Биценко
В. Карелин [10].

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ[1]
(На военной работе)

О МОБИЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЛЕТАРИАТА, ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ, МИЛИТАРИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА И ПРИМЕНЕНИИ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ДЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ НУЖД

Тезисы ЦК РКП

1. Крайний хозяйственный упадок страны в результате империалистической войны и контрреволюционных наступлений на Советскую власть выражается непосредственно в крайней недостаточности или дезорганизованности основных элементов производства: технического оборудования, сырых материалов, в первую очередь — топлива и рабочей силы.

2. Рассчитывать на получение извне в ближайшем будущем и в значительном количестве машин, угля и квалифицированных рабочих нет оснований, не только по причине блокады, относительно дальнейшей судьбы которой сейчас нельзя с полной уверенностью делать никаких предсказаний, но и по причине крайнего хозяйственного истощения Западной Европы.

3. Основным рычагом для поднятия хозяйства страны является, следовательно, живая рабочая сила, ее организация, ее распределение и целесообразное использование.

А Индустриальный пролетариат

4 Промышленный пролетариат, главный носитель политической власти, должен в ближайшую эпоху все свое внимание и все усилия сосредоточить на организации хозяйства и на непосредственном участии в производственном процессе.

5 Для этой цели необходимо собрать расстроенные ряды квалифицированных и обученных рабочих путем систематического извлечения их (в меру открывающейся возможности) из армии, из продотрядов, из тыловых советских учреждений, в том числе совхозов и коммун, из кустарного промысла, из деревни и в первую очередь из рядов спекуляции.

6. Извлечение и сосредоточение профессионально обученных рабочих должно быть достигнуто комбинированным действием мероприятий по общему улучшению продовольственного и вообще житейского положения рабочих, по все более точному учету их, организационному воздействию на них профессиональных союзов, наконец, во всех необходимых случаях — мерами государственного принуждения.

7. Проведение этих мер, как и вся вообще работа по развитию промышленности, может дать серьезные положительные результаты только при условии всемерного упрочения организации профессиональных союзов путем обеспечения их необходимыми кадрами ответственных и испытанных работников, способных провести в жизнь начала железной трудовой дисциплины.

8. Одновременно должны быть приняты в широком масштабе меры профессионального обучения молодого поколения, начиная с 14-летнего возраста, дабы обеспечить необходимое воспроизводство квалифицированной рабочей силы. С этой целью при Наркомпросе должен быть создан достаточно сильный и полномочный орган, с участием в нем представителей всех заинтересованных ведомств и учреждений.

Б. Необученная рабочая сила

9. Все нынешние хозяйственные условия соединенным действием своим требуют в настоящий момент привлечения к промышленности и транспорту необученной, то есть преимущественно крестьянской, рабочей силы в несравненно большем количестве, чем когда бы то ни было раньше.

а) Механическое оборудование страны чрезвычайно обеднело. Износ машин от времени, работы, неряшливого обращения, низкой температуры в помещениях, а также прямое разрушение и утрата частей при эвакуациях и реэвакуациях не возмещаются и в минимальной степени. Ближайший подъем производства при крайнем упадке машинного оборудования вызовет во многих отраслях промышленности необходимость чрезвычайно увеличенного применения живой, преимущественно необученной рабочей силы.

б) Дровяные заготовки, которым еще долго предстоит покрывать непомерно большую долю потребности в топливе; разработка торфяных и сланцевых залежей в размерах, какие никогда раньше не имели места; нако-

нец, напряженная восстановительная работа в угольных, рудоносных и нефтеносных районах вызовут — наряду с привлечением рабочих-профессионалов — необходимость сосредоточения все более и более широких необученных рабочих масс.

в) Обработка советских хозяйств, а также обширных пустующих пространств в областях, особенно жестоко пострадавших от гражданской войны, открывает спрос на чрезвычайно обширное число как постоянных, так и сезонных рабочих сил.

г) Временные и чрезвычайные работы, правильные сезонные работы, вспомогательные работы, связанные с указанными выше основными (очистка снега, погрузка и разгрузка, стройка бараков, ремонт путей и мостов и т. д.), требуют, в свою очередь, крайне многочисленных рабочих сил.

10. Обеспечение обрабатывающей промышленности, транспорта и всего вообще хозяйства необходимой рабочей силой в указанных условиях может быть достигнуто лишь при проведении *трудовой повинности.*

В. Всеобщая трудовая повинность

11. Социалистическое строительство принципиально отвергает либерально-капиталистический принцип «свободы труда», который в буржуазном обществе означает для одних свободу эксплуатировать, для других — свободу быть эксплуатируемыми. Поскольку основной задачей общественной организации является преодоление враждебных человеку внешних физических условий, социализм требует *обязательного* участия всех членов общества в производстве материальных ценностей и ставит своей задачей наиболее разумную, то есть наиболее экономную и наиболее привлекательную для всех, форму обобществленного труда. Принцип всеобщей трудовой повинности, незыблемо установленный основными законами РСФСР, должен ныне найти широкое и всестороннее применение на деле.

12. Законченное проведение начал всеобщей трудовой повинности в рамках общехозяйственного плана сможет быть осуществлено путем усовершенствования всего административного и хозяйственного аппарата страны и введения во всеобщий обиход трудовой книжки, которая давала бы точное определение места, занимаемого каждым гражданином и каждой гражданкой Советской республики в хозяйственной системе и в системе обороны страны.

13. Переход к широкому применению трудовой повинности должен быть сделан немедленно, в формах хотя бы и далеких еще от точности, но способных обеспечить общественное хозяйство необходимой рабочей силой.

14. Для этого надлежит прежде всего в основных числах определить то количество рабочих сил, какое необходимо сейчас и которое по состоянию продовольствия, орудий труда и пр. может быть немедленно применено для разрешения важнейших хозяйственных задач в течение ближайшего периода (1920 г.).

15. Наряду с этим необходимо особым декретом установить, какие хозяйственные нужды и потребности должны быть отнесены к местным или районным и разрешаться путем *местной* трудовой повинности.

16. Организация трудовой повинности, распространяющейся на оба пола, должна быть по возможности строго сообразована с особенностями отдельных районов (местные промыслы, периоды особенно напряженной сельскохозяйственной работы и пр.), и распределение сил между общегосударственной и местной трудовой повинностью должно быть в совокупности своей по возможности равномерным для всей страны, дабы наименее болезненно отражаться на крестьянском хозяйстве.

17. В ближайший период должны быть вовлечены в сферу трудовой повинности преимущественно те возрастные категории, которые меньше были захвачены военными мобилизациями, со значительным по возможности привлечением женщин.

18. Аппарат для проведения трудовой повинности на местах, как общегосударственного, так и районного значения, должен быть создан из сочетания местных отделов: Военного комиссариата, Отдела управления исполкома и Отдела труда.

19. Означенный местный орган (Комитет по всеобщей трудовой повинности), находящийся в непосредственном подчинении исполкома, будет получать наряды на рабочую силу как из центра, во исполнение общегосударственных планов, так и от местного исполкома для хозяйственных нужд района. Задачей Комитета по всеобщей трудовой повинности явится практическое согласование местных требований между собой, а также с требованиями центра, которые, по общему правилу, должны иметь первоочередное значение.

20. В центре создается Главный комитет по трудовой повинности в составе представителей Учетно-распредели-

тельного отдела Наркомтруда, Наркомвнудел, Мобилизационного управления Всероглавштаба и Центростатистики. В ближайший период означенный Главный комитет имеет вневедомственный характер, являясь непосредственным органом Совета Обороны. Учреждения всех ведомств в центре и на местах обязаны выполнять все распоряжения Главного комитета в вопросах всеобщей трудовой повинности.

Г. Милитаризация хозяйства

21. В переходной стадии развития в обществе, отягощенном наследием самого тяжкого прошлого, переход к планомерно организованному общественному труду немыслим без мер принуждения как в отношении к паразитическим элементам, так и в отношении к отсталым элементам крестьянства и самого рабочего класса. Орудием государственного принуждения является его военная сила. Следовательно, элемент милитаризации труда в тех или других пределах, в той или другой форме неизбежно присущ переходному хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности.

Элемент принудительности будет применяться тем меньше, чем более будет развиваться система социалистического хозяйства, чем благоприятнее будут условия труда, чем выше будет уровень воспитания подрастающего поколения.

22. Милитаризация хозяйства означает в конкретных условиях Советской России, что вопросы хозяйства (интенсивность труда, бережное отношение к машинам и инструменту, добросовестность в расходовании материала и пр. и пр.) должны быть в сознании трудящихся и в практике государственных учреждений приравнены к боевым вопросам. Все население города и деревни должно понять, что устранение всех видов трудового дезертирства и шкурничества, несвоевременной явки на работы, неряшливости, бездельничанья, злоупотребления является вопросом жизни и смерти для всей страны и должно быть достигнуто в наикратчайший срок, хотя бы и самыми суровыми мерами.

23. В этом направлении должна быть развернута широкая устная и печатная кампания, которая, пользуясь конкретным, всегда свежим материалом нашей хозяйственной разрухи и отдельных успехов на пути ее преодоления, должна воспитать самые широкие трудящиеся массы в духе бдительного и инициативного обществен-

ного контроля над всеми явлениями и фактами, относящимися к хозяйственной жизни страны: в частности, привлечь к борьбе с бесхозяйственностью, бюрократизмом и волокитой беспартийные конференции рабочих и крестьян.

Руководящая роль в этой работе должна, наряду с партией, лечь на профессиональные союзы, в состав которых должны быть возвращены лучшие рабочие, прошедшие военную школу.

24. Формальная милитаризация отдельных предприятий (или отдельных отраслей промышленности), получающих особо важное значение в настоящий момент или особо угрожаемых по разрухе, производится каждый раз особым постановлением Совета Обороны и имеет своей первой целью временное закрепление рабочих за предприятием, а также установление на нем более строгого режима с предоставлением соответственным органам широких дисциплинарных прав, поскольку поставленная цель оздоровления предприятия не достигается другим путем.

25. Массовое привлечение необученной и профессионально не организованной рабочей силы путем трудовой повинности — для продовольственной, топливной, строительной, погрузочной и прочей работы — требует, особенно на первых порах, трудовой организации, приближающейся к военному типу.

26. Элементы трудовой организации и необходимой дисциплины, как внутренне, так и внешне принудительной, могут быть внесены в мобилизованные по трудовой повинности сотни тысяч и миллионы трудящихся лишь через посредство передовых, сознательных, решительных и твердых рабочих, особенно прошедших военную школу, привыкших организовывать массы и руководить ими в самых трудных условиях.

27. В основе своей осуществление трудовой повинности ставит те же принципиально-организационные задачи, что и установление Советской власти в целом, что и создание Красной Армии: обеспечить за менее сознательными, более отсталыми крестьянскими массами естественных руководителей и организаторов в лице наиболее сознательных, в подавляющем большинстве своем профессионально обученных пролетариев. Поскольку армия явилась важнейшим опытом массовой советской организации такого типа, ее методы и приемы должны быть (со всеми необходимыми изменениями) перенесены в об-

ласть трудовой организации с непосредственным использованием опыта тех работников, которые с военной работы будут сняты на хозяйственную.

Д. Трудармии

28. В качестве одной из переходных форм к проведению всеобщей трудовой повинности и к самому широкому применению обобществленного труда должны быть использованы для трудовых целей освобождающиеся от боевых задач воинские части, вплоть до крупных армейских соединений. Таков смысл превращения 3-й армии в Первую Армию Труда и перенесения этого опыта на другие армии.

29. Необходимыми условиями трудового применения воинских частей и целых армий являются:

а) Строгое и точное ограничение задач, которые ставятся трудармии, простейшими видами труда, и в первую голову сбором и сосредоточением продовольственных запасов.

б) Установление таких организационных взаимоотношений с соответственными хозяйственными органами, чтобы исключена была возможность нарушения хозяйственных планов и внесения дезорганизации в централизованные хозяйственные аппараты

в) Установление тесной связи, по возможности, уравнительного продовольствования и товарищеских взаимоотношений с рабочими того же района.

г) Идейная борьба с мещански-интеллигентскими и тред-юнионистскими предрассудками, которые в милитаризации труда или в широком применении воинских частей для труда усматривают аракчеевщину и пр. Выяснение неизбежности и прогрессивности военного принуждения в деле поднятия хозяйства на основе всеобщей трудовой повинности. Выяснение неизбежности и прогрессивности все большего сближения между организацией труда и организацией обороны в социалистическом обществе.

Е. Продовольствие

30. При всех хозяйственных планах и расчетах, при мобилизации и применении рабочей силы, при установлении советского режима во вновь занятых областях и пр. и пр. первой и основной задачей должно ставиться *сосредоточение в руках Советского государства* нескольких сот миллионов пудов хлеба, мяса, рыбы, жиров, то

есть *продовольственного фонда*, действительно способного обеспечить промышленный пролетариат, советских служащих и мобилизуемых по трудовой повинности крестьян в течение текущего года.

Только создание в основных промышленных районах достаточных продовольственных баз даст прочную и несомненную гарантию осуществления не только очередного хозяйственного плана, но и всего вообще социалистического строительства.

31. Организация общественного питания промышленных рабочих и советских служащих, начиная с крупнейших городских и фабричных центров, является — на указанной в предшествующем пункте основе — неотложной задачей Народного комиссариата продовольствия, в сотрудничестве с местными Советами, профсоюзами и с использованием соответственного аппарата военного ведомства. Широкая постановка дела общественного питания с постепенным улучшением общественного котла создаст самую действительную форму контроля общественного мнения над участием граждан в производстве и высвободит для производительного труда колоссальное количество энергии, особенно женской, которое ныне расходуется в розницу на личное обеспечение куском хлеба.

ПРИКАЗ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА ПЕРВОЙ ТРУДОВОЙ АРМИИ[1]

**24 февраля 1920 года, № 194,
г. Екатеринбург**

Трудовые сводки свидетельствуют как о крайне незначительном числе красноармейцев, привлеченных к производительному труду, так и о чрезвычайно низком уровне производительности этого труда.

Приказываю:

1. Начальникам трудовых участков давать частям через их командиров и комиссаров определенные уроки.

2. За невыполнение урока привлекать к ответственности командный и комиссарский состав.

3. Части, недобросовестно относящиеся к трудовым обязанностям перечислять в штрафные, устанавливая для них строжайший режим.

4. Всем учреждениям армии, дивизий и пр. приспособиться к работе, выделяя максимум работников на фронт труда. Не дожидаясь предписания сверху, проявлять самую широкую инициативу в сторону повышения числа прямых участников в производительном труде.

5. Все, от командующего армией, до самого молодого красноармейца, должны помнить, что перед армией простая, но определенная задача — рубить дрова, заготовлять хлеб, подвозить дрова и хлеб к железной дороге.

6. Особоуполномоченным Совтрударма установить на месте причины плохого хода работ, арестовать наиболее виновных лиц и направлять их в распоряжение Революционного трибунала армии.

7. Начальники и комиссары управлений и учреждений, в составе которых окажутся бездельники, будут привлечены мною к суровой ответственности, невзирая на прежние заслуги.

8 Настоящий приказ вручить под личную расписку командирам и комиссарам отдельных частей и огласить во всех ротах, эскадронах, батареях, командах.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ТРУДНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА[1]

Из доклада на заседании Московского комитета РКП(б) 6 января 1920 г.

То положение, о котором я говорил — 80 процентов человеческой энергии, уходящей на приобретение жратвы,— необходимо радикально изменить. Не исключено, что мы должны будем перейти к общественному питанию, то есть все решительно имеющиеся у нас на учете советские работники, от председателя ЦИК до самого молодого рабочего, должны будут принудительно питаться в общественных столовых при заводах и учреждениях. Это будет не только мерой экономии индивидуальных условий, из которых 80 процентов тратится на добывание пайка, но будет также величайшей школой трудового общественного воспитания. Нужно ввести нравы, близкие к спартанским, вытекающие из всей нашей обстановки. Во-первых, прогулы будут сведены на нет. За общим столом будет проявляться общественное мнение. Кто не вышел на работу, тот не получает горячего пайка. Дисциплинарные меры, самые суровые меры должны отвечать трагизму нашего хозяйственного положения. Конечно, есть болтуны, которые говорят, что, дескать, этими мерами вы не заставите рабочий класс работать. Конечно, если бы мы применили только эти меры, мы не создали бы и армии, но мы применяли также и репрессии. И когда приходилось говорить полтора года тому назад, что мы возьмем питерских рабочих как основу и потом ленивого мужика заставим штыком пойти в бой, то говорили и тогда те же болтуны, что из этого ничего не выйдет, что слишком добёр рабочий, чтобы заставить штыком мужика пойти в бой. Но он заставил. То же самое будет в промышленности...

Пока у нас недостаток хлеба, крестьянин должен будет давать советскому хозяйству натуральный налог в виде хлеба под страхом беспощадной расправы. Кресть-

янин через год привыкнет к этому и будет давать хлеб. Мы выделим пролетарские части, сотню-две тысячи для создания проводольственных базисов. И тогда. создав эти продовольственные базисы, создав возможность хозяйственной жизни, возможность общей трудовой повинности, как принудительной, при огромном значении воспитательного фактора, мы сумеем наладить наше хозяйство.

ПУТЬ К ЕДИНОМУ ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ПЛАНУ[1]

Из доклада на VIII съезде Советов (22—29 декабря 1920 г.)

Расцвет главкократии явился необходимым этапом в развитии социалистического хозяйства. У нас много говорят о советском бюрократизме, о его пороках, о необходимости борьбы с ним. Несомненно, что главкократия развила многие порочные черты бюрократизма: безжизненную формалистику, невнимание к существу дела, волокиту и пр. Но нельзя забывать — ибо это основа вопроса,— что в виде наших во многом неуклюжих комиссариатов и главков мы создали и создаем не нечто случайное и вредное, а нечто необходимое, именно — административно-хозяйственную советскую бюрократию, без которой не может существовать государство, доколе оно остается государством, то есть в нынешнюю переходную эпоху к коммунизму. Бюрократия имеет не только отрицательные, но и положительные черты: более специальное знакомство с определенными отраслями управления и хозяйства, точную иерархию взаимоотношений, определенные, выработанные долгой практикой приемы работы и т. д. Такого рода аппарат советской бюрократии (партийной и непартийной) приходит на смену самодельщине, кустарничеству, наконец, первобытному хаосу и потому является необходимым этапом в нашем государственном развитии.

Этого до сих пор не понимают многие товарищи, в частности те, которые из вражды к «бюрократизму» протестуют против организационного сближения и — в некоторых звеньях — полного слияния аппарата управления водным транспортом с аппаратом НКПС. «Таким путем,— говорят иные,— вы бюрократизируете аппарат Главвода». В указанном выше смысле этот упрек справедлив, но именно поэтому он перестает быть упреком. Не только по отношению к полной разрозненности водного транспорта, которая вытекала из частнокапитали-

стических отношений, царивших в этой области, но и по сравнению с первыми примитивными попытками советского объединения водного транспорта централизованный аппарат железнодорожного транспорта остается пока еще не достигнутым образцом. Задача создания и воспитания хорошо действующего бюрократического аппарата (правильная и точная конструкция управлений, отделов, отделений; безусловная исполнительность, хорошая связь; точное счетоводство и вообще делопроизводство и т. д.) остается еще не разрешенной. Нередко раздающийся упрек в том, что советские учреждения «заразились» у старых бюрократов их пороками (формализмом, волокитой и пр.), совершенно не задевает существа дела. Пока что мы страдаем не столько от того, что усвоили дурные стороны бюрократии, сколько от того, что еще не усвоили ее хороших сторон.

НОВЫЙ КУРС[1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая брошюра выходит со значительным запозданием: нездоровье помешало мне выполнить работу более своевременно. Но, в конце концов, вопросы в протекавшей до сих пор дискуссии только поставлены. Вокруг этих вопросов, внутрипартийного и хозяйственного, подняты в дискуссии тучи пыли, которая во многих случаях образует почти непроницаемую завесу и жестоко ест глаза. Но это пройдет. Пыль осядет. Реальные очертания вопросов выступят наружу. Коллективная партийная мысль постепенно извлечет из прений то, что ей нужно, станет более зрелой и уверенной в себе. А это раздвинет базу партии и сделает устойчивее партийное руководство. В этом и состоит объективный смысл резолюции Политбюро о новом внутрипартийном курсе, каким бы задопятным истолкованиям она ни подвергалась. Вся предшествующая работа по чистке партии, по повышению ее политической грамотности и теоретического уровня, наконец, по установлению стажа для партийных должностных лиц может получить свое завершение только в расширении и углублении самодеятельности всего партийного коллектива, как единственной серьезной гарантии против всех опасностей, связанных с новой экономической политикой и затяжным развитием европейской революции.

Но несомненно, что новый партийный курс может быть только средством, а не самоцелью. Для ближайшего периода можно сказать, что вес и ценность нового курса будут определяться тем, в какой мере он облегчит нам разрешение центральной хозяйственной задачи. Управление нашим государственным хозяйством по необходимости централизовано. Это приводило на первых порах к тому, что вопросы и разногласия, связанные с центральным хозяйственным руководством, сосредоточивались в крайне тесном кругу лиц. Партийная мысль в це-

лом еще не подошла вплотную к основным вопросам и трудностям планового руководства государственным хозяйством. Даже на XII съезде вопросы планового руководства хозяйством прошли скорее формально. Этим объясняется в значительной мере то, что намеченные в резолюции XII съезда пути и методы почти не нашли до последнего времени своего применения и что Центральному Комитету пришлось на днях снова поставить вопрос о необходимости воплотить в жизнь хозяйственные решения XII съезда, в частности о Госплане. Но и на этот раз решение Центрального Комитета сопровождается с разных сторон скептическими суждениями по адресу Госплана и планового руководства вообще. За этим скептицизмом нет никакой творческой мысли, никакой теоретической подоплеки, вообще ничего серьезного. И если такой дешевый скептицизм терпится в партии, то это объясняется именно тем, что партийная мысль еще не подошла вплотную к вопросам централизованного планового руководства хозяйством. Между тем от успешности такого руководства зависит судьба революции — полностью и целиком.

Эта брошюра только в заключительной главе подходит к вопросу планового руководства, исходя из частного примера, выбранного нами не произвольно, а нам навязанного в партийной дискуссии. Надо надеяться, что на ближайшем же этапе партийная мысль подойдет ко всем этим вопросам гораздо более конкретно, чем это происходит сейчас. Когда следишь за нынешней хозяйственной дискуссией со стороны — а таково сейчас мое положение,— то кажется, будто партия вернулась на год назад, чтобы снова более критически проработать решения XII съезда. Это и значит, что вопросы, которые составляли как бы монополию тесного круга лиц, ныне становятся постепенно в центре внимания всей партии. Со своей стороны могу только посоветовать товарищам, работающим над хозяйственными вопросами, внимательно проштудировать дискуссию на XII съезде о промышленности и провести от нее необходимые нити к дискуссии нынешнего дня. Я надеюсь в ближайшее время к этим вопросам вернуться.

* * *

Надо признать, что во время партийной дискуссии — устной и письменной — пущено в оборот огромное количество «фактов» и сведений, которые не имеют

ничего общего с действительностью, а представляют собой — мягко говоря — продукт мимолетных вдохновений. Доказательства этого имеются и в нашей брошюре. Потребность прибегать к таким сильно действующим средствам выражает, в сущности, неуважение к партии. И я думаю, что партия должна ответить на такие приемы тщательной проверкой цитат, цифр и фактов, брошенных в оборот. Это — одно из важных средств партийного воспитания и самовоспитания. Наша партия достаточно созрела, чтобы не быть вынужденной качаться между «штилем» и дискуссионным неистовством. Более устойчивый режим внутрипартийной демократии обеспечит надлежащий характер партийной дискуссии и приучит к тому, чтобы предъявлять партии только проверенные данные. На этот счет партийное общественное мнение должно выработать в себе критическую беспощадность. Заводские ячейки должны на своем повседневном опыте проверять и данные дискуссии и ее выводы. Было бы также весьма полезно, если бы учащаяся молодежь в основу своих работ — исторических, экономических, статистических — положила углубленную проверку для себя тех данных, которые введены в оборот нынешней партийной дискуссии и на которых партия будет завтра и послезавтра основывать свои решения.

Еще раз повторяю: важнейшим завоеванием, которое партия сделала и которое она должна удержать в своих руках, является тот факт, что основные хозяйственные вопросы, разрешавшиеся в немногих учреждениях, ныне поставлены в фокусе внимания всей партийной массы. Этим самым мы входим в новый период. Полемическая пыль осядет, ложные данные будут извергнуты партийной мыслью, а основные вопросы хозяйственного строительства уже не сойдут более с партийного поля зрения. Революция будет в выигрыше.

Л. Троцкий

I.
ВОПРОС О ПАРТИЙНЫХ ПОКОЛЕНИЯХ

В одной из резолюций, принятых во время московской дискуссии, я встретил жалобу на то, что вопрос партийной демократии осложнился спорами о взаимоотношении поколений, личными выпадами и пр. Эта жалоба свидетельствует о неясности мысли. Личные выпады — одно, а вопрос о взаимоотношении поколений —

совсем другое. Ставить сейчас вопрос о партийной демократии без анализа состава партии — как в смысле социальном, так и в смысле возраста и политического стажа — значило бы рассеивать самый вопрос в пустоте.

Отсюда не случайно вопрос о партийной демократии встал прежде всего как вопрос взаимоотношения поколений. Такая постановка подготовлена всем прошлым нашей партии. Схематически эту историю можно разбить на четыре периода: а) четвертьвековая дооктябрьская подготовка, единственная в истории; б) Октябрь; в) пооктябрьский период и г) «новый курс», то есть открывающийся период.

Что дооктябрьская история, несмотря на ее богатство, сложность и различие пройденных этапов, представляла только подготовительный период, это сейчас совершенно бесспорно. Октябрь дал идейную и организационную проверку партии и ее кадрового состава. Под Октябрем мы понимаем наиболее острый период борьбы за власть, начиная, скажем, с Апрельских тезисов тов. Ленина и кончая фактическим завладением государственным аппаратом. Октябрьская глава, измеряемая месяцами, по содержанию своему не менее значительна всего подготовительного периода, измерявшегося годами и десятилетиями. Октябрь не только дал безошибочную, единственную в своем роде проверку великого прошлого партии, но и сам стал источником величайшего опыта для будущего. Через Октябрь дооктябрьская партия впервые узнала себе настоящую цену.

После завоевания власти начинается быстрый рост партии и даже нездоровое ее разбухание. К ней, как к могущественному магниту, тяготеют не только малосознательные элементы трудящихся, но и явно чуждые элементы: службисты, карьеристы и политические приживалы. В этот весьма хаотический период партия сохраняется как большевистская партия только силой фактической внутренней диктатуры «старой гвардии», проверившей себя через Октябрь. В вопросах сколько-нибудь принципиального значения новые члены партии — не только из среды трудящихся, но и чужеродные элементы — почти безапелляционно приемлют руководство старшего поколения. Карьеристские элементы считали, что таким послушанием они вернее всего обеспечат себе положение в партии. Эти элементы, однако, просчитались. Путем сурового самоочищения партия освободилась от них. Ряды ее сузились. Но партийное самосознание поднялось.

Можно сказать, что партийная самопроверка и чистка явились исходным моментом, когда новая, пооктябрьская партия впервые сознала себя как полумиллионный коллектив, который не только состоит под руководством «старой гвардии», но и сам призван разбираться в основных вопросах политики, обдумывать и решать. В этом смысле чистка и весь связанный с нею критический период представляют собой как бы вступление к тому глубокому перелому, который намечается сейчас в жизни партии и войдет, вероятно, в ее историю под названием *нового курса.*

Одно нужно понять ясно с самого начала: суть переживаемых трений и затруднений не в том, что секретари кое-где переборщили и что их нужно слегка осадить, а в том, что *партия в целом собирается перейти в более высокий исторический класс.* Партийные массы как бы говорят руководящему аппарату партии: «У вас, товарищи, есть дооктябрьский опыт, которого нам в большинстве не хватает, но под вашим руководством мы приобрели пооктябрьский опыт, который становится все более и более значительным. И мы хотим быть не только руководимы вами, но и вместе с вами участвовать в руководстве классом. Мы хотим этого не только потому, что это наше право как членов партии, но и потому, что это жизненно необходимо для рабочего класса в целом. Без нашего низового опыта, не просто учитываемого сверху, а нами самими активно вносимого в жизнь партии, руководящий партийный аппарат бюрократизируется, а мы, низовики, не чувствуем себя в достаточной степени идейно вооруженными перед лицом беспартийных».

Нынешний перелом вырос, как сказано, из всего предшествующего развития. Незаметные на поверхностный взгляд молекулярные процессы в жизни и сознании партии подготовили перелом значительно ранее. Кризис сбыта дал большой толчок критической работе мысли. Приближение германских событий заставило партию встрепенуться. Именно в этот момент с особенной остротой обнаружилось, до какой степени партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях. Критический пересмотр внутрипартийного положения был, однако, отсрочен напряженным и тревожным ожиданием близкой развязки германских событий. Когда выяснилось, что эта развязка ходом вещей отодвинута, партия поставила в порядок дня вопрос о новом курсе.

Как это нередко бывало в истории, «старый курс» именно за последние месяцы обнаружил наиболее отрицательные и прямо-таки нестерпимые черты аппаратной замкнутости, бюрократического самодовольства и игнорирования настроений, мыслей и запросов партии. По бюрократической инерции аппарат в целом враждебно столкнулся с первыми попытками поставить в порядок дня вопрос о критическом пересмотре внутрипартийного режима. Это не значит, конечно, что аппарат состоит сплошь из бюрократизированных элементов, а тем более из каких-либо закоренелых и неисправимых бюрократов. Нисколько! Подавляющее большинство аппаратных работников, пройдя через нынешний критический период и уяснив себе его смысл, многому научится и от многого откажется. Идейно организованная перегруппировка, которая вырастет из нынешнего переломного момента, будет иметь в последнем счете благотворные последствия как для рядовой массы партийцев, так и для аппарата. Но в аппарате, каким он оказался на пороге нынешнего кризиса, черты бюрократизма достигли чрезвычайного, поистине опасного развития. И именно эти черты придают происходящей ныне идейной перегруппировке в партии столь острый характер, порождающий законные опасения.

Достаточно сказать, что еще два-три месяца тому назад само упоминание о бюрократичности партийного аппарата, о чрезмерности комитетского и секретарского зажима встречало у ответственных и авторитетных представителей старого партийного курса — в центре и на местах — высокомерное пожимание плеч или возмущенный протест. Назначенство? Ничего подобного! Казенщина? Выдумка, оппозиция для оппозиции и пр. Эти товарищи искренно не замечали бюрократической опасности, носителями которой они были сами. Только под решительными толчками снизу они стали постепенно признавать, что бюрократизм, пожалуй, есть, но лишь кое-где, по организационной периферии, в отдельных губерниях и уездах, что он представляет отклонение практики от правильной линии и пр. и пр. И этот бюрократизм они истолковывали как простой пережиток военного периода, то есть как нечто такое, что постепенно идет на убыль, хотя и недостаточно быстро. Незачем говорить о коренной фальши такого подхода и такого объяснения. Бюрократичность — не случайная черта отдельных провинциальных организаций, а общее явление. Идет оно не от уезда

через губернию к центру, а скорее наоборот — из центра через губернию в уезд. Оно вовсе не является «пережитком» военного периода, а представляет собой результат перенесения на партию методов и приемов администрирования, накопленных именно за последние годы. Бюрократизм военного периода, какие бы в отдельных случаях уродливые формы он ни принимал, представляется младенческим по сравнению с нынешним бюрократизмом, сложившимся в условиях мирного развития, когда партийный аппарат, несмотря на идейный рост партии, продолжал упорно думать и решать за нее.

В связи со сказанным единогласно принятая резолюция ЦК о партстроительстве получает огромное принципиальное значение, которое полностью должно быть учтено сознанием партии. Недостойно было бы, в самом деле, представлять себе дело так, будто вся суть решений сводится к более «мягкому», более «внимательному» подходу секретарей и комитетов к партийной массе и к некоторым организационно-техническим изменениям. *Резолюция ЦК недаром ведь говорит о новом курсе.* Партия готовится вступить в новый фазис развития. Дело идет, конечно, не о ломке организационных принципов большевизма, как пытается кое-кто изобразить, а об их применении к условиям нового этапа в развитии партии. Вопрос идет прежде всего об установлении более здоровых взаимоотношений между старыми партийными кадрами и послеоктябрьским большинством членов партии.

Теоретическая подготовка, революционный закал, политический опыт представляют собой основной капитал партии, и носителем этого капитала являются прежде всего старые кадры партии. С другой стороны, партия есть по самому существу своему демократическая организация, то есть такой коллектив, который мыслью и волею всех своих членов определяет свою дорогу. Совершенно ясно, что в сложнейшей обстановке, на другой день после Октября, партия могла тем увереннее и правильнее прокладывать себе дорогу, чем полнее она могла использовать накопленный опыт старшего поколения, вверяя его представителям наиболее ответственные посты в партийной организации. С другой стороны, это приводило и приводит сплошь да рядом к тому, что старшее поколение, занимая в партии положение кадров и поглощенное вопросами управления, привыкает думать и решать за партию, выдвигая по отношению к партийной массе на первый план чисто школьные, педагогические

методы приобщения к политической жизни: курс политграмоты, проверку партийных занятий, партшколы и пр. Отсюда-то и вырастает бюрократизация партаппарата, его замкнутость, его самодовлеющая внутренняя жизнь — словом, все те черты, которые составляют глубоко отрицательную сторону старого курса. Об опасностях дальнейшей жизни партии на два резко разграниченных этажа я и говорил в письме о молодых и стариках в партии, причем под молодыми я имею в виду, разумеется, не учащуюся только молодежь, но все вообще пооктябрьское поколение партии, начиная прежде всего с заводских и фабричных ячеек.

В чем выражалось то недомогание, которое все резче и резче стала ощущать партия? А в том, что масса членов партии говорила себе или чувствовала так: «Верно или неверно думают и решают в партийном аппарате, но там слишком часто думают и решают без нас и за нас. Когда же с нашей стороны раздается голос недоумения, сомнения, возражения, критики, мы слышим в ответ окрик, призыв к дисциплине, а чаще всего — обвинение в оппозиционности и даже во фракционности. Мы партии преданы до конца и готовы все ей отдать. Но мы хотим активно и сознательно участвовать в выработке партийного мнения и в определении путей партийного действия!» Несомненно, что первые проявления этих низовых настроений не были своевременно подмечены и учтены руководящим аппаратом партии, и это обстоятельство явилось одной из важнейших причин тех антипартийных группировок в партии, значение которых не нужно, конечно, преувеличивать, но предостерегающий смысл которых было бы недопустимо преуменьшать.

Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы в конце концов вызвать перерождение партии — притом одновременно на обоих ее полюсах, то есть и в партийном молодняке, и в руководящих кадрах. Относительно пролетарской основы партии, заводских ячеек, учащихся и пр. характер опасности совершенно ясен. Не чувствуя себя активными участниками общепартийной работы и не получая надлежащего и

своевременного ответа на свои партийные запросы, значительные круги партии стали бы искать для себя суррогата (фальшивой замены) партийной самодеятельности в виде всяких группировок и фракционных образований. В этом именно смысле мы и говорим о симптоматическом значении таких группировок, как «рабочая группа».

Но и на другом, на правящем полюсе не менее велика опасность того курса, который задержался слишком долго и предстал перед сознанием партии как бюрократизм. Было бы смешной и недостойной политикой страуса не понимать или не замечать, что формулированное резолюцией ЦК обвинение в бюрократизме есть обвинение именно по адресу руководящих кадров партии. Дело не в отдельных уклонениях партийной практики от правильной идеальной линии, а именно в аппаратном курсе, в его бюрократической тенденции. Заключает ли в себе бюрократизм опасность перерождения или нет? Было бы слепотой эту опасность отрицать. Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья, то есть большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения, по крайней мере значительной его части. Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное марксистское предвидение, какое-то «оскорбление», «покушение» и пр. можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии.

Велика ли, однако, опасность такого перерождения *на деле?* Тот факт, что партия поняла или почувствовала эту опасность и активно откликнулась на нее, чем и вызвала, в частности, к жизни резолюцию Политбюро[2], свидетельствует о глубокой жизненности партии и тем самым вскрывает живые источники противоядия против бюрократической отравы. В этом главная гарантия революционного самосохранения партии. Но поскольку старый курс пытался бы удержаться во что бы то ни стало — путем зажима, все более искусственного отбора, застращивания — словом, приемов, основанных на бюрократическом недоверии к партии, постольку фактическая опасность перерождения значительной части кадров неизбежно возросла бы. Партия не может жить только капиталом прошлого. Достаточно того, что прошлое подго-

товило настоящее. Но нужно, чтобы настоящее было идейно и практически на высоте прошлого, чтобы подготовить будущее. Задачей же настоящего является: передвинуть центр тяжести партийной активности в сторону основной толщи партии.

Могут сказать, что такого рода передвижки центра тяжести не совершаются сразу, путем прыжка: партия не может-де «сдать в архив» старшее поколение и зажить сразу по-новому. Вряд ли стоит серьезно останавливаться на таком глупенько-демагогическом доводе. Говорить о сдаче в архив старшего поколения могли бы только сумасшедшие. Речь идет именно о том, чтобы старшее поколение сознательно переменило курс и тем самым обеспечило бы свое дальнейшее руководящее влияние во всей работе самодеятельной партии. Нужно, чтобы старшее поколение рассматривало новый курс не как маневр, не как дипломатический прием, не как временную уступку, а как новый этап в политическом развитии партии. Тогда окажутся в великом выигрыше и руководящее поколение, и партия в целом.

II.
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ ПАРТИИ

Вопрос не исчерпывается, разумеется, взаимоотношением поколений. В более широком историческом смысле вопрос решается социальным составом партии, и прежде всего удельным весом в ней фабрично-заводских ячеек, пролетариев у станка.

Первой задачей класса, захватившего власть, было создание государственного аппарата, включая армию, органы управления хозяйством и пр. Но орабочение государственного, кооперативного и прочих аппаратов означало по самому существу своему ослабление и разжижение основных, фабрично-заводских ячеек партии и чрезвычайный рост в партии администраторских элементов, как пролетарского, так и иного происхождения. В этом противоречие положения. Выход из него мыслим только по пути серьезных хозяйственных успехов, здорового пульсирования фабрично-заводской жизни и постоянного притока в партию рабочих, остающихся у станка. Каким темпом пойдет этот основной процесс, через какие он пройдет приливы и отливы, сейчас предсказывать трудно. Разумеется, и на данной стадии нашего хозяйственного развития нужно сделать все, чтобы вовлечь

в партию как можно большее количество рабочих от станка. Но серьезное изменение партийного состава — в таком, примерно, размере, чтобы фабрично-заводские ячейки составляли две трети партии,— может быть достигнуто очень нескоро и лишь на основе очень серьезных хозяйственных успехов. Во всяком случае, мы обязаны считаться с еще очень продолжительным периодом, в течение которого наиболее опытные и активные члены партии — в том числе, разумеется, и пролетарского происхождения — будут заняты на различных постах государственного, профессионального, кооперативного и партийного аппаратов. И этот факт сам по себе уже заключает опасности, служа одним из источников бюрократизма.

Совершенно исключительное место занимает и будет занимать по необходимости в партии обучение молодежи. Воспитывая через посредство рабфаков, партийных университетов, высших специальных учебных заведений новую, советскую интеллигенцию с высоким процентом коммунистического состава, мы тем самым отрываем молодые пролетарские элементы от станка не только на время обучения, но — по общему правилу — и на всю дальнейшую жизнь: рабочая молодежь, прошедшая через высшие школы, будет в свое время, очевидно, поглощена промышленным, государственным или тем же партийным аппаратом. Таков второй фактор нарушения внутреннего равновесия в партии к невыгоде для основных, фабрично-заводских ячеек.

Вопрос о том, происходит ли коммунист из пролетарской, интеллигентской или иной среды, имеет, разумеется, свое значение. В первый пореволюционный период вопрос о дооктябрьской профессии казался даже решающим, ибо отвлечение от станка на те или другие советские должности представлялось чем-то временным. Сейчас в этом отношении уже определилась глубокая перемена. Нет сомнения, что председатели губисполкомов или комиссары дивизий представляют собой известный общественный советский тип, в значительной мере даже независимо от того, из какой среды вышел каждый отдельный предгубисполкома или комиссар дивизии. За эти шесть лет создались довольно устойчивые группировки советской общественности.

Мы имеем, следовательно,— и притом на сравнительно длительный срок — такое положение, что очень значительная и наиболее подготовленная часть партии погло-

щена различными аппаратами руководства и управления, хозяйствования и командования; другая значительная часть учится; третья часть рассеяна в деревнях, работая на пашне, и только четвертая часть (по численности в настоящее время менее шестой части) состоит из пролетариев, работающих у станка. Совершенно очевидно, что рост партийного аппарата и сопровождающие этот рост черты бюрократизации порождаются не фабрично-заводскими ячейками, которые объединяются через аппарат, а как раз всеми другими функциями партии, осуществляемыми ею через посредство государственных аппаратов управления, хозяйствования, командования, обучения. Другими словами, источником бюрократизма в партии является возрастающая передвижка внимания и сил в сторону правительственных аппаратов и учреждений при недостаточно быстром росте промышленности. Ввиду этих основных фактов и тенденций мы должны себе отдать тем более ясный отчет в опасностях аппаратного перерождения старых кадров партии. Было бы грубым фетишизмом думать, будто старые кадры только потому, что они вышли из лучшей в мире революционной школы, заключают в себе самодовлеющие гарантии против всех и всяких опасностей идейного измельчания и оппортунистического перерождения. Нет! История делается через людей, но люди вовсе не всегда сознательно делают историю, в том числе и свою собственную. В последнем счете вопрос, конечно, будет разрешен большими факторами международного значения: ходом революционного развития в Европе и темпом нашего хозяйственного строительства. Но фаталистически возлагать всю ответственность на эти объективные факторы так же неправильно, как и искать гарантий только в своем субъективном радикализме, унаследованном от прошлого. При одном и том же революционном заряде и при одних и тех же международных условиях партия может лучше или хуже противостоять разлагающим тенденциям, в зависимости от сознательности, с какой она относится к опасностям, и от активности, с какой она борется против них.

Совершенно очевидно, что порожденная всей обстановкой разнородность общественного состава партии не ослабляет, а, наоборот, чрезвычайно обостряет все отрицательные стороны аппаратного курса. Нет и не может быть другого средства к преодолению корпоративного и ведомственного духа отдельных составных частей партии, как их активное сближение в режиме партийной

демократии. Поддерживая «штиль», разобщая всех и все, партийный бюрократизм одинаково тяжело, хотя и по-разному, бьет и по заводским ячейкам, и по хозяйственникам, и по военным, и по учащейся молодежи.

Особенно остро, как мы видели, реагирует на бюрократизм учащаяся молодежь. Недаром тов. Ленин предлагал для борьбы с бюрократизмом широко привлекать учащихся. По своему составу и связям учащаяся молодежь отражает все социальные прослойки, входящие в нашу партию, и впитывает в себя их настроения. По молодости и отзывчивости она склонна этим настроениям немедленно же придавать активную форму. Как *учащаяся* молодежь, она стремится объяснять и обобщать. Этим вовсе не сказано, что молодежь во всех своих проявлениях и настроениях выражает здоровые тенденции. Если бы это было так, это означало бы одно из двух: либо в партии все обстоит благополучно, либо молодежь перестала отражать свою партию. Но нет ни того, ни другого. Рассуждение о том, что базой нашей являются не ячейки учебных заведений, а ячейки фабрик и заводов, в принципе верно. Но когда мы говорим, что молодежь является барометром, этим самым мы как раз и отводим ее политическим проявлениям не основное, а симптоматическое значение. Барометр не создает погоды, а только отмечает ее. Политическая погода создается в глубине классов и в тех областях, где классы соприкасаются друг с другом. Заводские ячейки создают прямую и непосредственную связь партии с основным для нас классом — с промышленным пролетариатом. Деревенские ячейки в гораздо более слабой степени создают связь с крестьянством. С ним же, главным образом, связывают нас военные ячейки, поставленные, однако, в совершенно особые условия. Наконец, учащаяся молодежь, вербуемая изо всех слоев и прослоек советской общественности, отражает в своем пестром составе все плюсы и минусы наши, и мы были бы тупицами, если бы не прислушивались внимательнейшим образом к ее настроениям. К этому нужно еще прибавить, что значительная часть нашего нового студенчества состоит из членов партии с достаточно серьезным для молодого поколения революционным стажем. И совершенно напрасно сейчас наиболее ретивые аппаратчики фыркают на молодежь. Она — наша проверка и наша смена, и завтрашний день — за нею.

Но вернемся, однако, к вопросу о партийном преодолении разнородности отдельных частей и групп партии,

разобщенных своими советскими функциями. Мы сказали и снова здесь повторяем, что бюрократизм в партии вовсе не есть отмирающее наследие какого-либо предшествующего периода, наоборот, это явление, по существу, новое, вытекающее из новых задач партии, новых ее функций, новых трудностей и новых ее ошибок.

Свою диктатуру пролетариат осуществляет через Советское государство. Коммунистическая партия является руководящей партией пролетариата, а следовательно, и его государства. И весь вопрос в том, как осуществлять это руководство, не сплетаясь слишком тесно с бюрократическим аппаратом государства и не подвергаясь в этом сплетении бюрократическому перерождению.

Коммунисты внутри партии и внутри государственного аппарата сгруппированы по-разному. В государственном аппарате они находятся в иерархической зависимости друг от друга и в сложных персональных взаимоотношениях с беспартийными. Внутри партии все они являются равноправными, поскольку дело идет об определении основных задач и методов работы партии. Коммунисты работают у станка, входят в завком, управляют предприятиями, трестом предприятий, синдикатом, стоят во главе ВСНХ и пр. Поскольку же дело идет о руководстве хозяйством со стороны партии, она учитывает — должна учитывать — опыт, наблюдения, мнение всех своих членов, размещенных на разных ступенях административно-хозяйственной лестницы. В этом и состоит основное, ни с чем не сравнимое преимущество нашей партии, что она имеет возможность в каждый данный момент взглянуть на промышленность глазами коммуниста — токаря от станка, коммуниста-профессионалиста, коммуниста-директора, красного торговца и, сочетав воедино взаимно дополняющий опыт всех этих работников, определить линию своего руководства хозяйством вообще, данной его отраслью в частности.

Совершенно очевидно, что такого рода действительное партийное руководство осуществимо только на основах живой и активной партийной демократии. И, наоборот, чем больше преобладания получают аппаратные методы, тем больше руководство партии заменяется администрированием ее исполнительных органов (комитетов, бюро, секретарей и пр.). Мы видим, как при усилении такого курса все дела сосредоточиваются в руках небольшой группы лиц, иногда одного секретаря, который назначает, смещает, дает директивы, призывает к ответст-

венности и пр. При таком перерождении руководства основное и неоценимое преимущество партии — ее многообразный коллективный опыт — отступает на задний план. Руководство получает чисто организационный характер и вырождается нередко в простое командование и дерганье. Партийный аппарат входит во все более детальные задачи и вопросы советского аппарата, живет его повседневными заботами, подвергается его воздействию и из-за деревьев перестает видеть лес. Если партийная организация, как коллектив, всегда богаче опытом, чем любой из органов государственного аппарата, то этого вовсе нельзя сказать об отдельных должностных лицах партаппарата. Наивно, в самом деле, думать, что секретарь, в силу своего секретарского звания, воплощает в себе всю сумму знаний и умений, необходимых для партийного руководства. На деле он создает себе подсобный аппарат, с бюрократическими отделами, с бюрократической информацией, бумажными справками, и этим аппаратом, сближающим его с советским аппаратом, отгораживается от живой партии. И происходит, по известному немецкому выражению: «Ты думаешь, что двигаешь других, а на самом деле двигают тебя». Весь переплет бюрократической повседневности Советского государства вливается в партийный аппарат и создает в нем бюрократический сдвиг. Партия, как коллектив, не ощущает своего руководства, ибо не осуществляет его. Отсюда недовольство или недоумение даже в тех случаях, когда руководство, по существу, правильно. Но оно не может удержаться на правильной линии, поскольку размениваегся на мелочи, не приобретая систематического, планомерного и коллективного характера. Таким образом, бюрократизм не только нарушает внутреннюю спайку партии, но и ослабляет правильное воздействие ее на государственный аппарат. Этого сплошь да рядом не замечают и не понимают те, кто громче всего кричит о руководящей роли партии по отношению к Советскому государству.

III.
ГРУППИРОВКИ И ФРАКЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Вопрос о группировках и фракциях занял в дискуссии центральное место. На этот счет надо высказаться со всей ясностью, так как вопрос очень острый и ответственный. А ставится он сплошь да рядом фальшиво.

Мы являемся единственной партией в стране, и в эпоху диктатуры иначе быть не может. Различные потребности рабочего класса, крестьянства, государственного аппарата и его личного состава давят на нашу партию, стремясь найти через ее посредство политическое выражение. Трудности и противоречия развития, временная несогласованность интересов разных частей пролетариата или пролетариата в целом и крестьянства — все это напирает на партию через ее рабочие и крестьянские ячейки, через государственный аппарат, через учащуюся молодежь. Даже эпизодические временные разногласия и оттенки мнений могут выражать в какой-то отдаленной инстанции давление определенных социальных интересов; эпизодические разногласия и временные группировки мнений могут, при известных условиях, превратиться в устойчивые группировки; эти последние могут в свою очередь раньше или позже развернуться в организованные фракции; наконец, сложившаяся фракция, противопоставляя себя другим частям партии, тем самым более поддается давлению, идущему извне партии. Такова диалектика внутрипартийных группировок в эпоху, когда коммунистическая партия по необходимости монополизирует в своих руках руководство политической жизнью. Каков же вывод? Если не хочешь фракций — не нужно постоянных группировок; если не хочешь постоянных группировок — избегай группировок временных; наконец, чтобы оберечь партию от временных группировок, нужно, чтобы в партии вообще не было разногласий, ибо, где два мнения, там люди всегда группируются. Но как же, с другой стороны, избежать разногласий в полумиллионной партии, которая руководит жизнью страны в исключительно сложных и трудных условиях? Таково основное противоречие, коренящееся в самом положении партии пролетарской диктатуры, и от этого противоречия нельзя отделаться одними только формальными приемами.

Те сторонники старого курса, которые голосуют за резолюцию ЦК в уверенности, что все останется по-старому, рассуждают примерно так: вот чуть-чуть приподняли над партией крышку аппарата, и сейчас же обнаружились тенденции ко всяческим группировкам; надо снова поплотнее привинтить крышку. Этой коротенькой мудростью проникнуты десятки речей и статей «против фракционности». Эти товарищи в глубине души считают, что резолюция ЦК есть либо политическая ошибка,

которую можно замять, либо аппаратная уловка, которую нужно использовать. Я думаю, что они грубейшим образом ошибаются. И если что может внести величайшую дезорганизацию в партию, так это упорство в старом курсе под видом почтительного принятия нового.

Партийное общественное мнение неизбежно вырабатывается в противоречиях и разногласиях. Локализировать этот процесс *только* в аппарате, преподавая затем партии готовые плоды в виде лозунгов, приказов и пр.,— значит идейно и политически обессиливать партию. Делать всю партию участницей формирования решений — значит идти навстречу временным идейным группировкам с опасностью их превращения в длительные группировки и даже во фракции. Как же быть? Неужели нет выхода? *Неужели нет места для партийной линии между режимом партийного «штиля» и режимом фракционного расщепления партии?* Нет, такая линия есть, и вся задача внутрипартийного руководства состоит в том, чтобы ее каждый раз — особенно на повороте — найти, в соответствии с данной конкретной обстановкой. Резолюция ЦК прямо говорит, что бюрократический режим в партии является одним из источников фракционных группировок. Вряд ли эта истина нуждается сейчас в доказательствах. Старый курс был очень далек от «развернутой» демократии, и однако же он нимало не уберег партию не только от нелегальных фракционных образований, но и от того взрыва дискуссии, который сам по себе — смешно было бы закрывать на это глаза! — чреват образованием временных или длительных группировок. *Для предотвращения этого требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности.* Но ведь такая постановка вопроса о фракциях означает оправдания мясниковщины?[3] — слышим мы голос высшей бюрократической мудрости. Разве? Но, во-первых, вся подчеркнутая нами фраза представляет собой точную цитату из резолюции ЦК. А во-вторых, с какого это времени *объяснение* равносильно *оправданию?* Сказать, что нарыв явился результатом дурного кровообращения, вследствие недостаточного притока кислорода, вовсе не значит «оправдать» нарыв и признать его нормальной составной частью че-

ловеческого организма. Вывод только один: нарыв надо вскрыть и дезинфицировать, а кроме того, и это еще важнее, надо открыть окно, дабы свежий воздух мог лучше окислять кровь. Но в том и беда, что наиболее боевое крыло старого аппаратного курса глубоко убеждено в ошибочности резолюции ЦК, особенно в той ее части, где бюрократизм объявляется одним из источников фракционности. И если «старокурсники» не говорят этого вслух, то лишь по формальным соображениям, как и вообще все их мышление проникнуто духом формализма, который является идейной подкладкой бюрократизма.

Да, фракции представляют собой величайшее зло в наших условиях, а группировки — даже временные — могут превратиться во фракции. Но совершенно недостаточно, как свидетельствует опыт, объявить группировки и фракции злом, чтобы этим самым сделать невозможным их возникновение. Нужна известная политика, нужен правильный курс, чтобы добиться этого результата на деле, применяясь каждый раз к конкретной обстановке.

Достаточно вдуматься, как следует быть, в историю нашей партии хотя бы за время революции, то есть за то именно время, когда фракционность стала особенно опасной, и станет ясно, что борьба с этой опасностью ни в каком случае не исчерпывается одним только формальным осуждением и запрещением группировок.

Наиболее грозное разногласие возникло в партии в связи с величайшей задачей мировой истории — задачей захвата власти осенью 1917 г. Острота вопроса, при бешеном темпе событий, почти немедленно придала разногласиям острофракционный характер: противники захвата власти, даже не желая того, блокировались фактически с непартийными элементами, опубликовывали свои заявления на страницах непартийной печати и пр. Единство партии было на острие ножа. Каким образом удалось избежать раскола? Только быстрым развитием событий и победоносной их развязкой. Раскол был бы неизбежен, если бы события растянулись на несколько месяцев, а тем более, если бы восстание закончилось поражением. Бурным наступлением партия, твердо руководимая большинством ЦК, перешагнула через оппозицию, власть оказалась завоеванной, и оппозиция, очень малочисленная, но высококвалифицированная в партийном смысле, встала на почву Октября. Фракционность и угроза раскола были в этом случае побеждены не формально-уставным порядком, а революционным действием.

Второе крупное разногласие возникло в связи с вопросом о Брест-Литовском мире. Сторонники революционной войны сплотились в подлинную фракцию, со своим центральным органом и пр. Я не знаю, какое подобие основания имеет всплывший недавно анекдот о том, как тов. Бухарин почти что собрался арестовать правительство тов. Ленина[4]. Вообще говоря, это немножко похоже на плохую майнридовщину или на коммунистическую... пинкертоновщину. Надо думать, Истпарт в этом разберется. Несомненно, однако, что существование левокоммунистической фракции представляло чрезвычайную опасность для единства партии. Довести дело до раскола не представляло бы в тот период большого труда и не требовало бы со стороны руководства... большого ума: достаточно было просто объявить левокоммунистическую фракцию запрещенной. Партия применила, однако, более сложные методы: дискуссии, разъяснения, проверки на политическом опыте, мирясь временно с таким ненормальным и угрожающим явлением, как существование внутри партии организованной фракции.

Мы имели в партии довольно сильную и упорную группировку по вопросам военного строительства[5]. По существу дела, эта оппозиция была против построения регулярной армии, со всеми вытекающими отсюда последствиями: централизованным военным аппаратом, привлечением специалистов и пр. Моментами борьба принимала крайне острый характер. Но и здесь, как в Октябре, помогла проверка оружием. Отдельные угловатости и преувеличения официальной военной политики были, не без воздействия оппозиции, смягчены — не только без ущерба, но и с выгодой для централизованного строительства регулярной армии. Оппозиция же постепенно рассосалась. Очень многие ее активнейшие представители не только втянулись в военную работу, но и заняли в ней ответственнейшие посты.

Резко обозначились группировки в период памятной дискуссии о профсоюзах. Сейчас, когда мы имеем возможность оглянуться на эту эпоху в целом и осветить ее всем последующим опытом, становится совершенно очевидным, что спор шел вовсе не о профсоюзах и даже не о рабочей демократии: через посредство этих споров находило свое выражение глубокое недомогание партии, причиной которого был слишком затянувшийся хозяйственный режим «военного коммунизма». Весь экономический организм страны был в тисках безвыходности. Под пок-

ровом формальной дискуссии о роли профсоюзов и рабочей демократии шли обходные поиски новых хозяйственных путей. Действительный выход открылся в уничтожении продовольственной разверстки и хлебной монополии и в постепенном высвобождении économy госпромышленности из тисков главкократии. Эти исторические решения принимались единогласно, и они целиком покрыли дискуссию о профсоюзах, тем более что на основе нэпа сама роль профсоюзов предстала в совершенно ином свете, и резолюцию о профсоюзах пришлось радикально менять через несколько месяцев.

Наиболее длительный и некоторыми своими сторонами крайне опасный характер имела группировка «рабочей оппозиции». В ней находили свое перекошенное отражение и противоречия «военного коммунизма», и отдельные ошибки партии, и основные объективные трудности социалистического строительства. Но и здесь дело вовсе не ограничилось одним лишь формальным запретом. В области решений по вопросам партийной демократии были сделаны формальные шаги, а в области чистки партии были сделаны фактические, в высшей степени важные шаги навстречу тому, что было правильного и здорового в критике и требованиях «рабочей оппозиции». А главное, благодаря тому что партия своими хозяйственными решениями и мероприятиями исключительной важности покрыла в основном и существенном наметившиеся разногласия и группировки, стало возможным, то есть обещающим реальные результаты, формальное запрещение фракционных образований на X съезде партии. Но, само собой разумеется,— об этом свидетельствуют нам и опыт прошлого, и здравый политический смысл — одно лишь запрещение не заключало в себе не только абсолютной, но и вообще сколько-нибудь серьезной гарантии предохранения партии от новых идейных и организационных группировок. Основной гарантией является правильность руководства, своевременное внимание ко всем запросам развития, преломляющимся через партию, гибкость партийного аппарата, не парализующего, а организующего партийную инициативу, не пугающегося голосов критики и не застращивающего призраком фракционности: застращивание есть вообще чаще всего продукт испуга! Постановление X съезда, запрещающее фракционность [6], может иметь только вспомогательный характер, но само по себе оно еще не дает ключа ко всем и всяким внутренним затруднениям. Было бы слишком

грубым организационным фетишизмом думать, что одно лишь голое постановление — независимо от хода развития партии, от ошибок руководства, от консерватизма аппарата, от внешних влияний и пр. и пр.— способно оградить нас от группировок и фракционных потрясений. Такой подход сам по себе уже глубоко бюрократичен.

Ярчайший пример сказанного дает история Петроградской организации. Вскоре после X съезда, которым были запрещены группировки и фракционные образования, в Петрограде вспыхнула острая организационная борьба, приведшая к двум резко противопоставленным друг другу группировкам [7]. Самым простым было бы на первый взгляд объявить одну из группировок (по крайней мере, одну) вредной, преступной, фракционной и пр. Но ЦК категорически отказался от такого метода, предлагавшегося ему из Петрограда. ЦК взял на себя прямое посредничество между двумя петроградскими группировками и в конце концов обеспечил — правда, не сразу — не только их сотрудничество, но и их растворение в организации. Этого примера исключительной важности не следовало бы забывать; он прямо-таки незаменим для прочищения кое-каких бюрократических голов.

Выше мы сказали, что каждая сколько-нибудь серьезная и длительная группировка в партии, тем более организованная фракция имеют тенденцию стать выражением каких-либо особых социальных интересов. Каждый *неправильный* уклон, лежащий в основе группировки, может при своем развитии стать выражением интересов враждебного или полувраждебного пролетариату класса. Но все это относится целиком и даже в первую голову к бюрократизму. Отсюда и нужно начинать. Что бюрократизм есть неправильный, нездоровый уклон, это, надо надеяться, бесспорно. А раз так, то в развитии своем он грозит сдвинуть партию с правильного, то есть классового, пути. Именно в этом его опасность. Но чрезвычайно поучительно и вместе с тем очень тревожно, что те товарищи, которые резче, настойчивее и подчас грубее всего настаивают на том, что *каждое* разногласие, *каждая* группировка мнений, хотя бы и временная, представляет собой выражение различных классовых интересов, не хотят применять этот же критерий к бюрократизму. Между тем здесь социальный критерий уместнее всего, ибо в бюрократизме мы имеем вполне определившееся зло, явный и, бесспорно, вредный уклон, официально осужденный, но ни в какой степени не изжитый.

Да и как его сразу изжить! Но если бюрократизм грозит, как говорит резолюция ЦК, *отрывом партии от масс*, а следовательно, и ослаблением классового характера партии, то уже отсюда вытекает, что борьба против бюрократизма ни в каком случае не может быть заранее отождествлена с какими-либо непролетарскими влияниями. Наоборот, стремление партии сохранить свой пролетарский характер неизбежно должно порождать в самой же партии отпор бюрократизму. Разумеется, под флагом этого отпора могут проводиться разные тенденции, в том числе и неправильные, нездоровые, вредные. Раскрыть эти вредные тенденции можно только марксистским анализом их идейного содержания. Но подводить чисто формально отпор бюрократизму под группировку, которая-де служит каналом чуждых влияний,— значит быть самому заведомым «каналом» бюрократических влияний.

Саму мысль, однако, что разногласия в партии, а тем более группировки означают борьбу разных классовых влияний, не нужно понимать слишком упрощенно и грубо. По вопросу, скажем, о том, нужно ли было прощупать Польшу штыком в 1920 г., у нас были эпизодические разногласия. Одни были за более смелую политику, другие за более осторожную. Были ли тут разные классовые тенденции? Вряд ли кто-нибудь рискнет это утверждать. Тут были разногласия в оценке обстановки, сил, средств. Но основной критерий оценки был одинаков у обеих сторон. Партия может нередко разрешать одну и ту же задачу разными путями. И разногласия возникают насчет того, какой из этих путей будет лучше, короче, экономнее. Такого рода разногласия могут — в зависимости от характера вопроса — захватить широкие круги партии, но это вовсе не будет непременно означать, что тут идет борьба двух классовых тенденций. Можно не сомневаться, что у нас это еще случится не раз, а десятки раз впереди, ибо путь перед нами трудный, и не только политические задачи, но и, скажем, организационно-хозяйственные вопросы социалистического строительства будут создавать разногласия и временные группировки мнений. Политическая проверка всех оттенков марксистским анализом является для нашей партии всегда необходимейшей предохранительной мерой. Но именно конкретная марксистская проверка, а не косный шаблон, как орудие самообороны бюрократизма. Проверить и профильтровать то неоднородное идейно-политическое содержание, которое сейчас выступает против бюрократизма,

и отмести все чуждое и вредное можно будет тем успешнее, чем серьезнее мы вступим на путь нового курса. А это, в свою очередь, неосуществимо без серьезного перелома в настроении и самочувствии партаппарата. Мы же присутствуем, наоборот, при новом наступлении партаппарата, который всякую критику старого, формально осужденного, но еще не ликвидированного курса безапелляционно отводит ссылкой на фракционность. Если фракционность опасна — а это так,— то преступно закрывать глаза на опасность *консервативно-бюрократической фракционности.* Именно против этой опасности в первую голову направлена единогласно принятая резолюция ЦК.

Забота о единстве партии есть самая основная и жгучая забота подавляющего большинства товарищей. Но тут нужно прямо сказать: если есть сейчас серьезная опасность единству или, по крайней мере, единодушию партии, так это неистовствующий бюрократизм. Именно из этого лагеря раздавались голоса, которые нельзя иначе назвать, как провокационными. Именно отсюда осмеливались говорить: мы не боимся раскола! Именно представители этого лагеря шарят в прошлом, выискивая все, что могло бы внести побольше ожесточения в партийную дискуссию, искусственно оживляя воспоминания о старой борьбе и старых расколах, чтобы незаметно и постепенно приучить мысль партии к возможности такого чудовищного, самоубийственного преступления, как новый раскол. Потребность партии в единстве хотят сшибить лбом с ее потребностью в менее бюрократическом режиме. Если бы партия вступила на этот путь и пожертвовала необходимейшими жизненными элементами своей собственной демократии, она не приобрела бы ничего, кроме обострения внутренней борьбы и расшатки основных своих скреп. Нельзя односторонне и ультимативно требовать от партии доверия к аппарату, не питая доверия к самой партии. В этом суть вопроса. Предвзятое бюрократическое недоверие к партии, к ее сознательности и дисциплинированности есть главная причина всех зол аппаратного режима. Партия не хочет фракций и не допустит их. Чудовищно думать, что партия разобьет или позволит кому-либо разбить свой аппарат. Партия знает, что в состав аппарата входят наиболее ценные элементы, в которых воплощается огромная часть прошлого опыта. Но она хочет обновить аппарат и напоминает ему, что он — ее аппарат — ею избирается и от нее не должен отрываться.

Если продумать создавшуюся в партии обстановку, особенно как она вскрылась в дискуссии, до конца, то станет совершенно ясна двойственная перспектива дальнейшего развития. Либо происходящая ныне в партии идейно-организационная перегруппировка по линии резолюции ЦК действительно послужит шагом на пути органического роста партии, началом — разумеется, только началом — новой большой главы,— и тогда это будет наиболее желательный для всех нас и наиболее благотворный для партии исход. Тогда с дискуссионными и оппозиционными излишествами, а тем более с вульгарно-демократическими тенденциями партия справится легко. Либо же перешедший в контрнаступление партаппарат в большей или меньшей мере подпадет под влияние своих наиболее консервативных элементов и под лозунгом борьбы с фракционностью снова отбросит партию на вчерашние позиции «штиля». Этот второй путь будет несравненно более болезненным; он не задержит, разумеется, развития партии, но заставит оплатить это развитие большими усилиями и потрясениями, ибо даст лишнее питание вредным, разлагающим, антипартийным тенденциям. Таковы две объективно открывающиеся возможности. Смысл моего письма «Новый курс» состоял в том, чтобы помочь партии вступить на первый путь, как более экономный и здоровый. И на позиции этого письма я настаиваю целиком, отметая тенденциозные и ложные его истолкования.

V. ТРАДИЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Вопрос о взаимоотношении партийной традиции и живой партийной политики совсем не простой вопрос, особенно в нашу эпоху. Не раз приходилось за последнее время говорить об огромном значении теоретической и практической традиции нашей партии и о том, что разрыва идейной преемственности мы допустить ни в каком случае не можем. Нужно только очень твердо условиться насчет того, что именно мы понимаем под партийной традицией. Придется — в значительной мере методом от обратного — начать с исторических примеров, чтобы найти опору для выводов [...]

Возьмем[...] нашу партию, в ее дореволюционном и в ее пооктябрьском прошлом[...] Основным и драгоценней-

шим ее тактическим качеством надо признать непревзойденную способность к быстрой ориентировке и резкой перемене тактики, к перевооружению и применению новых методов — словом, к политике крутых поворотов. Бурная историческая обстановка сделала эту тактику необходимой. Гений Ленина придал ей форму высшего мастерства. Это не значит, конечно, что наша партия была совершенно свободна от консервативной традиционности. Такой идеальной свободой массовая партия обладать не может. Но сила и могущество партии выражались в том, что косность, традиционность, рутина были сведены к минимуму дальнозоркой, насквозь революционной тактической инициативой, в одинаковой мере смелой и реалистичной.

Именно в этом состоит и должна состоять подлинная традиция партии.

Большая или меньшая бюрократизация партийного аппарата непременно сопровождается развитием консервативной традиционности со всеми ее последствиями. Эту опасность лучше преувеличить, чем недооценить. Тот несомненный факт, что более консервативные элементы аппарата все свои мнения, решения, приемы и ошибки склонны отождествлять со «старым большевизмом» и критику бюрократической замкнутости аппарата пытаются приравнять к подрыву традиции,— факт этот уже сам по себе является несомненным выражением известного идейного окостенения.

Марксизм есть метод исторического анализа, политической ориентировки, а не совокупность решений, заготовленных впрок. Ленинизм есть применение этого метода в условиях исключительной исторической эпохи. Именно этим сочетанием свойств эпохи и метода определяется та мужественная, зрелая, уверенная в себе *политика крутых поворотов,* высочайшие образцы которой дал Ленин и которую он же не раз теоретически освещал и обобщал.

Маркс говорил, что передовые страны показывают (до известной степени) отсталым образ их будущего. Из этого условного положения пытались сделать абсолютный закон, который и лег, в сущности, в основу «философии» русского меньшевизма. Этим самым пролетариату ставились пределы, вытекающие не из хода революционной борьбы, а из механической схемы, и меньшевистский «марксизм» был и остается лишь приспособленным для запоздалой «демократии» выражением потребностей бур-

жуазного общества. На самом деле оказалось, что Россия, сочетающая в своей экономике и политике явления крайней противоположности, первой была выдвинута на путь пролетарской революции. Ни Октябрь, ни Брест-Литовск, ни создание регулярной рабоче-крестьянской армии, ни продразверстка, ни нэп, ни Госплан не были и не могли быть предопределены или предрешены марксизмом или доктябрьским большевизмом. Все эти факты и повороты выросли из самостоятельного, инициативного, критического применения методов большевизма в новой каждый раз обстановке. Все эти решения давались каждый раз не просто, а с боем. Голая апелляция к традиции ничего не решала и не давала Ибо при каждой новой задаче, при каждом новом повороте дело сводится вовсе не к тому, чтобы навести справку в традиции и открыть там несуществующий ответ, а к тому, чтобы на основании всего опыта партии дать новое, самостоятельное, отвечающее обстановке решение и тем самым обогатить традицию. Можно сказать еще резче, что ленинизм состоит в мужественной свободе от консервативной оглядки назад, от связанности прецедентами, формальными справками и цитатами. Ленин сам не так давно выразил эту мысль наполеоновскими словами: on s'engage et puis on voit *, то есть ведя борьбу, справляйся не с канонами и прецедентами, а врывайся в действительность, как она дана, и ищи в ней сил и путей к победе. Именно по этой линии Ленин подвергался не раз, а десятки раз внутри собственной партии обвинениям в нарушении традиции и в отказе от... «старого большевизма». Напомним, что отзовисты выступали неизменно под знаменем защиты большевистских традиций от ленинского уклона (об этом есть интереснейшие материалы в «Красной летописи», № 9). Под знаком «старого большевизма» (а на самом деле — формальной, мнимой, ложной традиции) поднялось против Апрельских тезисов тов. Ленина все, что было идейно-косного в партии. Один из наших партийных «историков» (на историков партии пока что, увы, не везет) говорил мне в самый разгар октябрьских событий: «Я не с Лениным, потому что я — старый большевик и остаюсь на почве демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Борьба левых против брест-литовского мира и за революционную войну шла опять-таки под знаменем спасения революционных традиций партии,

* Сначала ввязаться в бой, а там посмотрим *(фр.)*. *Н. В.*

чистоты «старого большевизма» от опасностей государственного оппортунизма. Незачем напоминать, что вся критика «рабочей оппозиции» прошла под знаком обвинения партии в нарушении старых традиций. Мы видели совсем недавно, как официальнейшие истолкователи традиций партии в национальном вопросе приходили в явное противоречие как с потребностями партийной политики в национальном вопросе, так и с позицией тов. Ленина. Число таких примеров — исторически менее значительных, но не менее доказательных — можно было бы умножить еще и еще. Но и из сказанного уже ясно, что каждый раз, когда объективные условия требуют нового поворота, смелого перелома, творческой инициативы, консервативное сопротивление обнаруживает естественную тенденцию противопоставить новым задачам, новым условиям, новому курсу «старые традиции», якобы старый большевизм, а на самом деле — пустую оболочку оставленного позади периода.

Чем партаппарат замкнутее, чем более он пропитан духом своего самодовлеющего значения, чем с большим запозданием он реагирует на запросы, идущие снизу, тем больше он склонен противопоставлять новым запросам и задачам формальную традицию. И если что могло бы стать поистине смертельным для духовной жизни партии и для теоретического воспитания молодняка, так это превращение ленинизма из метода, для применения которого нужны инициатива, критическая мысль, идейное мужество, в канон, который требует только раз навсегда призванных истолкователей.

Ленинизм немыслим прежде всего без теоретического охвата, без критического анализа материальных основ политического процесса. Оружие марксистского исследования нужно вновь и вновь оттачивать и применять. Именно в этом состоит традиция, а не в подмене анализа формальной справкой или случайной цитатой. С идейной поверхностностью и теоретической неряшливостью пуще всего не мирится ленинизм.

Нельзя Ленина раскроить ножницами на цитаты, пригодные на все случаи жизни, ибо для Ленина формула никогда не стоит над действительностью, а всегда лишь орудие, инструмент для овладения действительностью и для ее преодоления. Можно было бы без труда найти десятки и сотни цитат у Ленина, которые с формальной стороны кажутся противоречащими друг другу. Но вся суть не в формальном отношении одной цитаты к другой, а в

реальном отношении каждой из них к той конкретной действительности, в которую эта формула была вдвинута, как рычаг. Ленинская истина всегда конкретна!

Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной — то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде[8]. Но революционное чутье нельзя смешивать с демагогическим нюхом. Этот последний может давать преходящие успехи, и даже очень эффектные. Но это политический инстинкт низшего порядка. Он всегда устремляется по линии наименьшего сопротивления. В то время как ленинизм направлен на постановку и разрешение основных революционных задач, на преодоление главных затруднений, демагогическая подделка под него направлена на обход задач, на ложное успокоение, на усыпление критической мысли.

Ленинизм есть прежде всего реализм, высший качественный и количественный учет действительности — под углом зрения революционного действия. Но именно потому с ленинизмом непримиримо прикрытое пустопорожним агитаторством пассование перед действительностью, пассивное упущение времени, высокомерное оправдание ошибок вчерашнего дня — под предлогом спасения партийной традиции.

Ленинизм есть подлинная свобода от формальных предрассудков, от морализующего доктринерства, от всех вообще видов духовного консерватизма, пытающегося связывать волю к революционному действию. Но было бы гибельной ошибкой полагать, будто ленинизм означает: «Все позволено». Ленинизм заключает в себе не формальную, но подлинную революционную мораль массового действия и массовой партии. Ничто так не чуждо ленинизму, как аппаратное высокомерие и бюрократический цинизм. Массовая партия имеет свою мораль, которая есть связь бойцов в действии и для действия. Демагогия непримирима с внутренним духом пролетарской партии именно потому, что демагогия лжива: давая в том или другом случае упрощенное решение трудностей сегодняшнего дня, она неизбежно подкапывается под завтрашний день, ослабляя доверие партии к самой себе.

Демагогия подбита ветром и, столкнувшись с серьезной опасностью, легко разрешается в паникерство. А паникерство и ленинизм — их даже на бумаге трудно поставить рядом.

Ленинизм воинствен с ног до головы. А война немыслима без хитрости, без уловки, без обмана врага. Победоносная военная хитрость входит необходимым элементом в ленинскую политику. Но в то же время ленинизм есть высшая революционная честность перед лицом партии и класса. Никаких фикций, мыльных пузырей, мнимых величин!

Ленинизм ортодоксален, упорен, непреклонен, но в нем нет и намека на формализм, канон и казенщину. В борьбе он берет быка за рога. Пытаться сделать из традиций ленинизма сверхтеоретическую гарантию непререкаемости и непреложности всех мыслей и речений истолкователей традиции — значит издеваться над подлинной революционной традицией, превращая ее в казенщину. Смешна и жалка попытка гипнотизировать великую революционную партию повторением одних и тех же заклинаний, в силу коих правильную линию надо искать не в существе каждого вопроса, не в методах его постановки и разрешения, а в справках... биографического характера.

Поскольку я лично вынужден на минуту спуститься в эту область, скажу: я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком. Кроме своих действий на службе партии, я никому никаких дополнительных гарантий дать не могу. И если уж ставить вопрос в плоскости биографических изысканий, то нужно это делать, как следует быть. Тогда пришлось бы давать ответы на острые вопросы: всякий ли, кто был учителю верен в малом, оказывался ему верен и в большом? Всякий ли, кто проявлял в присутствии учителя послушание, дает тем самым гарантии последовательности в отсутствие учителя? Исчерпывается ли ленинизм послушанием? У меня нет никакого намерения разбирать эти вопросы на примере отдельных товарищей, с которыми я со своей стороны намерен и впредь работать рука об руку.

Каковы бы ни были дальнейшие трудности и разногласия, победу над ними даст только коллективная работа партийной мысли, проверяющей себя каждый раз заново и тем именно охраняющей преемственность развития.

С таким характером революционной традиции связан особый характер революционной дисциплины. Где традиция консервативна, там и дисциплина пассивна и на-

рушается при первом серьезном толчке. Где, как в нашей партии, традиция состоит в высшей революционной активности, там и дисциплина достигает высшего напряжения, ибо решающее значение ее проверено много раз через действие. Отсюда неразрушимое сочетание революционной инициативы, смелой критической проработки вопросов с железной дисциплиной действия. И только через высшую же активность молодняк может воспринять эту традицию дисциплины от стариков.

Традиции большевизма во всем их объеме нам не менее дороги, чем кому бы то ни было. Но пусть никто не смеет отождествлять бюрократизм с большевизмом, а традицию — с казенщиной!

VI.
«НЕДООЦЕНКА» КРЕСТЬЯНСТВА

Некоторые товарищи усвоили себе очень своеобразные методы политической критики: они утверждают, что я в таком-то вопросе не прав сегодня, потому что в другом вопросе был не прав 15 или сколько-то там лет тому назад. Этот метод очень упрощает задачу. Сегодняшний вопрос нужно было бы разобрать во всем его материальном содержании. А вопрос, который имел место много лет тому назад, давно исчерпан, историей освещен, и, чтобы сослаться на него, не нужно больших мозговых усилий, кроме, разумеется, некоторой памяти и добросовестности. Но и по этой части я не могу сказать, что все обстоит у моих критиков благополучно. И я это сейчас докажу на одном из важнейших вопросов.

Излюбленным аргументом, вошедшим в употребление в некоторых кругах за последнее время, является указание — преимущественно косвенное — на мою «недооценку» роли крестьянства. Тщетно стали бы вы, однако, искать какого-либо анализа этого вопроса, приведения фактов, цитат, вообще доказательств. Обыкновенно дело ограничивается глубокомысленным кивком на теорию «перманентной революции», да еще разве двумя-тремя кулуарными словечками [9]. А между теорией «перманентной революции» и советскими кулуарами — ничего, пустота. Что касается теории «перманентной революции», то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—5—6 гг. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся

мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени. Термин *перманентная революция* есть марксов термин, которым он пользовался по отношению к революции 48 г. В марксистской литературе — разумеется, не в ревизионистской, а в революционной — термин этот всегда располагал правами гражданства. Франц Меринг пользовался этим определением по отношению к революции 1905—07 гг. «Перманентная революция» в точном переводе означает «постоянная, или непрерывная, революция». Какая политическая мысль вкладывается в эти слова? Та мысль, что для нас, для коммунистов, революция не заканчивается после достижения того или другого политического завоевания, той или другой социальной реформы, а развивается дальше, и пределом ее для нас является только социалистическое общество. Таким образом, раз начавшись, революция — поскольку мы в ней участвуем и тем более руководим ею — ни в каком случае не приостанавливается нами на каком-либо формальном этапе, наоборот, мы непрерывно и постоянно ведем ее вперед — разумеется, в соответствии со всей обстановкой — до тех пор, пока революция не исчерпает всех возможностей и ресурсов движения. Это относится как ко внутренним завоеваниям революции, в национальных пределах, так и к перенесению революции на международную арену. В условиях России это означало: не буржуазная республика, как политическое завершение, и даже не демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а рабочее правительство, опирающееся на крестьянство и открывающее эру международной социалистической революции (см.: *Троцкий Л.* Итоги и перспективы). Таким образом, идея «перманентной революции» полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма. Этого можно было не видеть 18—15 лет тому назад. Но этого нельзя не понять и не признать теперь, когда общие формулы наполнились полнокровным историческим содержанием. Никакой попытки «перескочить» через крестьянство в моих тогдашних писаниях не было. Через теорию «перманентной революции» был прямой путь к ленинизму, в частности к Апрельским тезисам 1917 г. А эти тезисы, предопределившие политику нашей партии в Октябре и через Октябрь, заставили, как известно, панически отскочить очень и очень многих из тех, которые сейчас со священным ужасом говорят о теории

«перманентной революции». Однако препираться по всем этим вопросам с товарищами, которые давно перестали читать и пользуются только смутными воспоминаниями молодости, дело нелегкое, да и бесполезное. Но те товарищи, и в первую голову молодые, которые не устают учиться и уж во всяком случае не позволяют запугать себя не только словами «металл» и «жупел», но и словом «перманент»,— эти товарищи хорошо сделают, если самостоятельно прочтут, с карандашом в руках, тогдашние работы за и против «перманентной революции» и попытаются провести от этих работ нити к Октябрю, что не так уж трудно.

Гораздо важнее все-таки практика октябрьская и послеоктябрьская. Здесь все можно проверить шаг за шагом. Незачем говорить, что по поводу политического усыновления нами «эсеровской» земельной программы у меня не было с тов. Лениным и тени разногласий. Точно так же и относительно Декрета о земле. Правильна или неправильна была наша советская крестьянская политика в тех или в других частностях — разногласий у нас она не возбуждала. Курс на середняка был взят при активнейшем моем участии. Думаю, что не последнее место в этом курсе занимали опыт и выводы военной работы. Да и как можно было недооценивать роль и значение крестьянства при построении революционной армии из крестьян при посредстве передовиков-рабочих? Достаточно просмотреть нашу военно-политическую литературу, чтобы убедиться, насколько она проникнута той мыслью, что гражданская война есть (в политической основе своей) борьба пролетариата с контрреволюцией за влияние на крестьянство и что победу может обеспечить только правильная установка взаимоотношений рабочих к крестьянам: в отдельном полку, в районе военных действий, во всем государстве.

В марте 1919 г. в докладной записке в ЦК с Волги я отстаивал необходимость более принципиального проведения курса на середняка — против невнимательного или поверхностного отношения, еще наблюдавшегося в партии в этом вопросе. В докладе, внушенном мне непосредственно дискуссией в сенгилеевской организации, я писал: «Временная, хотя, может быть, и длительная политическая ситуация является, однако, гораздо более глубокой социально-экономической реальностью, ибо и при наличии победоносной пролетарской революции на Западе *нам в нашем социалистическом строительстве придется*

в огромной степени исходить из того же середняка, втягивая его в социалистическое хозяйство».

Однако курс, взятый на середняка в его первоначальной форме («относись внимательно к крестьянину», «не командуй», и пр.), оказался недостаточным. Явно нарастала *необходимость перемены хозяйственной политики.* Под влиянием опять-таки настроений армии и опыта хозяйственной поездки на Урал я писал в ЦК в феврале 1920 г.: «Нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссылке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». В качестве основной практической меры я предлагал: «Заменить изъятие излишков известным процентным отчислением — своего рода подоходно-прогрессивный налог — с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли все же выгоду». Весь текст в целом * представляет довольно законченное предложение перехода к новой экономической политике в деревне [10]. С этим предложением было связано другое, касающееся новой организации промышленности, гораздо более черновое и осторожное, но направленное, по существу, против главкократического режима, разбившего все связи между промышленностью и сельским хозяйством. Предложения эти были тогда Центральным Комитетом отклонены: это и было, пожалуй, единственное разногласие по крестьянскому вопросу. Можно сейчас по-разному оценивать, в какой мере переход к новой экономической политике был целесообразен уже в феврале 1920 г. Я лично не сомневаюсь, что от такого перехода мы были бы в выигрыше. Но уж, во всяком случае, из приведенных мною документов никак нельзя вывести игнорирования мною крестьянства или недооценки его роли. Дискуссия о профсоюзах выросла из хозяйственной безвыходности на основании продразверстки и главкократии. Могло ли помочь «сращивание» профсоюзов с хозяйственными органами? Разумеется, нет. Но и никакие другие меры не могли помочь, доколе сохранялся хозяйственный режим «военного коммунизма». Эти эпизодические споры были целиком покрыты решением привлечь на помощь рынок,

* Я печатаю основную часть этого документа как приложение к этой главе.

причем это капитальнейшее решение не вызвало никаких разногласий. Новая резолюция, посвященная задачам профсоюзов на основе нэпа, была выработана тов. Лениным между X и XI съездами и принята опять-таки единогласно.

Я мог бы привести добрый десяток других фактов, менее значительных по своему политическому весу, но не менее ярко опровергающих легенду о так называемой «недооценке» мною крестьянства. Но нужно и можно ли, в конце концов, опровергать утверждение, ничем не подкрепляемое, совершенно не доказываемое, не имеющее за собою ничего, кроме недоброй воли или в лучшем случае дурной памяти? [...]

* * *

Предложение, вносившееся в ЦК в феврале 1920 г.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ И ЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Помещичьи и казенные земли переданы крестьянству. Вся политика направлена против многолошадных, многопосевных крестьян (кулаков). С другой стороны, продовольственная политика построена на отобрании излишков (сверх потребительной нормы). Это толкает крестьянина к обработке земли лишь в размерах потребности своей семьи. В частности, декрет относительно изъятия третьей коровы, как излишней, на деле приводит к тайному убою коров, к спекулятивной распродаже мяса и к разрушению молочного хозяйства. В то же время полупролетарские и даже пролетарские элементы городов оседают в деревне, где заводят свои продовольственные хозяйства. Промышленность теряет рабочую силу, земледелие эволюционирует в сторону увеличения числа самодовлеющих продовольственных хозяйств. Этим самым подрывается основа продовольственной политики, построенной на извлечении излишков. Если нынешний продовольственный год показывает значительный успех заготовок по сравнению с прошлым, то это нужно отнести за счет расширения советской территории и некоторого улучшения продовольственного аппарата. В общем же продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Бороться против таких тенденций

хозяйственной деградации возможно следующими методами:

1) заменив изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходно-прогрессивный натуральный налог) с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли выгоду;

2) установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпанного ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам.

Привлечение к этому местных промышленных предприятий. Частичная расплата с крестьянами за доставляемое ими сырье, топливо и продовольствие продуктами промышленных предприятий.

Во всяком случае, очевидно, что нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны [...]

Приложение 1-е

НОВЫЙ КУРС

(Письмо к партийным совещаниям)

Дорогие товарищи!

Я твердо рассчитывал, что не сегодня завтра смогу принять участие в обсуждении внутрипартийного положения и новых задач. Но заболевание пришло на этот раз более не вовремя, чем когда бы то ни было, и оказалось более длительным, чем предполагали первоначально врачи. Мне не остается ничего другого, как высказать свои мысли в настоящем письме.

Резолюция Политбюро по вопросу о партийном строительстве имеет исключительное значение. Она знаменует, что партия подошла к серьезному повороту на своем историческом пути. На поворотах, как справедливо указывалось на многих собраниях, нужна осторожность, но наряду с осторожностью нужна твердость и решительность. Выжидательность, бесформенность на поворотах были бы худшим видом неосторожности.

Некоторые консервативно настроенные товарищи, склонные переоценивать роль аппарата и недооценивать самодеятельность партии, критически отзываются о резолюции Политбюро. Они говорят: ЦК берет на себя невыполнимые обязательства; резолюция посеет-де только ложные иллюзии и приведет к отрицательным результатам. Ясно, что такой подход к вопросу пропитан насквозь бюрократическим недоверием к партии. Новый курс, провозглашенный в резолюции ЦК, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии, как организованного авангарда пролетариата. Новый курс вовсе не значит, что на партийный аппарат возлагается задача в такой-то срок декретировать, создать или установить режим демократии. Нет. Осуществить этот режим может сама партия. Кратко задачу можно формулировать так: *партия должна подчинить себе свой аппарат,* ни на минуту не переставая быть централизованной организацией.

В прениях и статьях очень часто указывалось за последнее время на то, что «чистая», «развернутая», «идеальная» демократия неосуществима и что демократия для нас вообще не самоцель. Это совершенно бесспорно. Но с таким же точно правом и основанием можно сказать, что чистый, или абсолютный, централизм неосуществим и несовместим с природой массовой партии и что ни централизм, ни партаппарат ни в каком случае не являются самоцелью. Демократия и централизм представляют собой две стороны в строительстве партии. Задача состоит в том, чтобы эти две стороны были уравновешены наиболее правильным, то есть наиболее отвечающим обстановке, путем. За последний период этого равновесия не было. Центр тяжести был неправильно передвинут на аппарат. Самодеятельность партии была сведена к минимуму. Это создавало навыки и приемы управления, в корне противоречащие духу революционной партии пролетариата. Чрезмерное усиление аппаратного централизма за счет партийной самодеятельности породило в партии ощущение *недомогания.* Оно нашло себе на крайнем фланге чрезвычайно болезненное выражение, вплоть до создания нелегальных группировок в партии под руководством явно враждебных коммунизму элементов. В то же время

во всей партии повысилось критическое отношение к аппаратным методам решения вопросов. Понимание или, по крайней мере, ощущение того, что партийный бюрократизм грозит завести партию в тупик, стало почти всеобщим. Поднялись предостерегающие голоса. Первым официальным и в высшей степени важным выражением происшедшего в партии перелома является резолюция о новом курсе. Она осуществится в жизни в той мере, в какой партия, то есть 400 тысяч членов ее, и захочет и сумеет ее осуществить.

В ряде статей настойчиво проводится та мысль, что основным средством оживления партии является поднятие культурного уровня ее рядовых членов, после чего все остальное, то есть рабочая демократия, приложится уже естественным путем. Что нам нужно поднимать идейный и культурный уровень нашей партии, ввиду стоящих перед нею гигантских задач, это совершенно бесспорно, но именно потому такая чисто *педагогическая, наставническая* постановка вопроса совершенно недостаточна и, следовательно, неправильна, и если в ней упорствовать, то она может вызвать только обострение кризиса. Партия может поднимать свой уровень как партия, лишь выполняя полностью и целиком свои основные задачи путем коллективного, самодеятельного руководства рабочим классом и государством рабочего класса. Нужен не *педагогический, а политический* подход. Нельзя ставить вопрос так, будто применение партийной демократии должно быть поставлено (кем?) в зависимость от степени «подготовки» к ней членов партии. Партия есть партия. Можно предъявлять очень строгие требования к каждому, кто хочет вступить в нашу партию и оставаться в ней; но вступивший является уже тем самым активным участником всей работы партии.

Убивая самодеятельность, бюрократизм тем самым препятствует повышению общего уровня партии. И в этом его главная вина. Поскольку в партийный аппарат входят неизбежно более опытные и заслуженные товарищи, постольку бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно-политическом росте молодых поколений партии. Именно этим объясняется тот факт, что молодежь — вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм.

Было бы, однако, неправильным думать, будто чрезмерность аппаратных методов решения партийных вопросов проходит бесследно для старшего поколения, вопло-

щающего в себе политический опыт партии и ее революционные традиции. Нет, опасность очень велика и на этом полюсе. Говорить об огромном — не только в российском, но и в международном масштабе — значении старшего поколения в нашей партии не приходится: это общеизвестно и общепризнано. Но было бы грубой ошибкой оценивать это значение как *самодовлеющий факт. Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить «старую гвардию» как революционный фактор.* Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма.

Перерождение «старой гвардии» наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии II Интернационала. Мы ведь знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарг, Гед и многие другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем, однако, что все эти вожди — одни отчасти, другие целиком — переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодовлеющего роста партийного и профессионального аппарата. Мы видим (особенно ярко накануне империалистской войны), как могущественный социал-демократический аппарат, прикрытый авторитетами старшего поколения, стал величайшим тормозом революционного развития. И мы должны сказать — именно мы, «старики»,— что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе, однако, никакой *самодовлеющей* гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, если допустить, что партия потерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между «стариками» и молодыми. Против этой несомненной опасности нет другого средства, как серьезная, глубокая, радикальная перемена курса в сторону партийной демократии, при все большем и большем вовлечении в партию пролетариев, остающихся у станка.

Я не буду здесь останавливаться на тех или других юридических уставных определениях партийной демократии и юридических ограничениях ее. Как ни важны эти

вопросы, это все же вопросы второй очереди. Мы их обсудим на основании имеющегося опыта, и что нужно, изменим. Но прежде всего нужно изменить тот дух, который господствует в организациях. Нужно, чтобы партия — в лице своих ячеек и объединений — вернула себе коллективную инициативу, право свободной товарищеской критики — без опаски и без оглядки, право организационного самоопределения. Необходимо освежить и обновить партийный аппарат, заставив его почувствовать, что он является исполнительным механизмом великого коллектива.

В партийной печати последнего времени приводилось немало примеров, характеризующих далеко зашедшее бюрократическое перерождение партийных нравов и отношений. В ответ на голос критики: «Покажите ваш партбилет!» До того как было опубликовано постановление ЦК о новом курсе, обюрократившиеся представители аппарата считали самое упоминание о необходимости изменения внутрипартийной политики ересью, фракционностью и расшаткой дисциплины. Сейчас они также формально готовы принять новый курс «к сведению», то есть *бюрократически свести его на нет.* Обновление партийного аппарата — разумеется, в отчетливых рамках Устава — должно быть произведено с целью замены оказенившихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь. И прежде всего должны быть устранены с партийных постов те элементы, которые при первом голосе критики, возражения, протеста склонны требовать партбилет на предмет репрессий. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию.

Совершенно недостаточно, чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера. Пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм — из партии вон! Большевик есть не только человек дисциплины, нет, это человек, который, глубоко сверля, вырабатывает себе в каждом данном случае твердое мнение и мужественно и

независимо отстаивает его не только в бою против врагов, но и внутри собственной организации. Он сегодня окажется в своей организации в меньшинстве. Он подчиняется, потому что это его партия. Но это, разумеется, не всегда значит, что он не прав. Он, может быть, только ранее других увидел или понял новую задачу или необходимость поворота. Он настойчиво поднимал вопрос и второй раз, и третий, и десятый. Этим он оказывает услугу партии, помогая ей встретить во всеоружии новую задачу или совершить необходимый поворот без организационных потрясений и фракционных конвульсий.

Да, наша партия не могла бы выполнить своей исторической миссии, если бы она распалась на фракционные группировки. Этого не должно быть, и этого не будет. Этому воспрепятствует партия в целом, как самодеятельный коллектив. Но партия с успехом может справиться с опасностями фракционности, только развив, укрепив и упрочив курс на рабочую демократию. Именно *аппаратный бюрократизм является одним из важнейших источников фракционности.* Он подавляет критику и загоняет недовольство вглубь. Он склонен накладывать ярлык фракции на каждый индивидуальный или коллективный голос критики или предостережения. Механический централизм дополняется неизбежно фракционностью, которая есть в одно и то же время злая карикатура на партийную демократию и грозная политическая опасность.

В ясном понимании всей обстановки партия совершит необходимый поворот со всей твердостью и решительностью, которые вызываются глубиной стоящих перед нами задач. Партия возведет тем самым на более высокую ступень свое революционное единство, как залог того, что она справится с хозяйственными и международными задачами неизмеримого значения.

Я ни в каком смысле не исчерпал вопроса. Я сознательно отказался от рассмотрения многих его существенных сторон из опасения отнять у вас слишком много времени. Но я надеюсь, что мне удастся вскоре справиться с малярией, которая — сужу по себе — находится в явной оппозиции к новому партийному курсу, и тогда я попытаюсь в более свободной устной речи дополнить и уточнить то, чего не досказал в этом письме.

С товарищеским приветом *Л. Троцкий.*

8/XII—23 г.

О ЛЕНИНЕ[1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не закончена — и притом в двух смыслах. Прежде всего в ней никак нельзя искать биографии Ленина, или его характеристики, или законченного изложения его воззрений и методов действия. Эта работа дает только некоторые черновые материалы, наброски, эскизы для чьих-то будущих работ — может быть, и для работы автора этих строк. Подобный «эскизный» подход, однако, неизбежен и необходим. Наряду с популярными биографиями и общими характеристиками необходима сейчас уже более детальная и тщательная работа закрепления отдельных эпизодов, отдельных черт жизни и личности Ленина, какими они проходили на наших глазах. Значительнейшую часть этой книги составляют воспоминания автора о двух периодах, отделенных 15-летним промежутком: о последнем полугодии старой «Искры» и о решающем годе, в центре которого стоит Октябрьский переворот, то есть примерно с середины 1917 г. до осени 1918-го.

Но эта книга не завершена и в другом, более узком смысле: я надеюсь, что обстоятельства позволят мне дальше работать над ней, вносить в нее поправки, исправлять, уточнять и дополнять ее новыми эпизодами и главами. Болезнь и вызванный ею временный отход от практической работы дали мне возможность восстановить в памяти многое из того, что рассказано в этой книге. Прочитывая первые наброски, я дальше разворачивал клубок памяти, восстановлял новые эпизоды, значительные уже тем одним, что они относятся к жизни Ленина или связаны с ним. Но этот метод работы заключает в себе то неудобство, что продукт работы остается никогда не законченным. Именно поэтому я решил в известный момент механически обрубить рукопись и в таком виде выпустить ее в свет. Вместе с тем я, как уже сказа-

но, сохраняю за собой право работать над этой книгой и далее. Незачем говорить, что я буду весьма обязан всем участникам событий и эпизодов захваченного мною времени, которые внесут свои поправки или сделают те или другие напоминания.

Нелишне здесь же предварить, что целый ряд обстоятельств опущен мною сознательно, как имеющий слишком близкое отношение к злобам сего дня.

К двум основным частям книги, имеющим характер воспоминаний, я присоединяю те статьи и речи или части речей, в которых мне приходилось характеризовать Ленина.

Работая над воспоминаниями, я не пользовался почти никакими материалами, относящимися к изображаемой мною эпохе. Мне казалось, что, поскольку я не ставлю себе задачей дать законченный исторический очерк определенного периода из жизни Ленина, а лишь хочу представить кой-какие материалы из первоисточника, каким в данном случае является автор этой работы, будет лучше, если я буду пользоваться лишь источниками собственной памяти.

После того как работа в основном была написана, я перечитал 14-й том Сочинений Ленина и книжку тов. Овсянникова о Брест-Литовском мире и внес в работу некоторые дополнения. Их оказалось очень немного.

Л. Троцкий

P. S. При прочтении написанного я заметил, что в воспоминаниях своих называю Ленинград либо Петроградом, либо Петербургом. Между тем некоторые другие товарищи Петроград старых времен называют задним числом Ленинградом. Мне это представляется неправильным. Можно ли, например, сказать: Ленин был арестован в Ленинграде? Ясно, что в Ленинграде не могли арестовать Ленина. Еще менее возможно сказать: Петр I основал Ленинград. Может быть, через годы или десятки лет новое название города, как вообще все собственные имена, утратит свое живое историческое содержание. Но сейчас мы слишком явно и живо ощущаем, что Петроград назван Ленинградом лишь после 21 января 1924 г.— и не мог быть так назван раньше. Вот почему я в воспоминаниях сохраняю за Ленинградом то имя, каким он назывался в период описываемых событий.

Л. Т.

21 апреля 1924 г.

IV.
РАЗГОН УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ[2]

В первые же дни, если не часы, после переворота Ленин поставил вопрос об Учредительном собрании.

— Надо отсрочить,— предложил он,— надо отсрочить выборы. Надо расширить избирательные права, дав их восемнадцатилетним. Надо дать возможность обновить избирательные списки. Наши собственные списки никуда не годятся: множество случайной интеллигенции, а нам нужны рабочие и крестьяне. Корниловцев, кадетов надо объявить вне закона.

Ему возражали:

— Неудобно сейчас отсрочивать. Это будет понято как ликвидация Учредительного собрания, тем более что мы сами обвиняли Временное правительство в оттягивании Учредительного собрания.

— Пустяки! — возражал Ленин.— Важны факты, а не слова. По отношению к Временному правительству Учредительное собрание означало или могло означать шаг вперед, а по отношению к Советской власти, и особенно при нынешних списках, будет неизбежно означать шаг назад. Почему неудобно отсрочивать? А если Учредительное собрание окажется кадетски-меньшевистски-эсеровским, это будет удобно?

— Но к тому времени мы будем сильнее,— возражали другие,— а сейчас мы еще слишком слабы. О Советской власти в провинции почти ничего не знают. И если туда теперь же попадет весть о том, что мы отсрочили Учредительное собрание, это нас ослабит еще более.— Особенно энергично против отсрочки выступал Свердлов[3], более нас связанный с провинцией.

Ленин со своей позицией оказался одиноким. Он недовольно помотывал головой и повторял:

— Ошибка, явная ошибка, которая может нам дорого обойтись! Как бы эта ошибка не стоила революции головы...

Но когда решение было принято: не отсрочивать! — Ленин перенес все свое внимание на организационные меры, связанные с осуществлением Учредительного собрания[4].

Выяснилось тем временем, что мы будем в меньшинстве, даже с левыми эсерами, которые шли в общих списках с правыми и были кругом обмануты.

— Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание,— говорил Ленин,— но вот как насчет левых эсеров?

Нас, однако, очень утешил старик Натансон. Он зашел к нам «посоветоваться» и с первых же слов сказал:

— А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой.

— Браво! — воскликнул Ленин,— что верно, то верно! А пойдут ли на это ваши?

— У нас некоторые колеблются, но я думаю, что в конце концов согласятся,— ответил Натансон.

Левые эсеры тогда переживали медовые недели своего крайнего радикализма: они действительно согласились.

— А не сделать ли нам так,— предложил Натансон,— присоединить вашу и нашу фракции Учредительного собрания к Центральному Исполнительному Комитету и образовать таким образом Конвент?

— Зачем? — с явной досадой ответил Ленин.— Для подражания французской революции, что ли? Разгоном учредилки мы утверждаем советскую систему. А при вашем плане все будет спутано: ни то ни се.

Натансон попробовал было доказывать, что при его плане мы присоединим к себе часть авторитета Учредительного собрания, но скоро сдался.

Ленин занялся вопросом об учредилке вплотную.

— Ошибка явная,— говорил он,— власть уже завоевана нами, а мы между тем поставили сами себя в такое положение, что вынуждены принимать военные меры, чтоб завоевать ее снова.

Подготовку он вел со всей тщательностью, продумывая все детали и подвергая на этот счет пристрастному допросу Урицкого, назначенного, к великому его прискорбию, комиссаром Учредительного собрания. Ленин распорядился, между прочим, о доставке в Петроград одного из латышских полков, наиболее рабочего по составу.

— Мужик может колебнуться в случае чего,— говорил он,— тут нужна пролетарская решимость.

Большевистские депутаты Учредительного собрания, съехавшиеся со всех концов России, были — под нажимом Ленина и руководством Свердлова — распределены по фабрикам, заводам и воинским частям. Они составляли важный элемент в организационном аппарате «дополнительной революции» 5 января. Что касается эсеровских депутатов, то те считали несовместимым с высоким званием народного избранника участие в борьбе: «Народ

нас избрал, пусть он нас и защищает». По существу дела, эти провинциальные мещане совершенно не знали, что с собой делать, а большинство и просто трусило. Зато они тщательно разработали ритуал первого заседания. Они принесли с собой свечи на случай, если большевики потушат электричество, и большое количество бутербродов на случай, если их лишат пищи. Так демократия явилась на бой с диктатурой — во всеоружии бутербродов и свечей. Народ и не подумал о поддержке тех, которые считали себя его избранниками, а на деле были тенями уже исчерпанного периода революции.

Во время ликвидации Учредительного собрания я был в Брест-Литовске. Но в день моего ближайшего приезда на совещание в Петроград Ленин говорил мне по поводу разгона учредилки: «Конечно, было очень рискованно с нашей стороны, что мы не отложили созыва, очень, очень неосторожно. Но, в конце концов, вышло лучше. Разгон Учредительного собрания Советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры. Теперь урок будет твердый». Так теоретическое обобщение шло рука об руку с применением латышского стрелкового полка. Несомненно, что в то время должны были окончательно сложиться в сознании Ленина те идеи, которые он позже, во время I конгресса Коминтерна, формулировал в своих замечательных тезисах о демократии.

Критика формальной демократии имеет, как известно, свою длинную историю. Межеумочный характер революции 1848 г. и мы и наши предшественники объясняли крушением политической демократии. Ей на смену пришла демократия «социальная». Но буржуазное общество сумело заставить эту последнюю занять то место, которого уже не в силах была удерживать чистая демократия. Политическая история прошла через длительный период, когда социальная демократия, питаясь критикой чистой демократии, фактически выполняла обязанности последней и пропиталась насквозь ее пороками. Произошло то, что не раз бывало в истории: оппозиция оказалась призванной для консервативного разрешения тех задач, с которыми не могли уже справиться скомпрометированные силы вчерашнего дня. Из временного условия подготовки пролетарской диктатуры демократия стала верховным критерием, последней контрольной инстанцией, неприкосновенной святыней, то есть высшим лицемерием буржуазного общества. Так было и у нас. Получив

смертельный материальный удар в октябре, буржуазия пыталась еще воскреснуть в январе, в призрачно-священной форме Учредительного собрания. Дальнейшее победоносное развитие пролетарской революции после открытого, явного, грубого разгона Учредительного собрания нанесло формальной демократии тот благодетельный удар, от которого ей уже не подняться никогда. Вот почему Ленин был прав, говоря: «В конце концов, лучше, что так вышло!»

* * *

В лице эсеровской учредилки февральская республика получила оказию умереть вторично.

На фоне общего моего впечатления от официальной февральской России, от тогдашнего меньшевистски-эсеровского Петроградского Совета ярко вырисовывается и сейчас, точно это было вчера, одна физиономия эсеровского делегата. Ни кто он, ни откуда он, я не знал и не знаю. Должно быть, из провинции. Видом он был похож на молодого учителя из хороших семинаристов. Курносое, почти безусое лицо, простовато-скуластое, в очках. Это было на том заседании, где министры-социалисты впервые представлялись Совету. Чернов пространно, умильно, рыхло, кокетливо и тошнотворно объяснял, почему именно он и другие вошли в правительство и какие из этого воспоследуют благие последствия. Помню одну надоедливую фразу, повторявшуюся оратором десятки раз: «Вы нас вдвинули в правительство, вы нас можете и выдвинуть». Семинарист глядел на оратора глазами сосредоточенного обожания. Так должен чувствовать и смотреть верующий богомолец, попавший в преславную обитель и сподобившийся услышать поучение пресвятого старца. Речь лилась бесконечно, зал моментами уставал, поднимался шумок. Но у семинариста источники благоговейного восторга казались неиссякаемыми. Вот как она выглядит, наша или, вернее, их революция! — говорил я себе на этом первом увиденном и услышанном мною Совете 1917 г. По окончании черновской речи зал бурно аплодировал. Только в одном уголке недовольно переговаривались немногочисленные большевики. Эта группа сразу выделилась на общем фоне, когда она дружно поддержала мою критику оборонческого министериализма меньшевиков и эсеров. Благоговейный семинарист был испуган и встревожен до последней степени. Не возмущен: в те дни он еще не смел чувствовать возмущение

против прибывшего на родину эмигранта. Но он не мог понять, как можно быть против такого во всех отношениях радостного и прекрасного факта, как вступление Чернова в состав Временного правительства. Он сидел в нескольких шагах от меня, и на лице его, которое служило для меня барометром собрания, испуг и недоумение боролись с еще не успевшим сползти благоговением. Это лицо навсегда осталось в памяти как образ Февральской революции — ее лучший образ, простовато-наивный, низовой, мещански-семинарский, ибо у нее был и другой, худший, дано-черновский.

Недаром ведь и не случайно Чернов оказался председателем Учредительного собрания. Его подняла февральская Россия, лениво-революционная, еще полуобломовская, республикански-маниловская и ох какая (в одной части) простоватая! и ах какая (в другой части) жуликоватая!.. Спросонок мужик поднимал и выпирал наверх Черновых через посредство благоговейных семинаристов. И Чернов принимал этот мандат не без расейской грации и не без расейского же плутовства.

Ибо Чернов — и к этому я веду речь — в своем роде тоже национален. Я говорю «тоже» потому, что года четыре тому назад мне пришлось писать о национальном в Ленине. Сопоставление или хотя бы косвенное сближение этих двух фигур может показаться неуместным[5]. И оно действительно было бы грубо, неуместно, если бы дело шло о личностях. Но речь тут идет о «стихиях» национального, об их воплощении и отражении. Чернов есть эпигонство старой революционной интеллигентской традиции, а Ленин — ее завершение и полное преодоление. В старой интеллигенции сидел и дворянин, кающийся и многоречиво размазывающий идею долга перед народом; и благоговейный семинарист, приоткрывший из лампадной тятенькиной квартиры форточку в мир критической мысли; и просвещенный мужичок, колебавшийся между социализацией и отрубным хутором; и одиночка-рабочий, понатершийся вокруг господ студентов, от своих оторвавшийся, к чужим не приставший. Вот это все есть в черновщине, сладкогласной, бесформенной и межеумочной насквозь. От старого интеллигентского идеализма эпохи Софьи Перовской[6] в черновщине почти ничего не осталось. Зато прибавилось кое-что от новой промышленно-купеческой России, главным образом по части «не обманешь, не продашь». Герцен[7] был в свое время огромным и великолепным явлением в развитии русской обще-

ственной мысли. Но дайте Герцену застояться на полстолетия, да выдерните из него радужные перья таланта, превратите его в своего собственного эпигона, поставьте его на фоне 1905—1917 гг.— и вот вам элемент черновщины. С Чернышевским[8] такую операцию проделать труднее, но в черновщине есть элемент карикатуры и на Чернышевского. Связь с Михайловским[9] гораздо более непосредственная, ибо в самом Михайловском эпигонство уже преобладало. Под черновщиной, как и под всем нашим развитием, подоплека крестьянская, но преломившаяся через недозревшее полуинтеллигентное городское и сельское мещанство или через перезревшую и изрядно прокисшую интеллигенцию. Кульминация черновщины была по необходимости мимолетной. Пока толчок, данный первым февральским пробуждением солдата, рабочего и мужика через целый ряд передаточных ступеней из вольноопределяющихся, семинаристов, студентов и адвокатов, через контактные комиссии и всякие иные премудрости, успел поднять Черновых на демократические высоты, в низах произошел уже решающий сдвиг, и демократические высоты повисли в воздухе. Поэтому-то вся черновщина — между Февралем и Октябрем — сосредоточилась в заклинании: «Остановись, мгновенье: ты прекрасно!» Но мгновенье не останавливалось. Солдат «сатанел», мужик становился на дыбы, даже семинарист быстро утрачивал февральское благоговение — и в результате черновщина, распустив фалды, совсем-таки неграциозно спускалась с воображаемых высот во вполне реальную лужу.

Крестьянская подоплека есть и под ленинизмом, поскольку она есть под русским пролетариатом и под всей нашей историей. К счастью, в истории нашей не только ведь пассивность и обломовщина, но и движение. В самом крестьянине — не только предрассудок, но и рассудок. Все черты активности, мужества, ненависти к застою и насилию, презрения к слабохарактерности — словом, все те элементы движения, которые скопились ходом социальных сдвигов и динамикой классовой борьбы, нашли свое выражение в большевизме. Крестьянская подоплека преломилась тут через пролетариат, через самую динамическую силу нашей, да и не только нашей, истории, и этому преломлению Ленин дал законченное выражение. В этом именно смысле Ленин есть головное выражение национальной стихии. А черновщина отражает ту же национальную подоплеку, но не с головы, и даже совсем не с головы.

Трагикомический эпизод 5 января 1918 г. (разгон Учредительного собрания) был последним принципиальным столкновением ленинизма и черновщины. Но именно лишь «принципиальным», ибо практически никакого столкновения не было, а была маленькая и жалконькая арьергардная демонстрация сходящей со сцены «демократии», во всеоружии свечей и бутербродов. Раздутые фикции лопнули, дешевые декорации обвалились, напыщенная моральная сила обнаружила себя глуповатым бессилием. Finis!

V.
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РАБОТА

Власть в Петербурге завоевана. Надо формировать правительство.

— Как назвать его? — рассуждал вслух Ленин.— Только не министрами: это гнусное, истрепанное название.

— Можно бы — комиссарами,— предложил я,— но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары?.. Нет, «верховные» звучит плохо. Нельзя ли «народные»?

— Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет. А правительство в целом?

— Совет Народных Комиссаров?

— Совет Народных Комиссаров,— подхватил Ленин,— это превосходно: пахнет революцией.

Последнюю фразу помню дословно *.

За кулисами шли тягучие переговоры с Викжелем [11], с левыми эсерами и пр. Об этой главе могу, однако, сказать немногое. Помню только неистовое возмущение Ленина по поводу наглых викжельных претензий и не меньшее возмущение теми из наших, кому эти претензии импонировали. Но переговоры мы продолжали, так как с Викжелем до поры до времени приходилось считаться.

По инициативе тов. Каменева [12] был отменен введенный Керенским закон о смертной казни для солдат. Я сейчас не могу твердо припомнить, в какое учреждение Каменев внес это предложение, вероятнее всего, в Военно-революционный комитет, и, по-видимому, уже утром

* Тов. Милютин [10] рассказал этот эпизод несколько иначе; но приведенная выше редакция кажется мне более правильной. Во всяком случае, слова Ленина — «пахнет революцией» — относятся к моему предложению назвать правительство в целом Советом Народных Комиссаров.

25 октября. Помню, что это было в моем присутствии и что я не возражал. Ленина при этом еще не было. Дело происходило, очевидно, до его прибытия в Смольный. Когда он узнал об этом первом законодательном акте, возмущению его не было конца.

— Вздор,— повторял он.— Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить? [13]

Каменев пробовал доказывать, что дело идет лишь об отмене смертной казни, предназначавшейся Керенским специально для дезертиров-солдат. Но Ленин был непримирим. Для него было ясно, что за этим декретом скрывается непродуманное отношение к тем невероятным трудностям, которым мы идем навстречу.

— Ошибка,— повторял он,— недопустимая слабость, пацифистская иллюзия и прочее.

Он предлагал сейчас же отменить этот декрет. Ему возражали, указывая на то, что это произведет крайне неблагоприятное впечатление. Кто-то сказал: лучше просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет. В конце концов на этом остановились.

Буржуазные, эсеровские и меньшевистские газеты представляли собой с первых же дней переворота довольно согласный хор волков, шакалов и бешеных собак. Только «Новое время» пыталось взять «лояльный» тон, поджимая хвост между задних ног.

— Неужели же мы не обуздаем эту сволочь? — спрашивал при всякой оказии Владимир Ильич.— Ну какая же это, прости господи, диктатура!

Газеты особенно ухватились за слова «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

— И далось им это «грабь награбленное»,— с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

— Да чьи это слова? — спросил я.— Или это выдумка?

— Да нет же, я как-то действительно это сказал,— ответил Ленин,— сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу.— И он юмористически замахал рукой [14].

Всякий знает, кто что-нибудь знает о Ленине, что одна из сильнейших его сторон состояла в умении

отделить каждый раз существо от формы. Но очень не мешает подчеркнуть, что он чрезвычайно ценил и форму, зная власть формального над умами и тем самым превращая формальное в материальное. С момента объявления Временного правительства низложенным Ленин систематически, и в крупном и в малом, действовал как правительство. У нас еще не было никакого аппарата; связь с провинцией отсутствовала; чиновники саботировали; Викжель мешал телеграфным переговорам с Москвой; денег не было, и не было армии. Но Ленин везде и всюду действовал постановлениями, декретами, приказами от имени правительства. Разумеется, он был при этом дальше, чем кто бы то ни было, от суеверного преклонения перед формальными заклинаниями. Он слишком ясно сознавал, что наша сила — в том новом государственном аппарате, который строился с низов, из петроградских районов. Но для того чтобы сопрячь работу, шедшую сверху, из опустевших или саботировавших канцелярий, с творческой работой, шедшей снизу, нужен был этот тон формальной настойчивости, тон правительства, которое сегодня еще мечется в пустоте, но которое завтра или послезавтра станет силой и потому выступает уже сегодня как сила. Этот формализм необходим был также и для того, чтобы дисциплинировать нашу собственную братию. Над бурлящей стихией, над революционными импровизациями передовых пролетарских групп постепенно натягивались нити правительственного аппарата.

Кабинет Ленина и мой были в Смольном расположены на противоположных концах здания. Коридор, нас соединявший или, вернее, разъединявший, был так длинен, что Владимир Ильич, шутя, предлагал установить сообщение на велосипедах. Мы были соединены телефоном, матросы часто прибегали, перенося замечательные ленинские записки, на небольших кусочках бумаги, из двух-трех крепких фраз, поставленных, каждая, на ребро, с двух- и трехкратным подчеркиванием наиболее существенных слов и с заключительным вопросом — тоже ребром. Я несколько раз на дню проходил по бесконечному коридору, походившему на муравейник, в кабинет к Владимиру Ильичу на совещания. В центре стояли боевые вопросы. Заботы по министерству иностранных дел я целиком предоставил товарищам Маркину и Залкинду [15]. Сам я ограничился написанием нескольких агитационных нот да немногочисленными приемами.

Немецкое наступление поставило нас перед труднейшими задачами, а средств для их разрешения не было, как не было и элементарнейшего умения найти эти средства или создать их. Мы начали с воззвания. Написанный мною проект — «Социалистическое отечество в опасности» — обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние, в качестве новобранцев интернационализма, смутились заголовком воззвания. Ленин, наоборот, очень одобрил: «Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!» В одном из заключительных пунктов проекта говорилось об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам. Левый эсер Штейнберг, которого каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома, восставал против этой жестокой угрозы, как нарушающей «пафос воззвания».

— Наоборот,— воскликнул Ленин,— именно в этом настоящий революционный пафо̀с (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?

Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора [16]. Всякие проявления прекраснодушия, маниловщины, халатности — а всего этого было хоть отбавляй — возмущали его не столько сами по себе, сколько как признак того, что даже верхи рабочего класса не отдают еще себе достаточного отчета в чудовищной трудности задач, которые могут быть разрешены лишь мерами чудовищной же энергии. «Им,— говорил он про врагов,— грозит опасность лишиться всего. И в то же время у них есть сотни тысяч людей, прошедших школу войны, сытых, отважных, готовых на все офицеров, юнкеров, буржуазных и помещичьих сынков, полицейских, кулаков. А вот эти, извините за выражение, «революционеры» воображают, что мы сможем совершить революцию по-доброму да по-хорошему. Да где они учились? Да что они понимают под диктатурой? Да какая у него выйдет диктатура, если он сам тютя?» Такие тирады можно было слышать десятки раз на дню, и они всегда метили в кого-нибудь из присутствующих, подозрительного по «пацифизму». Ленин не пропускал ни одного случая, когда говорилось при нем о революции, о диктатуре, особенно когда это происходило на заседаниях Совнаркома или в присутствии левых

эсеров или колеблющихся коммунистов, чтобы не заметить тут же: «Да где у нас диктатура? Да покажите ее! У нас — каша, а не диктатура». Слово «каша» он очень любил. «Если мы не сумеем расстрелять саботажника-белогвардейца, то какая же это великая революция? Да вы смотрите, как у нас буржуазная шваль пишет в газетах? Где же тут диктатура? Одна болтовня и каша»... Эти речи выражали его действительное настроение, имея в то же время сугубо умышленный характер: согласно своему методу, Ленин вколачивал в головы сознание необходимости исключительно суровых мер для спасения революции.

Бессилие нового государственного аппарата обнаружилось ярче всего с момента перехода немцев в наступление. «Вчера еще прочно сидели в седле,— говорил наедине Ленин,— а сегодня только лишь держимся за гриву. Зато и урок! Этот урок должен подействовать на нашу проклятую обломовщину. Наводи порядок, берись за дело, как следует быть, если не хочешь быть рабом! Большой будет урок, если... если только немцы с белыми не успеют нас скинуть».

— А что,— спросил меня однажды совершенно неожиданно Владимир Ильич,— если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Бухарин со Свердловым справиться?

— Авось не убьют,— ответил я шутя.

— А черт их знает,— сказал Ленин и сам рассмеялся. На этом разговор и кончился [17].

В одной из комнат того же Смольного заседал штаб. Это было самое беспорядочное из всех учреждений. Никогда нельзя было понять, кто распоряжается, кто командует и чем именно. Тут впервые встал (в общей своей форме) вопрос о военных специалистах. Мы уже имели некоторый опыт на этот счет в борьбе с Красновым [18], где командующим мы назначили полковника Муравьева [19], а он в свою очередь поручил руководство операциями под Пулковом полковнику Вальдену. При Муравьеве состояло четыре матроса и один солдат, с инструкцией — глядеть в оба и не снимать руки с револьвера. Таков был зародыш комиссарской системы. Этот опыт лег в известной мере в основу создания Высшего военного совета.

— Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться,— говорил я Владимиру Ильичу каждый раз после посещений штаба.

— Это, по-видимому, верно. Да как бы не предали...

— Приставим к каждому комиссара.

— А то еще лучше двух,— воскликнул Ленин,— да рукастых. Не может же быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов.

Так возникла конструкция Высшего военного совета.

Вопрос о переезде правительства в Москву вызвал немалые трения. Это-де похоже на дезертирство из Петрограда, основоположника Октябрьской революции. Рабочие-де этого не поймут. Смольный-де стал синонимом Советской власти, а теперь его предлагают ликвидировать и пр. и пр. Ленин буквально из себя выходил, отвечая на эти соображения: «Можно ли такими сентиментальными пустяками загораживать вопрос о судьбе революции? Если немцы одним скачком возьмут Питер и нас в нем, то революция погибла. Если же правительство — в Москве, то падение Петербурга будет только частным тяжким ударом. Как же вы этого не видите, не понимаете? Более того, оставаясь при нынешних условиях в Петербурге, мы увеличиваем военную опасность для него, как бы толкая немцев к захвату Петербурга. Если же правительство — в Москве, искушение захватить Петербург должно чрезвычайно уменьшиться: велика ли корысть оккупировать голодный революционный город, если эта оккупация не решает судьбы революции и мира? Что вы калякаете о символическом значении Смольного! Смольный — потому Смольный, что мы в Смольном. А будем в Кремле, и вся ваша символика перейдет к Кремлю». В конце концов оппозиция была сломлена. Правительство переехало в Москву. Я еще оставался некоторое время в Петербурге, кажется, в звании председателя Петербургского военно-революционного комитета. По приезде в Москву я застал Владимира Ильича в Кремле, в так называемом Кавалерском корпусе. «Каши», то есть беспорядка и хаоса, тут было никак не меньше, чем в Смольном. Владимир Ильич добродушно поругивал москвичей, проникнутых великим местничеством, и постепенно, шаг за шагом, натягивал вожжи.

Правительство, довольно часто обновлявшееся по частям, развертывало тем временем лихорадочную декретную работу. Каждое заседание Совнаркома первого периода представляло картину величайшей законодательной импровизации. Все приходилось начинать с начала, воздвигать на чистом месте. «Прецедентов» отыскать нельзя было, ибо таковыми история не запаслась. Даже простые справки наводить было трудно за недостатком

времени. Вопросы выдвигались не иначе, как в порядке революционной неотложности, то есть в порядке самого невероятного хаоса. Большое причудливо перемешивалось с малым. Второстепенные практические задачи вели к сложнейшим принципиальным вопросам. Не все, далеко не все декреты были согласованы друг с другом, и Ленин не раз иронизировал, и даже публично, по поводу несогласованности нашего декретного творчества. Но в конце концов эти противоречия, хотя бы и очень острые с точки зрения практических задач момента, утопали в работе революционной мысли, которая законодательным пунктиром намечала новые пути для нового мира человеческих отношений.

Незачем говорить, что руководство всей этой работой принадлежало Ленину. Он неутомимо председательствовал по пять и по шесть часов подряд в Совнаркоме (а заседания Совнаркома происходили в первый период ежедневно), переходя с вопроса на вопрос, руководя прениями, строго отпуская ораторам время по карманным часам, которые позже были заменены председательским секундомером. Вопросы (по общему правилу) ставились без подготовки и всегда, как сказано, в порядке срочности. Очень часто самое существо вопроса было неведомо и членам Совнаркома и председателю до начала прений. А прения были всегда сжатые, на вступительный доклад полагалось 5—10 минут. И тем не менее председатель прощупывал необходимое русло. Когда участников заседания было много, и среди них спецы и вообще незнакомые лица, Владимир Ильич прибегал к своему любимому жесту: приставив ко лбу правую руку козырьком, глядел сквозь пальцы на докладчика и вообще на участников собрания, и, вопреки смыслу поговорки «глядеть сквозь пальцы», глядел очень зорко и внимательно, высматривая, что ему нужно. На узенькой полоске бумаги — мельчайшими буквами (экономия!) — заносилась запись ораторов, один глаз глядел на часы, которые время от времени показывались над столиком, чтобы напомнить оратору о необходимости кончать. И в то же время председатель быстро набрасывал на бумаге резолютивные выводы из тех соображений, которые он нашел наиболее значительными в процессе прений. Обычно к тому же еще Ленин в целях экономии времени посылал участникам собрания коротенькие записочки, требуя тех или других справок. Эти записки представляли собой очень обширный и очень интересный эпистолярный элемент в

технике советского законодательства. Большая часть их, однако, погибла, так как ответ писался сплошь да рядом на обороте вопроса и записочка тут же подвергалась председателем аккуратному уничтожению. В известный момент Ленин оглашал свои резолютивные пункты, выраженные всегда с намеренной резкостью и педагогической угловатостью (чтоб подчеркнуть, выдвинуть, не дать смазать), после чего прения либо вовсе прекращались, либо входили в конкретное русло практических предложений и дополнений. Ленинские «пункты» и ложились в основу декрета.

Для руководства этой работой помимо других необходимых качеств требовалось огромное творческое воображение. Это слово может показаться на первый взгляд неподходящим, но оно тем не менее выражает самую суть дела. Человеческое воображение бывает различного рода: оно так же необходимо инженеру-конструктору, как и необузданному романтику. Один из драгоценных видов воображения состоит в умении представить себе людей, вещи и явления такими, каковы они в действительности, даже и тогда, когда ты их никогда не видел. Пользуясь всем своим жизненным опытом и теоретической установкой, соединить отдельные, мелкие сведения, схваченные на лету, проработать их, связать воедино, дополнить по каким-то неформулированным законам соответствия и воссоздать таким путем во всей ее конкретности определенную область человеческой жизни — вот воображение, которое необходимо законодателю, администратору, вождю, особенно же в эпоху революции. Сила Ленина была в огромной мере силой реалистического воображения.

Целеустремленность Ленина всегда была конкретной, иначе, впрочем, она бы не была настоящей целеустремленностью. Ленин, кажется, в первый раз в «Искре» высказал ту мысль, что в сложной цепи политического действия нужно уметь выделить центральное для данного момента звено, чтобы, ухватившись за него, дать направление всей цепи. Позже Ленин не раз возвращался к этой мысли, а нередко и к самому образу цепи и кольца. Этот метод из сферы сознания как бы перешел у него в подсознательное, став в конце концов второй природой его. В наиболее критические моменты, когда дело шло об ответственном или рискованном тактическом повороте, Ленин как бы отметал все остальное, второстепенное или терпящее отлагательство. Это никак не надо понимать в том смысле, что он брал центральную задачу лишь в ее

основных чертах, игнорируя детали. Наоборот, ту задачу, какую он считал неотложной, он ставил во всей конкретности, подходя к ней со всех сторон, продумывая детали, иногда совершенно третьестепенные, ища повода для новых и новых толчков и импульсов, напоминая, вызывая, подчеркивая, проверяя, нажимая. Но все это было подчинено тому «звену», которое он считал решающим для данного момента. Он отметал при этом не только все, что прямо или косвенно противоречило центральной задаче, но и то, что просто могло рассеять внимание, ослабить напряжение. В наиболее острые моменты он как бы становился глухим и слепым по отношению ко всему, что выходило за пределы поглощавшего его интереса. Одна уж постановка других, нейтральных, так сказать, вопросов ощущалась им как опасность, от которой он инстинктивно отталкивался. После того как критический этап благополучно оставался позади, Ленин не раз по тому или по другому поводу восклицал: «А ведь мы и забыли совсем сделать то-то»... «А ведь мы тут дали маху, занятые главным вопросом»... И когда ему иной раз возражали: «Да ведь этот же вопрос ставился и это самое предложение вносилось, только вы тогда и слушать не хотели».— «Да неужели? — отвечал он.— Что-то я не помню»,— разражаясь при этом лукавым, немножко «виноватым» смехом и делая особый, свойственный ему, жест рукою сверху вниз, который должен был означать: всех дел, видно, никак не переделаешь. Этот его «недочет» был только оборотной стороной его способности к величайшей внутренней мобилизации всех сил, а именно эта способность сделала его величайшим революционером в истории.

В ленинских тезисах о мире, написанных в начале января 1918 г., говорится о необходимости «для успеха социализма в России, известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев» [20]. Сейчас эти слова кажутся совершенно непонятными: не описка ли, не идет ли тут речь о нескольких годах или о нескольких десятилетиях? Но нет, это не описка. Можно, вероятно, найти ряд других заявлений Ленина в таком же роде. Я очень хорошо помню, как в первый период, в Смольном, Ленин на заседаниях Совнаркома неизменно повторял, что через полгода у нас будет социализм и мы станем самым могущественным государством. Левые эсеры, и не только они одни, поднимали вопросительно и недоумевающе головы, переглядывались, но молчали. Это была система внуше-

ния. Ленин приучал всех брать отныне все вопросы в рамках социалистического строительства, и не в перспективе «конечной цели», а в перспективе сегодняшнего и завтрашнего дня. И он прибегал тут при этом крутом переходе к столь свойственному ему методу перегибания палки: вчера говорили, что социализм есть «конечная цель», а сегодня должны мыслить, говорить и действовать так, чтобы обеспечить господство социализма через несколько месяцев. Значит, это только педагогический прием? Нет, не только. Надо к педагогической настойчивости присоединить еще одно: могучий идеализм Ленина, его напряженную волю, которая на резком повороте двух эпох сжимала этапы и сокращала сроки. *Он верил в то, что говорил.* И этот фантастический полугодовой срок для социализма представляет собой такую же функцию ленинского духа, как и его реалистический подход к каждой задаче сегодняшнего дня. Глубокое и неукротимое убеждение в могущественных возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой ценой жертв и страданий, составляло всегда главную пружину ленинского духа.

В труднейших условиях — промежду повседневных изнурительных работ, среди затруднений продовольственного и всякого иного характера, в кольце гражданской войны — Ленин с величайшей тщательностью работал над советской конституцией, скрупулезно уравновешивая в ней второстепенные и третьестепенные практические потребности государственного аппарата с принципиальными задачами пролетарской диктатуры в крестьянской стране.

Конституционная комиссия решила почему-то переработать ленинскую Декларацию прав трудящихся, «согласовав» ее с текстом Конституции. В приезд свой в Москву с фронта я получил от комиссии в числе других материалов и проект переработанной Декларации, или, по крайней мере, части ее. С материалами я знакомился в кабинете Ленина, в присутствии его самого и Свердлова. Шла подготовка к V съезду Советов.

— А к чему, собственно, переделывать Декларацию? — спросил я Свердлова, который руководил работами Конституционной комиссии.

Владимир Ильич с интересом приподнял голову.

— Да вот комиссия нашла, что в Декларации есть несогласованности с Конституцией и неточные формулировки,— ответил Яков Михайлович.

— По-моему, это зря,— ответил я.— Декларация была уже принята, стала историческим документом, какой же смысл ее перерабатывать?

— Совершенно верно,— подхватил Владимир Ильич,— и, по-моему, это дело затеяно было напрасно. Пусть уж сей младенец, непричесанный и вихрастый, так и живет: каков он ни на есть, он все-таки порождение революции... Вряд ли он станет лучше, если его послать к парикмахеру.

Свердлов попытался было «по обязанности» защищать решение своей комиссии, но скоро согласился с нами. Я понял, что Владимир Ильич, которому приходилось не раз выступать против тех или других предложений Конституционной комиссии, не хотел поднимать борьбу по поводу редактирования Декларации прав, авторство которой принадлежало ему самому. Он, однако, очень обрадовался поддержке «третьего лица», неожиданно явившейся в последний момент. Мы сговорились втроем не менять Декларации, и превосходный вихрастый младенец был избавлен от парикмахерской...

Изучение советского законодательства в его развитии — с выделением в нем принципиальных моментов и поворотных вех, в связи с ходом самой революции и классовых в ней отношений — является задачей огромной важности, ибо для пролетариата других стран выводы ее могут и должны получить первостепенное практическое значение.

Сборник советских декретов представляет в известном смысле часть, и отнюдь не маловажную, Полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина.

VI.
ЧЕХОСЛОВАКИ И ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ

Весна 1918 г. была очень тяжелая. Моментами было такое чувство, что все ползет, рассыпается, не за что ухватиться, не на что опереться. С одной стороны, было совершенно очевидно, что страна загнила бы надолго, если бы не Октябрьский переворот. Но с другой стороны, весной 1918 г. невольно вставал вопрос: хватит ли у истощенной, разоренной, отчаявшейся страны жизненных соков для поддержания нового режима? Продовольствия не было. Армии не было. Государственный аппарат еле складывался. Всюду гноились заговоры. Чехословацкий корпус держал себя на нашей территории как

самостоятельная держава. Мы ничего, или почти ничего, не могли ему противопоставить.

Однажды, в очень тяжелые часы 1918 г., Владимир Ильич мне рассказывал:

— Сегодня у меня была делегация рабочих. И вот один из них на мои слова * отвечает: видно и вы, товарищ Ленин, берете сторону капиталистов. Знаете, это в первый раз я услышал такие слова. Я, сознаюсь, даже растерялся, не зная, что ответить. Если это не злостный тип, не меньшевик, то это — тревожный симптом.

Передавая этот эпизод, Ленин казался мне более огорченным и встревоженным, чем в тех случаях, когда приходили, позже, с фронтов черные вести о падении Казани или о непосредственной угрозе Петербургу. И это понятно: Казань и даже Петербург можно было потерять и вернуть, а доверие рабочих есть основной капитал партии.

— У меня такое впечатление,— сказал я в те дни Владимиру Ильичу,— что страна после перенесенных ею тягчайших болезней нуждается сейчас в усиленном питании, спокойствии, уходе, чтобы выжить и оправиться; доконать ее можно сейчас небольшим толчком.

— Такое же впечатление и у меня,— ответил Владимир Ильич.— Ужасающее худосочие! Сейчас опасен каждый лишний толчок.

Между тем история с чехословаками грозила сыграть роль такого рокового толчка. Чехословацкий корпус врезался в рыхлое тело юго-восточной России, не встречая противодействия и обрастая эсерами и другими деятелями еще более белых мастей. Хотя у власти везде уже стояли большевики, но рыхлость провинции была еще очень велика. И немудрено. По-настоящему Октябрьская революция была проделана только в Петрограде и в Москве. В большинстве провинциальных городов Октябрьская революция, как и Февральская, совершалась по телеграфу. Одни приходили, другие уходили потому, что это уже произошло в столице. Рыхлость общественной среды, отсутствие сопротивления вчерашних властителей имели своим последствием рыхлость и на стороне революции. Появление на сцене чехословацких частей изменило обстановку — сперва против нас, но в конечном счете в нашу пользу. Белые получили военный стержень для кристаллизации. В ответ началась настоящая револю-

* К сожалению, я никак не могу вспомнить вопроса, по поводу которого явилась делегация.

ционная кристаллизация красных. Можно сказать, что только с появлением чехословаков Поволжье совершило свою Октябрьскую революцию. Однако это произошло не сразу.

3 июля Владимир Ильич позвонил по телефону ко мне в Военный комиссариат.

— Знаете, что случилось? — спросил он тем глуховатым голосом, который означал волнение.

— Нет, а что?

— Левые эсеры бросили бомбу в Мирбаха[21]; говорят, тяжело ранен. Приезжайте в Кремль, надо посоветоваться.

Через несколько минут я был в кабинете Ленина. Он изложил мне фактическую сторону, каждый раз справляясь по телефону о новых подробностях.

— Дела! — сказал я, переваривая не совсем обычные новости.— На монотонность жизни мы пожаловаться никак не можем.

— Д-да,— ответил Ленин с тревожным смехом.— Вот оно — очередное чудовищное колебнутие мелкого буржуа...— Он так иронически и сказал: *колебнутие.*— Это то самое состояние, о котором Энгельс выразился: «der rabiat gewordene Kleinbürger» (закусивший удила мелкий буржуа).

Тут же спешные разговоры по телефону — короткие вопросы и ответы — с Наркоминделом, с ВЧК и с другими учреждениями. Мысль Ленина, как всегда в критические моменты, работала одновременно в двух плоскостях: марксист обогащал свой исторический опыт, с интересом оценивая новый выверт — «колебнутие» — мещанского радикализма; в то же время вождь революции неутомимо натягивал нити информации и намечал практические шаги. Шли сведения о восстании в войсках ВЧК.

— Как бы, однако, левые эсеры не оказались той вишневой косточкой, о которую нам суждено споткнуться...

— Я как раз об этом думал,— ответил Ленин,— ведь в том и состоит судьба колебнувшегося мелкого буржуа, чтобы послужить вишневой косточной для нужд белогвардейца... Сейчас надо во что бы то ни стало повлиять на характер немецкого донесения в Берлин. Повод для военного вмешательства предостаточный, особенно если принять во внимание, что Мирбах, вероятно, все время доносил, что мы слабы и что не хватает лишь толчка...

Скоро прибыл Свердлов, такой же, как всегда.

— Ну что,— сказал он мне, здороваясь с усмешкой,— придется нам, видно, снова от Совнаркома перейти к ревкому.

Ленин тем временем продолжал собирать справки. Не помню, в этот ли момент или позже получилось сообщение, что Мирбах скончался. Нужно было ехать в посольство выражать «соболезнование». Решено было, что поедут Ленин, Свердлов и, кажется, Чичерин[22]. Возник вопрос обо мне. После летучего обмена мнениями меня освободили.

— Как еще там скажешь,— говорил Владимир Ильич, покачивая головой.— Я уж с Радеком об этом сговаривался. Хотел сказать «Mitleid», а надо сказать «Beileid» *.

Он чуть-чуть засмеялся, вполтона, оделся и твердо сказал Свердлову: «Идем». Лицо его изменилось, стало каменисто-серым. Недешево Ильичу давалась эта поездка в гогенцоллернское посольство с выражением соболезнования по поводу гибели графа Мирбаха. В смысле внутренних переживаний это был, вероятно, один из самых тяжких моментов его жизни.

В такие дни познаются люди. Свердлов был поистине несравненен: уверенный, мужественный, твердый, находчивый — лучший тип большевика. Ленин вполне узнал и оценил Свердлова именно в эти тяжкие месяцы. Сколько раз, бывало, Владимир Ильич звонит Свердлову, чтоб предложить принять ту или другую спешную меру, и в большинстве случаев получает ответ: «Уже!» Это значило, что мера уже принята. Мы часто шутили на эту тему, говоря: «А у Свердлова, наверно, *уже!*»

— А ведь мы были вначале против его введения в Центральный Комитет,— рассказывал как-то Ленин,— до какой степени недооценивали человека! На этот счет были изрядные споры, но снизу нас на съезде поправили и оказались целиком правы **...

---

* Сочувствие, соболезнование *(нем.)*. *Н. В.*

** Кстати, Свердлова почему-то неизменно называют первым председателем пооктябрьского ВЦИК. Это неверно. Первым председателем был, хотя и недолго, тов. Каменев. Свердлов заменил его по инициативе Ленина, в эпоху обострения внутрипартийной борьбы, связанной с попытками достигнуть соглашения с социалистическими партиями. В примечаниях к 14-му тому Сочинений Ленина говорится, будто замена тов. Каменева Свердловым вызвана была отбытием первого на переговоры в Брест-Литовск. Это объяснение неправильно. Переизбрание вызвано было, как уже сказано, обострением

Левоэсеровский мятеж лишил нас политического попутчика и союзника, но в последнем счете не ослабил, а укрепил нас. Партия наша сгрудилась плотнее. В учреждениях, в армии поднялось значение коммунистических ячеек. Линия правительства стала тверже.

В том же направлении влияло, несомненно, и чехословацкое восстание, которое выбило партию из того угнетенного состояния, в котором она находилась, несомненно, со времени Брест-Литовского мира. Начался период партийных мобилизаций на Восточный фронт. Первую группу, в состав которой входили еще левые социалисты-революционеры, мы отправляли с Владимиром Ильичем совместно. Тут намечалась, еще в довольно смутном виде, организация будущих политотделов. Однако сведения с Волги продолжали поступать неблагоприятные. Измена Муравьева и восстание левых эсеров внесли новое временное замешательство на Восточном фронте. Опасность сразу обострилась. Вот тут и начался радикальный перелом.

— Надо мобилизовать всех и все и двинуть на фронт,— говорил Ленин.— Надо снять из «завесы» все сколько-нибудь боеспособные части и перебросить на Волгу.

Напоминаем, что «завесой» назывался тонкий кордон войск, выставленных на западе, против района немецкой оккупации.

— А немцы? — отвечали Ленину.

— Немцы не двинутся, им не до того, да они и сами заинтересованы в том, чтобы мы справились с чехословаками.

Этот план был принят, и он доставил сырой материал для будущей 5-й армии. Тогда же решена была моя поездка на Волгу. Я занялся формированием поезда, что в те времена было непросто. Владимир Ильич и тут входил во все, писал мне записки, телефонировал без конца.

— Есть ли у вас сильный автомобиль? Возьмите из кремлевского гаража.

И еще через полчаса:

— А берете ли с собой аэроплан? Нужно бы взять на всякий случай.

внутрипартийной борьбы. Я помню это тем тверже, что мне, по поручению ЦК, пришлось вносить во фракцию ВЦИК предложение об избрании Свердлова председателем.

— Аэроплаиы будут при армии,— отвечал я,— и, если понадобится, я воспользуюсь.

Еще через полчаса:

— А я все-таки думаю, что вам нужно бы иметь аэроплан при поезде, мало ли что может случиться.

И т. д. н пр.

Наспех сколоченные полки н отряды, преимущественно нз разложившихся солдат старой армии, как известно, весьма плачевно рассыпались при первом столкновеиии с чехословаками.

— Чтобы преодолеть эту гнбельную неустойчнвость, нам иеобходимы крепкие заградительные отряды нз коммунистов и вообще боевиков,— говорил я Ленину перед отъездом на восток.— Надо заставить сражаться. Если ждать, пока мужик расчухается, пожалуй, поздио будет.

— Конечно, это правильио,— отвечал ои,— только опасаюсь, что н заградительные отряды не проявят должной твердостн. Добёр русскнй человек, на решительные меры революционного террора его не хватает. Но попытаться необходимо.

Весть о покушеини на Ленина н об убийстве Урицкого застигла меия в Свияжске. В эти трагические днн революция переживала виутренний перелом. Ее «доброта» отходила от нее. Партийный булат получал свой окончательный закал. Возрастала решимость, а где нужно — беспощадность. На фронте политические отделы рука об руку с заградительными отрядами н трибуналами вправляли костяк в рыхлое тело молодой армии. Перемеиа не замедлила сказаться. Мы вернули Казаиь и Снмбирск. В Казани я получил от выздоравливавшего после покушения Ленина телеграмму по поводу первых побед иа Волге.

Побывав вскоре после того в Москве, я вместе со Свердловым проехал в Горки к Владимиру Ильичу, который быстро поправлялся, ио еще не возвращался в Москву к работе. Мы застали его в прекрасном настроении. Он подробно расспрашивал про организацию армии, ее настроения, роль коммунистов, рост дисциплины и весело повторял: «Вот это хорошо, вот это отлично. Укрепление армин немедленно же скажется на всей страие — ростом дисциплины, ростом ответственности»... С осенних месяцев действительно произошла большая перемена. Того похожего на бледную немочь состояния, которое определилось в весенние месяцы, теперь уже не чувствовалось. Что-то сдвинулось, что-то окрепло, и замечательио,

что на этот раз революцию спасла не новая передышка, а, наоборот, новая острая опасность, которая вскрыла в пролетариате подспудные источники революционной энергии. Когда мы садились со Свердловым в автомобиль, Ленин, веселый и жизнерадостный, стоял на балконе. Таким веселым я его помню еще только 25 октября, когда он узнал в Смольном о первых военных успехах восстания.

Левых эсеров мы политически ликвидировали. Волгу очищали. Ленин выздоравливал после ран. Революция крепла и мужала.

VII
ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

После Октября фотографы снимали Ленина не раз, точно так же и кинематографщики. Голос его запечатлен на пластинках фонографа. Речи застенографированы и напечатаны. Таким образом, все элементы Владимира Ильича налицо. Но только элементы. А живая личность — в их неповторном и всегда динамическом сочетании.

Когда я мысленно пытаюсь свежим глазом и свежим ухом — как бы в первый раз — увидеть и услышать Ленина на трибуне, я вижу крепкую и внутренне эластическую фигуру невысокого роста и слышу ровный, плавный, очень быстрый, чуть картавый, непрерывный, почти без пауз и на первых порах без особой интонации голос.

Первые фразы обычно общи, тон нащупывающий, вся фигура как бы не нашла еще своего равновесия, жест не оформлен, взгляд ушел в себя, в лице скорее угрюмость и как бы даже досада — мысль ищет подхода к аудитории. Этот вступительный период длится то больше, то меньше — смотря по аудитории, по теме, по настроению оратора. Но вот он попал на зарубку. Тема начинает вырисовываться. Оратор наклоняет верхнюю часть туловища вперед, заложив большие пальцы рук за вырезы жилета. И от этого двойного движения сразу выступают вперед голова и руки. Голова сама по себе не кажется большой на этом невысоком, но крепком, ладно сколоченном, ритмическом теле. Но огромными кажутся на голове лоб и голые выпуклины черепа. Руки очень подвижны, однако без суетливости или нервозности. Кисть широкая, короткопалая, «плебейская», крепкая. В ней, в этой кисти, есть те же черты надежности и мужествен-

ного добродушия, что и во всей фигуре. Чтоб дать разглядеть это, нужно, однако, оратору осветиться изнутри, разгадав хитрость противника или самому с успехом заманив его в ловушку. Тогда из-под могучего лобно-черепного навеса выступают ленинские глаза, которые чуть-чуть переданы на одной счастливой фотографии 1919 г. Даже безразличный слушатель, поймав впервые этот взор, настораживался и ждал, что будет дальше. Угловатые скулы освещались и смягчались в такие моменты крепко умной снисходительностью, за которой чувствовалось большое знание людей, отношений, обстановки — до самой что ни на есть глубокой подоплеки. Нижняя часть лица с рыжевато-сероватой растительностью как бы оставалась в тени. Голос смягчался, получал большую гибкость и — моментами — лукавую вкрадчивость.

Но вот оратор приводит предполагаемое возражение от лица противника или злобную цитату из статьи врага. Прежде чем он успел разобрать враждебную мысль, он дает вам понять, что возражение неосновательно, поверхностно или фальшиво. Он высвобождает пальцы из жилетных вырезов, откидывает корпус слегка назад, отступает мелкими шагами, как бы для того, чтобы освободить себе место для разгона, и — то иронически, то с видом отчаяния — пожимает крутыми плечами и разводит руками, выразительно отставив большие пальцы. Осуждение противника, осмеяние или опозорение его — смотря по противнику и по случаю — всегда предшествует у него опровержению. Слушатель как бы предуведомляется заранее, какого рода доказательство ему надо ждать и на какой тон настроить свою мысль. После этого открывается логическое наступление. Левая рука попадает либо снова за жилетный вырез, либо — чаще — в карман брюк. Правая следует логике мысли и отмечает ее ритм. В нужные моменты левая приходит на помощь. Оратор устремляется к аудитории, доходит до края эстрады, склоняется вперед и округлыми движениями рук работает над собственным словесным материалом. Это значит, что дело дошло до центральной мысли, до главнейшего пункта всей речи.

Если в аудитории есть противники, навстречу оратору поднимаются время от времени критические или враждебные восклицания. В девяти случаях из десяти они остаются без ответа. Оратор скажет то, что ему нужно, для кого нужно и так, как он считает нужным. Отклоняться

в сторону для случайных возражений он не любит. Беглая находчивость не свойственна его сосредоточенности. Только голос его, после враждебных восклицаний, становится жестче, речь компактнее и напористее, мысль острее, жесты резче. Он подхватывает враждебный возглас с места только в том случае, если это отвечает общему ходу его мысли и может помочь ему скорее добраться до нужного вывода. Тут его ответы бывают совершенно неожиданны — своей убийственной простотой. Он начисто обнажает ситуацию там, где, согласно ожиданиям, он должен был бы маскировать ее. Это испытывали на себе не раз меньшевики в первый период революции, когда обвинения в нарушениях демократии сохраняли еще всю свою свежесть. «Наши газеты закрыты!» — «Конечно, но, к сожалению, не все еще! Скоро будут закрыты все. (*Бурные аплодисменты.*) Диктатура пролетариата уничтожит в корне эту позорную продажу буржуазного опиума». (*Бурные аплодисменты.*) Оратор выпрямился. Обе руки в карманах. Тут нет и намека на позу, и в голосе нет ораторских модуляций, зато есть во всей фигуре, и в посадке головы, и в сжатых губах, и в скулах, и в чуть-чуть сиплом тембре несокрушимая уверенность в своей правоте и в своей правде. «Если хотите драться, то давайте драться, как следует быть».

Когда оратор бьет не по врагу, а по своим, то это чувствуется и в жесте, и в тоне. Самая неистовая атака сохраняет в таком случае характер «урезонивания». Иногда голос оратора срывается на высокой ноте: это когда он стремительно обличает кого-нибудь из своих, устыжает, доказывает, что оппонент ровнешенько ничего в вопросе не смыслит и в обоснование своих возражений ничего, ну так-таки ничегошеньки не привел. Вот на этих «ровнешеньки» и «ничегошеньки» голос иногда доходит до фальцета и срыва, и от этого сердитейшая тирада принимает неожиданно оттенок добродушия.

Оратор продумал заранее свою мысль до конца, до последнего практического вывода,— мысль, но не изложение, не форму, за исключением разве наиболее сжатых, метких, сочных выражений и словечек, которые входят затем в политическую жизнь партии и страны звонкой монетой обращения. Конструкция фраз обычно громоздкая, одно предложение напластовывается на другое или, наоборот, забирается внутрь его. Для стенографов такая конструкция — тяжкое испытание, а вслед за ними — и для редакторов. Но через эти громоздкие фразы

напряженная и властная мысль прокладывает себе крепкую, надежную дорогу.

Верно ли, однако, что это говорит глубочайше образованный марксист, теоретик-экономист, человек с огромной эрудицией? Ведь вот кажется, по крайней мере моментами, что выступает какой-то необыкновенный самоучка, который дошел до всего этого своим умом, как следует быть, все это обмозговал, по-своему, без научного аппарата, без научной терминологии, и по-своему же все это излагает. Откуда это? Оттуда, что оратор продумал вопрос не только за себя, но и за массу, провел свою мысль через ее опыт, начисто освобождая изложение от теоретических лесов, которыми сам пользовался при первом подходе к вопросу.

Иногда, впрочем, оратор слишком стремительно взбегает по лестнице своих мыслей, перепрыгивая через две-три ступени сразу: это когда вывод ему слишком ясен и практически слишком неотложен и нужно как можно скорее подвести к нему слушателей. Но вот он почувствовал, что аудитория не поспевает за ним, что связь со слушателями разомкнулась. Тогда он сразу берет себя в руки, спускается одним прыжком вниз и начинает свое восхождение заново, но уже более спокойным и соразмеренным шагом. Самый голос его становится иным, освобождается от излишней напряженности, получает обволакивающую убедительность. Конструкция речи от этого возврата вспять, конечно, страдает. Но разве речь существует для конструкции? Разве в речи ценна какая-либо другая логика, кроме логики, понуждающей к действию?

И когда оратор вторично добирается до вывода, приведя на этот раз к нему своих слушателей, не растеряв в пути никого, в зале физически ощущается та благодарная радость, в которую разрешается удовлетворенное напряжение коллективной мысли. Теперь остается пристукнуть еще раза два-три по выводу, для крепости, дать ему простое, яркое и образное выражение, для памяти, а затем можно позволить и себе и другим передышку, пошутить и посмеяться, чтобы коллективная мысль получше всосала в себя тем временем новое завоевание.

Ораторский юмор Ленина так же прост, как и все прочие его приемы, если здесь можно говорить о приемах. Ни самодовлеющего остроумия, ни тем более острословия в речах Ленина нет, а есть шутка, сочная, доступная массе, в подлинном смысле народная. Если в политиче-

ской обстановке нет ничего слишком тревожного, если аудитория в большинстве своем «своя», то оратор не прочь мимоходом «побалагурить». Аудитория благодарно воспринимает лукаво-простецкую прибаутку, добродушно-безжалостную характеристику, чувствуя, что и это не так себе, не для одного лишь красного словца, а все для той же цели.

Когда оратор прибегает к шутке, тогда больше выступает нижняя часть лица, особенно рот, умеющий заразительно смеяться. Черты лба и черепа как бы смягчаются, глаз, переставая сверлить, весело светится, усиливается картавость, напряженность мужественной мысли смягчается жизнерадостностью и человечностью.

В речах Ленина, как и во всей его работе, главной чертой остается целеустремленность. Оратор не речь строит, а ведет к определенному действенному выводу. Он подходит к своим слушателям по-разному: и разъясняет, и убеждает, и срамит, и шутит, и снова убеждает, и снова разъясняет. То, что объединяет его речь, это не формальный план, а ясная, строго для сегодняшнего дня намеченная практическая цель, которая должна занозой войти в сознание аудитории. Ей подчинен и его юмор. Шутка его утилитарна. Яркое словечко имеет свое практическое назначение: подстегнуть одних, попридержать других. Тут и «хвостизм», и «передышка», и «смычка», и «драчка», и «комчванство», и десятки других, не столь увековеченных. Прежде чем добраться до такого словечка, оратор описывает несколько кругов, как бы отыскивая нужную точку. Найдя, наставляет гвоздь и, примерив, как следует быть, глазом, наносит с размаху удар молотком по шляпке — и раз, и другой, и десятый,— пока гвоздь не войдет, как следует быть, так что его очень трудно бывает выдернуть, когда уж минует в нем надобность. Тогда Ленину же придется — с прибауткой — постукать по этому гвоздю справа и слева, чтобы расшатать его и, выдернув, бросить в архивную ломь — к великому огорчению тех, которые к гвоздю привыкли.

Но вот речь клонится к концу. Итоги подведены, выводы закреплены. Оратор имеет вид работника, который умаялся, но дело свое выполнил. По голому черепу, на котором выступили крупинки пота, он проводит время от времени рукой. Голос звучит без напряжения, как догорает костер. Можно кончать. Но не надо ждать того венчающего речь подъемного финала, без которого, казалось бы, нельзя сойти с трибуны. Другим нельзя, а Ле-

нину можно. У него нет ораторского завершения речи: он кончает работу и ставит точку. «Если поймем, если сделаем, тогда победим наверняка» — такова нередкая заключительная фраза. Или: «Вот к чему нужно стремиться — не на словах, а на деле». А иногда и того проще: «Вот все, что я хотел вам сказать», и только. И такой конец, полностью отвечающий природе ленинского красноречия и природе самого Ленина, нисколько не расхолаживает аудиторию. Наоборот, как раз после такого «неэффектного», «серого» заключения она как бы заново, одной вспышкой сознания охватывает все, что Ленин дал ей в своей речи, и разражается бурными, благодарными, восторженными аплодисментами.

Но, уже подхватив кое-как свои бумажки, быстро покидает кафедру Ленин, чтобы избегнуть неизбежного. Голова его слегка втянута в плечи, подбородком вниз, глаза скрылись под брови, усы топорщатся почти сердито на недовольно приподнятой верхней губе. Рокот рукоплесканий растет, кидая волну на волну. Да здра... Ленин... вождь... Ильич... Вот мелькает в свете электрических ламп неповторимое человеческое темя, со всех сторон захлестываемое необузданными волнами. И когда, казалось, вихрь восторга достиг уже высшего неистовства — вдруг через рев, и гул, и плеск чей-то молодой, напряженный, счастливый и страстный голос, как сирена, прорезывающий бурю: *Да здравствует Ильич!* И откуда-то из самых глубоких и трепетных глубин солидарности, любви, энтузиазма поднимается в ответ уже грозным циклоном общий безраздельный, потрясающий своды вопль-клич: *Да здравствует Ленин!*

О ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕМ

(Национальное в Ленине)

Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации. Он лучше всего характеризуется непримиримым разрывом — в первые дни мировой войны — с той подделкой под интернационализм, которая господствовала во II Интернационале. Официальные вожди «социализма» примеряли с парламентской трибуны интересы отечества к интересам человечества отвлеченными доводами в духе старых космополитов. На практике это вело, как мы знаем, к поддержке грабительского отечества силами пролетариата.

Интернационализм Ленина — никак ие формула словесного примирения нациоиального с интернациональным, а формула международиого революционного действия. Мировая территория, захваченная так называемым цивилизованиым человечеством, рассматривается как единое поле гигантской борьбы, составными элементами которой являются отдельные народы и их классы. Ни один крупиый вопрос не замыкается в национальные рамки. Видимые и невидимые нити соединяют его действенной связью с десятками явлений во всех коицах мира. В оценке международных факторов и сил Ленин свободнее, чем кто-либо, от национальных пристрастий.

Маркс считал, что философы достаточно истолковывали мир, и видел задачу в том, чтобы переделать его. Но сам он до того не дожил — гениальный предтеча. Переделка старого мира ныне в полном ходу, и первым ее работником является Ленин. Его интернационализм есть практическая оценка и практическое вмешательство в ход исторических событий в мировом масштабе и в мировых целях. Россия и ее судьба — только один из элементов этой грандиозной исторической тяжбы, от исхода которой зависит судьба человечества.

Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации. Но в то же время сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение и именно таким путем достигает вершин интернационального действия и мирового влияния.

На первый взгляд характеристика фигуры Ленииа, как «национальной», может показаться неожиданностью, но, в сущности, это разумеется само собой. Для того чтобы руководить таким небывалым в истории народов переворотом, какой переживает Россия, нужна, очевидио, неразрывиая, органическая связь с основными силами народиой жизни — связь, идущая от глубочайших корией.

Леиин олицетворяет собой русский пролетариат — молодой класс, которому политически, пожалуй, не больше лет, чем Леиину, от роду, но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующее развитие России, в нем все ее будущее, с ним живет и падает русская нация. Свобода от рутииы и шаблона, от фальши и условности, решимость мысли, отвага в действии — отвага, никогда не переходящая в безрассудство, характеризуют русский пролетариат и с ним вместе Ленина.

Природа русского пролетариата, которая делает его ныне важнейшей силой международной революции, подготовлена всем ходом национальной русской истории: варварской жестокостью самодержавного государства, ничтожеством привилегированных классов, лихорадочным развитием капитализма на дрожжах мировой биржи, вымороченным характером русской буржуазии, упадочностью ее идеологии, дрянностью ее политики. Наше «третье сословие» не имело и не могло иметь ни своей реформации, ни своей великой революции. Тем более всеобъемлющий характер приобрели революционные задачи русского пролетариата. Наша история не дала в прошлом ни Лютера, ни Фомы Мюнстера, ни Мирабо, ни Дантона, ни Робеспьера. Именно поэтому русский пролетариат имеет своего Ленина. Что потеряно в традиции, то выиграно в размахе революции.

Ленин отражает собой рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека. Перед Смольным стоит памятник другому большому человеку мирового пролетариата: Маркс на камне, в черном сюртуке. Конечно, это мелочь, но Ленина даже мысленно никак не оденешь в черный сюртук. На некоторых портретах Маркс изображен с широко открытой крахмальной манишкой, на которой болтается что-то вроде монокля. Что Маркс не был склонен к кокетливости, это слишком ясно для тех, кто имеет понятие о духе Маркса. Но Маркс родился и вырос на иной национально-культурной почве, дышал иной атмосферой, как и верхи немецкого рабочего класса своими корнями уходят не в мужицкую деревню, а в цеховое ремесло и в сложную городскую культуру средних веков.

Самый стиль Маркса — богатый и прекрасный, сочетание силы и гибкости, гнева и иронии, суровости и изысканности — несет в себе литературные и эстетические накопления всей предшествующей социально-политической немецкой литературы, начиная с Реформации и ранее. Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уж, конечно, не рисовка — это просто внешнее выражение внутреннего сосредоточения сил для действия. Это хозяйская

мужицкая деловитость — только в грандиозном масштабе.

Маркс — весь в «Коммунистическом манифесте», в предисловии к своей «Критике» *, в «Капитале». Если б он даже не был основателем I Интернационала, он навсегда остался бы тем, чем является сейчас. Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Его научные работы только подготовка к действию. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: вождем пролетарской революции, основателем III Интернационала.

Ясная научная система — материалистическая диалектика — необходима для действия того исторического размаха, какой выпал на долю Ленина, необходима, но недостаточна. Тут нужна еще та подспудная творческая сила, которую мы называем интуицией: способность на лету оценивать явления, отделять существенное и важное от шелухи и пустяков, заполнять воображением недостающие части картины, додумывать за других, и прежде всего за врагов, сочетать все это воедино и наносить удар одновременно с тем, как в голове складывается «формула» удара. Это — интуиция действия. Одной стороной своей она сливается с тем, что по-русски зовется сметкой.

Когда Ленин, прищурив левый глаз, слушает радиотелеграмму, заключающую в себе парламентскую речь одного из империалистических вершителей судеб или очередную дипломатическую ноту — сплетение кровожадного коварства с полированным лицемерием,— он похож на крепко умного мужика, которого словами не проймешь и фразами не обманешь. Это — мужицкая сметка, только с высоким потенциалом, развернувшаяся до гениальности, вооруженная последним словом научной мысли.

Молодой русский пролетариат мог совершить то, что совершает, только рванув за собой на своих корнях тяжелую глыбу крестьянства. Все наше национальное прошлое подготовило этот факт. Но именно потому, что ходом событий у власти поставлен пролетариат, революция наша сразу и радикально преодолела национальную ограниченность и провинциальную захолустность прежней русской истории. Советская Россия стала не только убежищем Коммунистического Интернационала, но и живым воплощением его программы и его методов.

---

* — «К критике политической экономии», *Н. В.*

Теми неведомыми, наукой еще не раскрытыми путями, какими формируется человеческая личность, Ленин впитал в себя из национальной среды все, что понадобилось ему для величайшего в человеческой истории революционного действия. Именно потому, что через Ленина социалистическая революция, давно имеющая свое интернациональное теоретическое выражение, нашла впервые свое национальное воплощение, Ленин стал в самом прямом и самом непосредственном смысле революционным руководителем мирового пролетариата. Таким его застиг день его 50-летия.

(Правда. 1920. 23 апр.)

О РАНЕНОМ

(Речь на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 г.)

Товарищи, те братские приветствия, какие я слышу, я истолковываю так, что сейчас, в эти трудные дни и часы, мы все, как братья, испытываем глубокую потребность плотнее примкнуть друг к другу, к нашим советским организациям, ближе стать под наше коммунистическое знамя. В эти исполненные тревогой дни и часы, когда наш и, можно ныне сказать с полным правом, мировой знаменосец пролетариата лежит на постели в борьбе со страшным призраком смерти, мы ближе друг к другу, чем в часы побед...

Весть о покушении на тов. Ленина застигла меня и ряд других товарищей в Свияжске, на Казанском фронте. Там были удары — удары справа, удары слева, были удары в лоб. Но этот новый удар был удар в спину из глубокого тыла. Этот предательский удар открыл новый фронт — самый болезненный, самый тревожный для нас в настоящий момент: фронт, на котором жизнь Владимира Ильича борется со смертью. И какие бы поражения нас ни ожидали на том или другом фронте — я твердо верю в близкую победу вместе с вами,— но отдельные частичные поражения не оказались бы для рабочего класса России и всего мира такими тяжкими, такими трагическими, каким оказался бы роковой исход борьбы на том фронте, который проходит через грудную клетку нашего вождя. Можно понять — стоит лишь вдуматься — всю ту силу сосредоточенной ненависти, какую вызывала и будет вызывать эта фигура у всех врагов рабочего

класса. Ибо природа поработала на славу, для того, чтобы создать в одной фигуре воплощение революционной мысли в непреклонной энергии рабочего класса. Эта фигура — Владимир Ильич Ленин. Галерея рабочих вождей, революционных борцов, очень богата и разнообразна, и мне, как и многим другим товарищам, которые насчитывают третий десяток лет революционной работы, доводилось встречать в разных странах много разновидностей типа рабочего вождя, революционного представителя рабочего класса. Но только в лице тов. Ленина мы имеем фигуру, которая создана для нашей эпохи крови и железа [...]

Все, что было в старой революционной интеллигенции лучшего — ее дух самопожертвования, дерзания, ненависти к гнету,— все это сосредоточилось в этой фигуре, которая, однако, бесповоротно, еще в период юности, порвала связь с миром интеллигенции, ввиду ее связи с буржуазией, и воплотила в себе смысл и сущность развития рабочего класса. Опираясь на молодой революционный пролетариат России, пользуясь богатым опытом мирового рабочего движения, превратив его идеологию в рычаг действия, эта фигура ныне поднялась на политическом небосклоне во весь рост. Это — фигура Ленина, величайшего человека нашей революционной эпохи. (Аплодисменты.)

Я знаю, и вы вместе со мной, товарищи, что судьба рабочего класса не зависит от отдельных личностей; но это не значит, что личность безразлична в истории нашего движения и развития рабочего класса. Личность не может лепить рабочий класс по образу и подобию своему и не может указать пролетариату по произволу тот или другой путь развития, но она может способствовать выполнению его задач, ускорять достижение его цели. Карлу Марксу указывали его критики, что он предвидел революцию гораздо ближе, чем она осуществляется на деле. На это отвечали с полным основанием, что он стоял на высокой горе, и потому расстояния ему казались короче. Владимира Ильича многие — и я в том числе — критиковали не раз за то, что он как бы не замечал многих второстепенных причин, побочных обстоятельств. Я должен сказать, что для эпохи «нормального», медленного развития это, может быть, было бы недостатком для политического деятеля; но это — величайшее преимущество тов. Ленина, как вождя новой эпохи, когда все побочное, все внешнее, все второстепенное отпадает и от-

ступает, когда остается только основной непримиримый антагонизм классов в грозной форме гражданской войны. Устремив вперед свой революционный взор, подмечать и указывать главное, основное, самое нужное — этот дар свойствен Ленину в высшей степени. И те, кому, как мне, суждено было в этот период близко наблюдать работу Владимира Ильича, работу его мысли, те не могли не относиться с прямым и непосредственным восторгом — я повторяю: именно с восторгом — к этому дару проницательной, сверлящей мысли, которая отметает все внешнее, случайное, поверхностное, намечая основные пути и способы действия. Только тех вождей рабочий класс научается ценить, которые, открыв путь развития, идут непоколебимо, хотя бы даже предрассудки самого пролетариата становились временами препятствиями на этом пути. К дару могучей мысли у Владимира Ильича присоединяется непоколебимость воли, и вот эти качества в соединении создают подлинного революционного вождя, слитого из мужественной, непреклонной мысли и стальной непоколебимой воли.

Какое счастье, что все, что мы говорим, и слышим, и читаем в резолюциях о Ленине, не имеет формы некролога. А ведь до этого было так близко... Мы уверены, что на этом близком фронте, который проходит там, в Кремле, победит жизнь и что Владимир Ильич скоро вернется в наши ряды.

Если, товарищи, я сказал, что он воплощает собой мужественную мысль и революционную волю рабочего класса, то можно сказать, что есть внутренний символ, как бы сознательный умысел истории в том, что в эти трудные часы, когда русский рабочий класс на внешних фронтах, напрягши все силы, борется с чехословаками, белогвардейцами, наемниками Англии и Франции, наш вождь борется против ран, нанесенных ему агентами тех же белогвардейцев, чехословаков, наемниками Англии и Франции. Тут внутренняя связь и глубокий исторический символ! И точно так же, как мы все уверены, что в той нашей борьбе на чехословацком, англо-французском и белогвардейском фронтах мы крепнем с каждым днем и с каждым часом (а п л о д и с м е н т ы) — об этом я могу сказать, как очевидец, непосредственно прибывший с театра военных действий,— да, мы крепнем с каждым днем, мы завтра будем сильнее, чем были вчера, послезавтра сильнее, чем завтра, и я не сомневаюсь, что близок день, когда мы сможем сказать вам, что Казань, Симбирск,

Самара, Уфа и другие временно захваченные города возвратятся в нашу советскую семью,— так же мы надеемся, что одновременно и быстрым темпом пойдет процесс восстановления тов. Ленина. Но и сейчас его образ, прекрасный образ раненого вождя, на время вышедшего из строя, стоит неотразимо перед нами. Мы знаем: ни на минуту он не уходил из наших рядов, ибо, даже подкошенный предательскими пулями, он будит нас всех, призывает и толкает вперед. Я не наблюдал ни одного товарища, ни одного честного рабочего, у которого под влиянием известия о предательском покушении на Ленина опускались бы руки, но я видел десятки, у которых сжимались кулаки, протягивались руки к оружию; я слышал сотни и тысячи уст, которые клялись беспощадной местью классовым врагам пролетариата. Нет надобности рассказывать, как отозвались сознательные борцы на фронте, когда узнали, что Ленин лежит с двумя пулями в теле. О Ленине никто не мог сказать, что в его характере не хватает металла; сейчас у него не только в духе, но и в теле металл, и таким он будет еще дороже рабочему классу России.

Я не знаю, дойдут ли сейчас наши слова и биение наших сердец до постели тов. Ленина, но я не сомневаюсь все же, что он их чувствует. Я не сомневаюсь, что в своей лихорадочной еще температуре он знает, что и наши сердца бьются сейчас удвоенным, утроенным темпом. Все мы сознаем теперь ярче, чем когда бы то ни было, что мы члены одной коммунистической советской семьи. Никогда собственная жизнь каждого из нас не казалась нам такой второстепенной и третьестепенной вещью, как в тот момент, когда жизнь самого большого человека нашего времени подвергается смертельной опасности. Каждый дурак может прострелить череп Ленина, но воссоздать этот череп — это трудная задача даже для самой природы.

Но нет, он встанет вскоре — для мысли и творчества, для борьбы вместе с нами. Мы же со своей стороны обещаем дорогому вождю, пока в наших собственных черепах есть еще сила мысли и в сердцах наших бьется горячая кровь, мы останемся верны знамени коммунистической революции. Мы будем бороться с врагами рабочего класса до последней капли крови, до последнего издыхания. (Шумные и долго не смолкающие аплодисменты покрывают речь тов. Троцкого.)

О БОЛЬНОМ

(Из доклада на VII Всеукраинской партийной конференции 5 апреля 1923 г.)

Товарищи, в отношении ясности мысли и твердости воли нашей партии мы имели некоторую дополнительную проверку за этот год. Проверка была тяжела, потому что она была дана фактом, который и сейчас тяготеет над сознанием всех членов партии и широчайших кругов трудящегося населения, вернее сказать, над всем трудящимся населением нашей страны, а в значительной части — всего мира. Я говорю о болезни Владимира Ильича. Когда последовало ухудшение в начале марта и Политбюро ЦК собралось обменяться мнениями о том, что нужно довести до сведения партии, до сведения страны об ухудшении в здоровье тов. Ленина, то, товарищи, я думаю, что вы все отдадите себе отчет, в каком настроении проходило заседание Политбюро, когда мы должны были сообщить партии и стране этот первый тяжкий, тревожный бюллетень. Разумеется, и в такую минуту мы оставались политиками. Никто в этом не сделает нам упрека. Мы думали не только о здоровье тов. Ленина — конечно, в первую голову мы были заняты в те минуты его пульсом, его сердцем, его температурой,—но мы думали также о том, какое впечатление это число ударов его сердца произведет на политический пульс рабочего класса и нашей партии. С тревогой и вместе с тем с глубочайшей верой в силы партии мы сказали, что нужно в первый же момент обнаружения опасности поставить о ней в известность партию и страну. Никто не сомневался, что наши враги постараются использовать это известие для того, чтобы смутить население, особенно крестьян, пустить тревожные слухи и пр., но никто из нас ни на секунду не сомневался в том, что нужно немедленно сказать партии, как обстоит дело, потому что сказать, что есть,— значит повысить ответственность каждого члена партии. Партия наша — большая, полумиллионная партия, большой коллектив, с большим опытом, но в этом полумиллионе людей Ленин занимает свое место, которое, товарищи, ни с чем не сравнимо. Нет и не было в историческом прошлом влияния одного лица на судьбы не только одной страны, но и на судьбы человечества, не было такого масштаба, не создан он, чтобы позволил нам измерить историческое значение Ленина. И вот почему факт, что

он отошел длительно от работы и что положение его тяжко, не мог не внушать глубокой политической тревоги. Конечно, конечно, конечно, мы знаем твердо, что рабочий класс победит. Мы поем: «Никто не даст нам избавленья» — в том числе и «ни герой»... И это верно, но лишь в последнем историческом счете, то есть в конечном счете истории рабочий класс победил бы, если бы на свете не было Маркса, если бы на свете не было Ульянова-Ленина. Рабочий класс вырабатывал бы те идеи, которые ему нужны, те методы, которые ему необходимы, но медленнее. То обстоятельство, что рабочий класс на двух хребтах своего потока поднял такие две фигуры, как Маркс и Ленин, является колоссальным плюсом революции. Маркс — пророк со скрижалями, а Ленин — величайший выполнитель заветов, научающий не пролетарскую аристократию, как Маркс, а классы, народы, на опыте, в тягчайшей обстановке, действуя, маневрируя и побеждая. Этот год в практической работе нам пришлось провести лишь при частичном участии Владимира Ильича. В идейной области мы от него услышали недавно несколько напоминаний и указаний, которых хватит на ряд лет,— по вопросу о крестьянстве, о государственном аппарате и по национальному... И вот, говорю, нужно было сообщить об ухудшении его здоровья. Мы спрашивали себя с естественной тревогой, какие выводы сделает беспартийная масса, крестьянин, красноармеец, ибо крестьянин в нашем государственном аппарате верит в первую голову Ленину. Помимо всего прочего, Ильич есть великий нравственный капитал госаппарата во взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством. Не подумает ли крестьянин, спрашивали себя иные в нашей среде, что с длительным отстранением от работы Ленина переменится его политика? Как же реагировала партия, рабочая масса, страна?.. После того как появились первые тревожные бюллетени, партия в целом сомкнулась, подтянулась, нравственно приподнялась. Конечно, товарищи, партия состоит из живых людей, у людей есть недостатки, недочеты, и у коммунистов в том числе, есть много «человеческого, слишком человеческого», как говорят немцы, есть групповые и личные столкновения, серьезные и мелочные, есть и будут, ибо без этого большая партия жить не может. Но нравственная сила, политический удельный вес партии определяется тем, что всплывает — при такого рода трагической встряске — наверх: воля к единству, дисциплина или же второстепенное и

личное, человеческое, слишком человеческое. И вот, товарищи, я думаю, что этот вывод мы можем теперь уже сделать с полной уверенностью; почувствовав, что она на длительный период лишилась руководства Ленина, партия сомкнулась, отмела все, что могло бы угрожать опасностью ясности ее мысли, единству ее воли, ее боеспособности.

Перед тем как сесть в вагон для поездки сюда, в Харьков, я разговаривал с нашим московским командующим Николаем Ивановичем Мураловым, которого многие из нас знают как старого партийца, о том, как воспринимает красноармеец положение в связи с болезнью Ленина. Муралов мне сказал: «В первый момент весть подействовала как удар молнии, все откинулись, а затем задумались больше и глубже о Ленине». Да, товарищи, беспартийный красноармеец задумался теперь по-своему, но очень глубоко о роли личности в истории, о том, что мы, люди старшего поколения, когда были гимназистиками, студентиками или молодыми рабочими, изучали по книжкам, в тюрьмах, на каторге, в ссылке, размышляли и спорили об отношении «героя» и «толпы», субъективного фактора и объективных условий и пр. и пр. И вот ныне, в 1923 г., наш молодой красноармеец конкретно задумался об этих вопросах сотнями тысяч умов, а с ним вместе задумался всероссийский, всеукраинский и всякий иной крестьянин сотней миллионов умов о роли личности Ленина в истории. А как же отвечают наши политруки, наши комиссары, секретари ячеек? Они отвечают так: Ленин — гений, гений рождается раз в века, а гениев — вождей рабочего класса, их два только насчитывает мировая история: Маркс и Ленин. Создать гения нельзя даже и по постановлению могущественнейшей и дисциплинированной партии, но попытаться в наивысшей мере, какая достижима, заменить его во время его отсутствия можно: удвоением коллективных усилий. Вот теория личности и класса, которую в популярной форме наши политруки излагают беспартийному красноармейцу. И это правильная теория: Ленин сейчас не работает — мы должны работать вдвое дружнее, глядеть на опасности вдвое зорче, предохранять от них революцию вдвое настойчивее, использовать возможности строительства вдвое упорнее. И мы это сделаем все — от членов ЦК до беспартийного красноармейца...

Работа у нас, товарищи, очень медлительная, очень частичная, хотя бы в рамках большого плана, методы

работы «прозаические»: баланс и калькуляция, продналог и экспорт хлеба — все это мы делаем шаг за шагом, кирпичек к кирпичику... Нет ли тут опасности крохоборческого перерождения партии? А подобного перерождения мы так же не можем допустить, как и нарушения ее действенного единства, хотя бы в малейшей степени, ибо если даже нынешний период затянется еще «всерьез и надолго», то ведь не навсегда. А может быть, даже и ненадолго. Революционная вспышка широкого масштаба, как начало европейской революции, может явиться раньше, чем многие из нас теперь думают. И если мы из многих стратегических поучений Ленина что должны особенно твердо помнить, так это то, что он называет политикой крупных поворотов: сегодня на баррикады, а завтра — в хлев III Государственной думы, сегодня призыв к мировой революции, к мировому Октябрю, а завтра — на переговоры с Кюльманом и Черниным[23], подписывать похабный Брест-Литовский мир. Обстановка переменилась, или мы по-новому учли ее — поход на Запад, «даешь Варшаву»... Обстановку переучли — Рижский мир[24], тоже довольно похабный мир, как вы знаете все... А затем — упорная работа, кирпичик к кирпичику, экономия, сокращение штатов, проверка: нужно ли пять телефонисток или три, если достаточно трех, не смей сажать пять, ибо мужику придется дать несколько лишних пудов хлеба,— мелкая повседневная крохоборческая работа, а там, глядь, из Рура полыхнет пламя революции; что же, оно застигнет нас переродившимися? Нет, товарищи, нет! Мы не перерождаемся, мы меняем методы и приемы, но революционное самосохранение партии остается для нас превыше всего. Балансу учимся и в то же время на Запад и Восток глядим зорким глазом, и врасплох нас события не застанут. Путем самоочищения и расширения пролетарской базы укрепляем себя... Идем на соглашательство с крестьянством и с мещанством, допускаем нэпманов, но в партию нэпманов и мещанства не пустим, нет,— серной кислотой и каленым железом выжжем его из партии. (Аплодисменты.) И на XII съезде, который будет первым съездом после Октября без Владимира Ильича и вообще одним из немногих съездов в истории нашей партии без него, мы скажем друг другу, что к числу основных заповедей мы в наше сознание острым резцом впишем, врежем: не окостеневай, помни искусство крутых поворотов, маневрируй, но не растворяйся, входи в соглашение с временным или длительным союзником, но

не позволяй ему вклиниться внутрь партии, оставайся самим собой, авангардом мировой революции. И если раздастся с Запада набат — а он раздастся,— то, хоть мы и будем по сию пору, по грудь, погружены в калькуляцию, в баланс и в нэп, мы откликнемся без колебаний и без промедления: мы — революционеры с головы до ног, мы ими были, ими остаемся, ими пребудем до конца. (Бурные аплодисменты, все стоя аплодируют.)

ОБ УМЕРШЕМ [25]

Ленина нет. Нет более Ленина. Темные законы, управляющие работой кровеносных сосудов, оборвали эту жизнь. Медицина оказалась бессильной совершить то, чего от нее со страстью ждали, требовали миллионы человеческих сердец.

Сколько среди них таких, которые отдали бы, не задумавшись, свою собственную кровь до последней капли, только бы оживить, возродить работу кровеносных сосудов великого вождя, Ленина, Ильича, единственного, неповторимого. Но чудо не совершилось там, где бессильной оказалась наука. И вот Ленина нет. Слова эти обрушиваются на сознание, как гигантская скала в море. Можно ли верить, мыслимо ли признать?

Сознание трудящихся всего мира не захочет принять этот факт, ибо страшно силен еще враг, долог путь, не закончена великая работа — величайшая в истории; ибо Ленин нужен мировому рабочему классу, как, может быть, никогда никто не нужен был в человеческой истории.

Более 10 месяцев длился второй приступ болезни, более тяжкий, чем первый. Кровеносные сосуды, по горькому выражению врачей, все время «играли». Это была страшная игра жизнью Ильича. Можно было ждать и улучшения, почти полного восстановления, но можно было ждать и катастрофы. Мы все ждали выздоровления, а пришла катастрофа. Дыхательный центр мозга отказался служить — и потушил центр гениальнейшей мысли.

И вот нет Ильича. Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается прежде всего вестью о смерти учителя, вождя.

Как пойдем вперед, найдем ли дорогу, не собьемся ли? Ибо Ленина, товарищи, с нами больше нет!

Ленина нет, но есть ленинизм. Бессмертное в Ленине — его учение, его работа, его метод, его пример —

живет в нас, в той партии, которую он создал, в том первом рабочем государстве, которое он возглавлял и направлял.

Наши сердца потому поражены сейчас такой безмерной скорбью, что мы все — великой милостью истории — родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него. Наша партия есть ленинизм в действии, наша партия есть коллективный вождь трудящихся. В каждом из нас живет частица Ленина — та, что составляет лучшую часть каждого из нас.

Как пойдем вперед? С фонарем ленинизма в руках. Найдем ли дорогу? Коллективной мыслью, коллективной волей партии найдем!

И завтра, и послезавтра, и через неделю, и через месяц мы будем спрашивать себя: неужели Ленина нет? Ибо невероятным, невозможным, чудовищным произволом природы долго еще будет казаться его смерть.

Пусть тот же укол иглы, который мы чувствуем, который будет каждый раз чувствовать сердце при мысли о том, что Ленина более нет, станет для каждого из нас напоминанием, предостережением, призывом: твоя ответственность повысилась. Будь достоин воспитавшего тебя вождя.

В скорби, в трауре, в горе сомкнем наши ряды и сердца, сомкнем их теснее для новых боев.

Товарищи, братья, Ленина с нами нет. Прощай, Ильич! Прощай, вождь!..

Тифлис, вокзал, 22 января 1924 г.

УРОКИ ОКТЯБРЯ[1]

НУЖНО ИЗУЧАТЬ ОКТЯБРЬ

Если нам повезло в Октябрьской революции, то Октябрьской революции не повезло в печати. До сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты. Более того, даже сырые материалы, непосредственно характеризующие отдельные стороны подготовки переворота или самого переворота — и притом важнейшие документы,— не изданы до сих пор. Мы много издаем историко-революционных и историко-партийных документов и материалов, относящихся к дооктябрьскому периоду, мы немало издаем материалов пооктябрьской эпохи, но Октябрю уделяется гораздо меньшее внимание. Совершив переворот, мы как бы решили, что повторять его нам все равно не придется. От изучения Октября, условий его непосредственной подготовки, его совершения, первых недель его закрепления мы как бы не ждали прямой и непосредственной пользы для неотложных задач дальнейшего строительства.

Однако такая оценка, хотя бы и полусознательная, представляется глубоко ошибочной, да к тому же еще и национально-ограниченной. Если нам не предстоит более повторять опыт Октябрьской революции, то это вовсе не значит, что нам нечему учиться на этом опыте. Мы — часть Интернационала; а пролетариат всех других стран только еще стоит перед разрешением своей «октябрьской» задачи. И мы имели за последний год достаточно убедительные доказательства того, что наш октябрьский опыт не только не вошел в плоть и кровь хотя бы только наиболее зрелых коммунистических партий Запада, но и прямо-таки неизвестен им с фактической стороны.

Можно, правда, указать на то, что нельзя изучать Октябрь и даже издавать октябрьские материалы, не вороша при этом старые разногласия. Но такой подход

к вопросу был бы слишком уж ничтожным. Разумеется, разногласия 1917 г. были очень глубоки и отнюдь не случайны. Но было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался. Еще недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение [...]

В период от Февраля до Октября на основе широчайшей агитационной и организационной работы в массах шел последний осмотр и отбор оружия партии перед решающим боем. В Октябре и после Октября это оружие было проверено в гигантском историческом действии. Теперь, несколько лет после Октября, заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г. значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции,— совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду.

«ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА». ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ

Октябрьская революция ходом и исходом своим нанесла беспощадный удар той схоластической пародии на марксизм, которая весьма широко распространена была в русских социал-демократических кругах, начиная еще с группы «Освобождение труда», и которая наиболее законченное свое выражение нашла у меньшевиков. Сущность этого лжемарксизма состояла в том, что он условную и ограниченную мысль Маркса: «Передовые страны показывают отсталым образ их будущего развития» — превратил в некоторый абсолютный, сверхисторический, по выражению Маркса, закон и на этом законе пытался обосновать тактику партии рабочего класса. При такой постановке вопроса не могло, разумеется, быть и речи о борьбе русского пролетариата за власть до тех пор, пока

экономически более развитые страны не создали для этого «прецедента». Не подлежит, разумеется, спору, что каждая отсталая страна находит некоторые черты своего будущего в истории передовых стран, но о повторении развития в целом не может быть и речи. Наоборот, чем больше капиталистическое хозяйство принимало мировой характер, тем своеобразнее становилась судьба отсталых стран, которые сочетали элементы своей отсталости с последним словом капиталистического развития. Энгельс писал в предисловии к своей «Крестьянской войне»: «На известном этапе — который не везде должен наступить одновременно или на одинаковой ступени развития — буржуазия начинает замечать, что ее пролетарский спутник перерастает через ее голову». Ходом исторического развития русской буржуазии пришлось сделать это наблюдение раньше и полнее всякой другой. Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало вседальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство. Ленинская постановка вопроса, насквозь революционная, динамическая, была целиком и полностью противопоставлена меньшевистской схеме, согласно которой Россия могла претендовать лишь на повторение истории передовых народов — с буржуазией у власти, с социал-демократией в оппозиции. Но у известных кругов нашей партии ударение в ленинской формуле ставилось не на диктатуре пролетариата и крестьянства, а на ее демократическом характере, который противопоставлялся социалистическому характеру. Это опять-таки означало: в России, как отсталой стране, мыслима только демократическая революция. Социалистический переворот должен начаться на Западе. Мы сможем стать на путь социализма лишь вслед за Англией, Францией и Германией. Но такая постановка вопроса неизбежно сбивалась на меньшевизм, и это обнаружилось полностью в 1917 г., когда задачи революции встали не как вопросы прогноза, а как вопросы действия.

Становиться в реальных условиях революции на позицию доведенной до конца демократии против социализма, как «преждевременного», означало политически сдвигаться с пролетарской позиции на мелкобуржуазную, переходить на положение левого фланга национальной революции.

Февральская революция, если ее брать как самостоятельную революцию, была буржуазной. Но как буржуазная революция она явилась слишком поздно и не заключала в себе никакой устойчивости. Раздираясь противоречиями, сразу же нашедшими себе выражение в двоевластии, она должна была либо превратиться в непосредственное вступление к пролетарской революции — что и произошло,—либо, под тем или другим буржуазно-олигархическим режимом, отбросить Россию в полуколониальное существование. Наступивший после Февральского переворота период можно было, следовательно, рассматривать двояко: либо как период закрепления, развития или завершения «демократической» революции, либо как период подготовки пролетарской революции. На первой точке зрения стояли не только меньшевики и эсеры, но и известная часть руководящих элементов нашей собственной партии. Разница была та, что они действительно стремились толкнуть демократическую революцию как можно дальше влево. Но метод, по существу, был тот же: «давление» на правящую буржуазию — с таким расчетом, чтобы это давление не выходило за рамки буржуазно-демократического режима. Если бы эта политика воспреобладала, развитие революции пошло бы в обход иашей партии, и мы получили бы в конце концов восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами — июльские дни гигантского масштаба, то есть уже не как эпизод, а как катастрофу.

Совершенно очевидно, что непосредственным последствием такой катастрофы явился бы разгром партии. Этим дается мера всей глубины разногласий.

Влияние меньшевиков и эсеров в первый период революции было, разумеется, случайным; оно отражало собой обилие мелкобуржуазных, то есть прежде всего крестьянских, масс в народе и незрелость самой революции. Именно незрелость революции — при совершенно своеобразных условиях, созданных войною,— вручала мелкобуржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. Но это вовсе не значит, что русская революция могла идти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 г. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война. Благодаря войне крестьян-

ство оказалось организоваио и вооружеио в виде многомиллиоииой армии. Прежде чем пролетариат успел организоваться под своим зиаменем, чтобы повести за собой массы деревии, мелкобуржуазиые революционеры нашли естествеииую опору в возмущенной войиою крестьянской армии. Весом этой миогомиллионной армии, от которой ведь все непосредствеиио зависело, мелкобуржуазные революциоиеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне. В июле 1914 г. Петроград сотрясался революциоиными стачками. Дело доходило до открытых уличиых столкновеиий. В этом движеиии, безусловно, руководство приiадлежало подпольной оргаиизации и легальной печати иашей партии. Большевизм укреплял свое влияиие в прямой борьбе протнв ликвидаторства, мелкобуржуазных партий вообще. Дальиейший рост движеиия означал бы прежде всего рост большевистской партии. Советы рабочих депутатов 1914 г.— если бы дело дошло до Советов — были бы, по всей вероятиости, уже на первых порах большевистскнми. Пробуждеиие деревнн пошло бы под прямым и косвенным руководством городских Советов, руководимых большевиками. Это не значит иепремеиио, что эсеры сразу былн бы обречены в деревне на исчезновеиие; нет, по всей вероятиости, первый этап крестьянской революции прошел бы под народиическим знамеием. Но при намечеином иами развитии событий сами народники оказались бы выиуждеиы выдвинуть вперед свое левое крыло, ища смычки с большевистскими Советами в городах. Непосредствениый исход восстания завнсел бы, разумеется, и в этом случае прежде всего от настроеиия и поведеиия армин, связаиной с крестьянством. Невозможио, да и иет нужды гадать задиим числом, привело ли бы движение 1914—1915 гг. к победе, если бы не грянула войиа, включившая в цепь развития иовое гигаитское звено. Но миогое говорит за то, что, если бы победоносная революция развериулась по тому пути, началом которого были июльские события 1914 г., иизвержение царизма означало бы, по всей вероятности, непосредствениый приход к властн революционных рабочих Советов, которые — через посредство (на первых порах) левых народииков — вовлекалн бы в свою орбиту крестьяиские массы.

Война прервала развертывающееся революционное движение, отсрочила, а затем чрезвычайно ускорила его. Через посредство многомиллионной армии война создала для мелкобуржуазных партий совершенно исключительную, не только социальную, но и организованную базу: ведь особенность крестьянства в том и состоит, что его, при всей его многочисленности, даже когда оно революционно, трудно превратить в организационную базу! Встав на плечи готовой организации — армии, мелкобуржуазные партии импонировали пролетариату, обволакивая и его оборончеством. Вот почему Ленин сразу неистово выступает против старого лозунга «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», означавшего в новых условиях превращение большевистской партии в левый фланг оборонческого блока. Ленин видел главную задачу в том, чтобы вывести пролетарский авангард из оборонческого болота на чистое место. Лишь при этом условии пролетариат мог стать — на следующем этапе — стержнем группировки трудящихся масс деревни. Но как же быть при этом с демократической революцией или, точнее, с демократической диктатурой пролетариата и крестьянства? Ленин дает беспощадный отпор тем «старым большевикам», которые «не раз уже,— говорит он,— играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно заученную формулу, вместо изучения своеобразия новой, живой действительности». «Надо равняться не по старым формулам, а по новой действительности». Ленин спрашивает: «Охватывается ли эта действительность старой большевистской формулой т. Каменева: «буржуазно-демократическая революция не закончена»?» Нет, отвечает он, формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее [2].

Правда, Ленин иногда говорил, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в первую эпоху Февральской революции осуществляли собой до известной степени революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. И это верно постольку, поскольку эти Советы вообще осуществляли власть. Но, как неоднократно разъяснял Ленин, Советы февральского периода осуществляли лишь полувласть. Они поддерживали власть буржуазии, оказывая на нее полуоппозиционное «давление». Именно это их межеумочное положение и позволяло им не выходить из рамок демократической коалиции рабочих, крестьян и солдат. По формам власт-

вования эта коалиция — поскольку она опиралась не на урегулированные государственные отношения, а на вооруженную силу и непосредственное революционное усмотрение — тяготела к диктатуре, не дорастая, однако, до нее на несколько голов. Именно в этой демократической неоформленности полувластной коалиции рабочих, крестьян и солдат заключалась неустойчивость соглашательских Советов. Они должны были либо сойти на нет, либо взять в свои руки власть по-настоящему. А взять власть они могли не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимого единой партией и ведущего за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слоев. Другими словами, демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднявшаяся до подлинной власти форма, как тенденция, но не как факт. Дальнейшее движение в сторону власти должно было неизбежно взорвать демократическую оболочку, поставить большинство крестьянства перед необходимостью следовать за рабочими, дать пролетариату возможность осуществлять классовую диктатуру и тем самым поставить в порядок дня, наряду с полной и беспощадно-радикальной демократизацией общественных отношений, чисто социалистическое вторжение рабочего государства в права капиталистической собственности. Кто продолжал в этих условиях держаться за формулу «демократической диктатуры», тот на деле отказывался от власти и вел революцию в тупик.

Основной спорный вопрос, вокруг которого группировались все остальные, был таков: бороться за власть или нет? брать ее или не брать? Уже одно это показывает, что мы имели перед собой не эпизодические расхождения взглядов, а две тенденции исключительного принципиального значения. Одна из этих тенденций, основная, была пролетарской и выводила на дорогу мировой революции; другая была «демократической», то есть мелкобуржуазной, и вела в последнем счете к подчинению пролетарской политики потребностям реформирующегося буржуазного общества. Тенденции эти сталкивались враждебно на всех сколько-нибудь существенных вопросах всего 1917 г.

Именно революционная эпоха, то есть такое время, когда накопленный капитал партии пускается в непосредственный оборот, должна была неизбежно вскрыть

и обнаружить на деле такого рода разногласия. В большей или меньшей степени, с теми или другими отклонениями эти две тенденции будут еще не раз проявляться в революционный период во всех странах. Если под большевизмом, выделяя самое в нем существенное, понимать такое воспитание, такой закал, такую организацию пролетарского авангарда, при которых он становится способен вооруженною рукой захватить власть; если социал-демократизм понимать в смысле реформистски-оппозиционной деятельности в рамках буржуазного общества и приспособления к его легальности, то есть фактического воспитания масс в духе признания незыблемости буржуазного государства,— то совершенно ясно, что даже и внутри Коммунистической партии, которая ведь не выходит сразу готовой из печи истории, борьба между социал-демократическими тенденциями и большевизмом должна ярче, открытее, незамаскированнее всего обнаружиться в непосредственно-революционный период, когда вопрос о власти становится ребром.

* * *

Задача завоевания власти поставлена была перед партией только 4 апреля, то есть после прибытия Ленина в Петроград. Но и с этого момента линия партии отнюдь не имеет целостного, неразрывного, для всех бесспорного характера. Несмотря на решения Апрельской конференции 1917 г., сопротивление революционному курсу — то глухое, то открытое — проходит через весь подготовительный период.

Изучение хода разногласий между Февралем и закреплением Октябрьского переворота представляет не только исключительный теоретический интерес, но и неизмеримое практическое значение. Разногласия, вскрывшиеся на II съезде, в 1903 г., Ленин назвал в 1910 г. «антиципацией», то есть предвосхищением. Очень важно прослеживать эти разногласия, начиная с их истоков, то есть с 1903 г., и даже ранее того, например с «экономизма». Но это изучение получает смысл лишь в том случае, если оно доводится до конца и проводится через тот период, когда разногласия подверглись решающему испытанию, то есть через Октябрь.

Мы не можем ставить себе задачей, в пределах настоящих страниц, исчерпать все стадии этой борьбы. Но мы считаем необходимым, хоть отчасти, заполнить тот вопиющий пробел, который имеется в нашей литературе по

отношению к наиболее важному периоду в развитии нашей партии.

В центре разногласий стоит, как уже сказано, вопрос о власти. Это вообще оселок, на котором определяется характер революционной (и не только революционной) партии. В тесной зависимости от вопроса о власти становится и разрешается в этот период вопрос о войне. Мы рассмотрим оба эти вопроса по главнейшим хронологическим вехам: позиция партии и партийной печати в первый период после низвержения царизма, до прибытия Ленина; борьба вокруг тезисов Ленина; Апрельская конференция; последствия июльских дней; корниловщина; Демократическое совещание и Предпарламент; вопрос о вооруженном восстании и захвате власти (сентябрь — октябрь); вопрос об «однородном» социалистическом правительстве.

Изучение этих разногласий позволит нам, как мы надеемся, сделать выводы, могущие иметь значение и для других партий Коммунистического Интернационала.

БОРЬБА С ВОЙНОЙ И ОБОРОНЧЕСТВОМ

Низвержение царизма в феврале 1917 г. знаменовало, конечно, гигантский прыжок вперед. Но если взять Февраль только в рамках Февраля, то есть не как ступень к Октябрю, он означал лишь, что Россия приблизилась к типу, скажем, буржуазно-республиканской Франции. Мелкобуржуазные революционные партии, как им и полагается, взяли Февральскую революцию не как буржуазную, но и не как ступень к социалистической, а как некоторую «демократическую» самоценность. На этом они и построили идеологию революционного оборончества. Они защищали не господство того или другого класса, а «революцию» и «демократию». Но и в нашей собственной партии революционный февральский сдвиг породил на первых порах чрезвычайное нарушение политических перспектив. По существу дела, «Правда» в дни марта была гораздо ближе к позиции революционного оборончества, чем к позиции Ленина.

«Когда армия стоит против армии,— читаем мы в одной из редакционных статей,— самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика не была бы политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ.

Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции» (Без тайной дипломатии. Правда. 1917. 15 марта). Речь идет не о классах, господствующих и угнетенных, а о «свободном народе»; не классы борются за власть, а свободный народ стоит «на своем посту». Идеи, как и формулировки, насквозь оборончеcкие. И далее в той же статье: «Не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное «долой войну» — наш лозунг. Наш лозунг — давление (!) на Временное правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией (!), непременно выступить с попыткой (!) склонить (!) все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор каждый (!) остается на своем боевом посту (!)». Программа давления на империалистические правительства с целью «склонить» их к благочестивому образу действий была программой Каутского — Ледебура в Германии, Жана Лонгэ во Франции, Макдональда в Англии, но никак не программой большевизма. Статья заканчивается не только «горячим приветствием» пресловутому манифесту Петроградского Совета «К народам всего мира» (манифест этот полностью продиктован духом революционного оборончества), но и «с удовольствием» отмечает солидарность редакции с явно оборонческими резолюциями двух петроградских митингов. Достаточно указать, что одна из этих резолюций заявляет: «Если германская и австрийская демократия не услышат нашего голоса (то есть «голоса» Временного правительства и соглашательского Совета.— *Л. Т.*), мы будем защищать нашу родину до последней капли крови» (Правда. 1917. 15 марта).

Цитированная статья — не исключение. Наоборот, она вполне точно выражает позицию «Правды» — до возвращения Ленина в Россию. Так, в следующем номере газеты, в статье «О войне», хоть и имеются кое-какие критические замечания по поводу «манифеста к народам», но в то же время заявляется: «Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню» (Правда. 1917. 16 марта). На каком же пути искать выхода из войны? На этот счет дается ответ: «Выход —

путь давления на Временное правительство с требованием заявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры» (Там же).

Таких и подобных цитат — скрыто-оборонческих, замаскированно-соглашательских — можно было бы привести немало. А в то же самое время, даже неделей ранее, Ленин, еще не вырвавшийся из своей цюрихской клетки, громил в своих «Письмах из далека» (большинство их так и не дошло до «Правды») всякий намек на уступку оборончеству и соглашательству. «Абсолютно недопустимо,— писал он 8(21) марта, улавливая облик революционных событий через кривое зеркало капиталистической информации,— скрывать от себя и от народа, что это правительство хочет продолжения империалистической войны, что оно — агент английского капитала, что оно хочет восстановления монархии и укрепления господства помещиков и капиталистов» (Пролетарская Революция. № 7 (30). С. 299). И затем, 12 марта: «Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир все равно что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели» (Там же. С. 243). В то время как «Правда» призывает к «давлению» на Временное правительство с целью заставить его выступить в пользу мира «перед всей мировой демократией», Ленин пишет: «Обращение к Гучковско-Милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского «батюшки» к помещикам и купцам с предложением жить «по-божески», любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой» (Там же. С. 244—245) [3].

4 апреля, на другой день после приезда в Петроград, Ленин решительно выступил против позиции «Правды» в вопросе о войне и мире· «Никакой поддержки Временному правительству,— писал он,— разъяснение полной лживости всех обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским» (Т. 14. Ч. 1. С. 18) [4]. Незачем говорить, что воззвание соглашателей от 14 марта, вызвавшее столь приветственные отзывы со стороны «Правды», Ленин называет не иначе, как «пресловутым» и «путаным». Величайшее лицемерие — призывать другие народы рвать со своими

банкирами и в то же время создавать с собственными банкирами коалиционное правительство... «Центр» весь клянется и божится,— говорит Ленин в проекте платформы,— что они — марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие «давления» на правительство, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявлении им воли народа к миру» (Т. 14. Ч. 1. С. 52) [5].

Но разве революционная партия — можно бы на первый взгляд возразить — отказывается от «давления» на буржуазию и ее правительство? Разумеется, нет. Давление на буржуазное правительство есть путь реформ. Марксистская революционная партия не отказывается от реформ. Но путь реформ пригоден в отношении к второстепенным, а не к основным вопросам. Нельзя путем реформ получить власть. Нельзя путем «давления» заставить буржуазию изменить свою политику в том вопросе, с которым связана вся ее судьба. Война тем именно и создала революционную ситуацию, что не оставила места для реформистского «давления»: нужно было либо идти за буржуазией до конца, либо поднимать против нее массы с целью вырвать у нее власть. В первом случае можно было получать от буржуазии те или другие подачки во внутренней политике, под условием неограниченной поддержки внешней политики империализма. Именно поэтому социалистический реформизм с начала войны открыто превратился в социалистический империализм. Именно поэтому действительно революционные элементы оказались вынуждены приступить к созданию нового Интернационала.

Точка зрения «Правды» не пролетарски-революционная, а демократически-оборонческая, хотя и половинчатая в своем оборончестве. Мы низвергли царизм, мы оказываем давление на демократическую власть. Эта последняя должна предложить мир народам. Если германская демократия не сможет оказать надлежащее давление на свое правительство, мы будем защищать «родину» до последней капли крови. Перспектива мира не ставилась как самостоятельная задача рабочего класса, которую он призван осуществить через голову буржуазного Временного правительства, потому что завоевание пролетариатом власти не ставилось как практическая революционная задача. Между тем одно неотделимо от другого.

АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого же дня.

Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг: «Долой Временное правительство!» Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение Временного правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма. Весь вопрос состоял для него как раз в том, в какой мере Советы продолжают отражать действительное настроение масс и не обманывается ли партия, ориентируясь по советскому большинству. Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством. Разведка привела к выводу о необходимости длительной подготовительной работы. Мы видим, как Ленин в начале мая сурово одергивает кронштадтцев, которые, зарвавшись, заявили о непризнании ими Временного правительства... Совсем иначе подходили к вопросу противники борьбы за власть На партийной конференции в апреле тов. Каменев жаловался: «В 19-м номере «Правды» товарищами (речь идет, очевидно, о Ленине.— *Л. Т.*) предложена была сперва резолюция о свержении Временного правительства, напечатанная до последнего кризиса, а затем этот лозунг был отвергнут — как дезорганизаторский, признан авантюристским. Это значит, что наши товарищи научились чему-то во время этого кризиса. Предложенная резолюция (то есть резолюция, предложенная Лениным конференции — *Л. Т.*) повторяет эту ошибку...» Эта постановка вопроса в высшей степени знаменательна. Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного правительства, но снял его на недели или месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против

соглашателей. Оппозиция же считала самый этот лозунг ошибкой. Во временном отступлении Ленина не было и намека на изменение линии. Он исходил не из того, что демократическая революция еще не закончена, а исключительно из того, что масса сегодня оказалась еще неспособной свергнуть Временное правительство и что нужно поэтому сделать все, чтобы рабочий класс оказался способен опрокинуть Временное правительство завтра.

Вся Апрельская конференция партии была посвящена этому основному вопросу: идем ли мы к завоеванию власти во имя социалистического переворота, или же помогаем (кому-то) завершить демократическую революцию. К сожалению, отчет об Апрельской конференции не напечатан до сих пор, а между тем вряд ли в истории нашей партии были съезды, которые имели бы столь исключительное значение для судьбы революции, как Апрельская конференция 1917 г.

Позиция Ленина была: непримиримая борьба с оборончеством и оборонцами, овладение большинством в Советах, низвержение Временного правительства, захват власти через Советы, революционная политика мира, программа социалистического переворота внутри и международной революции вовне. В противовес этому, как мы уже знаем, оппозиция стояла на точке зрения завершения демократической революции путем давления на Временное правительство, причем Советы остаются органами «контроля» над буржуазной властью. Отсюда вытекает иное, несравненно более примирительное отношение к оборончеству.

Один из противников позиции Ленина возражал на Апрельской конференции: «Мы говорим о Советах рабочих и солдатских депутатов как об организующих центрах наших сил и власти... Одно название их показывает, что они представляют собой блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще не законченные буржуазно-демократические задачи. Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать... а пролетариат вел бы революционную борьбу против блока... И, однако, мы признаем эти Советы как центры организации сил... Значит, буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все мы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата» (речь тов. Каменева).

Безнадежный схематизм этого рассуждения совершенно ясен; в том-то и дело ведь, что «полного окончания этой революции» никогда не наступит без перемены носителя власти. В приведенной речи игнорируется классовый стержень революции: задачи партии выводятся не из реальной группировки классовых сил, а из формального определения революции как буржуазной или буржуазно-демократической. Мы должны идти в блоке с мелкой буржуазией и осуществлять контроль над буржуазной властью до тех пор, пока буржуазная революция не будет доведена до конца. Схема явно меньшевистская. Доктринерски ограничивая задачи революции ее наименованием («буржуазная» революция), нельзя было не прийти к политике контроля над Временным правительством, к требованию, чтобы Временное правительство выдвинуло программу мира без аннексий и пр. Под завершением демократической революции подразумевался ряд реформ через Учредительное собрание, причем большевистской партии отводилась в Учредительном собрании роль левого фланга. Лозунг «Вся власть Советам!» совершенно лишался при такой концепции реального содержания. Об этом лучше, последовательнее и продуманнее всех сказал на Апрельской конференции покойный Ногин [6], также принадлежавший к оппозиции: «В процессе развития самые важные функции Советов отпадают. Целый ряд административных функций передается городским, земским и т. п. учреждениям. Если мы будем рассматривать дальнейшее развитие государственного строительства, мы не можем отрицать, что будет созвано Учредительное собрание, а за ним парламент... Таким образом, выходит, что постепенно наиболее важные функции Советов отмирают; однако это не значит, что Советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции. При этих же Советах республика-коммуна у нас не осуществится» [7].

Наконец, третий оппонент подошел к вопросу с той стороны, что Россия не готова для социализма: «Можем ли мы рассчитывать на поддержку масс, выкидывая лозунг пролетарской революции? Россия — самая мелкобуржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, и потому, поскольку партия будет стоять на точке зрения социалистической революции. постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада». И далее:

«Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как и у нас вопрос о свержении царизма».

Не все противники ленинской точки зрения доходили на Апрельской конференции до выводов Ногина, но все они логикой вещей оказались вынужденными принять эти выводы несколькими месяцами позже, накануне Октября. Либо руководство пролетарской революцией, либо оппозиционная роль в буржуазном парламенте — вот как встал вопрос внутри нашей партии. Совершенно очевидно, что эта, вторая позиция была, по существу, меньшевистской или, вернее сказать, той позицией, которую меньшевики оказались вынуждены очистить после Февральского переворота. В самом деле, в течение долгого ряда лет меньшевистские дятлы долбили, что будущая революция будет буржуазной, что правительство буржуазной революции может выполнять только буржуазные задачи, что социал-демократия не может брать на себя задач буржуазной демократии и должна будет, «толкая буржуазию влево», оставаться на положении оппозиции. С особенно утомительным глубокомыслием эту тему развивал Мартынов. С наступлением буржуазной революции 1917 г. меньшевики скоро оказались в составе правительства. От всей их «принципиальной» позиции остался только тот политический вывод, что пролетариат не смеет посягать на власть. Но совершенно очевидно, что те из большевиков, которые обличали меньшевистский министериализм, в то же время выступали против захвата пролетариатом власти, фактически сдвигались на дореволюционные позиции меньшевиков.

Революция произвела политические сдвиги в двух направлениях: правые становятся кадетами, кадеты становятся республиканцами поневоле — формальный сдвиг влево; эсеры и меньшевики становятся правящей буржуазной партией — сдвиг вправо. Такими путями буржуазное общество пытается создать себе новый хребет власти, устойчивости и порядка. Но в то время как меньшевики с формально-социалистической позиции переходят на вульгарно-демократическую, правое крыло большевиков сдвигается на формально-социалистическую, то есть вчерашнюю меньшевистскую, позицию.

Та же перегруппировка сил произошла в вопросе о войне. Буржуазия, за вычетом немногих доктринеров, уныло тянула ноту: без аннексий и контрибуций, тем более что на аннексии надежда была уже плоха. Меньшевики и эсеры-циммервальдцы, критиковавшие французских социалистов за защиту своего буржуазно-республиканского отечества, сами немедленно же стали оборонцами, как только почувствовали себя в буржуазной республике: с пассивно-интернационалистической позиции они передвинулись на активно-патриотическую. Одновременно с этим правое крыло большевиков заняло пассивно-интернационалистическую позицию — «давления» на Временное правительство в целях демократического мира, «без аннексий и контрибуций». Таким образом, на Апрельской конференции формула «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» теоретически и политически распалась и выделила две враждебные точки зрения: демократическую, прикрытую формальными социалистическими оговорками, и социально-революционную, или подлинно большевистскую, ленинскую.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ, КОРНИЛОВЩИНА, ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ И ПРЕДПАРЛАМЕНТ

Решения Апрельской конференции дали партии принципиальную правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло — вместе с ходом событий — принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции — в дни Октября.

Попытка (по инициативе Ленина) устроить демонстрацию 10 июня подверглась обвинениям в авантюризме со стороны тех же товарищей, которые были недовольны характером апрельского выступления. Демонстрация 10 июня не состоялась вследствие запрета со стороны съезда Советов. Но 18 июня партия получила реванш: общая питерская демонстрация, назначенная по довольно-таки неосторожной инициативе соглашателей, прошла почти сплошь под большевистскими лозунгами. Однако и правительство пыталось взять свое, началось идиотски-легкомысленное наступление на фронте. Момент

решительный. Ленин предостерегает партию от неосторожных шагов. 21 июня он пишет в «Правде»: «Товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразно. Нам приходится теперь изжить целый новый этап в нашей революции» (Т. 14. Ч. 1. С. 276). Но наступили июльские дни, важная веха на пути революции, как и на пути внутрипартийных разногласий.

В июльском движении момент самочинного напора питерских масс играл решающую роль. Но несомненно, что Ленин в июле спрашивал себя: а не пришло ли уже время? не переросло ли настроение масс свою советскую надстройку? не рискуем ли мы, загипнотизированные советскою легальностью, отстать от настроения масс и оторваться от них? Весьма вероятно, что отдельные чисто военные действия во время июльских дней происходили по инициативе товарищей, искренно считавших, что они не расходятся с ленинской оценкой обстановки. Ленин позже говорил: «В июле мы наделали достаточно глупостей». Но по существу дело и на этот раз свелось к новой, более широкой разведке на новом, более высоком этапе движения. Нам пришлось отступить, и жестоко. Партия, поскольку она готовилась к восстанию и захвату власти, видела — вместе с Лениным — в июльском выступлении лишь эпизод, в котором мы дорого заплатили за глубокое прощупывание своих и неприятельских сил, но который не мог отклонить общую линию наших действий. Наоборот, те товарищи, которые относились враждебно к политике, направленной на захват власти, должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру. Мобилизация правых элементов партии усилилась; критика их стала решительнее. В соответствии с этим изменился и тон отпора. Ленин писал: «Все эти хныканья, все эти рассуждения, что «не надо бы» участвовать (в попытке придать «мирный» и «организованный» характер архизаконному недовольству и возмущению масс!!), — либо сводятся к ренегатству, если исходят от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности» (Т. 14. Ч. 2. С. 28). Слово «ренегатство», произнесенное в такой момент, освещало разногласия трагическим светом. В дальнейшем это зловещее слово встречается все чаще и чаще.

Оппортунистическое отношение к вопросу о власти и к войне определяло, разумеется, соответственное отношение к Интернационалу. Со стороны правых сделана была

попытка привлечь партию к участию в Стокгольмской конференции социал-патриотов. Ленин писал 16 августа: «Речь тов. Каменева в ЦИК 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков» (Т. 14. Ч. 2. С. 56). И далее, по поводу фразы о том, будто над Стокгольмом начнет развиваться широкое революционное знамя; «это — пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это — вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий — вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом» (Там же. С. 57) [8].

Путь в Стокгольм был, по существу, путем во II Интернационал, как участие в Предпарламенте [9] было путем к буржуазной республике. Ленин — за бойкот Стокгольмской конференции, как позже — за бойкот Предпарламента. В огне борьбы он ни на минуту не забывает задач создания нового, Коммунистического Интернационала.

Уже 10 апреля Ленин выступает за перемену названия партии. Все возражения против нового названия он отметает: «Это довод рутины, довод спячки, довод косности». Он настаивает: «Пора отбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье» [10]. И тем не менее сопротивление верхов партии так сильно, что понадобился год времени, в течение которого вся Россия сбросила с себя грязное белье буржуазного господства, прежде чем партия могла решиться обновить свое название, вернувшись к традиции Маркса и Энгельса. В этой истории с наименованием партии находит свое символическое выражение роль Ленина в течение всего 1917 г.: на самом крутом повороте истории он все время ведет внутри партии напряженную борьбу против вчерашнего дня во имя завтрашнего. И сопротивление вчерашнего дня, выступающее под флагом «традиции», достигает моментами чрезвычайной остроты.

События корниловщины, создавшие резкий сдвиг обстановки в нашу пользу, временно смягчили разногласия, смягчили, но не устранили. В правом крыле обнаружилась в эти дни тенденция к сближению с советским большинством на почве обороны революции, а отчасти и родины. Ленин реагировал на это в начале сентября письмом в Центральный Комитет. «По моему убеждению,—

писал он,— в беспринципность впадают те, кто скатывается до оборончества * или (подобно другим большевикам) до блока с эсерами, до поддержки Временного правительства. Это архиневерно, это — беспринципность. Мы станем оборонцами лишь после перехода власти к пролетариату...» А затем далее: «Поддерживать правительство Керенского мы даже теперь не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань, ее переходят иные большевики, впадая в «соглашательство», давая увлечь себя потоку события» (Т. 14. Ч. 2. С. 95) [11].

Следующим этапом в развитии разногласий явилось Демократическое совещание (14—22 сентября) и выросший из него Предпарламент (7 октября). Задача меньшевиков и эсеров состояла в том, чтобы, связав большевиков советской легальностью, безболезненно перевести эту последнюю в буржуазно-парламентскую легальность. Правые шли этому навстречу. Мы уже слышали выше, как они рисовали себе дальнейшее развитие революции: Советы отдают постепенно свои функции соответственным учреждениям — думам, земствам, профессиональным союзам, наконец Учредительному собранию,— и тем самым сходят со сцены. Путь через Предпарламент и должен был направлять политическую мысль масс от Советов, как отживающих свое время «временных» учреждений, к Учредительному собранию, как увенчанию демократической революции. Между тем большевики в Петроградском и Московском Советах были уже в большинстве: наше влияние в армии росло не по дням, а по часам. Дело шло уже не о прогнозе, не о перспективах, а о выборе пути буквально на завтрашний день.

Поведение вконец износившихся соглашательских партий на Демократическом совещании явилось воплощением жалкой подлости. Между тем вносившееся нами предложение демонстративно покинуть Демократическое совещание, как явно гиблое место, наталкивалось на решительное сопротивление еще влиятельных в тот момент на верхах правых элементов фракции. Столкновения по этому вопросу были вступлением к борьбе по вопросу о бойкоте Предпарламента. 24 сентября, то есть после Демократического совещания, Ленин писал: «Большевики

* Здесь опущена, очевидно, ссылка на имена, как явствует из дальнейшего построения фразы. *Л. Т.*

должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов» (Т. 14. Ч. 2. С. 144) [12].

Прения в большевистской фракции Демократического совещания по вопросу о бойкоте Предпарламента имели, несмотря на сравнительную ограниченность своей темы, исключительное значение. В сущности, это была наиболее широкая и внешне успешная попытка правых повернуть партию на путь «завершения демократической революции». Стенограммы прений, по-видимому, не велось, во всяком случае она не сохранилась: не обнаружено до сих пор, насколько знаю, и секретарской записки. Некоторые материалы, крайне скудные, найдены редакцией этого сборника в моих бумагах. Тов. Каменев развил аргументацию, которая позже, в более резкой и отчетливой формулировке, составила содержание известного письма Каменева и Зиновьева к партийным организациям (от 11 октября). Наиболее принципиальную постановку придал вопросу Ногин: бойкот Предпарламента есть призыв к восстанию, то есть к повторению июльских дней. Некоторые товарищи исходили из общих оснований парламентской тактики социал-демократии: «Никто не посмел бы,— так приблизительно говорили они,— предложить бойкотировать парламент; однако нам предлагают бойкотировать такое же учреждение только потому, что ему дано имя Предпарламента».

Основное воззрение правых состояло в том, что революция ведет неизбежно от Советов к буржуазному парламентаризму, что «Предпарламент» является естественным звеном на этом пути и что незачем уклоняться от участия в Предпарламенте, раз мы собираемся занять левые скамьи в парламенте. Завершить демократическую революцию и «готовиться» к социалистической. А как готовиться? Через школу буржуазного парламентаризма; ведь передовые страны показывают отсталым образ их будущего. Низвержение царизма мыслится революционно, как оно и произошло; но завоевание власти пролетариатом мыслится парламентарно, на основах законченной демократии. Между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти долгие годы демократического режима. Борьба за участие в Предпарламенте была борьбой за «европеизацию» рабочего движения, за скорейшее его введение в русло демократической «борьбы за власть», то есть в русло социал-демократии. Фракция

Демократического совещания, насчитывавшая свыше 100 человек, ничем не отличалась, особенно по тем временам, от партийного съезда. Большая половина фракции высказалась за участие в Предпарламенте. Уже сам по себе этот факт должен был вызывать тревогу, и Ленин действительно бьет с этого момента тревогу непрерывно.

В дни Демократического совещания Ленин писал: «Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому совещанию, как к парламенту, ибо даже если бы оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы» (Т. 14. Ч. 2. С. 138) [13]. Как Ленин оценивал значение участия или неучастия в Предпарламенте, видно из многих его заявлений, и в частности из его письма Центральному Комитету от 29 сентября, где он говорит о «таких вопиющих ошибках большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте». Для него это решение было проявлением тех же демократических иллюзий и мелкобуржуазных шатаний, в борьбе с которыми он развил и отточил свою концепцию пролетарской революции. Неправда, будто между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти многие годы. Неправда, будто единственной, или основной, или обязательной школой подготовки к завоеванию власти является школа парламентаризма. Неправда, будто путь к власти лежит непременно через буржуазную демократию. Это все голые абстракции, доктринерские схемы, политическая роль которых одна: связать пролетарский авангард по рукам и ногам, сделать его — через посредство «демократической» государственной механики — оппозиционной политической тенью буржуазии: это и есть социал-демократия. Политику пролетариата надо направлять не по школьным схемам, а по реальному руслу классовой борьбы. Не в Предпарламент идти, а организовать восстание и вырвать власть. Остальное приложится. Ленин предлагал даже созвать экстренный съезд партии, выставив бойкот Предпарламента в качестве платформы. Отныне все его письма и статьи бьют в одну точку: не через Предпарламент — в качестве «революционного» хвоста соглашателей, а на улицы — для борьбы за власть.

Надобности в экстренном съезде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции Предпарламента. Большевики выходят из него 10 октября. В Петрограде развертывается конфликт Совета с правительством вокруг вопроса о выводе на фронт большевистски настроенных частей гарнизона. 16 октября создан Военно-революционный комитет[14], легальный советский орган восстания. Правое крыло партии пытается задержать развитие событий. Борьба тенденций внутри партии, как и борьба классов в стране, входит в решающий фазис. Позиция правых полнее и принципиальнее всего освещается в письме «К текущему моменту», за подписью Зиновьева и Каменева. Написанное 11 октября, то есть за две недели до переворота, и разосланное важнейшим организациям партии, письмо это решительно выступает против вынесенного Центральным Комитетом решения о вооруженном восстании. Предостерегая против недооценки врага, а на самом деле чудовищно недооценивая силы революции и даже отрицая наличность боевого настроения масс (за две недели до 25 октября!), письмо говорит: «Мы глубочайше убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции». Но если не восстание и не захват власти, тогда что же? Письмо довольно ясно и отчетливо отвечает на этот вопрос: «Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии, и под этим револьвером она не сможет сорвать Учредительное собрание. Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходны... Влияние большевизма растет... При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном собрании». Таким образом, письмо открыто держит курс на роль «влиятельной» оппозиции в буржуазном Учредительном собрании. Этот чисто социал-демократический курс как бы маскируется следующим соображением: «Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное собрание. Учредительное собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем». Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии

правых, что теория «комбинированной» государственности, сочетающей Учредительное собрание с Советами, была полутора-двумя годами позже повторена Рудольфом Гильфердингом [15] в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат.

Письмо «К текущему моменту» возражает против утверждения, что за нас уже большинство народа в России, оценивая при этом большинство чисто парламентски. «В России за нас большинство рабочих,— говорит письмо,— и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров. Что же это, случайность?» В этой постановке вопроса основная и коренная ошибка, вытекающая из непонимания того, что у крестьянства могут быть могущественные революционные интересы и напряженное стремление их разрешить, но не может быть самостоятельной политической позиции: оно может либо голосовать за буржуазию — через посредство ее эсеровской агентуры, либо примкнуть действенно к пролетариату. Именно от нашей политики зависело, какая из этих двух возможностей осуществится. Если мы идем в Предпарламент, чтобы иметь оппозиционное влияние (треть, а то и больше мест) в Учредительном собрании, то тем самым мы ставим крестьянство почти механически в такое положение, при котором оно должно искать удовлетворения своих интересов на путях Учредительного собрания, следовательно, не через оппозицию, а через его большинство. Наоборот, захват власти пролетариатом немедленно же создавал революционные рамки для крестьянской борьбы против помещика и чиновника. Если говорить столь ходкими у нас как раз в этом вопросе словами, то в письме сказываются одновременно и недооценка, и переоценка крестьянства; недооценка его революционных возможностей (под пролетарским руководством!) и переоценка его политической самостоятельности. Эта двойная ошибка — недооценка и переоценка крестьянства в одно и то же время — вытекает, в свою очередь, из недооценки собственного класса и его партии, то есть из социал-демократического подхода к пролетариату. Здесь нет ничего неожиданного. Все оттенки оппортунизма сводятся в последнем счете к неправильной оценке революционных сил и возможностей пролетариата.

Возражая против захвата власти, письмо пугает партию перспективами революционной войны. «Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас одни, придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет». Эта аргументация в высшей степени поучительна. Мы видим здесь основные доводы в пользу подписания Брест-Литовского мира. Но здесь эти доводы направляются против захвата власти. Совершенно ясно, что позиция, нашедшая свое выражение в письме «К текущему моменту», чрезвычайно облегчала сторонникам выраженных в письме взглядов принятие Брест-Литовского мира. Нам остается здесь повторить то, что мы говорили об этом в другом месте: не временная брест-литовская капитуляция сама по себе, изолированно взятая, характеризует политический гений Ленина, а только сочетание Октября с Брестом. Этого не нужно забывать.

Рабочий класс борется и растет в непрестанном сознании того, что противник имеет над нами перевес. Это обнаруживается в повседневной жизни на каждом шагу. У противника — богатство, власть, все средства идейного давления, все орудия репрессий. Привычка к той мысли, что враг превосходит нас силой, является составной частью всей жизни и работы революционной партии в подготовительную эпоху. Последствия тех или других неосторожных или преждевременных действий самым жестоким образом напоминают каждый раз о силе врага. Но наступает момент, когда эта привычка считать врага более сильным превращается в главное препятствие на пути к победе. Сегодняшняя слабость буржуазии как бы укрывается под тенью ее вчерашней силы. «Вы недооцениваете сил врага!» По этой линии идет группировка всех элементов, враждебных вооруженному восстанию. «Всякий, не желающий только говорить о восстании,— писали противники восстания у нас за две недели до победы,— обязан трезво взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать силы противника и переоценивать свои силы. Силы противника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: пять тысяч юнкеров, прекрасно вооруженных, организованных,

желающих, в силу своего классового положения, и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная часть артиллерии, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК почти наверняка попробуют привезти войска с фронта» («К текущему моменту»).

Разумеется, поскольку в гражданской войне дело идет не о простом подсчете батальонов, а о предварительном учете их сознания, учет этот никогда не может отличаться полной достоверностью и точностью. Даже Ленин считал, что у врага имеются в Петрограде серьезные силы, и предполагал начинать восстание с Москвы, где, по его предположению, оно должно было пройти бескровно. Такого рода частные ошибки предвидения совершенно неизбежны даже при самых благоприятных условиях, и правильнее держать курс на менее благоприятную обстановку. Но что нас в данном случае интересует, это факт чудовищной переоценки сил врага, полного искажения всех пропорций при таких условиях, когда у врага уже не было, по существу, никакой вооруженной силы.

Вопрос этот, как показал опыт Германии, имеет колоссальное значение. Пока лозунг восстания имел для руководителей немецкой коммунистической партии преимущественно, если не исключительно, агитационное значение, они попросту игнорировали вопрос о вооруженных силах врага (рейхсвер, фашистские отряды, полиция). Им казалось, что непрерывно нараставший революционный прилив разрешит военный вопрос сам собой. Когда же задача придвинулась вплотную, те же товарищи, которые считали вооруженную силу врага как бы несуществующей, сразу впали в другую крайность: они брали на веру все цифры вооруженных сил буржуазии, тщательно складывали их с силами рейхсвера и полиции, затем округляли сумму (до полумиллиона и выше) и получали, таким образом, компактную, до зубов вооруженную массу, совершенно достаточную для того, чтобы парализовать их собственные усилия. Несомненно, силы немецкой контрреволюции были значительнее, во всяком случае лучше организованы и подготовлены, чем у наших корниловцев и полукорниловцев. Но и активные силы немецкой революции иные. Пролетариат составляет подавляющее большинство населения Германии. У нас вопрос, по крайней мере в первой стадии, решался Петроградом

и Москвой. В Германии восстание имело бы сразу десятки могущественных пролетарских очагов. На этом фронте вооруженные силы врага выглядели бы совсем не так грозно, как в статистических выкладках с округлением. Во всяком случае, надо категорически отвергнуть те тенденциозные подсчеты, которые делались и делаются после провала немецкого Октября с целью оправдания политики, приведшей к провалу. Наш русский пример имеет в этом отношении незаменимое значение: за две недели до бескровной победы нашей в Петрограде — а мы могли ее одержать и на две недели раньше — опытные политики партии видели против нас и юнкеров, желающих и умеющих драться, и ударников, и казаков, и значительную часть гарнизона, и артиллерию, расположенную веером, и войска, надвигающиеся с фронта. А на деле не оказалось ничего, ровным счетом нуль. Теперь представим себе на минуту, что в партии и ее Центральном Комитете победили бы противники восстания. Роль командования в гражданской войне слишком ясна: революция в таком случае была бы заранее обречена на крушение, если бы Ленин не апеллировал против Центрального Комитета к партии, что он собирался сделать и что, несомненно, выполнил бы с успехом. Но ведь не всякая партия будет располагать в соответственных условиях своим Лениным... Нетрудно себе представить, как писали бы историю, если бы в ЦК победила линия уклонения от боя. Официозные историки стали бы, конечно, изображать дело так, что восстание в октябре 1917 г. явилось бы чистейшим безумием, и давали бы читателю сногсшибательные статистические подсчеты юнкеров, казаков, ударников, артиллерии, расположенной веером, и корпусов, двигавшихся с фронта. Непроверенные в огне восстания, эти силы представлялись бы несравненно грознее, чем оказалось на деле. Вот урок, который нужно выиграть в сознании каждого революционера!

Настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральный Комитет в течение сентября — октября вызывался постоянным опасением его, что мы упустим момент. «Пустяки,— отвечали правые,— наше влияние будет расти и расти». Кто был прав? И что это значит: упустить момент? Здесь мы подходим к вопросу, где большевистская оценка путей и методов революции, активная, стратегическая, насквозь действенная, наиболее ярко сталкивается с социал-демократической, меньшевистской оценкой, насквозь проникнутой фатализмом.

Что значит упустить момент? Самая благоприятная обстановка для восстания дана, очевидно, тогда, когда соотношение сил максимально передвинулось в нашу пользу. Разумеется, здесь речь идет о соотношении сил в области сознания, то есть о политической надстройке, а не о базисе, который можно принять как более или менее неизменный для всей эпохи революции. На одном и том же экономическом базисе, при одном и том же классовом расчленении общества соотношение сил меняется в зависимости от настроения пролетарских масс, крушения их иллюзий, накопления ими политического опыта, расшатки доверия промежуточных классов и групп к государственной власти, наконец, ослабления доверия этой последней к себе самой. В революции это все быстротечные процессы. Все тактическое искусство состоит в том, чтобы уловить момент наиболее благоприятного для нас сочетания условий. Корниловское восстание окончательно подготовило эти условия. Массы, потерявшие доверие к партиям советского большинства, увидели воочию опасность контрреволюции. Они считали, что теперь пришел черед большевиков найти выход из положения. Ни стихийный распад государственной власти, ни стихийный прилив нетерпеливого и требовательного доверия масс к большевикам не могли быть длительным состоянием; кризис должен был разрешиться либо в ту, либо в другую сторону. Теперь или никогда! — повторял Ленин.

На это пра̀вые возражали: «...глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет! Партия пролетариата бу̀дет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам... И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления... Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения» («К текущему моменту»).

Этот фаталистический оптимизм нуждается в самом внимательном изучении. В нем нет ничего ни национального, ни тем более индивидуального. Еще только в прошлом году мы наблюдали ту же тенденцию в Германии. По существу, под этим выжидательным фатализмом скрывается нерешительность и даже неспособность к действию, но она маскируется утешительным прогнозом: мы становимся, мол, все влиятельнее, чем дальше, тем больше наша сила будет возрастать. Грубейшее заблужде-

ние! Сила революционной партии возрастает только до известного момента, после чего процесс может перейти в свою противоположность: надежды масс, вследствие пассивности партии, сменяются разочарованием, а враг тем временем оправляется от паники и пользуется разочарованием масс. Такого рода решающий перелом мы наблюдали в Германии в октябре 1923 г. Мы были не так далеки от подобного же поворота событий в России осенью 1917 г. Для этого достаточно было, может быть, упустить еще несколько недель. Ленин был прав: теперь или никогда!

«Но решающий вопрос,— выдвигают противники восстания свой последний и сильнейший довод,— заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет... Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожный и почтово-телеграфный союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом («К текущему моменту»).

Эти строки, писавшиеся 11 октября, получают исключительное и совершенно злободневное значение, если вспомним, что руководившие партией немецкие товарищи, в объяснение прошлогоднего отступления без боя, приводили именно нежелание масс сражаться. Да в том-то и дело, что победоносное восстание становится, вообще говоря, наиболее обеспеченным тогда, когда массы успеют приобрести достаточно опыта, чтобы не бросаться в бой очертя голову, а ждут и требуют решительного и умелого боевого руководства. К октябрю 1917 г. у рабочих масс, по крайней мере у их руководящего слоя, сложилось уже твердое убеждение — на основании опыта апрельского выступления, июльских дней и корниловщины,— что дальше дело идет не об отдельных стихийных протестах, не о разведке, а о решающем восстании для захвата власти. Настроение масс становится в соответствии с этим более сосредоточенным, более критическим, более углубленным. Переход от жизнерадостной, полной иллюзий стихийности к более критической сознательности и порождает неизбежную революционную

заминку. Этот прогрессивный кризис в настроении масс может быть преодолен только соответственной политикой партии, то есть прежде всего ее подлинной готовностью и способностью руководить восстанием пролетариата. Наоборот, партия, которая долго вела революционную агитацию, вырывая массы из-под влияния соглашателей, а затем, когда доверие этих масс подняло ее на высоту, стала колебаться, умничать, хитрить и выжидать,— такая партия парализует активность масс, вызывает у них разочарование и распад, губит революцию, но зато создает для себя возможность ссылаться — после провала — на недостаточную активность масс. На этот именно путь вело письмо «К текущему моменту». К счастью, наша партия под руководством Ленина решительно ликвидировала такие настроения на верхах. Только благодаря этому она и провела победоносный переворот [...]

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ И СОВЕТСКАЯ «ЛЕГАЛЬНОСТЬ»

В сентябре, в дни Демократического совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию: «Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски,— писал он,— т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у Центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д. Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству» (Т 14. Ч. 2. С. 140).

Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии, с тем чтобы затем освятить победу через съезд Советов. Центральный Комитет не принял этого предложения. Восстание было введено в советское русло и агита-

ционно связалось со II съездом Советов. Это разногласие требует подробного объяснения — тогда оно, естественно, войдет в рамки не принципиального, а чисто технического вопроса, хотя и большой политической важности.

Выше уже говорилось о том, с какой напряженной тревогой относился Ленин к оттягиванию восстания. На фоне тех колебаний, какие имели место на верхах партии, агитация, формально связывавшая переворот с предстоявшим II съездом Советов, казалась ему недопустимой отсрочкой, уступкой нерешительности и нерешительным упущением времени, прямым преступлением. К этой мысли Ленин возвращается с конца сентября неоднократно.

«У нас в ЦК и в верхах партии,— пишет он 29 сентября,— есть течение или мнение за ожидание съезда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение». В начале октября Ленин пишет: «Медлить — преступление, ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность, вздорная игра в формальность, предательство революции». В тезисах для Петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: «Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно дождаться его» и пр. Наконец, 24 октября Ленин пишет: «Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно». И далее: «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять многое завтра, рискуя потерять все» [16].

Все эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента. Основная, проникающая их мысль — это возмущение, протест, негодование против фаталистического, выжидательного, социал-демократического, меньшевистского отношения к революции, как к какой-то бесконечной ленте. Если время вообще важный фактор политики, то значение его стократно возрастает на войне и в революции. Совсем не все, что можно сделать сегодня, можно будет сделать завтра. Восстать, опрокинуть врага, взять власть сегодня возможно, а завтра может оказаться невозможно. Но ведь взять власть — значит повернуть руль истории; неужели же такое событие может зависеть от промежутка в 24 часа? Да, может. Когда дело дошло

до вооруженного восстания, то события измеряются не длинным аршином политики, а коротким аршином войны. Упустить несколько недель, несколько дней, иногда даже один день равносильно, в известных условиях, сдаче революции, капитуляции. Если бы не было этой ленинской тревоги, этого нажима, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выравняла бы, пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно, а штаб играет большую роль в войне, в том числе и в гражданской.

Но в то же время совершенно ясно, что подготовка восстания и проведение его под прикрытием подготовки II съезда Советов и под лозунгом защиты его дали нам в руки неоценимые преимущества. С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении. Во всех его письмах того времени об этом обстоятельстве вообще, насколько помню, не говорится ни слова. А между тем исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу Петроградского гарнизона, создали Военно-революционный комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство. По существу дела, мы здесь имели вооруженное восстание — вооруженное, хотя и бескровное восстание петроградских полков против Временного правительства — под руководством Военно-революционного Комитета и под лозунгом подготовки к защите II съезда Советов, который должен будет решить вопрос о судьбе власти. Советы Ленина начать восстание в Москве, где оно, по его предположениям, обещало бескровную победу, вытекли именно из того, что он не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом — уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии. После «тихого» восстания столичного гарнизона к середине октября, с того момента, как батальоны по приказу Военно-революционного комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху

остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер[17]. Именно поэтому оно прошло так безболезненно. Наоборот, в Москве борьба получила гораздо более затяжной и кровавый характер, несмотря на то что в Питере уже утвердилась власть Совнаркома. Совершенно очевидно, что, если бы восстание началось в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом. А неудача в Москве тяжело отразилась бы на Петрограде. Конечно, победа отнюдь не исключена была бы и на этом пути. Но тот путь, каким действительно пошли события, оказался гораздо более экономным, более выгодным, более победоносным.

Мы имели возможность — в большей или меньшей степени — приурочивать захват власти к моменту II съезда Советов только потому, что «тихое», почти «легальное» вооруженное восстание — по крайней мере, в Петрограде — было уже на три четверти, если не на девять десятых, свершившимся фактом. Мы называем это восстание «легальным» — в том смысле, что оно выросло из «нормальных» условий двоевластия. И при господстве соглашателей в Петроградском Совете бывало не раз, что Совет проверял или исправлял решения правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в историю под названием керенщины. Придя в Петроградском Совете к власти, мы, большевики, только продолжили и углубили методы двоевластия. Мы взяли на себя проверку приказа о выводе гарнизона. Этим самым мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание Петроградского гарнизона. Мало того, формально приурочивая в агитации вопрос о власти к моменту II съезда Советов, мы развивали и углубляли уже успевшие сложиться традиции двоевластия, подготовляя рамки советской легальности для большевистского восстания во всероссийском масштабе [...]

В Москве восстание имело гораздо более затяжной характер, сопряженный с более значительными жертвами. Объясняется это в известной мере тем, что Московский гарнизон не подвергся такой революционной подготовке, как гарнизон Петрограда — в связи с вопросом о выводе батальонов на фронт. Мы уже говорили и еще раз повторяем, что вооруженное восстание совершилось в Петрограде в два приема: в первой половине октября,

когда петроградские полки, подчиняясь постановлению Совета, вполне отвечавшему их собственным настроениям, безнаказанно отказались выполнить приказ главнокомандования, и 25 октября, когда понадобилось уже только небольшое дополнительное восстание, рассекавшее пуповину февральской государственности. В Москве же восстание происходило в один прием. Такова, пожалуй, главная причина его затяжного характера. Но наряду с ней была другая: недостаточная решительность руководства. В Москве мы наблюдали переходы от военных действий к переговорам, чтобы затем снова возвращаться к вооруженной борьбе. Если колебания руководства, ощутимые для руководимых, вообще вредны в политике, то в условиях вооруженного восстания они становятся смертельно опасными. Господствующий класс уже теряет доверие к своей силе (без этого не могло бы быть вообще надежды на победу), но аппарат еще в его руках. Революционный класс имеет своей задачей овладеть государственным аппаратом; для этого ему нужно доверие к своим силам. Раз партия вывела трудящихся на путь восстания, она должна сделать из этого все необходимые выводы. «На войне — по-военному»: там меньше, чем где бы то ни было, допустимы колебания и упущение времени. Война мерит коротким аршином. Топтание на месте, хотя в течение часов, возвращает правящим частицу самоуверенности, отнимая ее у восставших. А ведь этим непосредственно и определяется то соотношение сил, которое определяет исход восстания. Под этим углом зрения надо шаг за шагом изучить ход военных операций в Москве в их сочетании с политическим руководством [...]

ЕЩЕ РАЗ О СОВЕТАХ И ПАРТИИ В ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Советы рабочих депутатов выросли у нас, и в 1905-м, и в 1917 г., из самого движения, как естественная организационная форма его на известном уровне борьбы. Но для европейских молодых партий, которые в большей или меньшей степени приняли Советы как «доктрину», как «принцип», всегда возникает опасность фетишистского отношения к Советам как к некоторому самодовлеющему фактору революции. Между тем, несмотря на огромные преимущества Советов как организации борьбы за власть, вполне возможны случаи, когда восстание

развернется на основе других форм организации (фабзавкомы, профсоюзы), и только в процессе восстания — или даже после победы его — возникнут Советы уже как органы власти.

В высшей степени поучительна под этим углом зрения та борьба, которую Ленин открыл после июльских дней против фетишизма организационной формы Советов. Поскольку эсеро-меньшевистские Советы стали в июле организациями, открыто гнавшими солдат в наступление и подавлявшими большевиков, постольку революционное движение рабочих масс могло и должно было искать для себя других путей и каналов. Ленин намечал фабзавкомы как организацию борьбы за власть (см. об этом, например, воспоминания тов. Орджоникидзе). Весьма вероятно, что движение пошло бы именно по этой линии, если бы не корниловское выступление, которое вынудило соглашательские Советы к самообороне и дало большевикам возможность снова вдохнуть в Советы революционную жизнь, связав их тесно с массами через левое, то есть большевистское, крыло.

Вопрос этот, как показал недавний опыт Германии, имеет огромное международное значение. Именно в Германии Советы несколько раз строились, как органы восстания — без восстания, как органы власти — без власти. Это привело к тому, что в 1923 г. движение широких пролетарских и полупролетарских масс стало группироваться вокруг фабзавкомов, которые в основном выполняли все те функции, какие у нас ложились на Советы в период, предшествовавший непосредственной борьбе за власть. Между тем в августе — сентябре выдвинуто было некоторыми товарищами предложение: приступить в Германии немедленно к созданию Советов. После длительных и горячих прений предложение это было отвергнуто, и вполне правильно. При наличии того факта, что фабзавкомы уже становились на деле узлами сосредоточения революционных масс, Советы оказались бы в подготовительный период параллельной формой без содержания. Они лишь отвлекли бы мысль от материальных задач восстания (армия, полиция, вооруженные сотни, железные дороги и пр.) в сторону самодовлеющей организационной формы. А с другой стороны, создание Советов как Советов — до восстания и вне непосредственных задач восстания — означало бы голое провозглашение: «Иду на вас!» Правительство, вынужденное «терпеть» фабзавкомы, поскольку они стали средоточием больших

масс, ударило бы по первому же Совету, как официальному органу «покушения» на захват власти. Коммунисты оказались бы вынужденными выступить на защиту Советов, как чисто организационного предприятия. Решающая борьба развернулась бы не ради захвата или защиты материальных позиций и не в тот момент, выбранный нами, когда восстание вытекало бы из условий движения масс,— нет, борьба вспыхнула бы из-за организационной формы, из-за советского «знамени», в момент, выбранный врагом и им нам навязанный. Между тем совершенно очевидно, что вся подготовительная к восстанию работа могла с полным успехом соподчиниться организационной форме фабрично-заводских комитетов, уже успевших стать массовыми организациями, продолжавших расти и крепнуть и оставлявших партии свободу маневрирования в отношении срока восстания. Разумеется, на известном этапе Советы должны были бы возникнуть. Сомнительно, чтобы они, при указанных выше условиях, возникли как непосредственные органы восстания, под огнем, так как это грозило бы в самый острый момент создать два революционных центра. Не следует, говорит английская пословица, пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток. Возможно, что Советы стали бы строиться повсеместно после победы в решающих пунктах страны. Во всяком случае, победоносное восстание необходимо привело бы к созданию Советов как органов власти.

Не надо забывать, что у нас Советы выросли еще на «демократическом» этапе революции, были на этом этапе как бы легализованы, нами затем унаследованы и использованы. Это не повторится в пролетарских революциях Запада. Советы там будут в большинстве случаев создаваться по призыву коммунистов, следовательно, как прямые органы пролетарского восстания. Разумеется, не исключена возможность того, что расшатка буржуазного государственного аппарата зайдет достаточно далеко, прежде чем пролетариат сможет захватить власть,— и это создаст условия для создания Советов как открытых органов подготовки восстания. Но вряд ли это будет общим правилом. Весьма вероятны случаи, когда Советы удастся создать лишь в самые последние дни, как непосредственные органы восстающей массы. Наконец, вполне вероятны такие условия, когда Советы возникнут уже после перелома восстания и даже на исходе его как органы новой власти. Нужно иметь перед глазами все эти

варианты, чтобы не впасть в организационный фетишизм и не превратить Советы из того, чем они должны быть — гибкой, жизненной формой борьбы,— в организационный «принцип», извне врезывающийся в движение и нарушающий его правильное развитие [...]

* * *

Намеченная выше история партийных группировок в течение 1917 г. составляет тоже существеннейшую часть опыта гражданской войны и имеет, как мы думаем, непосредственное значение для политики Коммунистического Интернационала в целом. Выше уже сказано, и мы повторим это снова, что изучение разногласий ни в каком случае не может и не должно рассматриваться как направленное против тех товарищей, которые проводили ложную политику. Но было бы, с другой стороны, недопустимым вычеркивать из истории партии величайшую главу только потому, что не все члены партии шли в ногу с революцией пролетариата. Партия может и должна знать все свое прошлое, чтобы правильно расценить его и всему отвести надлежащее место. Традиция революционной партии создается не из недомолвок, а из критической ясности [...]

В последнее время нередко говорили и писали о необходимости «большевизации» Коминтерна. Это задача, совершенно бесспорная и непреложная: она особенно резко выдвигается после жестоких прошлогодних уроков в Болгарии и Германии. Большевизм не доктрина (то есть не только доктрина), но система революционного воспитания для пролетарского переворота. Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. «Вот Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей».

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?[1]

(Основные положения)

Читатель, надеюсь, не будет возражать, если я в заключение этой книжки попытаюсь, не боясь повторений, сжато формулировать главные свои выводы.

1. Теория перманентной революции требует сейчас со стороны всякого марксиста самого внимательного к себе отношения, так как ходом классовой и идейной борьбы вопрос полностью и окончательно выведен из области воспоминаний о старых разногласиях внутри русских марксистов и превращен в вопрос о характере, внутренних связях и методах международной революции вообще.

2. В отношении стран с запоздалым буржуазным развитием, в частности колониальных и полуколониальных, теория перманентной революции означает, что полное и действительное разрешение их *демократических и национально-освободительных задач* мыслимо лишь через диктатуру пролетариата, как вождя угнетенной нации, прежде всего ее крестьянских масс.

3. Не только аграрный вопрос, но и национальный отводят крестьянству, подавляющему большинству населения отсталых стран исключительное место в демократической революции. Без союза пролетариата с крестьянством задачи демократической революции не могут быть не только разрешены, но даже серьезно поставлены. Союз этих двух классов осуществим не иначе, как в непримиримой борьбе против влияния национально-либеральной буржуазии.

4. Каковы бы ни были первые эпизодические этапы революции в отдельных странах, осуществление революционного союза пролетариата и крестьянства, мыслимо только под политическим руководством пролетарского авангарда, организованного в коммунистическую партию. Это значит, в свою очередь, что победа демократической революции мыслима лишь через диктатуру пролетариата,

опирающегося на союз с крестьянством и разрешающего в первую голову задачи демократической революции.

5. Взятый в исторической оценке, старый лозунг большевизма: «Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» — выражал именно охарактеризованное выше соотношение пролетариата, крестьянства и либеральной буржуазии. Это доказано опытом Октября. Но старая формула Ленина не предрешала заранее, каковы окажутся политические взаимоотношения пролетариата и крестьянства внутри революционного блока. Иными словами, формула сознательно допускала известную алгебраичность, которая должна была уступить место более точным арифметическим величинам в процессе исторического опыта. Этот последний показал, однако,— притом в условиях, исключающих какие бы то ни было лжетолкования,— что, как бы велика ни была революционная роль крестьянства, она не может быть самостоятельной, ни тем более руководящей. Крестьянин идет либо за рабочим, либо за буржуа. Это значит, что «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» мыслима только как *диктатура пролетариата, ведущего за собой крестьянские массы.*

6. Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства — в качестве режима, отличного по своему классовому содержанию от диктатуры пролетариата,— была бы осуществлена лишь в том случае, если бы осуществима была *самостоятельная* революционная партия, выражающая интересы крестьянской и вообще мелкобуржуазной демократии, — партия, способная — при том или другом содействии пролетариата — овладеть властью и определить ее революционную программу. Как свидетельствует опыт всей новой истории, и особенно опыт России за последнюю четверть века, непреодолимым препятствием на пути создания крестьянской партии является экономическая и политическая несамостоятельность мелкой буржуазии и ее глубокая внутренняя дифференциация, в силу которой верхние слои мелкой буржуазии (крестьянства), во всех решительных случаях, особенно в войне и революции, идут с крупной буржуазией, а низы — с пролетариатом, вынуждая тем самым промежуточный слой делать выбор между крайними полюсами. Между керенщиной и большевистской властью, между Гоминьданом [2] и диктатурой пролетариата нет и не может быть ничего промежуточного, то есть никакой демократической диктатуры рабочих и крестьян.

7. Стремление Коминтерна навязать ныне восточным странам лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, давно и окончательно исчерпанный историей, может иметь только реакционное значение. Поскольку этот лозунг противопоставляется лозунгу диктатуры пролетариата[3], он политически содействует растворению пролетариата в мелкобуржуазных массах и создает таким путем наиболее благоприятные условия для гегемонии национальной буржуазии, следовательно, для краха демократической революции. Включение этого лозунга в программу Коминтерна представляет собой прямую измену марксизму и октябрьской традиции большевизма.

8. Диктатура пролетариата, поднявшегося к власти в качестве вождя демократической революции, неизбежно и притом очень скоро поставит перед ним задачи, связанные с глубокими вторжениями в права буржуазной собственности. Демократическая революция непосредственно перерастает в социалистическую, становясь тем самым *перманентной* революцией.

9. Завоевание власти пролетариатом не завершает революцию, а только открывает ее. Социалистическое строительство мыслимо лишь на основе классовой борьбы в национальном и международном масштабе. Эта борьба — в условиях решающего преобладания капиталистических отношений на мировой арене — будет неизбежно приводить ко взрывам внутренней, то есть гражданской, и внешней революционной войны. В этом состоит перманентный характер социалистической революции, как таковой, независимо от того, идет ли дело об отсталой стране, только вчера завершившей свой демократический переворот, или о старой капиталистической стране, прошедшей через долгую эпоху демократии и парламентаризма.

10. Завершение социалистической революции в национальных рамках немыслимо. Одна из основных причин кризиса буржуазного общества состоит в том, что созданные им производительные силы не могут более мириться с рамками национального государства. Отсюда вытекают империалистические войны, с одной стороны, утопии буржуазных Соединенных Штатов Европы — с другой. Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до

окончательного торжества нового общества на всей нашей планете.

11. Указанная выше схема развития мировой революции снимает вопрос о странах «созревших» и «не созревших» для социализма, в духе той педантски-безжизненной классификации, которую дает нынешняя программа Коминтерна. Поскольку капитализм создал мировой рынок, мировое разделение труда и мировые производительные силы, постольку он подготовил мировое хозяйство в целом для социалистического переустройства.

Разные страны будут совершать этот процесс разным темпом. Отсталые страны могут — при известных условиях — раньше передовых прийти к диктатуре пролетариата, но позже их — к социализму.

Отсталая колониальная или полуколониальная страна, пролетариат которой оказывается еще недостаточно подготовленным для объединения вокруг себя крестьянства и завоевания власти, тем самым оказывается в состоянии невозможности довести до конца свой демократический переворот. Наоборот, в стране, пролетариат которой пришел к власти в результате демократической революции, дальнейшая судьба диктатуры и социализма зависит в последнем счете не только и не столько от национальных производительных сил, сколько от развития международной социалистической революции.

12. Теория социализма в отдельной стране, поднявшаяся на дрожжах реакции против Октября[4], есть единственная теория, последовательно и до конца противостоящая теории перманентной революции.

Попытка эпигонов — под ударами критики — ограничить применимость теории социализма в отдельной стране одной только Россией, ввиду ее особых свойств (пространства и естественные богатства), не улучшает, но ухудшает дело. Разрыв с интернациональной позицией всегда и неизбежно ведет к национальному *мессианизму*, то есть к признанию за собственной страной преимуществ и качеств, позволяющих ей будто бы выполнить ту роль, до которой не могут подняться другие страны.

Мировое разделение труда, зависимость советской индустрии от иностранной техники, зависимость производительных сил передовых стран Европы от азиатского сырья и пр. и пр. делают построение самостоятельного социалистического общества невозможным ни в одной из стран мира.

13. Теория Сталина — Бухарина не только механически противопоставляет — наперекор всему опыту русских революций — демократическую революцию социалистической, но и отрывает национальную революцию от интернациональной.

Революциям в отсталых странах она ставит задачей установление неосуществимого режима демократической диктатуры, который она противопоставляет диктатуре пролетариата. Этим она вводит в политику иллюзии и фикции, парализует борьбу пролетариата на Востоке за власть и тормозит победу колониальных революций.

Уже завоеванная пролетариатом власть означает (с точки зрения эпигонской теории) завершение революции «на девять десятых» (по формуле Сталина) и открытие эпохи национальных реформ. Теория врастания кулака в социализм и теория «нейтрализации» мировой буржуазии неотделимы поэтому от теории социализма в отдельной стране. Они вместе стоят и вместе падают.

Коммунистический Интернационал низводится теорией национал-социализма на степень подсобного орудия, полезного для борьбы против военной интервенции. Нынешняя политика Коминтерна, его режим и подбор в нем руководящего персонала вполне отвечают этому низведению Коммунистического Интернационала на роль вспомогательного отряда, не предназначенного для разрешения самостоятельных задач.

14. Программа Коминтерна, созданная Бухариным, эклектична насквозь. Она делает безнадежную попытку примирить теорию социализма в отдельной стране с марксистским интернационализмом, который, однако, неотделим от перманентного характера международной революции. Борьба левой коммунистической оппозиции [5] за правильную политику и здоровый режим Коминтерна неразрывно связана с борьбой за марксистскую программу. Вопрос о программе неотделим, в свою очередь, от вопроса о двух противостоящих друг другу теориях: перманентной революции и социализма в отдельной стране. Проблема перманентной революции давно переросла эпизодические и полностью исчерпанные историей разногласия Ленина и Троцкого. Борьба идет между основными идеями Маркса и Ленина, с одной стороны, эклектикой центристов — с другой [6].

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

ПАРАДОКС ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Восстание победило. Но кому оно передало вырванную у монархии власть? Мы переходим здесь к центральной проблеме Февральского переворота: как и почему власть оказалась в руках либеральной буржуазии?

Начавшимся 23 февраля волнениям в думских кругах и буржуазном «обществе» значения не придавали. Либеральные депутаты, патриотические журналисты попрежнему собирались в салонах, обсуждали вопрос о Триесте и Фиуме и снова подтверждали необходимость для России Дарданелл. Когда указ о роспуске Думы был уже подписан, думская комиссия все еще спешно обсуждала вопрос о передаче продовольственного дела городскому самоуправлению. Менее чем за 12 часов до восстания гвардейских батальонов Общество славянской взаимности мирно заслушивало годовой отчет. «Только когда я с этого собрания возвращался домой пешком,— вспоминает один из депутатов,— меня поразила какая-то жуткая тишина и пустота на обычно оживленных улицах». Жуткая пустота образовалась вокруг старых господствующих классов и уже щемила сердца их завтрашних преемников.

К 26-му серьезность движения стала ясна как правительству, так и либералам. В этот день ведутся между министрами и членами Думы переговоры о соглашении, над которыми либералы впоследствии так и не подняли покрывала. Протопопов[2] в своих показаниях сообщал, что лидеры думского блока требовали по-прежнему назначения новых министров из лиц, пользующихся общественным доверием: «Эта мера, может быть, успокоит народ». Но день 26-го создал, как мы знаем, известную заминку в развитии революции, и правительство на короткий момент почувствовало себя тверже. Когда Родзянко[3] явился к Голицыну[4], чтобы убедить его выйти в отставку, премьер в ответ указал папку на столе,

в которой лежал готовый указ о роспуске Думы с подписью Николая, но без даты. Дату проставил Голицын. Как решилось правительство на такой шаг в момент возраставшего натиска революции? На этот счет у правящей бюрократии давно уже сложилась твердая концепция. «Будем ли мы с блоком или без него — для рабочего движения это безразлично. С этим движением можно справиться другими средствами, и до сих пор министерство внутренних дел справлялось». Так говорил Горемыкин[5] еще в августе 1915 г. С другой стороны, бюрократия считала, что Дума — в случае роспуска — не решится ни на какие смелые шаги. Опять-таки еще в августе 1915 г. при обсуждении вопроса о роспуске недовольной Думы министр внутренних дел князь Щербатов говорил: «Вряд ли на прямое неподчинение думцы решатся. Все-таки огромное большинство их трусы и за свою шкуру дрожат». Князь выражался не очень изысканно, но, в конце концов, верно. В борьбе с либеральной оппозицией бюрократия чувствовала, таким образом, достаточно прочную почву под ногами.

27-го утром депутаты, встревоженные разрастающимися событиями, собирались на очередное заседание. Большинство только тут узнало, что Дума распущена. Это казалось тем более неожиданным, что еще накануне велись мирные переговоры. «И тем не менее,— пишет с гордостью Родзянко,— Дума подчинилась закону, все же надеясь найти выход из запутанного положения, и никаких постановлений о том, чтобы не расходиться и насильно собираться в заседании, не делала». Депутаты собрались на частное совещание, на котором исповедовались друг другу в бессилии. Умеренный либерал Шидловский[6] не без злорадства вспоминал позже предложение, сделанное крайним левым кадетом Некрасовым, будущим сподвижником Керенского: «Установить военную диктатуру, вручив всю власть популярному генералу». Тем временем отсутствовавшими на частном совещании Думы заправилами прогрессивного блока[7] предпринята была практическая попытка спасения. Вызвав великого князя Михаила в Петербург, они предложили ему принять на себя диктатуру, «понудить» личный состав правительства подать в отставку и потребовать от царя по прямому проводу «даровать» ответственное министерство. В те часы, когда поднимались первые гвардейские полки, вожди либеральной буржуазии делали последнюю попытку подавить восстание при помощи династической

диктатуры и в то же время войти за счет революции в соглашение с монархией. «Нерешительность великого князя,— жалуется Родзянко,— способствовала тому, что благоприятный момент был упущен».

Как легко радикальная интеллигенция верила тому, чего ей хотелось, свидетельствует беспартийный социалист Суханов[8], который начинает в этот период играть в Таврическом дворце известную политическую роль. «Мне сообщили основную политическую новость этих утренних часов незабвенного дня,— рассказывает он в своих обширных воспоминаниях,— указ о роспуске Государственной думы объявлен, и Дума ответила на него отказом разойтись, избрав Временный комитет». Это пишет человек, почти не выходивший из Таврического дворца и державший там за пуговицы знакомых депутатов. В своей истории революции Милюков — вслед за Родзянко — категорически заявляет: «Там было вынесено — после ряда горячих речей — постановление не разъезжаться из Петрограда, а не постановление «не расходиться» Г. думе как учреждению, как о том сложилась легенда». «Не расходиться» значило бы взять на себя хотя бы и запоздалую инициативу. «Не разъезжаться» означало умыть руки и выжидать, в какую сторону повернет ход событий. Для доверчивости Суханова имеются, впрочем, смягчающие обстоятельства. Слух о том, что Дума приняла революционное постановление не подчиниться царскому указу, пустили впопыхах думские журналисты в своем информационном бюллетене, единственном тогда издании из-за всеобщей стачки. Так как восстание в течение дня победило, то депутаты отнюдь не спешили опровергать ошибку, поддерживая иллюзии своих левых друзей: к восстановлению истины они приступили только в эмиграции. Эпизод как будто второстепенный, но полный значения. Революционная роль Думы в день 27 февраля была полностью мифом, родившимся из политического легковерия радикальной интеллигенции, обрадованной и испуганной революцией, не верившей в способность масс довести дело до конца и стремившейся как можно скорее прислониться к цензовой буржуазии.

В мемуарах депутатов, принадлежавших к думскому большинству, сохранился, к счастью, рассказ о том, как Дума встречала революцию. По рассказу князя Мансырева, одного из правых кадетов, среди депутатов, собравшихся утром 27-го в большом числе, не было ни членов президиума, ни лидеров партий, ни главарей прогрессив-

ного блока: те уже знали о роспуске и о восстании и предпочитали как можно дольше не показывать головы; к тому же в эти именно часы они, по-видимому, вели переговоры с Михаилом о диктатуре. «В Думе царило общее смятение и растерянность,— говорит Мансырев.— Даже оживленные разговоры прекратились, а вместо них слышались вздохи и короткие реплики, вроде «дождались», или же откровенный страх за свою особу». Так повествует умереннейший депутат, вздыхавший громче других. Уже во втором часу дня, когда вожди оказались вынуждены появиться в Думе, секретарь президиума принес радостную, но неосновательную весть: «Беспорядки будут скоро подавлены, потому что приняты меры». Возможно, что под мерами понимались переговоры о диктатуре. Но Дума угнетена и ждет разрешающего слова от вождя прогрессивного блока. «Мы уже потому не можем сейчас принимать никаких решений,— заявляет Милюков,— что размер беспорядков нам неизвестен так же, как неизвестно и то, на чьей стороне стоит большинство местных войск, рабочих и общественных организаций. Надобно собрать точные сведения обо всем этом и тогда уже обсуждать положение, а теперь еще рано». В два часа пополудни 27 февраля для либерализма все еще «рано»! «Собрать сведения» — значит умыть руки и выждать исхода борьбы. Но Милюков не кончил речи, которую он, впрочем, и начинал, с тем чтоб ничем не кончить, как в зал вбегает Керенский в сильном возбуждении: громадные толпы народа и солдат идут к Таврическому дворцу, провозглашает он, и намерены требовать от Думы, чтобы та взяла власть в свои руки!.. Радикальный депутат точно знает, чего требуют громадные толпы народа. На самом деле это сам Керенский впервые требует, чтоб власть взяла Дума, которая в душе все еще надеется на подавление восстания. Сообщение Керенского вызывает «общее недоумение и растерянные взгляды». Не успевает, однако, он кончить, как его прерывает вбежавший в перепуге думский служитель: передовые части солдат уже подошли к дворцу, их не пустил отряд караула у подъезда, начальник караула будто бы тяжело ранен. Еще через минуту оказывается, что солдаты уже вошли во дворец. Позже будут в речах и статьях говорить, что солдаты пришли приветствовать Думу и присягать ей. Но сейчас все в смертельной панике. Вода подступает к горлу. Вожди шушукаются. Нужно выгадать отсрочку. Родзянко наспех вносит подсказанное

ему предложение об образовании Временного комитета. Утвердительные крики. Но все хотят убраться поскорее, тут не до выборов. Испуганный не менее других председатель предлагает поручить создание Комитета Совету старейшин. Опять утвердительные крики немногих оставшихся в зале: большинство успело уже исчезнуть. Такова была первая реакция распущенной царем Думы на победу восстания.

Тем временем революция создавала в том же здании, только в менее парадной его части, другой орган. Революционным руководителям не приходилось выдумывать его. Опыт Советов 1905 г. навсегда врезался в сознание рабочих. При каждом подъеме движения (даже во время войны) почти автоматически возрождалась идея Советов. И хотя понимание роли Советов было глубоко различным у большевиков и меньшевиков — у эсеров вообще не было устойчивых оценок,— самая форма организации стояла как бы вне споров. Освобожденные из тюрьмы меньшевики, члены военно-промышленного комитета, встретились в Таврическом дворце с деятелями профессионального и кооперативного движения того же правого крыла и с меньшевистскими депутатами Думы Чхеидзе и Скобелевым и тут же образовали Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, который в течение дня пополнялся преимущественно бывшими революционерами, утратившими связь с массами, но сохранившими «имена». Исполнительный комитет, включивший в свой состав и большевиков, призвал рабочих немедленно выбирать депутатов. Первое заседание было назначено вечером в Таврическом дворце. Оно действительно состоялось в 9 часов и санкционировало состав Исполнительного комитета, пополнив его официальными представителями всех социалистических партий. Но совсем не в этом было значение первого собрания представителей победоносного пролетариата столицы. На заседании выступили с приветствиями делегаты восставших полков. В их числе были и совсем серые солдаты, как бы контуженные восстанием и еще туго ворочавшие языком. Но именно они находили слова, которых не найти никакому трибуну. Это была одна из самых патетических сцен революции, почувствовавшей свою силу, неисчислимость пробужденных масс, грандиозность задач, гордость своими успехами, радостное замирание сердца перед завтрашним днем, который должен быть еще прекраснее, чем сегодняшний. Революция еще не имеет

своего ритуала, улица еще в дыму, массы еще не умеют по-новому петь, заседание течет без порядка, без берегов, как река в половодье, Совет захлебывается в собственном энтузиазме. Революция уже могуча, но еще наивна детской наивностью.

На этом первом заседании решено объединить гарнизон с рабочими в общем Совете рабочих и солдатских депутатов. Кто первый предложил это решение? Оно должно было явиться с разных, вернее, со всех сторон как отголосок того братания рабочих и солдат, которое решило в этот день судьбу революции. Нельзя, однако, не отметить, что, по словам Шляпникова [9], социал-патриоты первоначально возражали против вовлечения армии в политику. С момента своего возникновения Совет в лице Исполнительного комитета начинает действовать как власть. Он избирает временную продовольственную комиссию и возлагает на нее заботу о восставших и о гарнизоне вообще. Он организует возле себя временный революционный штаб — все называется временным в эти дни,— о котором у нас уже шла речь выше. Чтоб изъять из распоряжения чиновников старой власти финансовые средства, Совет постановляет немедленно же занять революционным караулом Государственный банк, казначейство, Монетный двор и экспедицию по заготовлению государственных бумаг. Задачи и функции Совета непрерывно растут под напором масс. Революция получает свой бесспорный центр. Рабочие, солдаты, а вскоре и крестьяне будут отныне обращаться только к Совету: в их глазах он становится средоточием всех надежд и всех властей, воплощением самой революции. Но и представители имущих классов будут искать у Советов, хоть и со скрежетом зубовным, защиты, указаний, разрешения конфликтов.

Однако уже в эти первые часы победы, когда со сказочной быстротой и непреодолимой силой складывалась новая власть революции, те социалисты, которые оказались во главе Совета, с тревогой озирались вокруг себя в поисках настоящего «хозяина». Они считали само собой разумеющимся, что власть должна перейти к буржуазии. Здесь завязывается главный политический успех нового режима: одна из его нитей ведет в комнату Исполнительного комитета рабочих и солдат, другая — в помещение центра буржуазных партий.

Совет старейшин в третьем часу дня, когда победа в столице определилась уже полностью, выбрал «Времен-

ный комитет членов Думы» из состава партий прогрессивного блока с присоединением Чхеидзе и Керенского. Чхеидзе отказался, Керенский вилял. Название предусмотрительно указывало, что дело идет не об офнциальном оргаие Государственной думы, а о частном органе совещания членов Думы. Вождн прогрессивного блока до конца продумывали лишь одии вопрос: как оградить себя от ответственностн, не связывая себе рук. Задача Комитета была определеиа с тщательной двусмысленностью: «Восстаиовлеиие порядка и сношение с учреждеииями н лицами». Ни слова о том, какой порядок этн господа думают восстаиовлять, ни о том, с какими учреждениями они собираются сиоситься. Они не протягивали еще открыто руки к шкуре медведя: а что, если ои не убит, а лишь тяжело ранен? Только в 11 часов вечера 27 февраля, когда, по признанию Милюкова, «выяснился весь размер революционного движения, Временный комитет решил сделать дальнейший шаг и взять в свои руки власть, выпадавшую нз рук правительства». Незаметио из Комитета членов Думы иовый орган превратился в Комитет самой Думы: для сохранения государственио-правовой преемственности нет лучшего средства, как подлог. Но Милюков умалчивает о самом главном: вожди Исполннтельного комитета, образовавшегося в течение дня, успели явиться во Временный комитет и иастоятельно требовали от него взять в свои руки власть. Этот дружественный толчок возымел свое действие. Впоследствии Милюков объяснял решеиие думского Комнтета тем, что правнтельство готовилось будто бы направить иа восставших верные войска «н на улнцах столицы дело грозило дойтн до настоящих сражеиий». На самом деле никаких войск у правительства уже не было, переворот был целиком позади. Родзянко впоследствии писал, что, в случае отказа от власти, «Дума была бы арестоваиа н перебита в полном составе бунтующими войскамн, и власть сразу очутилась бы у большевиков». Это, конечио, иелепое преувеличение, вполие в духе почтенного камергера; ио оно безошибочно отражает самочувствие Думы, которая вручение ей власти воспрнннмала как акт политического изнасилования.

Прн таких настроениях решение давалось нелегко. Особенно бурно колебался Родзянко, допрашивая других: «Что это будет — буит нлн не бунт?» Депутат-моиархист Шульгнн[10] ответил ему, по собственной передаче: «Никакого в этом иет буита. Берите, как вернопод-

данный... если министры сбежали, то должен же кто-то их заменить... Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...» Не нужно придираться к площадным ругательствам реакционного джентльмена по адресу рабочих: революция крепко наступила этим господам на хвост. Мораль ясна: победит монархия — будем с нею, победит революция — постараемся ее обокрасть.

Совещание длилось долго. Демократические вожди в волнении дожидались решения. Наконец из кабинета Родзянко вышел Милюков. У него был торжественный вид. Подойдя к советской делегации, Милюков заявил: «Состоялось решение, мы берем власть»... «Я не спрашивал, кто это — мы,— восторженно вспоминает Суханов.— Я ничего больше не спрашивал. Но я, как говорится, всем существом почувствовал новое положение. Я почувствовал, что корабль революции, бросаемый в эти часы шквалом по полному произволу стихий, поставил паруса, приобрел устойчивость, закономерность в движениях среди страшной бури и качки». Какая вычурная форма для прозаического признания рабской зависимости мелкобуржуазной демократии от капиталистического либерализма! И какая убийственная ошибка политической перспективы: передача власти либералам не только не придаст устойчивости государственному кораблю, наоборот, станет с этого дня источником безвластия революции, величайшего хаоса, ожесточения масс, крушения фронта, а в дальнейшем — чрезвычайной ожесточенности гражданской войны.

* * *

Если глядеть только назад, на прошлые века, то факт перехода власти в руки буржуазии представится достаточно закономерным: во всех прошлых революциях на баррикадах дрались рабочие, подмастерья, отчасти студенты, на их сторону переходили солдаты, а власть прибирала затем к рукам солидная буржуазия, осторожно наблюдавшая баррикады через окно. Но Февральская революция 1917 г. отличалась от прежних революций несравненно более высоким социальным характером и политическим уровнем революционного класса, враждебным недоверием восставших к либеральной буржуазии и возникновением в силу этого в самый момент победы но-

вого органа революционной власти: Совета, опирающегося на вооруженную силу масс. При этих условиях переход власти в руки изолированной и безоружной буржуазии требует объяснения.

Прежде всего надо ближе присмотреться к тому соотношению сил, которое сложилось в результате переворота. Не была ли советская демократия вынуждена объективной обстановкой отказаться от власти в пользу крупной буржуазии? Сама буржуазия не думала этого. Мы уже знаем, что она не только не ожидала от революции власти, но, наоборот, предвидела в ней смертельную опасность всему своему социальному положению. «Умеренные партии не только не желали революции,— пишет Родзянко,— но просто боялись ее. В частности, партия народной свободы (кадеты), как стоящая на левом фланге умеренных групп и поэтому имевшая больше всех точек соприкосновения с революционными партиями страны, была озабочена надвигающейся катастрофой больше всех». Опыт 1905 г. слишком внушительно говорил либералам, что победа рабочих и крестьян может оказаться не менее опасной для буржуазии, чем для монархии. Казалось бы, ход февральского восстания только подтверждал это предвидение. Как ни бесформенны были во многих отношениях политические идеи революционных масс в те дни, линия водораздела между трудящимися и буржуазией была во всяком случае проведена непримиримо.

Близкий к либеральным кругам приват-доцент Станкевич, друг, а не враг прогрессивного блока, следующими чертами характеризует настроение либеральных кругов на второй день после переворота, которого им не удалось предотвратить: «Официально торжествовали, славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя красными бантами и ходили под красными знаменами... Но в душе, в разговорах наедине ужасались, содрогались и чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем. Никогда не забудется фигура Родзянко, этого грузного барина и знатной персоны, когда, сохраняя величавое достоинство, но с застывшим на бледном лице выражением глубокого страдания и отчаяния, он проходил через толпы распоясанных солдат по коридорам Таврического дворца. Официально значилось — «солдаты пришли поддержать Думу в ее борьбе с правительством», а фактически Дума оказалась упраздненной с первых же дней.

И то же выражение было на лицах всех членов Временного комитета Думы и тех кругов, которые стояли около них. Говорят, представители прогрессивного блока плакали по домам в истерике от бессильного отчаяния». Это живое свидетельство ценнее всяких социологических изысканий насчет соотношения сил По собственному рассказу, Родзянко содрогался от бессильного возмущения при виде того, как неизвестные солдаты, неизвестно, по чьему распоряжению, производили аресты сановников старого режима и приводили их в Думу. Камергер оказывался чем-то вроде начальника тюрьмы по отношению к людям, с которыми у него, конечно, были расхождения, но которые все же оставались для него людьми своего круга. Пораженный «произволом», Родзянко пригласил арестованного Щегловитова [II] к себе в кабинет, но солдаты наотрез отказались выдать ему ненавистного сановника. «Когда я попробовал проявить свой авторитет,— рассказывает Родзянко,— солдаты сомкнулись вокруг своего пленника и с самым вызывающим, дерзким видом показали мне на свои винтовки, после чего без всяких обиняков Щегловитов был уведен неизвестно куда». Можно ли ярче подтвердить слова Станкевича о том, что полки, якобы пришедшие поддержать Думу, на самом деле упразднили ее?

Что власть была с первого часа в руках Совета, на этот счет думцы могли позволять себе меньше иллюзий, чем кто-либо иной. Депутат-октябрист Шидловский, один из руководителей прогрессивного блока, вспоминает: «Были захвачены Советом все почтовые и телеграфные учреждения, все петроградские станции железных дорог, все типографии, так что без его разрешения нельзя было ни послать телеграмму, ни выехать из Петрограда, ни напечатать воззвания». В эту недвусмысленную характеристику соотношения сил нужно только внести одно уточнение: «захват» Советом телеграфа, железных дорог, типографий и пр. означает лишь, что рабочие и служащие этих предприятий не хотели подчиняться никому, кроме Совета.

Жалоба Шидловского как нельзя лучше иллюстрируется эпизодом, происшедшим в самый разгар переговоров о власти между вождями Совета и Думы. Их совместное заседание было прервано срочным сообщением, что из Пскова, где находился царь после своих блужданий по железнодорожным путям, вызывают Родзянко к прямому проводу. Всемогущий председатель Думы зая-

вил, что один на телеграф не поедет. «Пусть господа рабочие и солдатские депутаты дадут мне охрану или поедут со мной, а то меня арестуют там, на телеграфе. Что ж! у вас сила и власть,— возбужденно продолжал он.— Вы, конечно, можете меня арестовать... Может быть, вы всех нас арестуете, мы не знаем!» Это происходило 1 марта, менее чем через двое суток после того, как власть была «взята» Временным комитетом, во главе которого стоял Родзянко.

Как же все-таки при таком положении либералы оказались у власти? Кто и как уполномочил их образовать правительство в результате революции, которой они страшились, которой они противодействовали, которую они пытались подавить, которая была совершена враждебными им массами, притом с такой решительностью и смелостью, что Совет рабочих и солдат, вышедший из восстания, явился естественным и представлялся всем неоспоримым хозяином положения?

Послушаем теперь другую сторону, ту, которая сдавала власть. «Народ не тяготел к Государственной думе,— пишет Суханов о февральских днях,— не интересовался ею и не думал — ни политически, ни технически — делать ее центром движения». Это признание тем более замечательно, что автор его приложит в ближайшие часы все силы для передачи власти Комитету Государственной думы. «Милюков отлично понимал,— говорит далее Суханов по поводу переговоров 1 марта,— что в полной власти Исполнительного комитета дать власть цензовому правительству или не дать ее». Можно ли выразиться категоричнее? Может ли политическая обстановка быть яснее? И тем не менее Суханов — в полном противоречии с обстановкой и с самим собою — тут же заявляет: «Власть, идущая на смену царизма, должна быть только буржуазной... На такое решение необходимо держать курс. Иначе переворот не удастся, и революция погибнет». Революция погибнет — без Родзянко!

Проблема живого соотношения социальных сил подменена здесь априорной схемой и условной терминологией: такова самая суть интеллигентского доктринерства. Но мы увидим дальше, что это доктринерство отнюдь не было платоническим: оно выполняло вполне реальную политическую функцию, хоть и с завязанными глазами.

Мы не случайно цитировали Суханова. В этот первый период вдохновителем Исполнительного комитета был не председатель его, Чхеидзе, честный и ограниченный

провинциал, но именно Суханов, наименее, вообще говоря, приспособленный для революционного руководства. Полународник-полумарксист больше добросовестный наблюдатель, чем политик, больше журналист, чем революционер, больше резонер, чем журналист, он был способен держаться революционной концепции лишь до тех пор, пока не нужно было претворять ее в дело. Пассивный интернационалист во время войны, он с первого дня революции решил, что нужно как можно скорее и власть и войну подкинуть буржуазии. Теоретически, то есть по крайней мере по потребности, если не по способности, связывать концы с концами, он был выше наличных тогда членов Исполнительного комитета. Но главную его силу составляло все же то, что он переводил на язык доктринерства органические черты этой разношерстной и все же однородной братии: неверие в свои силы, страх перед массой и высокомерно-почтительное отношение к буржуазии. Ленин назвал Суханова одним из лучших представителей мелкой буржуазии. И это самое лестное, что можно сказать о нем.

Не нужно только забывать при этом, что дело идет прежде всего о мелкой буржуазии нового, капиталистического типа, о промышленных, торговых и банковских служащих, о чиновниках капитала, с одной стороны, рабочей бюрократии — с другой, то есть о том и новом среднем сословии, во имя которого небезызвестный немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн [12] предпринял в конце прошлого века ревизию революционной концепции Маркса. Чтоб ответить на вопрос о том, как революция рабочих и крестьян сдала власть буржуазии, надо ввести в политическую цепь промежуточное звено: мелкобуржуазных демократов и социалистов типа Суханова, журналистов и политиков нового среднего сословия, которые учили массы, что буржуазия есть враг, а сами больше всего боялись выпустить массы из-под команды этого врага. Противоречие между характером революции и характером вышедшей из нее власти объясняется противоречивым характером нового мелкобуржуазного средостения между революционными массами и капиталистической буржуазией. В ходе дальнейших событий революции политическая роль мелкобуржуазной демократии нового типа раскроется перед нами до конца. Пока ограничимся немногими словами.

В восстании участвует непосредственно меньшинство революционного класса, причем силу этого меньшинства

составляет поддержка его или, по крайней мере, сочувствие к нему со стороны большинства. Активное и боевое меньшинство под огнем врага неизбежно выдвигает вперед наиболее революционные и самоотверженные свои элементы. Естественно, если в февральских боях на первом месте стояли рабочие-большевики. Но положение становится иным с момента победы, когда начинается ее политическое закрепление. К выборам в органы и учреждения победоносной революции призываются и притекают неизмеримо более широкие массы, чем те, которые сражались с оружием в руках. Это относится не только к общедемократическим органам, как городские думы и земства или позже — Учредительное собрание, но и к классовым, как Советы рабочих депутатов. Подавляющее большинство рабочих, меньшевиков, эсеров и беспартийных поддерживало большевиков в момент непосредственной схватки с царизмом. Но лишь маленькое меньшинство рабочих понимало, чем большевики отличаются от других социалистических партий. В то же время все рабочие проводили резкую грань между собой и буржуазией. Этим определилось политическое положение после победы. Рабочие выбирали социалистов, то есть тех, кто не только против монархии, но и против буржуазии. Они почти не делали при этом различия между тремя социалистическими партиями. А так как меньшевики и эсеры обладали неизмеримо большими кадрами интеллигенции, притекавшей к ним со всех сторон, и получили, таким образом, сразу в свои руки огромный штат агитаторов, то выборы, даже от фабрик и заводов, давали огромный перевес меньшевикам и эсерам.

В ту же сторону, но еще с неизмеримо большей силой давала пробудившаяся армия. На пятый день восстания Петроградский гарнизон пошел за рабочими. После победы он оказался призван к выборам в Советы. Солдаты доверчиво выбирали тех, кто был за революцию, против монархического офицерства, и кто умел об этом сказать вслух: это оказались вольноопределяющиеся, писаря, фельдшера, молодые офицеры военного времени из интеллигенции, мелкие военные чиновники, то есть низший слой того же «нового среднего сословия». Все они почти поголовно записывались, начиная с марта, в партию эсеров, которая своей идейной бесформенностью как нельзя лучше отвечала их промежуточному социальному положению и их политической ограниченности. Представительство гарнизона оказалось, таким образом,

несравненно умереннее и буржуазнее, чем солдатские массы. Но последние этого различия не сознавали: оно должно было еще только обнаружиться на опыте ближайших месяцев. Рабочие с своей стороны стремились примыкать как можно теснее к солдатам, чтоб закрепить завоеванный кровью союз и прочнее вооружить революцию. А так как от лица армии говорили преимущественно новоиспеченные эсеры, то это не могло не повышать авторитет этой партии — наряду с ее союзниками, меньшевиками — в глазах самих рабочих. Так сложилось преобладание в Советах двух соглашательских партий. Достаточно сказать, что даже в Совете Выборгского района руководящая роль в первое время принадлежала рабочим-меньшевикам. Большевизм в тот период еще только глухо клокотал в глубоких недрах революции. Официальные же большевики, даже в Петроградском Совете, представляли ничтожное меньшинство, которое к тому же не очень ясно определяло свои задачи.

Так сложился парадокс Февральской революции. Власть — в руках демократических социалистов. Она отнюдь не захвачена ими случайно, путем бланкистского удара, нет, она им вручена открыто победоносными массами народа [13]. Эти массы не только отказывают буржуазии в доверии и поддержке, но и не отделяют ее от дворянства и бюрократии. Свое оружие они предоставляют только в распоряжение Советов. Между тем единственной заботой социалистов, столь легко возглавивших Советы, является вопрос: согласится ли политически изолированная, ненавидимая массами и насквозь враждебная революции буржуазия принять власть из их рук? Ее согласия нужно добиться во что бы то ни стало, а так как очевидно, что буржуазия не может отказаться от буржуазной программы, то мы, «социалисты», должны отречься от нашей программы: промолчать о монархии, о войне, о земле, только бы буржуазия приняла дар власти. Совершая эту операцию, «социалисты», как бы в насмешку над собой, продолжают именовать буржуазию не иначе как классовым врагом. В обрядовых формах богослужения совершается, таким образом, акт вызывающего кощунства. Классовая борьба, доведенная до конца, есть борьба за государственную власть. Основное свойство революции в том, что она доводит классовую борьбу до конца. Революция и есть непосредственная борьба за власть. Между тем наши «социалисты» озабочены не тем, чтобы отнять власть у так называемого классового вра-

га, который ее не имеет и собственными силами взять не может, а, наоборот, тем, чтобы вручить ему власть во что бы то ни стало. Разве же это не парадокс? Он казался тем более поразительным, что опыта немецкой революции 1918 г.[14] тогда еще не существовало и человечество не было еще свидетелем грандиозной и гораздо более успешной операции того же типа, совершенного «новым средним сословием», руководящим германской социал-демократией.

Как объясняли свое поведение соглашатели? Один довод имел доктринерский характер: так как революция буржуазная, то социалисты не должны компрометировать себя властью — пусть буржуазия сама отвечает за себя. Это звучало очень непримиримо. В действительности же мнимой непримиримостью мелкая буржуазия маскировала свое раболепие перед силой богатства, образования, ценза. Право крупной буржуазии на власть мелкие буржуа признавали ее первородным правом, независимым от соотношения сил. В основе здесь было то же почти инстинктивное движение, которое заставляет мелкого купца или учителя почтительно посторониться на вокзале или в театре, чтоб дать пройти Ротшильду. Доктринерские аргументы служили только компенсацией за сознание собственного ничтожества. Уже через два месяца, когда выяснилось, что буржуазия собственными силами никак не удержит уступленной ей власти, соглашатели без труда отбросили свои «социалистические» предубеждения и вошли в коалиционное министерство. Не для того, чтобы вытеснить оттуда буржуазию, наоборот, чтобы спасти ее. Не вопреки ее воле, а, наоборот, по ее предложению, которое звучало как приказание: буржуазия угрожала демократам обрушить в противном случае власть им на голову.

Второй довод в пользу отказа от власти имел более практическую видимость, не будучи более серьезным по существу. Уже знакомый нам Суханов выдвигал на первый план «распыленность» демократической России: «В руках демократии тогда не было сколько-нибудь прочных и влиятельных организаций — ни партийных, ни профессиональных, ни муниципальных». Это звучит как насмешка! О Советах рабочих и солдатских депутатов не говорит тут ни слова социалист, выступающий от имени Советов. Между тем благодаря традиции 1905 г. Советы возникли как из-под земли и сразу стали несравненно могущественнее, чем все другие организации,

которые пытались позже соперничать с ними (муниципалитеты, кооперативы, отчасти профессиональные союзы). Что касается крестьянства, класса, распыленного по самой своей природе, то как раз благодаря войне и революции оно оказалось организовано, как никогда: война собрала крестьян в армию, а революция придала армии политический характер! Не меньше 8 миллионов крестьян были объединены в роты и эскадроны, которые сейчас же создали свое революционное представительство и через его посредство в любой момент могли быть поставлены на ноги по телефонному звонку. Это ли похоже на «распыленность»?

Можно, правда, сказать, что в момент решения вопроса о власти демократия не знала еще, как будет себя держать фронтовая армия. Не будем поднимать вопрос о том, было ли хоть малейшее основание опасаться или надеяться, что истомленные войною фронтовики захотят поддержать империалистическую буржуазию. Достаточно того, что весь этот вопрос полностью разрешился в течение ближайших двух-трех дней, которые у соглашателей и ушли как раз на подготовку за кулисами буржуазного правительства. «Переворот был благополучно завершен к 3 марта»,— признает Суханов. Несмотря на присоединение всей армии к Советам, вожди последних изо всей силы отталкивали власть: они тем больше боялись ее, чем полнее она сосредоточивалась в их руках.

Но почему же? Каким образом демократы, «социалисты», непосредственно опиравшиеся на такие человеческие массы, каких не знала за собой никакая демократия в истории, притом на массы со значительным опытом, дисциплинированные и вооруженные, организованные в Советы,— каким образом эта могущественная, несокрушимая, казалось бы, демократия могла бояться власти? Эта замысловатая на вид загадка объясняется тем, что демократия не доверяла своей собственной опоре, боялась самой массы, не верила в прочность ее доверия к себе и пуще всего страшилась «анархии», то есть того, что, взяв власть, она вместе с властью окажется игрушкой так называемых разнузданных стихий. Другими словами, демократия чувствовала себя не признанной руководительницей народа в момент его революционного подъема, а левым крылом буржуазного порядка, его щупальцем, протянутым в массы. Социалистической она называла и даже считала себя, чтоб замаскировать не только от масс, но и от самой себя свою действительную

роль: без такого самоопьянения она не могла бы выполнить ее. Так разрешается основной парадокс Февральской революции.

Вечером 1 марта в заседание Комитета Думы явились представители Исполнительного комитета: Чхеидзе, Стеклов [15], Суханов и другие, чтобы обсудить условия поддержки нового правительства Советами. Программа демократов начисто снимала вопросы о войне, республике, земле, 8-часовом рабочем дне и сводилась к одному-единственному требованию: дать левым партиям свободу агитации. Пример бескорыстия для народов и веков: социалисты, у которых в руках находилась вся власть и от которых полностью зависело давать или не давать свободу агитации другим, передавали власть своим «классовым врагам» с условием, чтобы эти последние пообещали им... свободу агитации. Родзянко боялся идти на телеграф и говорил Чхеидзе и Суханову: «Власть у вас, вы можете нас всех арестовать». Чхеидзе и Суханов отвечали ему: «Возьмите власть, но только не арестовывайте нас за пропаганду». Когда изучаешь переговоры соглашателей с либералами и все вообще эпизоды взаимоотношений левого и правого крыла Таврического дворца в те дни, то кажется, что на гигантской сцене, на которой развертывается историческая драма народа, группа провинциальных актеров, воспользовавшись свободным уголком и паузой, разыгрывает пошлый водевиль с переодеванием.

Вожди буржуазии, надо отдать им справедливость, не ожидали ничего подобного. Пожалуй, они меньше боялись бы революции, если б рассчитывали на такого рода политику со стороны ее вождей. Правда, они просчитались бы и в этом случае, но уже вместе с последними. Опасаясь все-таки, что буржуазия не согласится взять власть и на предложенных условиях, Суханов ставит грозный ультиматум: «Стихию можем сдержать или мы, или никто... Выход один: согласиться на наши условия». Другими словами, примите программу, которая есть ваша программа; за это мы обещаем вам укротить массу, которая дала нам власть. Бедные укротители стихий!

Милюков был удивлен. «Он и не думал скрывать,— вспоминает Суханов,— свое удовлетворение и свое приятное удивление». Когда же советские делегаты для пущей важности прибавили, что их условия «окончательны», Милюков даже расчувствовался и поощрил их фразой: «Да, и слушал вас, и думал о том, как далеко

вперед шагнуло наше рабочее движение со времени 1905 года...» Таким тоном благодушного крокодила гогенцоллернская дипломатия разговаривала в Брест-Литовске с делегатами Украинской Рады[16], воздавая должное их государственной зрелости, прежде чем проглотить их. Если советская демократия не была проглочена буржуазией, то в этом не заслуга Суханова и не вина Милюкова.

Буржуазия получила власть за спиной народа. Она не имела в трудящихся массах никакой опоры. Но вместе с властью она получила подобие опоры из вторых рук: меньшевики и эсеры, поднятые массой наверх, вручили уже от себя мандат доверия буржуазии. Если взглянуть на эту операцию в разрезе формальной демократии, то получится картина двухстепенных выборов, в которых меньшевики и эсеры выступают в технической роли среднего звена, то есть кадетских выборщиков. Если взять вопрос политически, то придется сказать, что соглашатели обманули доверие масс, призвав к власти тех, против кого сами были избраны. Наконец, с более глубокой, социальной точки зрения вопрос представится так: мелкобуржуазные партии, проявлявшие в будничных условиях чрезвычайную претенциозность и довольство собой, как только оказались подняты революцией на высоты власти, испугались собственной несостоятельности и поторопились передать руль представителям капитала. В этом акте прострации сразу обнаружилась ужасающая шаткость нового среднего сословия и его унизительная зависимость от крупной буржуазии. Сознавая или только чувствуя, что власть в их руках все равно долго удержаться не сможет, что придется вскоре сдавать ее направо или налево, демократы решили, что лучше сдать ее сегодня солидным либералам, чем завтра — крайним представителям пролетариата. Но и в таком освещении роль соглашателей, несмотря на свою социальную обусловленность, не перестает быть вероломной по отношению к массам.

Отдав свое доверие социалистам, рабочие и солдаты оказывались неожиданно для себя политически экспроприированными. Они недоумевали, тревожились, но не находили сразу выхода. Их собственные избранники оглушали их сверху аргументами, на которые они не имели готового ответа, но которые противоречили всем их чувствам и намерениям. Революционные тенденции масс уже в момент Февральского переворота совершенно не совпадали с соглашательскими тенденциями мелкобуржуазных

партий. Пролетарий и крестьянин голосовали за меньшевика и эсера не как за соглашателей, а как за противников царя, помещика и капиталиста. Но голосуя за них, они создали средостение между собой и своими целями. Они не могли теперь уже продвинуться вперед, не натолкнувшись на воздвигнутое ими же средостение и не опрокинув его. Таково было поразительное qui pro quo *, заложенное в классовых отношениях, как их вскрыла Февральская революция.

* * *

К основному парадоксу немедленно же присоединился дополнительный. Либералы соглашались взять власть из рук социалистов лишь при условии. что монархия согласится принять власть из их собственных рук.

В то время как Гучков [17] с уже знакомым нам монархистом Шульгиным ездили в Псков для спасения династии, проблема конституционной монархии оказалась в центре переговоров между двумя комитетами Таврического дворца. Милюков убеждал демократов, принесших ему на ладони власть, что Романовы теперь уже не могут быть спасены, что Николай, конечно, должен быть устранен, но зато царевич Алексей при регенте Михаиле вполне могли бы обеспечить благополучие страны: «Один — больной ребенок, а другой — совсем глупый человек». Прибавим еще характеристику, какую дал кандидату в цари либеральный монархист Шидловский: «Михаил Александрович всемерно уклонялся от вмешательства в какие бы то ни было дела государственные, всецело предавшись конскому спорту». Поразительная рекомендация, особенно если ее повторить перед массами. После бегства Людовика XVI [18] в Варенн Дантон [19] провозгласил в якобинском клубе, что, раз человек слабоумен, он не может быть королем. Русские либералы считали, наоборот, что слабоумие монарха служит лучшим украшением конституционного режима. Впрочем, это был непринужденный аргумент, рассчитанный на психологию левых простаков, но слишком все же грубый и для них. Широким кругам либеральных обывателей внушалось, что Михаил — «англоман», без уточнения, идет ли речь о ска́чках или о парламентаризме. А главное, необходим «привычный символ власти», иначе народ вообразит, что пришло безвластие.

* «одно вместо другого», путаница, недоразумение *(фр.)*. *Н. В.*

Демократы слушали, вежливо удивлялись и уготовали... провозгласить республику? Нет, только не предрешать вопроса. Пункт третий условий Исполнительного комитета гласил: «Временное правительство не должно предпринимать никаких шагов, предрешающих будущую форму правления». Милюков сделал из вопроса о монархии ультиматум Демократы были в отчаянии. Но тут на помощь пришли массы. На митингах Таврического дворца решительно никто — не только рабочие, но и солдаты — не хотел царя, и не было никаких средств навязать его. Тем не менее Милюков пытался плыть против течения и спасать трон и династию через головы левых союзников. В своей истории революции он сам осторожно отмечает, что к концу 2 марта волнение, вызванное его сообщением о регентстве Михаила, «значительно усилилось». Родзянко гораздо красочнее рисует эффект, который монархические маневры либералов вызывали в массах. Едва прибыв из Пскова с актом отречения Николая в пользу Михаила, Гучков по требованию рабочих отправился с вокзала в железнодорожные мастерские, изложил, что произошло, и, огласив акт отречения, закончил: «Да здравствует император Михаил!» Результат получился неожиданный. Оратор был, по рассказу Родзянко, немедленно рабочими арестован, будто бы даже с угрозами расстрела. «С большим трудом удалось освободить его при помощи дежурной роты ближайшего полка». Родзянко, как всегда, кое в чем преувеличивает, но основное изложено им правильно. Страну так радикально вырвало монархией, что она никак не могла снова пролезть народу в глотку. Революционные массы не допускали и мысли о новом царе!

Перед лицом такой конъюнктуры члены Временного комитета один за другим отодвигались от Михаила — не окончательно, а «до Учредительного собрания»: там видно будет. Только Милюков и Гучков стояли за монархию до конца и по-прежнему ставили в зависимость от этого свое участие в кабинете. Как быть? Демократы считали, что без Милюкова нельзя составить буржуазное правительство, а без буржуазного правительства нельзя спасти революцию. Пререкания и уговаривания шли без конца. В утреннем совещании 3 марта мнение о необходимости «убедить великого князя отречься» — его, следовательно, считали царем! — как будто совсем победило во Временном комитете. Левый кадет Некрасов успел составить и проект отречения... Но так как Милюков упорно не сда-

вался, то после новых страстных споров было наконец найдено решение: «Обе стороны мотивируют перед великим князем свои мнения и, не входя в дальнейшие прения, предоставят решение самому великому князю». Таким образом, «совсем глупый человек, которому низложенный восстанием старший брат, в противоречии даже с династическим статутом, пытался подкинуть трон, оказался неожиданно суперарбитром в вопросе о государственном устройстве революционной страны. Как это ни невероятно, но состязательный процесс о судьбах государства состоялся. Чтоб побудить великого князя оторваться от конюшен для трона, Милюков заверил его, что имеется полная возможность вне Петрограда собрать военную силу для защиты его прав. Другими словами, едва успев получить власть из рук социалистов, Милюков выдвинул план монархического coup d'état *. По окончании речей «за» и «против», которых было немало, великий князь попросил время на размышление. Пригласив к себе в другую комнату Родзянко, Михаил спросил его в упор: гарантируют ли ему новые властители только корону или также и голову? Несравненный камергер ответил, что может лишь обещать монарху умереть — в случае нужды — с ним вместе. Это претендента совершенно не устраивало. Выйдя после объятий с Родзянко к ожидавшим его депутатам, Михаил Романов «довольно твердо» заявил, что отказывается от предложенной ему высокой, но рискованной должности. Тогда Керенский, олицетворявший в этих переговорах совесть демократии, восторженно привскочил со стула со словами: «Ваше высочество, вы — благородный человек!» — и поклялся, что отныне будет всюду заявлять это. «Пафос Керенского,— сухо комментирует Милюков,— плохо гармонировал с прозой принятого решения». Нельзя не согласиться, для пафоса текст этой интермедии действительно не оставлял места. Сделанное выше сравнение с водевилем в углу античной арены приходится дополнить указанием на то, что сцена оказалась разделена ширмами на две половины: в одной революционеры упрашивали либералов спасти революцию, в другой либералы умоляли монархию спасти либерализм.

Представители Исполнительного комитета искренно недоумевали, почему такой просвещенный и дальновидный человек, как Милюков, упрямится из-за какой-то там

---

* — государственный переворот *(фр.)*. *Н. В.*

монархии и даже готов отказаться от власти, если ему в придачу к ней не дадут Романова. Монархизм Милюкова не был, однако, ни доктринерским, ни романтическим, наоборот, он вытекал из обнаженного расчета перепуганных собственников. В его обнаженности и состояла его безнадежная слабость. Историк Милюкова мог, правда, сослаться на то, что вождь французской революционной буржуазии Мирабо[20] также стремился в свое время примирить революцию с королем. В основе и там был страх собственников за собственность: осторожнее было прикрыть ее монархией, как монархия прикрывала себя церковью. Но в 1789 г. традиция королевской власти во Франции имела еще всенародное признание, не говоря о том, что вся окружающая Европа была монархической. Держась за короля, французская буржуазия оставалась еще на общей почве с народом, по крайней мере в том смысле, что пользовалась против него его же предрассудками. Совсем иным было положение в России в 1917 г. Помимо крушений и аварий монархического режима в разных странах мира, сама русская монархия была непоправимо надломлена уже в 1905 г. После 9 января поп Гапон[21] проклял царя и его «змеиное отродье». Совет рабочих депутатов 1905 г. стоял открыто на почве республики. Монархические чувства крестьянства, на которые сама монархия долго рассчитывала и ссылкой на которые буржуазия прикрывала свой монархизм, оказались попросту несуществующими. Поднимавшаяся в дальнейшем воинственная контрреволюция, начиная с Корнилова, хоть и лицемерно, но тем более демонстративно отрекалась от царской власти: так мало оставалось монархических корней в народе. Но та же революция 1905 г., которая смертельно ранила монархию, навсегда подорвала неустойчивые республиканские тенденции «передовой» буржуазии. Противореча друг другу, эти два процесса дополняли друг друга. Чувствуя себя с первых часов Февральской революции утопающей, буржуазия хваталась за соломинку. Монархия ей нужна была не потому, что это было ее общее верование с народом; наоборот, буржуазия не могла уже ничего противопоставить верованиям народа, кроме коронованного фантома. «Образованные» классы России выступили на арене революции не как глашатаи рационального государства, а как защитники средневековых учреждений. Не имея опоры ни в народе, ни в себе самих, они искали ее над собой. Архимед брался перевернуть Землю, если ему дадут точку

опоры. Милюков, наоборот, искал точку опоры, чтоб охранить помещичью землю от переворота. Он чувствовал себя при этом гораздо ближе с наиболее заскорузлыми царскими генералами и иерархами православной церкви, чем с теми ручными демократами, которые ни о чем так не заботились, как о благорасположении либералов. Не будучи в силах сломить революцию, Милюков твердо решил перехитрить ее. Он готов был проглотить многое: гражданские свободы для солдат, демократические муниципалитеты, Учредительное собрание, но при одном условии: чтоб ему была предоставлена архимедова точка — в виде монархии. Он рассчитывал постепенно и шаг за шагом сделать монархию осью группировки генералитета, подновленной бюрократии, князей церкви, собственников, всех недовольных революцией и, начав с «символа», создавать постепенно реальную монархическую узду на массы, по мере того как последние будут уставать от революции. Только бы выиграть время! Другой руководитель кадетской партии, Набоков[22], объяснил позже, какое капитальное преимущество было бы достигнуто при согласии Михаила на трон: «Устранен был бы роковой вопрос о созыве Учредительного собрания во время войны». Эти слова надо запомнить: борьба из-за сроков Учредительного собрания занимала между Февралем и Октябрем большое место, причем кадеты категорически отрицали свое намерение оттянуть созыв народного представительства, очень настойчиво и упорно проводя политику проволочек на деле. Увы, им приходилось при этом опираться только на себя: монархического прикрытия они так-таки и не получили. После дезертирства Михаила Милюков не мог уже хвататься и за соломинку [...]

Оторванная от народа, связанная гораздо теснее с иностранным финансовым капиталом, чем с трудящимися массами собственной страны, враждебная революции, которая одержала победу, запоздалая русская буржуазия не могла от собственного имени найти ни одного довода в пользу своих претензий на власть [...]

БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕНИН

3 апреля в Петроград прибыл из эмиграции Ленин. Только с этого момента большевистская партия начинает говорить полным голосом и, что еще важнее, своим собственным.

Первый месяц революции был для большевизма временем растерянности и шатаний. В манифесте Центрального Комитета большевиков, составлявшемся сейчас же после победы восстания, говорилось, что «рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство». Манифест был напечатан в официальном органе Совета без комментариев и возражений, точно речь шла об академическом вопросе. Но и руководящие большевики придавали своему лозунгу чисто демонстративное значение. Они действовали не как представители пролетарской партии, которая готовится открыть самостоятельную борьбу за власть, а как левое крыло демократии, которое, провозглашая свои принципы, собирается в течение неопределенно долгого времени играть роль лояльной оппозиции.

Суханов утверждает, что на заседании Исполнительного комитета 1 марта в центре обсуждения стояли лишь условия передачи власти: против самого факта образования буржуазного правительства не было поднято ни одного голоса, несмотря на то что в Исполнительном комитете числилось из 39 членов 11 большевиков и примыкающих к ним, причем три члена центра, Залуцкий [23], Шляпников и Молотов [24], присутствовали на заседании.

На другой день в Совете, по рассказу самого Шляпникова, из присутствовавших четырех сотен депутатов против передачи власти буржуазии голосовало всего 19 человек, тогда как в большевистской фракции числилось уже человек сорок. Самое это голосование прошло совершенно незаметно, в формально-парламентском порядке, без ясных контрпредложений со стороны большевиков, без борьбы и без какой бы то ни было агитации в большевистской печати.

4 марта Бюро ЦК приняло резолюцию о контрреволюционном характере Временного правительства и о необходимости держать курс на демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Петроградский комитет, не без основания признавший эту резолюцию академической, так как она совершенно не указывала, что делать сегодня, подошел к проблеме с противоположного конца. «Считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой Советом», он заявил, что «не противодействует власти Временного правительства, постольку, поскольку...» По существу, это была позиция меньшевиков

и эсеров, только отодвинутая на вторую линию окопов. Открыто оппортунистическая резолюция Петроградского комитета лишь по форме противоречила позиции ЦК, академичность которой означала не что иное, как политическое примирение со свершившимся фактом.

Готовность молча или с оговоркой склониться перед правительством буржуазии отнюдь не встречала безраздельного сочувствия в партии. Большевики-рабочие сразу натолкнулись на Временное правительство, как на враждебное укрепление, неожиданно выросшее на их пути. Выборгский комитет проводил тысячные митинги рабочих и солдат, почти единогласно принимавшие резолюцию о необходимости взятия власти Советом [...]

В вопросе о социальном содержании революции и перспективах ее развития позиция большевистского руководства была не менее смутной. Шляпников рассказывает: «Мы соглашались с меньшевиками в том, что переживаем момент революционной ломки феодальных крепостнических отношений, что на смену им идут всяческие «свободы», свойственные буржуазным отношениям». «Правда» писала в первом своем номере: «Основной задачей является... введение демократического республиканского строя». В наказе рабочим депутатам Московский комитет заявлял: «Пролетариат стремится достигнуть свободы для борьбы за социализм — свою конечную цель». Традиционная ссылка на «конечную цель» достаточно подчеркивает историческую дистанцию по отношению к социализму. Дальше этого не шел никто. Опасение перейти за пределы демократической революции диктовало политику выжидания, приспособления и фактического отступления перед соглашателями.

Как тяжко политическая бесхарактерность центра отражалась на провинции, нетрудно понять. Ограничимся свидетельством одного из руководителей Саратовской организации: «Наша партия, принимавшая активное участие в восстании, по-видимому, упустила влияние на массу, и оно было перехвачено меньшевиками и эсерами. Каковы лозунги большевиков, никто не знал... Картина была очень неприятная».

Левые большевики, прежде всего рабочие, изо всех сил стремились прорвать карантин. Но и они не знали, как парировать доводы о буржуазном характере революции и опасностях изоляции пролетариата. Скрепя сердце они подчинялись директивам руководства. Различные

течения в большевизме с первого дня довольно резко сталкивались друг с другом, но ни одно из них не доводило своих мыслей до конца[25]. «Правда» отражала это смутное и неустойчивое состояние идей партии, не внося в него никакого единства. Положение еще более осложнилось к середине марта, после прибытия из ссылки Каменева и Сталина[26], которые круто повернули руль официальной партийной политики вправо.

Большевик почти с самого возникновения большевизма, Каменев всегда стоял на правом фланге партии. Не лишенный теоретической подготовки и политического чутья, с большим опытом фракционной борьбы в России и запасом политических наблюдений на Западе, Каменев лучше многих других большевиков схватывал общие идеи Ленина, но только для того, чтоб на практике давать им как можно более мирное истолкование. Ни самостоятельности решения, ни инициативы действия от него ждать было нельзя. Выдающийся пропагандист, оратор, журналист, не блестящий, но вдумчивый, Каменев был особенно ценен при переговорах с другими партиями и для разведки в других общественных кругах, причем из таких экскурсий он всегда приносил в себе частицу чуждых партии настроений. Эти черты Каменева были настолько явны, что никто почти не ошибался насчет его политической фигуры. Суханов отмечает в нем отсутствие «острых углов»: его «всегда необходимо взять на буксир, и если он иногда упрётся, то несильно». В таком же духе пишет и Станкевич: отношения Каменева к противникам «были так мягки, что, казалось, он сам стыдился непримиримости своей позиции: в Комитете он был, несомненно, не врагом, а только оппозицией». К этому почти нечего прибавить.

Сталин представлял совершенно иной тип большевика — и по своему психическому складу, и по характеру своей партийной работы: крепкого, теоретически и политически примитивного организатора. Если Каменев (в качестве публициста) в течение ряда лет оставался с Лениным в эмиграции, где находился очаг теоретической работы партии, то Сталин — в качестве так называемого практика, без теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков — был неотделим от русской почвы. Такие работники появлялись за границей только наездами, чтоб получить инструкции, сговориться насчет дальнейших задач и вернуться снова в Россию[27]. Сталин выдвинулся среди

практиков энергией, упорством и изобретательностью в закулисных ходах. Если Каменев, по свойствам своей натуры, «стеснялся» практических выводов большевизма, то Сталин, наоборот, склонен был отстаивать усвоенные им практические выводы без всякого смягчения, сочетая настойчивость с грубостью.

Несмотря на противоположность характеров, Каменев и Сталин не случайно заняли в начале революции общую позицию: они дополняли друг друга. Революционная концепция без революционной воли то же, что часы со сломанной пружиной: политическая стрелка Каменева всегда отставала от революционных задач. Но отсутствие широкой политической концепции обрекает и самого волевого политика на нерешительность при наступлении больших и сложных событий. Эмпирик Сталин открыт чужим влияниям не со стороны воли, а со стороны мысли. Так публицист без решимости и организатор без кругозора довели в марте свой большевизм до самой грани меньшевизма. Сталин оказался при этом еще менее Каменева способен развернуть самостоятельную позицию в Исполнительном комитете, куда он вступил как представитель партии. Не осталось в протоколах или в печати ни одного предложения, заявления, протеста, в которых Сталин выражал бы большевистскую точку зрения в противовес пресмыкательству «демократии» перед либерализмом. Суханов говорит в своих «записках»: «У большевиков в это время кроме Каменева появился в Исполнительном комитете Сталин... За время своей скромной деятельности в Исполнительном комитете (он) производил — не на одного меня — впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать». Если Суханов явно недооценивает Сталина в целом, то он правильно характеризует его политическую безличность в соглашательском Исполкоме.

14 марта манифест «К народам всего мира», истолковывавший победу Февральской революции в интересах Антанты и означавший торжество нового, республиканского социал-патриотизма французской марки, принят был в Совете единогласно. Это означало несомненный успех Каменева — Сталина, достигнутый, видимо, без большой борьбы. «Правда» писала о нем как о «сознательном компромиссе между различными течениями, представленными в Совете». Следовало бы прибавить, что компромисс означал прямой разрыв с течением

Ленина, которое в Совете вовсе не оказалось представлено.

Член заграничной редакции Центрального органа Каменев, член Центрального Комитета Сталин и депутат Думы Муранов[28], также вернувшийся из Сибири, отстранили старую, слишком «левую» редакцию «Правды» и, опираясь на свои проблематические права, взяли с 15 марта газету в свои руки. В программной статье новой редакции заявлялось, что большевики будут решительно поддерживать Временное правительство, «поскольку оно борется с реакцией или контрреволюцией». По вопросу о войне новые руководители высказывались не менее категорически: пока германская армия повинуется своему императору, русский солдат должен «стойко стоять на своем посту, на пулю отвечать пулей и на снаряд — снарядом». «Не бессодержательное «долой войну» — наш лозунг. Наш лозунг — давление на Временное правительство с целью заставить его... выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров... А до тех пор каждый остается на своем боевом посту!» Идеи, как и формулировки, насквозь оборонческие. Программа давления на империалистическое правительство с целью «склонить» его к миролюбивому образу действий была программой Каутского в Германии, Жана Лонгэ[29] во Франции, Макдональда[30] в Англии, никак не программой Ленина, который звал к низвержению империалистического господства. Обороняясь от патриотической печати, «Правда» заходила еще далее: «Всякое «пораженчество»,— писала она,— а вернее, то, что неразборчивая печать под охраной царской цензуры клеймила этим именем, умерло в тот момент, когда на улицах Петрограда показался первый революционный полк». Это было прямым отмежеванием от Ленина. «Пораженчество» вовсе не было изобретено враждебной печатью под охраной цензуры, оно было дано Лениным в формуле: «Поражение России — меньшее зло». Появление первого революционного полка и даже низвержение монархии не меняли империалистического характера войны. «День выхода первого номера преобразованной «Правды», 15 марта,— рассказывает Шляпников,— был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, от дельцов Комитета Государственной думы до самого сердца революционной демократии — Исполнительного комитета,— был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними. В самом

Исполнительном комитете нас встретили ядовитыми улыбками... Когда этот номер «Правды» был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам и язвительное удовольствие у наших противников... Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что «Правда» была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями «Правды», то потребовали исключения их из партии».

«Правде» пришлось вскоре напечатать резкий протест выборжцев: «Если она (газета) не хочет потерять веру в рабочих квартала, (она) должна и будет нести свет революционного сознания, как бы он ни был резок для буржуазных сов». Протесты снизу побудили редакцию стать осторожнее в выражениях, но не изменить политику. Даже первая статья Ленина, успевшая прибыть из-за границы, прошла мимо сознания редакции. Курс шел направо по всей линии. «В нашей агитации,—рассказывает Дингельштедт, представитель левого крыла,— нам пришлось считаться с принципом двоевластия... и доказывать неизбежность этого окольного пути той самой рабоче-солдатской массе, которая в течение полумесяца интенсивной политической жизни воспитывалась на совсем другом понимании своих задач».

Политика партии во всей стране, естественно, равнялась по «Правде». Во многих Советах резолюции по основным вопросам принимались теперь единогласно: большевики попросту склонялись перед советским большинством. На конференции Советов Московской области большевики присоединились к резолюции социал-патриотов о войне. Наконец, на происходившем в Петрограде Всероссийском совещании представителей 82 Советов, в конце марта и начале апреля, большевики голосовали за официальную резолюцию о власти, которую защищал Дан [31]. Это чрезвычайное политическое приближение к меньшевикам лежало в основе широко развившихся объединительных тенденций. В провинции большевики и меньшевики входили в объединенные организации. Фракция Каменева — Сталина все больше превращалась в левый фланг так называемой революционной демократии и приобщалась к механике парламентарно-закулисного «давления» на буржуазию, дополняя его закулисным давлением на демократию [...]

ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ ПАРТИИ

Чем же объясняется исключительная изолированность Ленина в начале апреля? Как могло вообще сложиться такое положение? И как достигнуто было перевооружение кадров большевизма?

С 1905 г. большевистская партия вела борьбу против самодержавия под лозунгом «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Лозунг, как и его теоретическое обоснование, исходили от Ленина. В противовес меньшевикам, теоретик которых, Плеханов, непримиримо боролся против «ошибочной мысли о возможности совершить буржуазную революцию без буржуазии»[32], Ленин считал, что русская буржуазия уже не способна руководить своей собственной революцией. Довести демократическую революцию против монархии и помещиков до конца могли только пролетариат и крестьянство в тесном союзе. Победа этого союза должна была, по Ленину, установить демократическую диктатуру, которая не только не отождествлялась с диктатурой пролетариата, но, наоборот, противопоставлялась ей, ибо задачею ставилось не установление социалистического общества, даже не создание переходных форм к нему, а лишь беспощадная чистка авгиевых конюшен средневековья. Цель революционной борьбы вполне точно определялась тремя боевыми лозунгами — демократическая республика, конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день,— которые в просторечии называли тремя китами большевизма[33], по аналогии с теми китами, на которых, по старому народному поверью, держится земля.

Вопрос об осуществимости демократической диктатуры пролетариата и крестьянства разрешался в зависимости от вопроса о способности крестьянства совершить свою собственную революцию, то есть выдвинуть новую власть, способную ликвидировать монархию и дворянское землевладение. Правда, лозунг демократической диктатуры предполагал участие в революционном правительстве также и рабочих представителей. Но участие это заранее ограничивалось ролью пролетариата как левого союзника при разрешении задач крестьянской революции[34]. Популярная и даже официально признанная идея гегемонии пролетариата в демократической революции не могла, следовательно, означать ничего, кроме того, что рабочая партия поможет крестьянам политическим оружием из своих арсеналов, подскажет им

наилучшие способы и методы ликвидации феодального общества и покажет, как применять их на деле. Во всяком случае, речи о руководящей роли пролетариата в буржуазной революции отнюдь не означали, что пролетариат использует крестьянское восстание для того, чтобы, опираясь на него, поставить в порядок дня свои собственные исторические задачи, то есть прямой переход к социалистическому обществу. Гегемония пролетариата в демократической революции резко отличалась от диктатуры пролетариата и полемически противопоставлялась ей. На этих идеях большевистская партия воспитывалась с весны 1905 г.[35]

Действительный ход Февральского переворота нарушил привычную схему большевизма[36]. Правда, революция была совершена союзом рабочих и крестьян. То, что крестьяне выступали главным образом в виде солдат, не меняло дела. Поведение крестьянской армии царизма имело бы решающее значение и в том случае, если бы революция развернулась в мирное время. Тем более естественно, если в условиях войны многомиллионная армия на первых порах совершенно заслонила собой крестьянство. После победы восстания рабочие и солдаты оказались хозяевами положения. В этом смысле можно было бы, казалось, сказать, что установилась демократическая диктатура рабочих и крестьян. Между тем на самом деле Февральский переворот привел к буржуазному правительству, причем власть имущих классов ограничивалась не доведенной до конца властью рабочих и солдатских Советов. Все карты оказались смешаны. Вместо революционной диктатуры, то есть самой концентрированной власти, установился расхлябанный режим двоевластия, где скудная энергия правящих кругов бесплодно расходовалась на преодоление внутренних трений. Этого режима никто не предвидел. Да и нельзя требовать от прогноза, чтоб он указывал не только основные тенденции развития, но и их эпизодические сочетания. «Кто когда-либо мог делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца? — спрашивал Ленин позже.— Откуда можно взять такое знание? Оно не почерпывается из книг. Таких книг нет. Только из опыта масс могло родиться наше решение».

Но человеческое мышление консервативно, а мышление революционеров — подчас особенно. Большевистские кадры в России продолжали держаться за старую схему и восприняли Февральскую революцию, несмотря на то

что она явно заключала в себе два несовместимых режима, лишь как первый этап буржуазной революции. В конце марта Рыков посылал из Сибири в «Правду» от имени социал-демократов приветственную телеграмму по поводу победы «национальной революции», задача которой — «завоевание политической свободы». Все руководящие большевики, без изъятия — мы не знаем ни одного,— считали, что демократическая диктатура еще впереди. После того как Временное правительство буржуазии «исчерпает себя», установится демократическая диктатура рабочих и крестьян, как преддверие буржуазно-парламентарного строя. Это была совершенно ошибочная перспектива. Режим, вышедший из Февральского переворота, не только не подготовлял собой демократической диктатуры, но явился живым и исчерпывающим доказательством того, что она вообще невозможна. Что соглашательская демократия не случайно, не по легкомыслию Керенского и ограниченности Чхеидзе, передала власть либералам, она доказала тем, что в течение восьми дальнейших месяцев изо всех сил боролась за сохранение буржуазного правительства, подавляла рабочих, крестьян, солдат и пала 25 октября на посту союзницы и защитницы буржуазии. Но и с самого начала было ясно, что если демократия, имевшая перед собой гигантские задачи и неограниченную поддержку масс, добровольно отказалась от власти, то это вызывалось не политическими принципами или предрассудками, а безнадежностью положения мелкой буржуазии в капиталистическом обществе, особенно в период войны и революции, когда решаются основные вопросы существования стран, народов и классов. Вручая Милюкову скипетр, мелкая буржуазия говорила: нет, эти задачи мне не по плечу.

Крестьянство, поднявшее на себе соглашательскую демократию, заключает в себе в первичной форме все классы буржуазного общества. Вместе с городской мелкой буржуазией, которая в России никогда, однако, не играла серьезной роли, оно является той протоплазмой, из которой новые классы дифференцировались в прошлом и продолжают дифференцироваться в настоящем. У крестьянства всегда два лица: одно обращено к пролетариату, другое к буржуазии. Промежуточная, посредническая, соглашательская позиция «крестьянских партий, вроде партии эсеров, может держаться только в условиях относительного политического застоя; в революционную эпоху неизбежно наступает момент, когда мелкой буржуазии

приходится выбирать. Эсеры и меньшевики выбор свой сделали с первого часа. Они ликвидировали в зародыше «демократическую диктатуру», чтобы помешать ей стать мостом к диктатуре пролетариата. Но этим-то они и открыли дорогу последней, только с другого конца: не через них, а против них.

Дальнейшее развитие революции могло исходить, очевидно, из новых фактов, а не из старых схем. Через свое представительство массы — наполовину против своей воли, наполовину помимо своего сознания — были втянуты в механику двоевластия. Они должны были отныне пройти через нее, чтобы убедиться на опыте, что она не может дать им ни мира, ни земли. Отшатнуться от режима двоевластия означает отныне для масс порвать с эсерами и меньшевиками. Но совершенно очевидно, что политический поворот рабочих и солдат в сторону большевиков, опрокидывая всю постройку двоевластия, не мог уже более означать ничего иного, как установление диктатуры пролетариата, опирающейся на союз рабочих и крестьян. В случае поражения народных масс на развалинах большевистской партии могла установиться лишь военная диктатура капитала. «Демократическая диктатура» была в обоих случаях исключена. Направляя к ней взоры, большевики поворачивались фактически лицом к призраку прошлого. В таком виде их и застал Ленин, прибывший с непреклонным намерением вывести партию на новую дорогу.

Формулы «демократической диктатуры» сам Ленин, правда, не сменял на иную, даже условно, даже гипотетически, до самого начала Февральской революции. Правильно ли это было? Мы думаем, что нет. То, что происходило в партии после переворота, слишком грозно обнаруживало запоздалость перевооружения, которое к тому же при данных условиях мог произвести один лишь Ленин. Он к этому готовился. Свою сталь он добела нагревал и перековывал в огне войны. Изменилась в его глазах общая перспектива исторического процесса. Потрясения войны резко приближали возможные сроки социалистической революции на Западе. Оставаясь (для Ленина) все еще демократической, русская революция должна была дать толчок социалистическому перевороту в Европе, который затем должен был вовлечь и отсталую Россию в свой водоворот [37]. Такова была общая концепция Ленина, когда он покидал Цюрих. Уже цитированное нами «Письмо к швейцарским рабочим» гласит:

«Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней»[38]. В этом смысле Ленин впервые писал теперь, что русский пролетариат начнет социалистическую революцию.

Таково было соединительное звено между старой позицией большевизма, которая ограничивала революцию демократическими целями, и новой позицией, которую Ленин впервые представил партии в своих тезисах 4 апреля. Перспектива непосредственного перехода к диктатуре пролетариата казалась совершенно неожиданной, противоречащей традиции, наконец, попросту не укладывалась в голову. Здесь необходимо напомнить, что до самого взрыва Февральской революции и в первое время после него троцкизмом называли не мысль о том, что в национальных границах России нельзя построить социалистическое общество (мысль о такой «возможности» вообще никем не высказывалась до 1924 г. и вряд ли кому-либо приходила в голову)[39],— троцкизмом называлась мысль о том, что пролетариат России может оказаться у власти раньше, чем западный пролетариат, и что в этом случае он не сможет удержаться в рамках демократической диктатуры, а должен будет приступить к первым социалистическим мероприятиям. Немудрено, если Апрельские тезисы Ленина осуждались как троцкистские.

Возражения «старых большевиков» развертывались по нескольким линиям. Главный спор шел вокруг вопроса, закончилась ли буржуазно-демократическая революция. Так как аграрный переворот еще не совершился, то противники Ленина с полным правом утверждали, что демократическая революция не доведена до конца, а значит, заключали они, нет и места для диктатуры пролетариата, даже если бы социальные условия России вообще допускали ее в более или менее близком времени. Именно так ставила вопрос редакция «Правды» в приведенной уже нами цитате. Позже, на Апрельской конференции, Каменев повторял: «Не прав Ленин, когда говорит, что буржуазно-демократическая революция за-

кончилась... Классический остаток феодализма — помещичье землевладение — еще не ликвидирован... Государство не преобразовано в демократическое общество... Рано говорить, что буржуазная демократия исчерпала все свои возможности».

«Демократическая диктатура,— возражал Томский,— вот наше основание... Мы должны организовать власть пролетариата и крестьянства и должны ее отделить от коммуны, так как там власть только пролетариата».

«Перед нами стоят громадные революционные задачи,— вторил им Рыков.— Но осуществление этих задач еще не выводит нас из рамок буржуазного строя» [40].

Ленин видел, конечно, не хуже своих оппонентов, что демократическая революция не закончилась, вернее, что, едва начавшись, она уже стала откатываться назад. Но именно отсюда и вытекало, что довести ее до конца возможно лишь при господстве нового класса, а прийти к этому нельзя иначе, как вырвав массы из-под влияния меньшевиков и эсеров, то есть из-под косвенного влияния либеральной буржуазии. Связь этих партий с рабочими и особенно солдатами питалась идеей обороны — «обороны страны» или «обороны революции». Ленин требовал поэтому непримиримой политики по отношению ко всем оттенкам социал-патриотизма. Отколоть партию от отсталых масс, чтоб затем освободить эти массы от их отсталости. «Старый большевизм должен быть оставлен,— повторял он.— Необходимо разделение линии мелкой буржуазии и наемного пролетариата».

На поверхностный взгляд могло казаться, что исконные противники поменялись оружием. Меньшевики и эсеры представляли теперь большинство рабочих и солдат, как бы осуществляя на деле политический союз пролетариата и крестьянства, всегда проповедовавшийся большевиками против меньшевиков. Ленин же требовал, чтоб пролетарский авангард оторвался от этого союза. На самом деле каждая из сторон оставалась верна себе. Меньшевики, как и всегда, видели свою миссию в поддержке либеральной буржуазии. Союз их с эсерами был только средством для расширения и укрепления этой поддержки. Наоборот, разрыв пролетарского авангарда с мелкобуржуазным блоком означал подготовку союза рабочих и крестьян под руководством большевистской партии, то есть диктатуры пролетариата.

Возражения другого порядка исходили из отсталости России. Власть рабочего класса неизбежно означает

переход к социализму. Но экономика и культура России не созрели для этого. Мы должны довести до конца демократическую революцию. Только социалистическая революция на Западе может оправдать у нас диктатуру пролетариата. Таковы были возражения Рыкова на Апрельской конференции. Что культурно-экономические условия России сами по себе недостаточны для построения социалистического общества, это было для Ленина азбукой. Но общество вовсе не устроено так рационально, что сроки для диктатуры пролетариата наступают как раз в тот момент, когда экономические и культурные условия созрели для социализма. Если б человечество развивалось так планомерно, не было бы надобности в диктатуре, как и в революциях вообще. Все дело в том, что живое историческое общество дисгармонично насквозь, и тем более, чем запоздалее его развитие. Выражением этой дисгармонии и является тот факт, что в отсталой стране, как Россия, буржуазия успела загнить до полной победы буржуазного режима и что заменить ее в качестве руководителя нации некому, кроме пролетариата. Экономическая отсталость России не избавляет рабочий класс от обязанности выполнить выпавшую на него задачу, а лишь обставляет это выполнение чрезвычайными трудностями. Рыкову, повторявшему, что социализм должен прийти из стран с более развитой промышленностью, Ленин давал простой, но достаточный ответ: «Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит» [41].

* * *

В 1921 г., когда партия, еще далекая от бюрократического окостенения, с такой же свободой оценивала свое прошлое, как и подготовляла свое будущее, один из старейших большевиков, Ольминский [42], принимавший руководящее участие в партийной печати на всех этапах ее развития, задавался вопросом, чем объясняется тот факт, что партия оказалась в момент Февральской революции на оппортунистическом пути? И что позволило ей затем так круто свернуть на октябрьскую дорогу? Источник мартовских блужданий названный автор вполне правильно видит в том факте, что партия «передержала» курс на демократическую диктатуру. «Предстоящая революция может быть только революцией буржуазной... Это было,— говорит Ольминский,— обязательное для каждого члена партии суждение, официальное мнение партии, постоянный и неизменный лозунг, вплоть до

Февральской революции 1917 г. и даже некоторое время после нее». Для иллюстрации Ольминский мог бы сослаться на то, что «Правда», еще до Сталина и Каменева, то есть при «левой» редакции, включавшей самого Ольминского, писала (7 марта) как о чем-то само собой разумеющемся: «Конечно, у нас еще не идет вопрос о падении господства капитала, а только о падении господства самодержавия и феодализма»... Из слишком короткого прицела и вытекло мартовское пленение партии буржуазной демократией. «Откуда же взялась Октябрьская революция,— спрашивает далее тот же автор,— каким образом произошло, что партия, от ее вождей до ее рядовых членов, так «внезапно» отказалась от того, что она считала непреложной истиной в течение почти двух десятков лет?»

Суханов (в качестве противника) ставит тот же вопрос по-иному. «Как и чем ухитрился Ленин одолеть своих большевиков?» Действительно, победа Ленина внутри партии была одержана не только полно, но и в очень короткий срок. Противники немало вообще иронизировали по этому поводу над личным режимом большевистской партии. На поставленный им вопрос сам Суханов дает ответ вполне в духе героического начала: «Гениальный Ленин был историческим авторитетом — это одна сторона дела. Другая та, что, кроме Ленина, в партии не было никого и ничего. Несколько крупных генералов — без Ленина — ничто, как несколько необъятных планет без Солнца (я сейчас оставляю Троцкого, бывшего тогда еще вне рядов ордена)». Эти курьезные строки[43] пытаются объяснить влияние Ленина его влиятельностью, как способность опиума наводить сон объясняется его усыпляющей силой. Подобное объяснение, однако, не очень далеко подвигает нас вперед.

Действительное влияние Ленина в партии было, несомненно, очень велико, но отнюдь не было неограниченным. Оно не стало безапелляционным и позже, после Октября, когда авторитет Ленина чрезвычайно возрос, ибо партия измерила его силу метром мировых событий. Тем более недостаточны голые ссылки на личный авторитет Ленина по отношению к апрелю 1917 г., когда весь руководящий слой партии успел уже занять позицию, противоречащую ленинской.

Гораздо ближе подходит к решению вопроса Ольминский, когда доказывает, что, несмотря на свою формулу буржуазно-демократической революции, партия —

всей своей политикой по отношению к буржуазии и демократии — с давних пор фактически подготовлялась возглавить пролетариат в непосредственной борьбе за власть. «Мы (или многие из нас),— говорил Ольминский,— бессознательно держали курс на пролетарскую революцию, думая, что держим курс на революцию буржуазно-демократическую. Иначе говоря, мы готовили Октябрьскую революцию, воображая, что готовим Февральскую». В высшей степени ценное обобщение, которое есть в то же время безупречное свидетельское показание!

В теоретическом воспитании революционной партии был элемент противоречия, который находил свое выражение в двусмысленной формуле «демократической диктатуры» пролетариата и крестьянства. Выступавшая по докладу Ленина на конференции делегатка выразила мысль Ольминского еще проще: «Прогноз, который ставили большевики, оказался ошибочным, но тактика была правильна».

В Апрельских тезисах, казавшихся столь парадоксальными, Ленин опирался против старой формулы на живую традицию партии: ее непримиримость к господствующим классам и ее враждебность ко всякой половинчатости, тогда как «старые большевики» противопоставляли хоть и свежие, но уже архивные воспоминания конкретному развитию классовой борьбы. У Ленина была слишком прочная опора, подготовленная всей историей борьбы большевиков с меньшевиками. Здесь уместно напомнить, что официальная социал-демократическая программа еще оставалась в это время у большевиков и меньшевиков общей и практические задачи демократической революции на бумаге выглядели у обеих партий одинаково. Но они совсем не были одинаковы на деле. Рабочие-большевики сейчас же после переворота взяли на себя инициативу борьбы за 8-часовой рабочий день; меньшевики объявляли это требование несвоевременным. Большевики руководили арестами царских чиновников, меньшевики противодействовали «эксцессам». Большевики энергично приступили к созданию рабочей милиции, меньшевики тормозили вооружение рабочих, не желая ссориться с буржуазией. Еще не переступая за черту буржуазной демократии, большевики действовали или стремились действовать как непримиримые революционеры, хоть и сбитые руководством с пути; меньшевики же на каждом шагу жертвовали демократической программой в интересах союза с либералами. При полном

отсутствии демократических союзников Каменев и Сталин неизбежно повисали в воздухе.

Апрельское столкновение Ленина с генеральным штабом партии не было единственным. Во всей истории большевизма, за вычетом отдельных эпизодов, которые, по существу, лишь подтверждают правило, все лидеры партии во все важнейшие моменты развития оказывались вправо от Ленина. Случайно ли? Нет, Ленин потому и стал бесспорным вождем наиболее революционной в мировой истории партии, что его мысль и воля действительно пришлись наконец по мерке грандиозным революционным возможностям страны и эпохи. У других не хватало то вершка, то двух, а часто и более.

Почти весь руководящий слой большевистской партии за месяцы и даже годы, предшествовавшие перевороту, оказался вне активной работы. Многие унесли с собой в тюрьмы и ссылку гнетущие впечатления первых месяцев войны и переживали крушение Интернационала в одиночку или небольшими группами. Если в рядах партии они обнаруживали достаточную восприимчивость к идеям революции, что и привязывало их к большевизму, то, будучи изолированы, они оказывались не в силах противостоять давлению окружающей среды и самостоятельно давать марксистскую оценку событий. Огромные сдвиги, происшедшие в массах за два с половиной года войны, оставались почти вне их поля зрения. Между тем переворот не только вырвал их из изолированности, но и поставил, в силу авторитетности, на решающие посты в партии. По своим настроениям эти элементы оказывались нередко гораздо ближе к «циммервальдской» интеллигенции, чем к революционным рабочим на заводах.

«Старые большевики», напыщенно подчеркивавшие в апреле 1917 г. это свое звание, были обречены на поражение, ибо защищали как раз этот элемент партийной традиции, который не выдержал исторической проверки [44]. «Я принадлежу к старым большевикам, ленинистам,— говорил, например, Калинин на Петроградской конференции 14 апреля,— и тем не менее считаю, что старый ленинизм вовсе не оказался непригодным для настоящего своеобразного момента, и удивляюсь заявлению тов. Ленина о том, что старые большевики стали помехой в настоящий момент» [45]. Таких обиженных голосов Ленину пришлось наслушаться в те дни немало. Между тем, порывая с традиционной формулой партии,

сам Ленин ничуть не переставал быть «ленинистом»: он отбрасывал изношенную скорлупу большевизма, чтоб призвать к новой жизни его ядро.

Против «старых большевиков» Ленин нашел опору в другом слое партии, уже закаленном, но более свежем и более связанном с массами. В Февральском перевороте рабочие-большевики, как мы знаем, играли решающую роль. Они считали само собой разумеющимся, что власть должен взять тот класс, который одержал победу. Эти самые рабочие бурно протестовали против курса Каменева — Сталина, а Выборгский район грозил даже исключением «вождей» из партии. То же наблюдалось и в провинции. Почти везде были левые большевики, которых обвиняли в максимализме, даже в анархизме. У рабочих-революционеров не хватало лишь теоретических ресурсов, чтоб отстоять свои позиции. Но они готовы были откликнуться на первый ясный призыв.

На этот слой рабочих, окончательно вставших на ноги во время подъема 1912—1914 гг., ориентировался Ленин. Еще в начале войны, когда правительство нанесло партии тяжкий удар разгромом большевистской фракции в Думе, Ленин, говоря о дальнейшей революционной работе, указывал на воспитанные партией «тысячи сознательных рабочих, из которых, вопреки всем трудностям, подберется снова коллектив руководителей». Отделенный от них двумя фронтами, почти без связей, Ленин никогда, однако, не отрывался от них. «Пусть даже впятеро, вдесятеро, разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом». Ленин мысленно переживал события вместе с этими рабочими-большевиками, делал вместе с ними необходимые выводы, только шире и смелее их. Для борьбы с нерешительностью штаба и широкого офицерского слоя партии Ленин уверенно оперся на унтер-офицерский слой ее, который больше отражал рядового рабочего-большевика.

Временная сила социал-патриотов и прикрытая слабость оппортунистического крыла большевиков состояли в том, что первые опирались на сегодняшние предрассудки и иллюзии масс, а вторые приспособлялись к ним. Главная сила Ленина состояла в том, что он понимал внутренюю логику движения и направлял по ней свою политику. Он не навязывал массам свой план. Он помогал массам осознать и осуществить их собственный план. Когда Ленин сводил все проблемы революции к одной — «терпеливо

разъяснять»,— то это значило, что надо сознание масс привести в соответствие с той обстановкой, в которую загнал их исторический процесс. Рабочий или солдат, разочаровываясь в политике соглашателей, должен был перейти на позицию Ленина, не задерживаясь на промежуточном этапе Каменева — Сталина.

Когда ленинские формулы были даны, они по-новому осветили перед большевиками опыт истекшего месяца и опыт каждого нового дня. В широкой партийной массе пошла быстрая дифференциация, влево и влево, к тезисам Ленина. «Район за районом,— говорит Залежский[46],— присоединялись к ним, и к собравшейся 24 апреля Всероссийской партийной конференции петербургская организация в целом высказалась за тезисы».

Борьба за перевооружение большевистских кадров, начавшаяся вечером 3 апреля, к концу месяца была уже, в сущности, закончена *. Конференция партии, заседавшая в Петрограде 24—29 апреля, подводила итоги марту — месяцу оппортунистических шатаний, и апрелю — месяцу острого кризиса. Партия к этому времени сильно выросла и количественно и политически. 149 делегатов представляли 79 тысяч членов партии, из коих 15 тысяч в Петрограде. Для вчера еще нелегальной, а сегодня антипатриотической партии это было внушительное число, и Ленин несколько раз повторял его с удовлет-

* В тот самый день, когда Ленин приехал в Петроград, по ту сторону Атлантического океана, у Галифакса, британская морская полиция сняла с норвежского парохода «Христианиафиорд» пять эмигрантов, возвращавшихся из Нью-Йорка в Россию: Троцкого, Чудновского[47], Мельничанского[48], Мухина, Фишелева и Романченко. Эти лица получили возможность прибыть в Петроград лишь 5 мая, когда политическое перевооружение большевистской партии было, по крайней мере, вчерне закончено. Мы не считаем поэтому возможным вводить в текст нашего повествования изложение тех взглядов на революцию, которые развивались Троцким в ежедневной русской газете, выходившей в Нью-Йорке. (Вот что писал Ленин в письме к И. Арманд[49] 19 февраля 1917 г.: «...приехал Троцкий, и сей мерзавец сразу снюхался с *правым* крылом «Нового мира» против левых циммервальдцев!! Так-то!! Вот так Троцкий!! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, *помогает* правым, пока можно...» *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390. Примечание *Н. В.*) Но так как, с другой стороны, знакомство с этими взглядами облегчит читателю понимание дальнейших группировок партии и особенно идейной борьбы накануне Октября, то мы считаем целесообразным выделить относящуюся сюда справку и поместить ее в конце книги в виде приложения. Читатель, который не считает себя заинтересованным в более детальном изучении теоретической подготовки Октябрьского переворота, может спокойно пройти мимо этого приложения.

ворением. Политическая физиономия конференции определялась уже при выборе пятичленного президиума: в него не были включены ни Каменев, ни Сталин, главные виновники мартовских злоключений.

Несмотря на то что для партии в целом спорные вопросы были уже твердо решены, многие из руководителей, связанные вчерашним днем, оставались еще на этой конференции в оппозиции или полуоппозиции к Ленину. Сталин отмалчивался и пережидал. Дзержинский от имени «многих», которые «не согласны принципиально с тезисами докладчика», требовал выслушать содоклад от «товарищей, которые вместе с нами пережили революцию практически». Это был явственный намек на эмигрантский характер ленинских тезисов. Каменев действительно выступал на конференции с содокладом в защиту буржуазно-демократической диктатуры. Рыков[50], Томский[51], Калинин[52] пытались удержаться в той или другой степени на своих мартовских позициях. Калинин продолжал стоять за объединение с меньшевиками, в интересах борьбы с либерализмом. Видный московский работник Смидович горячо жаловался в своей речи: «...при каждом нашем выступлении на нас направляется определенное пугало в виде тезисов т. Ленина». Раньше, пока москвичи голосовали за резолюцию меньшевиков, жить было гораздо спокойнее.

В качестве ученика Розы Люксембург Дзержинский выступал против права наций на самоопределение, обвиняя Ленина в покровительстве сепаратистским тенденциям, ослабляющим пролетариат России. На встречное обвинение в поддержке великорусского шовинизма, Дзержинский ответил: «...я могу его упрекнуть (Ленина.— *Л. Т.*) в том, что он стоит на точке зрения польских, украинских и других шовинистов»[53]. Этот диалог не лишен политической пикантности: великоросс Ленин обвиняет поляка Дзержинского в великорусском шовинизме, направленном против поляков, и подвергается со стороны последнего обвинению в шовинизме польском. Политическая правота была и в этом споре целиком на стороне Ленина. Его национальная политика вошла важнейшим составным элементом в Октябрьскую революцию.

Оппозиция явно угасала. По спорным вопросам она не собирала более семи голосов. Было, однако, одно любопытное и яркое исключение, касавшееся интернациональных связей партии. Под самый конец работ, в вечернем заседании 29 апреля, Зиновьев[54] внес от имени

комиссии проект резолюции: «Принять участие в международной конференции циммервальдцев, назначенной на 18 мая» (в Стокгольме). Протокол гласит: «Принята всеми голосами против одного». Этот один был Ленин. Он требовал разрыва с Циммервальдом, где большинство окончательно оказалось у немецких независимцев и нейтральных пацифистов, вроде швейцарца Гримма[55]. Но для русских кадров партии Циммервальд за время войны почти отождествился с большевизмом. Делегаты не соглашались еще ни отказываться от имени социал-демократии, ни рвать с Циммервальдом, который оставался к тому же в их глазах связью с массами II Интернационала. Ленин попытался ограничить, по крайней мере, участие в будущей конференции одними лишь информационными целями. Зиновьев выступил против него. Предложение Ленина не прошло. Тогда он голосовал против резолюции в целом. Его никто не поддержал. Это был последний всплеск «мартовских» настроений, цепляние за вчерашние позиции, страх перед «изоляцией». Конференция, однако, вообще не состоялась, в силу тех самых внутренних болезней Циммервальда, которые и побуждали Ленина рвать с ним. Отвергнутая единогласно бойкотистская политика осуществилась, таким образом, на деле.

Крутой характер поворота, произведенного в политике партии, был очевиден для всех. Шмидт, рабочий-большевик, будущий нарком труда, говорил на Апрельской конференции: «Ленин дал иное направление характеру работы»[56]. По выражению Раскольникова[57], писавшего, правда, несколькими годами позже, Ленин в апреле 1917 г. «произвел Октябрьскую революцию в сознании руководителей партии... Тактика нашей партии не составляет одной прямой линии, после приезда Ленина делая крутой зигзаг влево». Непосредственнее и вместе точнее оценила происшедшую перемену старая большевичка Людмила Сталь[58]. «Все товарищи до приезда Ленина бродили в темноте,— говорила она 14 апреля на городской конференции.— Были только одни формулы 1905 г. Видя самостоятельное творчество народа, мы не могли его учить... Наши товарищи смогли только ограничиться подготовкой к Учредительному собранию парламентским способом и совершенно не учли возможности идти дальше. Приняв лозунги Ленина, мы сделаем то, что нам подсказывает сама жизнь. Не нужно бояться коммуны, потому что это, мол, уже рабочее правительство. Коммуна

Парижа не была только рабочей, она была также и мелкобуржуазной». Можно согласиться с Сухановым, что перевооружение партии «было самой главной и основной победой Ленина, завершенной к первым числам мая». Правда, Суханов считал, что Ленин заменил при этой операции марксистское оружие анархическим.

Остается спросить, и это немаловажный вопрос, хотя поставить его легче, чем на него ответить: как пошло бы развитие революции, если б Ленин не доехал до России в апреле 1917 г.? Если наше изложение вообще что-либо показывает и доказывает, так это, надеемся, что Ленин не был демиургом революционного процесса, что он лишь включился в цепь объективных исторических сил. Но в этой цепи он был большим звеном. Диктатура пролетариата вытекала из всей обстановки. Но ее нужно было еще установить. Ее нельзя было установить без партии. Партия же могла выполнить свою миссию, лишь поняв ее. Для этого и нужен был Ленин. До его приезда ни один из большевистских вождей не сумел поставить диагноз революции. Руководство Каменева — Сталина отбрасывалось ходом вещей вправо, к социал-патриотам: между Лениным и меньшевизмом революция не оставляла места для промежуточных позиций. Внутренняя борьба в большевистской партии была совершенно неизбежна. Приезд Ленина лишь форсировал процесс. Личное влияние его сократило кризис. Можно ли, однако, сказать с уверенностью, что партия и без него нашла бы свою дорогу? Мы бы не решились это утверждать ни в каком случае. Фактор времени тут решает, а задним числом трудно взглянуть на часы истории. Диалектический материализм не имеет, во всяком случае, ничего общего с фатализмом. Кризис, который неизбежно должно было вызвать оппортунистическое руководство, принял бы без Ленина исключительно острый и затяжной характер. Между тем условия войны и революции не оставляли партии большого срока для выполнения ее миссии. Совершенно не исключено, таким образом, что дезориентированная и расколотая партия могла бы упустить революционную ситуацию на много лет. Роль личности выступает здесь перед нами поистине в гигантских масштабах. Нужно только правильно понять эту роль, беря личность как звено исторической цепи.

«Внезапный» приезд Ленина из-за границы после долгого отсутствия, неистовый шум печати вокруг его имени, столкновение Ленина со всеми руководителями

собственной партии и быстрая победа над ними,— словом, внешняя оболочка событий весьма способствовала в этом случае механическому противопоставлению лица, героя, гения объективным условиям, массе, партии. На самом деле такое противопоставление совершенно односторонне. Ленин был не случайным элементом исторического развития, а продуктом всего прошлого русской истории. Он сидел в ней глубочайшими своими корнями. Вместе с передовыми рабочими он проделывал всю их борьбу в течение предшествующей четверти столетия. «Случайностью» являлось не его вмешательство в события, а скорее уж та соломинка, которою Ллойд-Джордж пытался преградить ему путь. Ленин не противостоял партии извне, а являлся наиболее ее законченным выражением. Воспитывая ее, он воспитывался в ней. Его расхождение с руководящим слоем большевиков означало борьбу завтрашнего дня партии с ее вчерашним днем. Если б Ленин не был искусственно оторван от партии условиями эмиграции и войны, внешняя механика кризиса не была бы так драматична и не заслоняла бы в такой мере внутреннюю преемственность партийного развития. Из того исключительного значения, которое получил приезд Ленина, вытекает лишь, что вожди не создаются случайно, что они отбираются и воспитываются в течение десятилетий, что их нельзя заменить по произволу, что их механическое выключение из борьбы причиняет партии живую рану и в некоторых случаях может надолго парализовать ее [...]

ЛЕНИН ЗОВЕТ К ВОССТАНИЮ[59]

Помимо заводов, казарм, деревень, фронта, Советов у революции была еще одна лаборатория: голова Ленина. Загнанный в подполье, он оказался вынужден в течение 111 дней, с 6 июля до 25 октября, ограничить свои встречи даже с членами Центрального Комитета. Без непосредственного общения с массами, без соприкосновения с организациями он тем решительнее сосредоточивает свою мысль на основных вопросах революции, возводя их — что было у него в одинаковой мере потребностью и правилом — к краеугольным проблемам марксизма.

Главный довод демократов, в том числе и самых левых, против взятия власти состоял в том, что трудящиеся окажутся не способны овладеть аппаратом государства. Таковы же были, по сути дела, опасения оппортунистических элементов внутри самого большевизма. «Аппарат

государства!» Каждый мелкий буржуа воспитан в преклонении перед мистическим началом, возвышающимся над людьми и классами. Образованный филистер несет в костях тот же самый трепет, что и его отец или дед, лавочник или зажиточный крестьянин, перед всемогущими учреждениями, где решаются вопросы войны и мира, где даются торговые патенты, откуда исходят бичи налогов, где карают, но изредка милуют, где узаконяются браки и рождения, где сама смерть должна почтительно постоять в очереди, прежде чем добиться признания. Аппарат государства! Сняв мысленно не только шляпу, но и сапоги, на кончиках носков вступает в капище идола мелкий буржуа — зовется ли он Керенский, Лаваль, Макдональд или Гильфердинг,— когда личная удача или сила обстоятельств делают его министром. Оправдать эту милость он может не иначе как униженной покорностью по отношению к «аппарату государства». Русские радикальные интеллигенты, не смевшие даже во время революции приобщиться к власти иначе как за плечами титулованных помещиков и людей капитала, с испугом и негодованием взирали на большевиков: эти уличные агитаторы, эти демагоги думают овладеть аппаратом государства! [...]

В первые месяцы своего подполья Ленин пишет книгу «Государство и революция», главные материалы для которой были им подобраны еще в эмиграции, в годы войны. С той же тщательностью, с какой он обдумывал практические задачи дня, он разрабатывает теперь теоретические проблемы государства. Он не может иначе: для него теория действительно руководство к действию. Ленин ни на минуту не ставит при этом целью внести в теорию новое слово. Наоборот, своей работе он сообщает чрезвычайно скромный, подчеркнуто ученический характер. Его задача — восстановить подлинное «учение марксизма о государстве».

Тщательным подбором цитат и их детальным полемическим истолкованием книга может показаться педантской... действительным педантам, которые под анализом текстов не способны почувствовать могучий пульс мысли и воли. Уже одним восстановлением классовой теории государства на новой, более высокой исторической основе Ленин сообщает идеям Маркса новую конкретность, а следовательно, и новую значимость. Но неизмеримую свою важность работа о государстве почерпает прежде всего в том, что является научным введением в величай-

ший в истории переворот. «Комментатор» Маркса готовил свою партию к революционному завоеванию шестой части земной территории.

Если б государство можно было просто приспособить к потребностям нового исторического режима, не возникали бы революции. Между тем сама буржуазия приходила до сих пор к власти не иначе как путем переворота. Теперь очередь за рабочими. Ленин и в этом вопросе возвращал марксизму его значение, как теоретическое орудие пролетарской революции.

Рабочие не могут овладеть государственным аппаратом? Но дело идет совсем не о том, учит Ленин, чтобы овладеть старой машиной для новых целей: это реакционная утопия. Подбор людей в старом аппарате, их воспитание, их взаимоотношения — все противоречит историческим задачам пролетариата. Завоевав власть, надо не перевоспитывать старый аппарат, а разбить вдребезги. Чем заменить его? Советами. Из руководителей революционных масс, из органов восстания они станут органами нового государственного порядка.

В водовороте революции работа найдет мало читателей; она и издана будет только после переворота[60]. Ленин разрабатывает проблему государства прежде всего для собственной внутренней уверенности и — для будущего. Сохранение идейной преемственности составляло одну из постоянных его забот. В июле он пишет Каменеву: «Entre nous, если меня укокошат, я вас прошу издать мою тетрадку «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка переплетенная. Собраны все цитаты, из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous»[61]. Революционный вождь, травимый как агент враждебного государства и считающийся с возможностью покушения со стороны врагов, заботится об издании «синей» тетради с цитатами из Маркса — Энгельса: таково его секретное завещание. Словечко «укокошат» должно служить противоядием против ненавистной патетики: поручение по самому своему существу имеет патетический характер.

Но, ожидая удара в спину, Ленин сам готовился нанести удар в грудь. Пока он — между чтением газет и писанием инструктивных писем — приводил в порядок полученную наконец из Стокгольма драгоценную тетрадь,

жизнь не стояла на месте. Близился час, когда вопрос о государстве предстояло решать практически [...]

После июльского разгрома Ленин провозгласил: власть может быть взята отныне лишь вооруженным восстанием; опираться придется при этом, очевидно, не на деморализованные соглашателями Советы, а на заводские комитеты; Советы, как органы власти, придется заново создавать после победы. На самом деле большевики уже через два месяца отвоевали Советы у соглашателей. Природа ошибки Ленина в этом вопросе в высшей степени характерна для его стратегического гения: для самых смелых замыслов он делает расчеты, исходя из наименее благоприятных предпосылок. Как въезжая в апреле через Германию в Россию, он считал, что с вокзала попадет в тюрьму, как 5 июля он говорил: «Они, пожалуй, нас перестреляют»[62]... так теперь он считал: соглашатели не дадут нам овладеть большинством в Советах.

«Нет человека более малодушного, чем я, когда я вырабатываю военный план,— писал Наполеон генералу Бертье,— я преувеличиваю все опасности и все возможные бедствия... Когда мое решение принято, все позабыто, кроме того, что может обеспечить его успех». Если отбросить рисовку, выражающуюся в малоподходящем слове «малодушие», то существо мысли может быть целиком отнесено к Ленину. Разрешая проблему стратегии, он заранее наделял врага собственной решимостью и дальнозоркостью. Тактические ошибки Ленина были чаще всего побочным продуктом его стратегической силы. В данном случае вряд ли вообще уместно говорить об ошибке: когда диагност подходит к определению болезни путем последовательных исключений, его гипотетические допущения, начиная с самых худших, являются не ошибками, а методом анализа.

Как только большевики получили в свои руки оба столичных Совета, Ленин сказал: «Наше время пришло». В апреле и июле он сдерживал; в августе теоретически подготовлял новый этап; начиная с середины сентября он торопит и подгоняет изо всех сил. Теперь опасность не в забегании вперед, а в отставании. «Преждевременного в этом отношении быть теперь не может».

В статьях и письмах, обращенных к Центральному Комитету, Ленин анализирует обстановку, выдвигая каждый раз на переднее место международные условия. Симптомы и факты пробуждения европейского пролета-

риата являются для него — на фоне событий войны — неоспоримым доказательством того, что непосредственная угроза русской революции со стороны иностранного империализма будет все более убывать. Аресты социалистов в Италии и особенно восстание в немецком флоте заставляют его провозгласить величайший перелом во всей мировой обстановке: «Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции».

Об этой исходной позиции Ленина эпигонская историография предпочитает молчать: как потому, что расчет Ленина кажется опровергнутым событиями, так и потому, что, согласно позднейшим теориям, русская революция должна при всех условиях довлеть сама себе. Между тем ленинская оценка международной обстановки меньше всего была иллюзорной. Симптомы, которые он наблюдал сквозь сито военной цензуры всех стран, действительно знаменовали приближение революционной бури. В центральных империях она через год потрясла старое здание до самого фундамента. Но и в странах-победительницах, Англии и Франции, не говоря уж об Италии, она надолго лишила правящие классы свободы действий. Против крепкой, консервативной, уверенной в себе капиталистической Европы изолированная и не успевшая окрепнуть пролетарская революция в России не могла бы продержаться и нескольких месяцев. Но этой Европы больше не было. Революция на Западе, правда, не поставила у власти пролетариат — реформисты спасли буржуазный режим,— но оказалась все же достаточно могущественной, чтобы оградить Советскую республику в первый, наиболее опасный период ее существования.

Глубокий интернационализм Ленина выражался не только в том, что оценку международной обстановки он ставил неизменно на первое место; самое завоевание власти в России он рассматривал прежде всего как толчок к европейской революции, которая, как он повторял не раз, для судеб человечества должна иметь несравненно большее значение, чем революция в отсталой России [63]. С каким сарказмом он бичует тех большевиков, которые не понимают своего интернационального долга. «Примем резолюцию сочувствия немецким повстанцам,— издевается он,— и отвергнем восстание в России. Это будет настоящим благоразумным интернационализмом!»

В дни Демократического совещания [64] Ленин пишет в ЦК: «Получив большинство в обоих столичных Советах...

большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки». Тот факт, что большинство крестьянских делегатов подтасованного Демократического совещания голосовало против коалиции с кадетами, имел в его глазах решающее значение: мужику, который не хочет союза с буржуазией, ничего не останется, как поддержать большевиков. «Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами». Задача партии: «...на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и Москве (пропущено: с областью.— *Авт.*), завоевание власти, свержение правительства»[65]... Никто до этого так властно и обнаженно не ставил задачу переворота.

Ленин очень пристально следит за всеми выборами и голосованиями в стране, тщательно подбирая цифры, которые способны бросить свет на действительное положение сил. Полуанархическое безразличие к избирательной статистике не встречало с его стороны ничего, кроме презрения. В то же время Ленин никогда не отождествлял индексы парламентаризма с действительным соотношением сил: он всегда вносил поправку на прямое действие. «...Сила революционного пролетариата с точки зрения воздействия на массы и увлечения их на борьбу,— напоминает он,— несравненно больше во внепарламентской борьбе, чем в борьбе парламентской. Это очень важное наблюдение по вопросу о гражданской войне».

Зорким глазом Ленин первый подметил, что аграрное движение перешло в решительную фазу, и сейчас же сделал из этого выводы. Мужик не хочет больше ждать, как и солдат. «Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание,— пишет Ленин в конце сентября,— все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения». Аграрный вопрос — фундамент революции. Победа правительства над крестьянским восстанием была бы «похоронами революции»... Надеяться на более благоприятные условия не приходится. Наступает час действия. «Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел»[66].

Ленин зовет к восстанию. В каждой простой, прозаической, подчас угловатой строке звучит высшее напряжение страсти. «Революция погибла,— пишет он в начале октября Петроградской конференции партии,— если

правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем. Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского»[67].

Ленин не раз говорил, что массы левее партии. Он знал, что партия левее своего верхнего слоя — «старых большевиков». Он слишком хорошо представлял себе внутренние группировки и настроения в ЦК, чтобы ждать с его стороны каких-либо рискованных шагов; зато он очень опасался излишней осторожности, кунктаторства, упущения одной из тех исторических ситуаций, которые подготовляются десятилетиями. Ленин не доверяет ЦК...— без Ленина; в этом ключ к его письмам из подполья. И Ленин не так уж не прав в своем недоверии[68].

Вынужденный высказываться в большинстве случаев после уже вынесенного в Петрограде решения, Ленин неизменно критикует политику ЦК слева. Оппозиция его развертывается на фоне вопроса восстания, но не ограничивается им. Ленин считает, что ЦК отдает слишком много внимания соглашательскому Исполнительному комитету, Демократическому совещанию, вообще парламентской возне в советских верхах. Он резко выступает против предложения большевиков о коалиционном президиуме в Петроградском Совете. Он клеймит «позорное» решение об участии в Предпарламенте. Он возмущен опубликованным в конце сентября списком большевистских кандидатов в Учредительное собрание: слишком много интеллигентов, слишком мало рабочих. «Ораторов и литераторов набивать в Учредительное собрание — значит идти по избитой дороге оппортунизма и шовинизма. Это недостойно III Интернационала». К тому же среди кандидатов слишком много новых, не проверенных в борьбе членов партии! Ленин считает нужным сделать оговорку: «Само собою понятно, что... никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Л. Д. Троцкий, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии»[69]...

Может показаться, что вернулись дни апреля: Ленин снова в оппозиции к Центральному Комитету. Вопросы стоят по-другому, но общий дух его оппозиции тот же: ЦК слишком пассивен, слишком поддается общественному мнению интеллигентских кругов, слишком соглашательски настроен по отношению к соглашателям; а главное, слишком безучастно, фаталистически, не по-большевистски относится к проблеме вооруженного восстания.

От слов пора переходить к делу: «Наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактически свой съезд, и этот съезд решить должен (хочет или не хочет) судьбу революции». Решение же мыслимо только одно: вооруженный переворот. В этом первом письме о восстании Ленин делает еще оговорку: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами». Но уже через два-три дня (письма того времени обычно без дат: по конспиративным соображениям, а не по забывчивости) Ленин — под явным впечатлением загнивания Демократического совещания — настаивает на немедленном переходе к действиям и тут же выдвигает практический план.

«Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью... Мы должны составить краткую декларацию большевиков... Мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы. Мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку (театр, где заседало Демократическое совещание), занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города. Мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.»[70]. Вопрос о сроке не ставится больше в зависимость от «общего голоса тех, кто соприкасается с массами». Ленин предлагает действовать сейчас же: выйти с ультиматумом из Александринского театра, чтоб вернуться в него во главе вооруженных масс.

Сокрушительный удар должен быть направлен не только против правительства, но и одновременно против высшего органа соглашателей.

«...Ленин, который в приватных письмах требовал ареста Демократического совещания,— так обличает Суханов,— печатно, как мы знаем, предлагал «компромисс»: пусть всю власть возьмут меньшевики и эсеры, а там — что скажет советский съезд... То же самое упорно проводил и Троцкий на Демократическом совещании и и около него». Суханов видит двойную игру там, где ее не было и в помине. Ленин предлагал соглашателям компромисс сейчас же после победы над Корниловым [71], в первые дни сентября. Пожав плечами, соглашатели прошли мимо. Демократическое совещание они превратили в прикрытие новой коалиции с кадетами против большевиков. Возможность соглашения тем самым отпадала окончательно. Вопрос о власти мог отныне решаться только открытой борьбой. Суханов сливает воедино две стадии, из которых первая на две недели предшествовала второй и политически ее обусловливала.

Но если восстание вытекало из новой коалиции неотвратимо, то резкостью поворота Ленин застиг врасплох даже верхи собственной партии. Сплотить на основе его письма большевистскую фракцию на совещании, хотя бы и «не гоняясь за численностью», было явно невозможно. Настроение фракции оказалось таково, что она 70 голосами против 50 отвергла бойкот Предпарламента, то есть первый шаг в сторону восстания. В самом ЦК план Ленина совершенно не нашел поддержки [72]. Четыре года спустя на вечере воспоминаний Бухарин [73] со свойственными ему преувеличениями и прибаутками в основе верно рассказал об этом эпизоде. «Письмо (Ленина) было написано чрезвычайно сильно и грозило нам всякими карами (?). Мы все ахнули. Никто еще так резко вопроса не ставил... Все недоумевали первое время. Потом, посоветовавшись, решили. Может быть, это был единственный случай в истории нашей партии, когда ЦК единогласно постановил сжечь письмо Ленина... Мы, хотя и верили в то, что, безусловно, в Питере и Москве нам удастся взять власть в свои руки, но полагали, что в провинции мы еще не сможем удержаться, что, взявши власть и разогнавши Демократическое совещание, мы не сможем закрепить себя во всей остальной России».

Вызванное соображениями конспирации сожжение нескольких копий опасного письма было постановлено

на самом деле не единогласно, а шестью голосами против четырех при шести воздержавшихся[74]. Один экземпляр для истории был, к счастью, сохранен. Но верно в рассказе Бухарина то, что все члены ЦК, хотя и по разным мотивам, отклонили предложение: одни противились восстанию вообще, другие считали, что момент совещания наименее пригоден из всех; третьи просто колебались и выжидали.

Натолкнувшись на прямое сопротивление, Ленин вступает в некоторого рода заговор со Смилгой[75], который тоже находится в Финляндии и в качестве председателя Областного комитета Советов сосредоточивает в это время в своих руках изрядную реальную власть. Смилга стоял в 1917 г. на крайне левом фланге партии и уже в июле склонен был довести борьбу до развязки: при поворотах политики Ленин всегда находил, на кого опереться. 27 сентября Ленин пишет Смилге обширное письмо: «...что мы делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем «сроки» (20 октября — съезд Советов,— не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики не ведут, чтобы подготовить свои военные силы для свержения Керенского... Надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию... Дальше о вашей роли... Создать тайный комитет из надежнейших военных, обсудить с ними всесторонне, собрать (и проверить самому) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозке войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.». Ленин требует систематической пропаганды среди казаков, находящихся здесь, в Финляндии... «Надо изучить все сведения о расположении казаков и организовать посылку к ним агитаторских отрядов из лучших сил матросов и солдат Финляндии». Наконец: «...для правильной подготовки умов, надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, который передаст ее съезду Советов. Ибо зачем терять еще три недели войны и «корниловских подготовлений» Керенского»[76].

Перед нами новый план восстания: «тайный комитет из важнейших военных» в Гельсингфорсе — как боевой штаб; расположенные в Финляндии русские войска — как боевая сила: «...кажется, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что играет серьезную воен-

ную роль, это финляндские войска и Балтийский флот». Ленин рассчитывает, таким образом, главный удар по правительству нанести извне Петрограда. В то же время необходима «правильная подготовка умов», дабы низвержение правительства военными силами Финляндии не свалилось неожиданностью на Петроградский Совет: до съезда Советов он должен будет явиться преемником власти.

Новый набросок плана, как и предшествующий, не был осуществлен. Но он не прошел бесследно. Агитация в казачьих дивизиях скоро дала результаты: об этом мы слышали от Дыбенко[77]. Привлечение балтийских моряков к участию в главном ударе по правительству также вошло в принятый позже план. Но главное не в этом: заостренной до крайности постановкой вопроса Ленин никому не позволял уклоняться и лавировать. То, что оказывалось несвоевременным как прямое тактическое предложение, становилось целесообразным как проверка настроений в Центральном Комитете, как поддержка решительных против колеблющихся, как дополнительный толчок влево.

Всеми средствами, какими можно было располагать в изолированности подполья, Ленин стремился заставить кадры партии почувствовать остроту обстановки и силу напора масс. Он вызывал в свое убежище отдельных большевиков, устраивал допросы с пристрастием, проверял слова и дела руководителей, пускал обходными путями свои лозунги в партию, вниз, вглубь, чтобы поставить ЦК перед необходимостью действовать и дойти до конца.

Через день после своего письма Смилге Ленин пишет уже цитированный выше документ «Кризис назрел», заканчивая его чем-то вроде объявления войны ЦК. «Надо... признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за ожидание съезда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания». Это течение надо побороть во что бы то ни стало. «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд». Упускать время в ожидании съезда Советов есть «полный идиотизм или полная измена»... До съезда, назначенного на 20-е, остается свыше 20 дней: «Недели и даже дни решают теперь все». Оттягивать развязку — значит трусливо отречься от восстания, ибо во время съезда захват власти станет невозможен: «...соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» восстания»[78].

Уже один тон письма показывает, насколько гибельным представлялось Ленину кунктаторство петроградского руководства. Но он не ограничивается на этот раз свирепой критикой и в виде протеста подает в отставку из ЦК. Мотивы: ЦК не отозвался с начала совещания на его настояния относительно захвата власти; редакция партийного органа (Сталин) печатает его статьи с намеренными промедлениями, вычеркивая из них указания на такие «вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте», и пр. Эту политику Ленин не считает возможным покрывать перед партией: «Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии» [79].

По документам не видно, какое дальнейшее формальное движение получило это дело. Из ЦК Ленин, во всяком случае, не вышел. Заявлением об отставке, которое у него никак не могло быть плодом минутного раздражения, Ленин явно оставлял для себя возможность освободиться, в случае надобности, от внутренней дисциплины Центрального Комитета: он мог не сомневаться, что, как и в апреле, непосредственное обращение к низам обеспечит за ним победу. Но путь открытого мятежа против ЦК предполагал подготовку экстренного съезда, следовательно, требовал времени; а времени как раз и не хватало. Держа про запас свое заявление об отставке, но не выходя полностью из границ партийной легальности, Ленин продолжает уже с большей свободой развивать наступление по внутренним операционным линиям. Свои письма ЦК он не только направляет Петроградскому и Московскому комитетам, но и принимает меры, чтобы копии попадали к наиболее надежным работникам районов. В начале октября, уже минуя ЦК, Ленин пишет непосредственно Петроградскому и Московскому комитетам: «Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас... Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции» [80]. С точки зрения иерархических отношений действия Ленина были совсем не безупречны. Но дело шло о чем-то большем, чем соображения формальной дисциплины.

Один из членов Выборгского районного комитета, Свешников, вспоминает: «А Ильич из подполья писал и писал неустанно, и нам в районном комитете Надежда

Констаитииовиа (Крупская) очеиь часто читала эти рукописи... Огненные слова вождя увеличивали нашу силу... Помню, как сейчас, склонившуюся фигуру Надежды Констаитиновны в одной из комнат районной управы, где работали машинистки, тщательно сверявшую рукопись с оригиналом, и тут же рядом — Дядя и Женя, просящие по копии». Дядя и Женя — старые конспиративные клички для двух руководителей района. «Недавно,— рассказывает райоиный работник Наумов,— получили мы от Ильича для передачи в Цека письмо... Письмо мы прочли и так и ахнули. Оказывается, Ленин давно уже ставит перед Цека вопрос о восстании. Мы подняли шум, начали нажимать». Этого именно и иужно было.

В первых числах октября Ленин призывает Петроградскую партийную конференцию сказать твердое партийное слово в пользу восстания. По его инициативе конференция «настоятельно просит ЦК принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян»[81]. В одной этой фразе две маскировки — юридическая и дипломатическая: о руководстве «неизбежиым восстанием», вместо прямой подготовки восстания говорится, чтоб ие дать слишком благоприятных козырей в руки прокуратуры; коиференция «просит ЦК», не требует и не протестует, это явная дань престижу высшего учреждения партии. Но в другой резолюции, также написанной Лениным, говорится с большей откровенностью: «...в верхах партии заметны шатания, как бы боязнь борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами». Это уже почти прямое восстаиовление партии против Центрального Комитета, Леиин нелегко решался иа такие шаги. Но дело шло о судьбе революции, и все другие соображения отступали на задний план.

8 октября Лении обращается к большевистским делегатам предстоящего Северного областного съезда: «Нельзя ждать Всероссийского съезда Советов, который Центральный исполнительный комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска»[82]. Областной съезд, иа котором представлены Финляндия, флот и Ревель, должен взять на себя инициативу «немедленного движения к Питеру». Прямой призыв к иемедленному восстанию обращен на этот раз к представителям десятков Советов. Призыв исходит личио от Лениıа: партийного решения иет, высшее учреждение партии еще ие высказалось.

Нужно было очень большое доверие к пролетариату, к партии, но и очень серьезное недоверие к Центральному Комитету, чтобы мимо него, за личной ответственностью, из подполья, при помощи небольших мелко исписанных листков почтовой бумаги поднять агитацию за вооруженный переворот. Как же могло случиться, что Ленин, которого мы видели изолированным на верхах собственной партии в начале апреля, как бы снова оказался в той же среде одиноким в сентябре и начале октября? [83] Этого нельзя понять, если верить неумной легенде, изображающей историю большевизма как эманацию чистой революционной идеи. На самом деле большевизм развивался в определенной социальной среде, испытывая на себе ее разнородные воздействия, в том числе и влияние мелкобуржуазного окружения и культурной отсталости. К каждой новой обстановке партия приспосабливалась не иначе, как путем внутреннего кризиса.

Чтоб старая предоктябрьская борьба на большевистских верхах предстала перед нами в своем подлинном свете, приходится снова оглянуться назад на те процессы в партии, о которых уже шла речь в первом томе этого труда. Это тем более необходимо, что как раз в настоящее время фракция Сталина делает неслыханные усилия, притом в международном масштабе, чтобы вытравить из исторической памяти всякое воспоминание о том, как на деле подготовлялся и совершался Октябрьский переворот.

В годы перед войной большевики называли себя в легальной печати «последовательными демократами». Этот псевдоним был выбран не случайно. Лозунги революционной демократии большевизм, и только он один, смело доводил до конца. Но в прогнозе революции он не шел дальше их. Война же, нерасторжимо связав буржуазную демократию с империализмом, окончательно обнаружила, что программа «последовательной демократии» может быть разрешена не иначе, как через пролетарскую революцию [84]. Кому из большевиков война этого не объяснила, того революция должна была неминуемо застигнуть врасплох и превратить в левого попутчика буржуазной демократии.

Между тем тщательное изучение материалов, характеризующих жизнь партии за время войны и в начале революции,— несмотря на крайнюю и неслучайную их неполноту, а начиная с 1923 г. и на возрастающую их тенденциозность — все больше и больше обнаруживает,

какое огромное идейное сползаиие проделал верхний слой большевиков за время войны, когда правильиая жизнь партни фактически прекратилась. Прнчнна сползания двойная: отрыв от масс и отрыв от эмиграцни, то есть прежде всего от ЛениИа, и как результат: погружеиие в изолированность н в провннциализм.

Ни один из старых большевиков в Россин, предоставлеиных каждый самому себе, ие формулировал в течение всей войны ни одиого документа, который мог бы рассматриваться хотя бы как маленькая веха иа путн от Второго Интернационала к Третьему. «Вопросы мнра, качества грядущей революции, роль партин в будущем Временном правительстве н т. п.,— писал несколько лет тому иазад один из старых членов партни Аитоиов-Саратовский[85],— рисовались нам нлн довольно смутно или совсем не входили в поле иашего мышления». До сих пор вообще не опубликовано ни одной работы, ни одиой страницы дневнкка, ни одиого письма, в которых Сталин, Молотов и другие из нынешннх руководнтелей хоть вскользь, хоть бегло формулировали бы свон воззреиия на перспективы войны и революции. Это ие зиачит, конечно, что «старые большевики» ничего ие писали по этим вопросам в годы войны, крушения социал-демократии и подготовки русской революции; историческне события слишком властио требовалн ответа, а тюрьма и ссылка представлялн достаточный досуг для размышлений н перепнски. Но во всем иаписанном на эти темы не оказалось иичего, что можно было бы хоть с иатяжкой истолковать как приближение к идеям Октябрьской революцни. Достаточно сослаться иа то, что Институт нстории партии лишен возможиостн иапечатать хотя бы одну строку, вышедшую из-под пера Сталниа за 1914—1917 гг., и вынуждеи тщательно скрывать важнейшие документы за март 1917 г. В официальных политических биографнях большннства правящего ныне слоя годы войны значатся как пустое место. Такова неприкрашеиная правда.

Один из новейших молодых историков, Баевский, которому специально поручено было показать, как партийиые верхн развивались во время войны в сторону пролетарской революции, иесмотря иа проявлеиную им гибкость иаучной совести, не смог выжать из матерналов инчего, кроме следующего тощего заявления: «Проследнть, как шел этот процесс, иельзя, но некоторые документы и воспоминаиия с иесомнеиностью доказывают, что

подпочвенные искания партийной мысли в направлении Апрельских тезисов Ленина были...» Как будто дело идет о подпочвенных исканиях, а не научных оценках и политических прогнозах!

Петербургская «Правда» пыталась в начале революции занять интернационалистскую позицию, правда крайне противоречивую, ибо не выходившую за рамки буржуазной демократии. Прибывшие из ссылки авторитетные большевики сразу придали центральному органу демократически-патриотическое направление. Калинин, отбиваясь от обвинений в оппортунизме, напомнил 30 мая: «Взять пример «Правды». Вначале «Правда» вела одну политику. Приехали Сталин, Муранов, Каменев и повернули руль «Правды» в другую сторону».

«Надо сказать прямо,— писал несколько лет тому назад Молотов,— у партии не было ясности и решимости, каких требовал революционный момент... Агитация и вся революционная партийная работа в целом не имели прочной основы, ибо мысль не дошла еще до смелых выводов относительно необходимости непосредственной борьбы за социализм и социалистическую революцию». Перелом начался только на втором месяце революции. «Со времени прибытия Ленина в Россию в апреле 1917 г.,— свидетельствует Молотов,— наша партия почувствовала прочную почву под ногами... До этого момента партия лишь слабо и неуверенно нащупывала свою дорогу».

Прийти априорно к идеям Октябрьской революции можно было не в Сибири, не в Москве, даже не в Петрограде, а только на перекрестке мировых исторических путей. Задачи запоздалой буржуазной революции должны были пересечься с перспективами мирового пролетарского движения, чтобы оказалось возможным выдвинуть для России программу диктатуры пролетариата. Нужен был более высокий наблюдательный пункт, не национальный, а интернациональный горизонт, не говоря уже о более серьезном вооружении, чем то, каким располагали так называемые русские практики партии.

Низвержение монархии открывало в их глазах эру «свободной», республиканской России, в которой они собирались по примеру западных стран открыть борьбу за социализм. Три старых большевика, Рыков, Скворцов[86] и Вегман[87], «по поручению освобожденных революцией социал-демократов Нарымского края» телеграфировали в марте из Томска: «Приветствуем возрожденную «Прав-

ду», которая с таким успехом подготовила революционные кадры для завоевания политической свободы. Выражаем глубокую уверенность, что ей удастся объединить вокруг своего знамени для дальнейшей борьбы во имя национальной революции». Из этой коллективной телеграммы выступает целое мировоззрение: оно пропастью отделено от Апрельских тезисов Ленина. Февральский переворот сразу превратил руководящий слой партии во главе с Каменевым, Рыковым, Сталиным в демократических оборонцев, притом развивавшихся вправо, в сторону сближения с меньшевиками. Будущий историк партии Ярославский[88], будущий глава Центральной контрольной комиссии Орджоникидзе[89], будущий председатель украинского ЦИКа Петровский[90] издавали в марте в тесном союзе с меньшевиками (в Якутске) журнал «Социал-демократ», стоявший на грани патриотического реформизма и либерализма: в позднейшие годы это издание тщательно собиралось и предавалось уничтожению.

«Надо открыто признать,— писал Ангарский[91], один из этого слоя, когда такие вещи еще разрешалось писать,— что огромное число старых большевиков до Апрельской конференции партии по вопросу о характере революции 1917 г. придерживалось старых большевистских взглядов 1905 г. и что отказ от этих взглядов, их изживание совершались не так легко». Следовало бы лишь прибавить, что пережившие себя идеи 1905 г. переставали быть в 1917 г. «старыми большевистскими взглядами», а становились идеями патриотического реформизма.

«Апрельским тезисам Ленина,— гласит официальное историческое издание,— прямо-таки не повезло в Петербургском комитете. За эти тезисы, составившие эпоху, высказались только двое против 13 и один воздержался». «Слишком смелыми казались выводы Ленина даже для самых его восторженных последователей»,— пишет Подвойский[92]. Выступления Ленина, по мнению Петроградского комитета и Военной организации, «поставили... партию большевиков одинокой и тем, разумеется, ухудшили положение пролетариата и партии до крайности».

Сталин в конце марта выступал за военную оборону, за условную поддержку Временного правительства, за пацифистский манифест Суханова, за слияние с партией Церетели. «Эту ошибочную позицию,— признавал ретроспективно сам Сталин в 1924 г.,— я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись

к тезисам Ленина. Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах»[93]...

Калинин даже в конце апреля стоял еще за избирательный блок с меньшевиками. На Петроградской городской конференции Ленин говорил: «Я резко восстаю против Калинина, ибо блок с... шовинистами — немыслим... Это — предательство социализма». Настроения Калинина не были исключением даже в Петрограде. На конференции говорилось: «Объединительный угар под влиянием Ленина идет насмарку».

В провинции сопротивление тезисам Ленина держалось значительно дольше, в ряде губерний — почти до Октября. По рассказу киевского рабочего Сивцова, «идеи, выставленные в тезисах (Ленина), не сразу были восприняты всей Киевской большевистской организацией. Ряд товарищей, в том числе и Г. Пятаков[94], были с тезисами не согласны»... Харьковский железнодорожник Моргунов рассказывает: «Старые большевики пользовались большим влиянием среди всей железнодорожной массы... многие из старых большевиков не состояли в нашей фракции... после Февральской революции некоторые по ошибке записались к меньшевикам, над чем и сами после смеялись, как, мол, это случилось». В таких и подобных свидетельствах недостатка нет.

Несмотря на все это, простое упоминание о произведенном Лениным в апреле перевооружении партии воспринимается ныне официальной историографией как кощунство. Исторический критерий новейшие историки заменили критерием чести партийного мундира. Они лишены права цитировать по этому поводу даже Сталина, который еще в 1924 г. вынужден был признавать всю глубину апрельского поворота. «Понадобились знаменитые Апрельские тезисы Ленина для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу». «Новая ориентировка» и «новая дорога» — это и есть перевооружение партии. Но уже шесть лет спустя Ярославский, упомянувший в качестве историка, о том, что Сталин в начале революции занимал «ошибочную позицию в основных вопросах», подвергся свирепой травле со всех сторон. Идол престижа есть самое прожорливое из всех чудовищ!

Революционная традиция партии, давление рабочих снизу, критика Ленина сверху заставили верхний слой партии в течение апреля — мая, говоря словами Сталина, «выйти на новую дорогу». Но нужно было бы совсем

не знать политической психологии, чтобы допустить, будто одно лишь голосование за тезисы Ленина означало действительный и полный отказ от «ошибочной позиции в основных вопросах». В действительности те вульгарно-демократические взгляды, которые органически окрепли за годы войны, хоть и приспособлялись к новой программе, но оставались в глухой оппозиции к ней.

6 августа Каменев, вопреки Апрельской конференции большевиков, выступает в Исполнительном комитете за участие в подготовлявшейся Стокгольмской конференции социал-патриотов. В Центральном органе партии выступление Каменева не встречает никакого отпора. Ленин пишет грозную статью, которая появляется, однако, лишь через 10 дней после речи Каменева. Понадобились решительные настояния самого Ленина и других членов ЦК, чтоб добиться от возглавлявшейся Сталиным редакции напечатания протестующей статьи.

Конвульсия колебаний прошла по партии после июльских дней: изолированность пролетарского авангарда испугала многих руководителей, особенно в провинции. В корниловские дни эти испуганные пытались приблизиться к соглашателям, что снова вызвало предостерегающий окрик Ленина.

30 августа Сталин, в качестве редактора, печатает без оговорки статью Зиновьева «Чего не делать», направленную против подготовки восстания. «Надо смотреть правде в лицо: в Петрограде сейчас много условий, благоприятствующих возникновению восстания типа Парижской коммуны 1871 года»... 3 сентября Ленин, в другой связи и не называя Зиновьева, но рикошетом ударяя по нему, пишет: «...ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа. Ибо, во-первых, большевики все же кое-чему научились после 1871 г., они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить. Кроме того, Коммуна не могла предложить народу сразу того, что могут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира»[95]... Это было безыменное, но недвусмысленное предостережение не только Зиновьеву, но и редактору «Правды» Сталину.

Вопрос о Предпарламенте разбил ЦК пополам. Решение фракции совещания в пользу участия в Предпарламенте было подтверждено многими местными комитетами, если не большинством. Так было, например, в Киеве.

«По вопросу о... вхождении в Предпарламент,— говорит в своих воспоминаниях Е. Бош[96],— большинство Комитета высказалось за участие и избрало своего представителя Пятакова». Во многих случаях, как на примере Каменева, Рыкова, Пятакова и других, можно проследить преемственность в шатаниях: против тезисов Ленина в апреле, против бойкота Предпарламента в сентябре, против восстания в октябре. Наоборот, следующий слой большевистских кадров, более близкий к массам и политически более свежий, легко воспринял лозунг бойкота и заставил круто повернуть комитеты, в том числе и Центральный. Под влиянием писем Ленина Киевская городская конференция, например, подавляющим большинством высказалась против своего комитета. Так, почти на всех крутых поворотах Ленин опирался на низшие слои аппарата против высших или на партийную массу — против аппарата в целом.

Предоктябрьские колебания меньше всего могли при этих условиях застигнуть Ленина врасплох. Он заранее оказался вооружен зоркой подозрительностью, подстерегал тревожные симптомы, исходил из худших предположений и считал более целесообразным лишний раз нажать, чем проявить снисходительность.

По несомненному внушению Ленина московское Областное бюро вынесло в конце сентября жесткую резолюцию против ЦК, обвиняя его в нерешительности, колебаниях, внесении замешательства в ряды партии и требуя «взять ясную и определенную линию на восстание». От имени московского бюро Ломов[97] докладывал 3 октября это решение в ЦК. Протокол отмечает: «Прений по докладу решено не вести». ЦК продолжал еще уклоняться от ответа на вопрос, что делать? Но нажим Ленина через Москву не остался без результата: через два дня ЦК решил покинуть Предпарламент.

Что этот шаг означал вступление на путь восстания, было ясно врагам и противникам. «Троцкий, уведя свою армию из Предпарламента,— пишет Суханов,— определенно взял курс на насильственный переворот». Доклад в Петроградском Совете о выходе из Предпарламента был закончен кличем: «Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!» Это было 9 октября.

На следующий день происходило, по требованию Ленина, знаменитое заседание ЦК, где вопрос о восстании был поставлен ребром. От исхода этого заседания Ленин

ставил в зависимость свою дальнейшую политику: через ЦК или против него. «О, новые шутки веселой музы истории! — пишет Суханов.— Это верховное и решительное заседание состоялось у меня на квартире, все на той же Карповке (32, кв. 31). Но все это было без моего ведома». Жена меньшевика Суханова была большевичкой. «На тот раз к моей ночевке вне дома были приняты особые меры: по крайней мере, жена моя точно осведомилась о моих намерениях и дала мне дружеский бескорыстный совет — не утруждать себя после трудов дальним путешествием. Во всяком случае, высокое собрание было совершенно гарантировано от моего нашествия». Оно оказалось — что гораздо важнее — ограждено и от нашествия полиции Керенского.

Из 21 члена ЦК присутствовало 12. Ленин прибыл в парике и очках, без бороды. Заседание длилось около 10 часов подряд, до глубокой ночи. В промежутке пили чай с хлебом и колбасой для подкрепления сил. А силы нужны были: вопрос шел о захвате власти в бывшей империи царей. Как всегда, заседание началось с организационного доклада Свердлова. На этот раз его сообщения были посвящены фронту и, по-видимому, заранее согласованы с Лениным, чтоб дать ему опору для необходимых выводов: это вполне отвечало приемам Ленина. Представители армий Северного фронта предупреждали через Свердлова о подготовке контрреволюционным командованием какой-то «темной истории с отходом войск вглубь». Из Минска, из штаба Западного фронта, сообщали, что там готовится новая корниловщина; ввиду революционного характера местного гарнизона, штаб окружил город казачьими частями. «Идут какие-то переговоры между штабами и Ставкой подозрительного характера». Захватить штаб в Минске вполне возможно: местный гарнизон готов разоружить казачье кольцо. Могут также из Минска послать революционный корпус в Петроград. На фронте настроение за большевиков, пойдут против Керенского. Таково вступление: оно не во всех своих частях достаточно определенно, но имеет вполне обнадеживающий характер.

Ленин сразу переходит в наступление: «С начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании». Ссылаются на охлаждение и разочарование масс. Немудрено: «Массы утомились от слов и резолюций». Надо брать обстановку в целом. События в городах совершаются теперь на фоне гигантского движения

крестьян. Чтоб притушить аграрное восстание, правительству нужны были бы колоссальные силы. «Политическая обстановка, таким образом, готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха». Докладчик явно сдерживает себя: у него слишком много накопилось на душе. «Северным областным съездом Советов и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий»[98].

Северный съезд открылся как раз в день заседания ЦК и должен был закончиться через два-три дня. «Начало решительных действий» Ленин ставил как задачу ближайших дней. Нельзя ждать. Нельзя откладывать. На фронте — мы слышали от Свердлова — готовят переворот. Состоится ли съезд Советов? Неизвестно. Власть надо брать немедленно, не дожидаясь никаких съездов. «Непередаваемым и невоспроизводимым,— писал через несколько лет Троцкий,— остался общий дух этих напряженных и страстных импровизаций, проникнутых стремлением передать возражающим, колеблющимся, сомневающимся свою мысль, свою волю, свою уверенность, свое мужество»...

Ленин ожидал большого сопротивления. Но его опасения скоро рассеялись. Единодушие, с каким ЦК отверг в сентябре предложение немедленного восстания, имело эпизодический характер: левое крыло высказалось против «окружения Александринки» по конъюнктурным соображениям; правое — по соображениям общей стратегии, хотя и не додуманным еще в тот момент до конца. За истекшие три недели в ЦК произошел значительный сдвиг влево. За восстание голосовало десять против двух. Это была серьезная победа!

Вскоре после переворота — на новом этапе внутрипартийной борьбы — Ленин упомянул во время прений в Петроградском комитете, как до заседания ЦК он «боялся оппортунизма со стороны интернационалистов-объединенцев, но это рассеялось; в нашей партии некоторые члены (ЦК) не согласились. Это меня крайне огорчило». Из «интернационалистов», кроме Троцкого, которого вряд ли Ленин мог иметь в виду, в ЦК входили: Иоффе, будущий посол в Берлине, Урицкий, будущий руководитель Чека в Петрограде, и Сокольников, будущий создатель червонца,— все трое оказались на стороне Ленина. В качестве противников выступили два, по прошлой своей

работе наиболее близких к Ленину старых большевика,— Зиновьев и Каменев. К ним и относятся его слова: «Это меня крайне огорчило». Заседание 10-го почти целиком свелось к страстной полемике с Зиновьевым и Каменевым: наступление вел Ленин, остальные втягивались один за другим.

Спешно — огрызком карандаша на графленном квадратиками листке детской тетради — написанная Лениным резолюция была очень нескладна по архитектуре, но зато давала прочную опору для курса на восстание. «ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания по всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского и К° сдать Питер немцам),— все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.),— все это ставит на очередь дня вооруженное восстание. Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)» [99].

Замечателен как для оценки момента, так и для характеристики автора самый порядок перечисления условий восстания: на первом месте — назревание мировой революции; восстание в России рассматривается лишь как звено общей цепи. Это неизменная позиция Ленина, его большая посылка: иначе он не мог. Задача восстания ставится непосредственно как задача партии; трудный вопрос о согласовании подготовки переворота с Советами пока совсем не затронут. Всероссийский съезд Советов не упомянут ни словом. В качестве точек опоры для восстания к Северному областному съезду и «выступлению москвичей и минчан» прибавлен, по настоянию Троцкого, «вывод войск из Питера». Это был единственный намек на тот план восстания, который навязывался в столице ходом событий. Никто не предлагал тактических поправок к резолюции, которая определяла исходную

стратегическую позицию переворота, против Зиновьева и Каменева, отрицавших самую необходимость восстания.

Позднейшие попытки официозной историографии представить дело так, будто весь руководящий слой партии, кроме Зиновьева и Каменева, стоял за восстание, разбиваются о факты и документы. Не говоря о том, что и голосующие за восстание нередко склонны были отодвинуть его в неопределенное будущее; открытые противники переворота, Зиновьев и Каменев, не были изолированы даже в составе ЦК: на их точке зрения стояли полностью Рыков и Ногин, отсутствовавшие на заседании 10-го, к ним приближался Милютин. «В верхах партии заметны шатания, как бы боязнь борьбы за власть» — таково свидетельство самого Ленина. По словам Антонова-Саратовского, Милютин, прибывший после 10-го в Саратов, «рассказывал о письме Ильича с требованием «начинать», о колебаниях в ЦК, первоначальном «провале» предложения Ленина, о его негодовании и, наконец, о том, что все же курс взят на восстание». Большевик Садовский[100] писал позже об «известной неуверенности и неопределенности, которые в это время царили. Даже в среде ЦК нашего в это время, как известно, были трения, столкновения, как начать и начинать ли».

Решительно выступал против восстания Чудновский. Скептический Мануильский[101] предостерегающе твердил, что «фронт не с нами». Против восстания был Томский, Володарский[102] поддерживал Зиновьева и Каменева. Далеко не все противники переворота выступали открыто. На заседании Петроградского комитета 15-го Калинин говорил: «Резолюция ЦК — это одна из лучших резолюций, которую когда-либо ЦК выносил... Мы практически подошли к вооруженному восстанию. Но когда это будет возможно — может быть, через год,— неизвестно». Такого рода «согласие» с ЦК, как нельзя более характерное для Калинина, было свойственно, однако, не только ему. Многие присоединялись к резолюции, чтоб застраховать таким образом свою борьбу против восстания.

Меньше всего единодушия наблюдалось на верхах в Москве. Областное бюро поддерживало Ленина. В Московском комитете колебания были очень значительны, преобладали настроения в пользу оттяжки. Губернский комитет занимал позицию неопределенную, причем в Областном бюро считали, по словам Яковлевой[103], что в ре-

шительную минуту губернский комитет колебнется в сторону противников восстания.

Саратовец Лебедев рассказывает, как при посещении Москвы, незадолго до переворота, он прогуливался с Рыковым, который, указывая рукою на каменные дома, богатые магазины, деловое оживление вокруг, жаловался на трудности предстоящей задачи: «Здесь, в самом центре буржуазной Москвы, мы действительно казались себе пигмеями, задумавшими своротить гору».

В каждой организации партии, в каждом губернском ее комитете были люди тех же настроений, что Зиновьев и Каменев; во многих комитетах они составляли большинство. Даже в пролетарском Иваново-Вознесенске, где большевики господствовали безраздельно, разногласия на руководящих верхах приняли чрезвычайную остроту. В 1925 г., когда воспоминания применялись уже к потребностям нового курса, Киселев, старый рабочий-большевик, писал: «Рабочая часть партии, за исключением отдельных лиц, шла за Лениным, против же Ленина выступала немногочисленная группа партийных интеллигентов и одиночки-рабочие». В публичных спорах противники восстания повторяли те же доводы, что и Зиновьев с Каменевым. «В частных же спорах,— пишет Киселев,— полемика принимала более острые и откровенные формы, и там договаривались до того, что «Ленин безумец, толкает рабочий класс на верную гибель, из этого вооруженного восстания ничего не выйдет, нас разобьют, разгромят партию и рабочий класс, а это отодвинет революцию на долгие годы и т. п.». Таково, в частности, было настроение Фрунзе [104], лично очень мужественного, но не отличавшегося широким горизонтом [105].

Даже победа восстания в Петрограде далеко еще не повсюду сломила инерцию выжидательности и прямое сопротивление правого крыла. Шаткость руководства едва не довела впоследствии восстание в Москве до крушения. В Киеве руководимый Пятаковым комитет, ведший чисто оборонительную политику, передал в конце концов инициативу, а затем и власть в руки Рады. «Воронежская организация нашей партии,— рассказывает Врачев,— весьма значительно колебалась. Самый переворот в Воронеже... был произведен не комитетом партии, а активным его меньшинством во главе с Моисеевым». В целом ряде губернских городов большевики заключили в октябре блок с соглашателями «против контрреволюции», как если б соглашатели не составляли

в этот момент одну из важнейших ее опор. Почти везде и всюду нужен был одновременный толчок и сверху и снизу, чтобы сломить последнюю нерешительность местного комитета, заставить его порвать с соглашателями и возглавить движение. «Конец октября и начало ноября были днями поистине «смуты великой» в нашей партийной среде. Многие быстро поддавались настроениям»,— вспоминает Шляпников, сам отдавший немалую дань колебаниям.

Все те элементы, которые, как харьковские большевики, оказались в начале революции в лагере меньшевиков, а затем сами удивлялись, «как, мол, это случилось», в октябрьские дни не находили себе, по общему правилу, места, колебались, выжидали. Тем увереннее они предъявили свои права «старых большевиков» в период идейной реакции. Как ни велика была за последние годы работа по сокрытию этих фактов, но, даже помимо недоступных сейчас исследователю секретных архивов, сохранилось в газетах того времени, мемуарах, исторических журналах немало свидетельств того, что аппарат даже наиболее революционной партии обнаружил накануне переворота большую силу сопротивления. В бюрократии неизбежно сидит консерватизм. Революционную функцию аппарат может выполнять лишь до тех пор, пока является служебным орудием партии, то есть подчинен идее и контролируется массой.

Резолюция 10 октября приобрела огромное значение. Она сразу обеспечила действительным сторонникам восстания крепкую почву партийного права. Во всех организациях партии, во всех ячейках стали выдвигаться на первое место наиболее решительные элементы. Партийные организации, начиная с Петрограда, подтянулись, подсчитали силы и средства, укрепили связи и придали кампании за переворот более концентрированный характер.

Но резолюция не положила конец разногласиям в ЦК. Наоборот, она их только оформила и вывела наружу. Зиновьев и Каменев, которые недавно чувствовали себя в известной части руководящих кругов окруженными атмосферой сочувствия, заметили с испугом, как быстро происходит сдвиг влево. Они решили не упускать больше времени и распространили на следующий же день обширное обращение к членам партии. «Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российским рабочим классом,— писали они,—

мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее».

Их перспектива состояла в том, чтобы в качестве сильной оппозиционной партии войти в Учредительное собрание, которое «только на Советы сможет опереться в своей революционной работе». Отсюда формула: «Учредительное собрание плюс Советы — вот тот тип комбинированных государственных учреждений, к которому мы идем». Учредительное собрание, где большевики предполагались в меньшинстве, и Советы, где большевики в большинстве, то есть орган буржуазии и орган пролетариата, должны быть «скомбинированы» в мирную систему двоевластия. Этого не вышло даже при господстве соглашателей. Как же могло это удаться при большевистских Советах?

«Глубокой исторической неправдой,— заканчивали Зиновьев и Каменев,— будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет. Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам» [106]. Надежда на дальнейший непрерывный рост большевизма, независимо от реального хода классовых столкновений, непримиримо сталкивалась с ленинским лейтмотивом того времени: «Успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы».

Едва ли нужно пояснять, что правота в этом драматическом диалоге была целиком на стороне Ленина. Революционную ситуацию невозможно по произволу консервировать. Если бы большевики не взяли власти в октябре — ноябре, они, по всей вероятности, не взяли бы ее совсем. Вместо твердого руководства массы нашли бы у большевиков все то же, уже опостылевшее им расхождение между словом и делом и отхлынули бы от обманувшей их ожидания партии в течение двух-трех месяцев, как перед тем отхлынули от эсеров и меньшевиков. Одна часть трудящихся впала бы в индифферентизм, другая сжигала бы свои силы в конвульсивных движениях, в анархических вспышках, в партизанских схватках, в терроре мести и отчаяния. Полученную, таким образом, передышку буржуазия использовала бы для заключения сепаратного мира с Гогенцоллерном и разгрома революционных организаций. Россия снова включилась бы в цикл капиталистических государств как полуимпериалистическая, полуколониальная страна. Пролетарский переворот отодвинулся бы в неопределенную даль. Острое понимание этой

перспективы внушало Ленину его тревожный клич: «Успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы».

Но теперь, после 10-го, положение в партии радикально изменилось. Ленин не был уже изолированным «оппозиционером», предложения которого отклонялись Центральным Комитетом. Изолированным оказалось правое крыло. Ленину не было надобности ценой отставки приобретать для себя свободу агитации. Легальность была на его стороне. Наоборот, Зиновьев и Каменев, пустив в обращение свой документ, направленный против вынесенного большинством ЦК решения, оказались нарушителями дисциплины. А Ленин в борьбе не оставлял безнаказанной и менее крупной оплошности противника!

На заседании 10-го избрано было по предложению Дзержинского Политическое бюро из семи человек: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Сокольников [107], Бубнов [108]. Новое учреждение оказалось, однако, совершенно нежизнеспособным: Ленин и Зиновьев все еще скрывались; Зиновьев продолжал к тому же вести борьбу против восстания, как и Каменев. Политическое бюро октябрьского состава ни разу не собиралось, и о нем вскоре просто забыли, как и о других организациях, создававшихся adhoc в водовороте событий.

Никакого практического плана восстания, даже приблизительного, в заседании 10-го намечено не было. Но (без занесения в резолюцию) было условлено, что восстание должно предшествовать съезду Советов и начаться по возможности не позже 15 октября. Не все шли на этот срок охотно: он явно был слишком короток для взятого в Петрограде разбега. Но настаивать на отсрочке значило бы поддержать правых и спутать карты. К тому же отсрочить никогда не поздно!

Факт первоначального назначения срока на 15-е был впервые опубликован в воспоминаниях Троцкого о Ленине в 1924 г., семь лет после событий. Сообщение было вскоре оспорено Сталиным, причем вопрос приобрел в русской исторической литературе остроту. Как известно, восстание произошло в действительности только 25-го, следовательно, первоначально назначенный срок оказался не выдержан. Эпигонская историография считает, что в политике ЦК не могло быть не только ошибок, но и просрочек. «Выходит,— пишет по этому поводу Сталин,— что ЦК назначил срок восстания на 15 октября и потом сам же нарушил (!) это постановление, оттянув срок вос-

стания на 25 октября. Верно ли это? Нет, неверно». Сталин приходит к выводу, что «Троцкому изменила память». В доказательство он ссылается на резолюцию 10 октября, которая не называет никакого срока.

Спорный вопрос хронологии восстания очень важен для понимания ритма событий и требует освещения. Что резолюция 10-го не содержит в себе даты, совершенно верно. Но эта общая резолюция относилась к восстанию по всей стране и предназначалась для сотен и тысяч руководящих партийных работников. Включать в нее конспиративный срок намеченного уже на ближайшие дни восстания в Петрограде было бы верхом неблагоразумия: напомним, что Ленин из осторожности даже в своих письмах того времени не ставил дат. Дело шло в данном случае о таком важном и вместе простом решении, которое все участники могли без труда удержать в памяти, тем более в течение всего лишь нескольких дней. Обращение Сталина к тексту резолюции представляет, таким образом, совершенное недоразумение.

Мы готовы, однако, признать, что ссылки одного из участников на собственную память, особенно если сообщение оспорено другим участником, недостаточно для исторического исследования. К счастью, вопрос решается с совершенной бесспорностью в плоскости анализа условий и документов.

Открытие съезда Советов предстояло 20 октября. Между днем заседания Центрального Комитета и сроком съезда оставался промежуток в 10 дней. Съезд должен был не агитировать за власть Советов, а взять ее. Но сами по себе несколько сот делегатов бессильны овладеть властью, нужно было вырвать ее для съезда и до съезда. «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд» — эта мысль стояла в центре всей агитации Ленина со второй половины сентября. В принципе с этим были согласны все, кто вообще стоял за захват власти [109]. ЦК не мог, следовательно, не поставить себе задачей попытаться провести восстание между 10 и 20 октября. А так как нельзя было предвидеть, сколько дней протянется борьба, то начало восстания было назначено на 15-е. «Насчет самого срока,— пишет Троцкий в своих воспоминаниях о Ленине,— споров, помнится, почти не было. Все понимали, что срок имеет лишь приблизительный, так сказать, ориентировочный характер и что в зависимости от событий можно будет несколько приблизить или несколько отдалить его. Но речь могла идти

только о днях, не более. Самая необходимость срока, и притом ближайшего, была совершенно очевидна».

В сущности, свидетельство политической логики исчерпывает вопрос. Но нет недостатка и в дополнительных доказательствах. Ленин настойчиво и неоднократно предлагал воспользоваться Северным областным съездом Советов для начала военных действий. Резолюция ЦК восприняла эту мысль. Но областной съезд, открывшийся 10-го, должен был закончиться как раз перед 15-м.

На совещании 16-го Зиновьев, настаивавший на отмене вынесенной шесть дней тому назад резолюции, требовал: «Мы должны сказать себе прямо, что в ближайшие пять дней мы не устраиваем восстания» [110]: речь шла о тех пяти днях, которые еще оставались до съезда Советов. Каменев, доказывавший на том же совещании, что «назначение восстания есть авантюризм», напоминал: «Раньше говорили, что выступление должно быть до 20-го» [111]. Никто ему на это не возражал и не мог возразить. Именно отсрочку восстания Каменев истолковывал как провал резолюции Ленина. Для восстания, по его словам, «за эту неделю ничего сделано не было» [112]. Это явное преувеличение: назначение срока заставило всех ввести в свои планы больше строгости и ускорить темпы работы. Но несомненно, что 5-дневный срок, намеченный на заседании 10-го, оказался слишком коротким. Запоздание было налицо. Только 17-го ЦИК перенес открытие съезда Советов на 25 октября. Эта отсрочка пришлась как нельзя более кстати.

Встревоженный затяжкой, Ленин, которому в его изолированности все внутренние препятствия и трения должны были неизбежно представляться в преувеличенном виде, настоял на созыве нового собрания ЦК с представителями важнейших отраслей партийной работы в столице. Именно на этом совещании, 16-го, на окраине города, в Лесном, Зиновьев и Каменев выдвинули приведенные выше доводы за отмену старого срока и назначение нового.

Споры возобновились с удвоенной силой. Милютин полагал, что «мы не готовы для нанесения первого удара... Встает другая перспектива: вооруженное столкновение... Оно нарастает, возможность его приближается. И к этому столкновению мы должны быть готовы. Но эта перспектива отлична от восстания» [113]. Милютин становился на оборонительную позицию, которую более отчетливо защищали Зиновьев и Каменев. Шотман [114], старый

петроградский рабочий, проделавший всю историю партии, утверждал, что на городской конференции, и в ПК, и в Военке настроение гораздо менее боевое, чем в ЦК. «Мы не можем выступить, но должны готовиться»[115]. Ленин атаковал Милютина и Шотмана за их пессимистическую оценку соотношения сил: «Дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой... Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему ЦК не может начать?»[116]

Троцкий отсутствовал на заседании: в эти самые часы он проводил в Совете положение о Военно-революционном комитете. Но ту точку зрения, которая окончательно сложилась в Смольном за истекшие дни, защищал Крыленко[117], только что проведший рука об руку с Троцким и Антоновым-Овсеенко[118] Северный областной съезд Советов. Крыленко не сомневался, что «вода достаточно вскипела»: брать назад резолюцию о восстании «было бы величайшей ошибкой». Он расходится, однако, с Лениным «в вопросе о том, кто и как будет начинать». Определенно назначить день восстания сейчас еще нецелесообразно. «Но вопрос о выводе войск есть именно тот боевой момент, на котором произойдет бой... Факт наступления на нас уже имеется, таким образом, и этим можно воспользоваться... Беспокоиться о том, кому начинать, не приходится, ибо начало уже есть»[119]. Крыленко излагал и защищал политику, заложенную в основу Военно-революционного комитета и гарнизонного совещания. Восстание развернулось дальше именно по этому пути.

Ленин не откликнулся на слова Крыленко: живая картина последних шести дней в Петрограде не проходила перед его глазами. Ленин боялся оттяжки. Его внимание было направлено на прямых противников восстания[120]. Всякие оговорки, условные формулы, недостаточно категоричные ответы он склонен был истолковывать как косвенную поддержку Зиновьеву и Каменеву, которые выступали против него с решимостью людей, сжегших свои корабли. «Недельные результаты,— доказывал Каменев,— говорят за то, что данных за восстание теперь нет. Аппарата восстания у нас нет; у наших врагов этот аппарат гораздо сильнее и, наверное, за эту неделю еще возрос... Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в движущие силы русской революции»[121]. Оппортунисты всегда верят в движущие силы там, где надо драться.

Ленин возражал: «Если считать, что восстание назрело, то говорить о заговорах не приходится. Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию, как к искусству»[122]. Именно по этой линии шел в партии основной, действительно принципиальный спор, от разрешения которого в ту или другую сторону зависела судьба революции. Однако в общих рамках ленинской постановки, которая объединяла вокруг себя большинство ЦК, вставали подчиненные, но крайне важные вопросы: как на основе созревшей политической ситуации подойти к восстанию? какой выбрать мост от политики к технике переворота? и как по этому мосту провести массы?

Иоффе, принадлежавший к левому крылу, поддерживал резолюцию 10-го. Но он возражал Ленину в одном пункте: «Неверно, что теперь вопрос чисто технический; и теперь момент восстания должен быть рассмотрен с политической точки зрения»[123]. Как раз последняя неделя показала, что для партии, для Совета, для масс восстание еще не стало одним лишь вопросом техники. Именно поэтому и не удалось выдержать намеченный 10-го срок.

Новая резолюция Ленина, призывающая «все организации и всех рабочих и солдат ко всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания», принята 20 голосами против двух, Зиновьева и Каменева, при трех воздержавшихся[124]. Официальные историки ссылаются на эти цифры в доказательство полного ничтожества оппозиции. Но они упрощают вопрос. Сдвиг влево был в толщах партии так силен, что противники восстания, не решаясь выступать открыто, чувствовали себя заинтересованными в том, чтобы стереть принципиальный водораздел между двумя лагерями. Если переворот, несмотря на намеченный ранее срок, не осуществился до 16-го, нельзя ли добиться того, чтобы дело и впредь ограничивалось платоническим «курсом на восстание»? Что Калинин не был так уж одинок, очень резко обнаружилось в том же заседании. Резолюция Зиновьева: «Выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов недопустимы» — отвергнута была 15 голосами против шести при трех воздержавшихся. Вот где произошла действительная проверка взглядов: часть «сторонников» резолюции ЦК хотела на деле отложить решение до съезда Советов и нового совещания с провинциальными, в большинстве своем более умеренными

большевиками. Таких, считая и воздержавшихся, обнаружилось девять человек из 24, то есть больше трети. Это все еще, конечно, меньшинство, но для штаба — довольно значительное. Безнадежная слабость этого штаба определялась тем, что у него не было никакой опоры в низах партии и в рабочем классе.

На следующий день Каменев, по соглашению с Зиновьевым, сдал в газету Горького заявление, направленное против вынесенного накануне решения. «Не только я и Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков,— так писал Каменев,— находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом... Ставить все... на карту выступления в ближайшие дни значило бы совершить шаг отчаяния. А наша партия слишком сильна, перед ней слишком большая будущность, чтобы совершать подобные шаги»... Оппортунисты всегда чувствуют себя «слишком сильными», чтобы ввязываться в борьбу.

Письмо Каменева было прямым объявлением войны ЦК, притом по такому вопросу, где никто не собирался шутить. Положение сразу приняло чрезвычайную остроту. Оно осложнилось несколькими другими личными эпизодами, имевшими общий политический источник. В заседании Петроградского Совета, 18-го, Троцкий в ответ на поставленный противниками вопрос заявил, что Совет восстания на ближайшие дни не назначал, но если бы оказался принужден назначить, то рабочие и солдаты выступили бы как один человек. Каменев, сосед Троцкого по президиуму, немедленно поднялся для краткого заявления: он подписывается под каждым словом Троцкого. Это был коварный ход: в то время как Троцкий оборонительной по внешности формулой юридически прикрывал наступательную политику, Каменев попытался использовать формулу Троцкого, с которым он радикально расходился, для прикрытия прямо противоположной политики.

Чтоб парализовать действие каменевского маневра, Троцкий в тот же день говорил в докладе на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов: «Гражданская война неизбежна. Надо только организовать ее более бескровно, менее болезненно. Достигнуть этого можно не шатаниями и колебаниями, а только упорной и мужественной борьбой за власть». Слова о шатаниях

были, явно для всех, направлены против Зиновьева, Каменева и их единомышленников.

Вопрос о выступлении Каменева в Совете Троцкий перенес, кроме того, на рассмотрение ближайшего заседания ЦК. В промежутке Каменев, желая развязать себе руки для агитации против восстания, подал в отставку из ЦК. Вопрос разбирался в его отсутствие. Троцкий настаивал на том, что «создавшееся положение совершенно невыносимо», и предлагал отставку Каменева принять.

Свердлов, поддержавший предложение Троцкого, огласил письмо Ленина, клеймившего Зиновьева и Каменева за их выступление в газете Горького штрейкбрехерами и требовавшего их исключения из партии. «Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета,— писал Ленин,— есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий не мог, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что... решение о необходимости вооруженного восстания, о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д. ... обязывает при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника... Увертка Каменева — просто жульничество» [125].

Отправляя свой негодующий протест через Свердлова, Ленин не мог еще знать, что Зиновьев письмом в редакцию Центрального органа заявил: его, Зиновьева, взгляды «очень далеки от тех, которые оспаривает Ленин», и он, Зиновьев, «присоединяется к вчерашнему заявлению Троцкого в Петроградском Совете». В таком же духе выступил в печати и третий противник восстания — Луначарский [126]. В довершение злонамеренной путаницы письмо Зиновьева, напечатанное в Центральном органе как раз в день заседания ЦК, 20-го, оказалось сопровождено сочувственным примечанием от редакции: «Мы в свою очередь выражаем надежды, что сделанным заявлением Зиновьева (а также заявлением Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками». Это был новый удар в спину, притом с такой стороны, откуда его никто не ожидал. В то время как Зиновьев и Каменев выступили во враждебной печати с открытой агитацией против решения ЦК о восстании, Центральный орган осуждает «резкость» ленинского тона и констатирует свое единомыслие с Зиновьевым и Каменевым «в основном». Как будто в

тот момент был более основной вопрос, чем вопрос о восстании! Согласно краткому протоколу, Троцкий заявил на заседании ЦК: «Недопустимо письмо в ЦО Зиновьева и Луначарского, как и заметка от редакции». Свердлов поддержал протест.

В редакцию входили тогда Сталин и Сокольников. Протокол гласит: «Сокольников сообщает, что не принимал участия в заявлении от редакции по поводу письма Зиновьева, и считает это заявление ошибочным». Выяснилось, что Сталин единолично — против другого члена редакции и большинства ЦК — поддержал Каменева и Зиновьева в самый критический момент, за четыре дня до начала восстания, сочувственным заявлением. Возмущение было велико.

Сталин выступил против принятия отставки Каменева, доказывая, что «все наше положение противоречиво», то есть взял на себя защиту той смуты, которую внесли в умы члены ЦК, выступавшие против восстания. Пятью голосами против трех принимается отставка Каменева. Шестью голосами, снова против Сталина, выносится решение, воспрещающее Каменеву и Зиновьеву вести борьбу против ЦК. Протокол гласит: «Сталин заявляет, что выходит из редакции». Чтоб не усугублять и без того нелегкое положение, ЦК отставку Сталина отклоняет.

Поведение Сталина может показаться необъяснимым в свете созданной вокруг него легенды; на самом деле оно вполне отвечает его духовному складу и политическим методам. Перед большими проблемами Сталин всегда отступает — не вследствие отсутствия характера, как Каменев, а вследствие узости кругозора и недостатка творческого воображения. Подозрительная осторожность почти органически вынуждает его в моменты больших решений и глубоких расхождений отступать в тень, выжидать и, если возможно, страховаться на два случая. Сталин голосовал с Лениным за восстание. Зиновьев и Каменев открыто боролись против восстания. Но если отбросить резкость тона ленинской критики, то «в основном мы остаемся единомышленниками». Свое примечание Сталин сделал отнюдь не по легкомыслию: наоборот, он тщательно взвешивал обстоятельства и слова. Но 20 октября он не считал возможным разрушить бесповоротно мост к лагерю противников переворота [127].

Показания протоколов, которые мы вынуждены цитировать не по оригиналу, а по официальному тексту,

обработанному в сталинской канцелярии [128], не только показывают действительное расположение фигур в большевистском ЦК, но и, несмотря на краткость и сухость, развертывают перед нами подлинную панораму партийного руководства, каким оно было на деле,— со всеми его внутренними противоречиями и неизбежными личными шатаниями. Не только историю в целом, но и наиболее дерзкие перевороты совершают люди, которым ничто человеческое не чуждо. Неужели же это умаляет значение совершенного?

Если бы развернуть на экране самую из блестящих побед Наполеона [129], то кинематографическая лента показала бы нам наряду с гениальностью, размахом, находчивостью, героизмом также и нерешительность отдельных маршалов, и путаницу генералов, не умеющих читать карту, и тупость офицеров, и панику целых отрядов, вплоть до расстроенных от страха кишечников. Этот реалистический документ свидетельствовал бы только, что армия Наполеона состояла не из автоматов легенды, а из живых французов, воспитавшихся на переломе двух веков. И картина человеческих слабостей только ярче подчеркивала бы грандиозность целого.

Легче теоретизировать о перевороте задним числом, чем впитать его в плоть и кровь прежде, чем он совершился. Приближение восстания неизбежно вызывало и будет вызывать кризисы в партиях восстания. Об этом свидетельствует опыт самой закаленной и революционной партии, какую до сих пор знала история. Достаточно того, что за несколько дней до битвы Ленин увидел себя вынужденным требовать исключения из партии двух наиболее близких и видных своих учеников. Позднейшие попытки свести конфликт к «случайностям» личного характера внушены чисто церковной идеализацией партийного прошлого. Как Ленин полнее и решительнее других выражал в осенние месяцы 1917 г. объективную необходимость восстания и волю масс к перевороту, так Зиновьев и Каменев откровеннее других воплощали тормозящие тенденции партии, настроения нерешительности, влияния мелкобуржуазных связей и давление правящих классов.

Если бы все совещания, прения, частные споры, происходившие в верхнем слое большевистской партии в течение одного только октября, были застенографированы, то потомки могли бы убедиться, какой напряженной внутренней борьбой формировалась на верхах партии

решимость, необходимая для переворота. Стенограмма показала бы в то же время, насколько революционная партия нуждается во внутренней демократии: воля к борьбе не заготовляется впрок и не диктуется сверху — ее надо каждый раз самостоятельно обновлять и закалять.

Ссылаясь на утверждения автора этой книги, что «основным инструментом пролетарского переворота служит партия», Сталин спрашивал в 1924 г.: «Как могла победить наша революция, если «основной ее инструмент» оказался негодным?» Ирония не прикрывает примитивной фальши возражения. Между святыми, как рисует их церковь, и между дьяволами, как их изображают кандидаты в святые, размещаются живые люди: они-то и делают историю. Высокий закал большевистской партии сказывался не в отсутствии разногласий, шатаний и даже потрясений, а в том, что она в труднейшей обстановке своевременно справлялась с внутренними кризисами и обеспечивала себе возможность решающего вмешательства в события. Это и значит, что партия, как целое, была вполне пригодным инструментом революции.

Реформистская партия практически считает незыблемыми основы того, что она собирается реформировать. Тем самым она неизбежно подчиняется идеям и морали господствующего класса. Поднявшись на спине пролетариата, социал-демократия стала лишь буржуазной партией второго сорта. Большевизм создал тип подлинного революционера, который историческим целям, непримиримым с современным обществом, подчиняет условия своего личного существования, свои идеи и нравственные оценки. Необходимая дистанция по отношению к буржуазной идеологии поддерживалась в партии бдительной непримиримостью, вдохновителем которой был Ленин. Он не уставал работать ланцетом, разрезая те связи, которые мелкобуржуазное окружение создавало между партией и официальным общественным мнением. В то же время Ленин учил партию формировать свое собственное общественное мнение, опирающееся на мысли и чувства поднимающегося вверх класса. Так путем отбора и воспитания, в постоянной борьбе, большевистская партия создала свою не только политическую, но и моральную среду, независимую от буржуазного общественного мнения и непримиримо ему противостоящую. Только это и позволило большевикам победить шатания в собственных рядах и проявить на деле ту мужественную решимость, без которой октябрьская победа была бы невозможна [...]

Естественноисторические аналогии в применении к революции настолько напрашиваются сами собой, что некоторые из них превратились в стершиеся метафоры: «вулканическое извержение», «роды нового общества», «точка кипения»... Под видом простого литературного образа здесь скрываются интуитивно схваченные законы диалектики, то есть логики развития.

Что революция в целом — по отношению к эволюции, то вооруженное восстание — по отношению к самой революции: критический пункт, когда накопившееся количество со взрывом переходит в качество. Но и само восстание не есть однородный и нерасчленимый акт: в нем есть свои критические точки, свои внутренние кризисы и подъемы.

Чрезвычайно важным, и политически, и теоретически, является короткий период, непосредственно предшествующий «точке кипения», то есть канун восстания. Физика учит, что равномерный процесс нагревания внезапно приостанавливается, жидкость сохраняет в течение известного времени неизменную температуру, чтоб закипеть лишь после поглощения дополнительного количества теплоты. Обиходный язык приходит нам и здесь на помощь, обозначая состояние мнимо спокойной сосредоточенности перед взрывом, как «затишье перед бурей».

Когда на сторону большевиков перешло безусловное большинство рабочих и солдат Петрограда, температура кипения, казалось, была достигнута. Именно в этот момент Ленин провозгласил необходимость немедленного восстания. Но поразительно: для восстания чего-то не хватало. Рабочие и особенно солдаты должны были поглотить еще какое-то дополнительное количество революционной энергии.

У масс нет противоречия между словом и делом. Но переход от слова к делу, даже к простой стачке, тем более к восстанию, неизбежно вызывает внутренние трения и молекулярные перегруппировки: одни продвигаются вперед, другим приходится потесниться назад. На первых своих шагах гражданская война вообще отличается чрезвычайной нерешительностью. Оба лагеря как бы вязнут в одной и той же национальной почве, не могут оторваться от собственной периферии, с ее промежуточными прослойками и соглашательскими настроениями.

Затишье перед бурей в низах означало острую заминку в руководящем слое. Те органы и учреждения, которые сложились в сравнительно мирный подготовительный период — у революции есть свои мирные периоды, как у войны — свои дни затишья,— оказываются даже в наиболее закаленной партии несоответствующими или не вполне соответствующими задачам восстания: известная передвижка и перестройка становится неизбежной в самый критический момент. Далеко не все делегаты Петроградского Совета, голосовавшие за власть Советов, прониклись по-настоящему той мыслью, что вооруженное восстание стало задачей дня. Нужно было с наименьшими потрясениями перевести их на новый путь, чтоб превратить Совет в аппарат восстания. В условиях назревшего кризиса для этого не нужны были ни месяцы, ни даже многие недели. Но именно в последние дни опаснее всего было сбиться с ноги, скомандовать прыжок на несколько дней раньше, чем Совет был готов к нему, вызвать замешательство в собственных рядах, оторвать партию от Совета хотя бы на 24 часа.

Ленин не раз повторял, что массы несравненно левее партии, как партия — левее своего ЦК. Применительно к революции в целом это было совершенно верно. Но и в этих взаимоотношениях есть свои глубокие внутренние колебания. В апреле, июне, особенно в начале июля рабочие и солдаты нетерпеливо толкали партию на путь решительных действий. После июльского разгрома массы стали осторожнее. Они по-прежнему и больше того хотели переворота. Но сильно обжегшись, опасались новой неудачи. В течение июля, августа и сентября партия изо дня в день сдерживала рабочих и солдат, которых корниловцы, наоборот, всеми способами вызывали на улицу. Политический опыт последних месяцев сильно развил задерживающие центры не только у руководителей, но и у руководимых. Непрерывные успехи агитации питали, в свою очередь, инерцию выжидательных настроений. Массам мало было новой политической ориентировки: им нужно было перестроиться психологически. Восстание охватит тем более широкие массы, чем больше команда революционной партии сольется с командой обстоятельств.

Трудный вопрос перехода от политики подготовки к технике восстания вставал во всей стране, в разных формах, но однородно по существу. Муралов[130] рассказывает, что в Московской военной организации большевиков

мнение о необходимости захвата власти оказалось единодушным; однако «попытка решить вопрос конкретно, как этот захват провести, осталась нерешенной». Не хватало последнего соединительного звена.

В те дни, когда Петроград стоял под знаком вывода гарнизона, Москва жила в атмосфере непрерывных стачечных столкновений. По инициативе фабричных комитетов большевистская фракция Совета выдвинула план: разрешать экономические конфликты путем декретов. Подготовительные шаги заняли немало времени. Только 23 октября советскими органами Москвы принят «революционный декрет № 1»: рабочие и служащие на фабриках и заводах могут отныне приниматься и увольняться не иначе, как с согласия заводских комитетов. Это означало начать действовать как государственная власть. Неизбежный отпор правительства должен был, по мысли инициаторов, теснее сплотить массы вокруг Совета и привести к открытому конфликту. Замысел не получил проверки, так как переворот в Петрограде дал Москве, как и всей остальной стране, гораздо более повелительный мотив за восстание: надо было немедленно поддержать только что возникшее Советское правительство.

Нападающая сторона почти всегда заинтересована в том, чтобы выглядеть обороняющейся. Революционная партия заинтересована в легальном прикрытии. Предстоящий съезд Советов, по существу съезд переворота, являлся в то же время бесспорным для народных масс носителем если не всего суверенитета, то, по крайней мере, доброй его половины. Дело шло о восстании одного из элементов двоевластия против другого. Апеллируя к съезду как источнику власти, Военно-революционный комитет заранее обвинял правительство в том, что оно готовит покушение на Советы. Это обвинение вытекало из обстановки. Поскольку правительство не намеревалось капитулировать без боя, оно не могло не готовиться к самообороне. Но этим самым оно подпадало под обвинение в заговоре против высшего органа рабочих, солдат и крестьян. В борьбе против съезда Советов, который должен был низвергнуть Керенского, правительство заносило руку на источник власти, из которого вышел Керенский.

Было бы грубой ошибкой считать все это юридическими тонкостями, безразличными для народа: наоборот, именно в таком виде основные факты революции отражались в сознании масс. Эту исключительно выгодную завязку надо было использовать до конца. Давая естест-

венному нежеланию солдат переходить из казармы в траншеи большую политическую цель и мобилизуя гарнизон для защиты съезда Советов, революционное руководство ни в какой мере не связывало себе этим рук относительно срока восстания. Выбор дня и часа зависел от дальнейшего хода столкновения. Свобода маневрирования была у более сильного.

«Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд»,— повторял Ленин, опасавшийся подмены восстания конституционной игрой. Ленин явно не успел еще оценить новый фактор, врезавшийся в подготовку восстания и изменивший весь ее характер, а именно острый конфликт между Петроградским гарнизоном и правительством. Если съезд Советов должен решить вопрос о власти; если правительство хочет раздробить гарнизон, чтоб не дать съезду стать властью; если гарнизон, не дожидаясь съезда Советов, отказывается подчиняться правительству, то ведь это и значит, по существу, что восстание началось, не дожидаясь съезда Советов, хоть и под прикрытием его авторитета. Политически отделять подготовку восстания от подготовки съезда Советов было бы поэтому неправильно.

Лучше всего можно понять особенности Октябрьского переворота путем сопоставления его с Февральским. Прибегая к этому сравнению, не приходится, как в других случаях, условно допускать тождество целого ряда условий; они тождественны на самом деле, ибо дело идет в обоих случаях о Петрограде: та же арена боев, те же социальные группировки, тот же пролетариат и тот же гарнизон. Победа в обоих случаях достигается переходом большинства запасных полков на сторону рабочих. Но в рамках этих общих основных черт — какое огромное различие! Исторически дополняя друг друга на протяжении восьми месяцев, два петроградских переворота контрастностью своих черт как бы заранее предназначены для того, чтобы помочь лучше понять природу восстания вообще.

Февральское восстание именуют стихийным. В своем месте мы внесли в это определение все необходимые ограничения. Но верно во всяком случае то, что в феврале никто заранее не намечал путей переворота; никто не голосовал по заводам и казармам вопроса о революции; никто сверху не призывал к восстанию. Накоплявшееся в течение годов возмущение прорвалось наружу, в значительной мере неожиданно для самой массы.

Совсем иначе обстояло дело в октябре. В течение восьми месяцев массы жили напряженной политической жизнью. Они не только творили события, но и учились понимать их связь; после каждого действия они критически взвешивали его результаты. Советский парламентаризм стал повседневной механикой политической жизни народа. Если голосованием решались вопросы о стачке, об уличной манифестации, о выводе полка на фронт, могли ли массы отказаться от самостоятельного решения вопроса о восстании?

Из этого неоценимого и, по существу, единственного завоевания Февральской революции вырастали, однако, новые трудности. Нельзя было призвать массы к бою от имени Совета, не поставив вопрос формально перед Советом, то есть не сделав задачу восстания предметом открытых прений, да еще с участием представителей враждебного лагеря. Необходимость создать особый, по возможности замаскированный, советский орган для руководства восстанием была очевидна. Но и это требовало демократических путей, со всеми их преимуществами и со всеми промедлениями. Постановление о Военно-революционном комитете, вынесенное 9 октября, получает окончательно осуществление только 20-го. Главная трудность, однако, не здесь. Воспользоваться большинством в Совете и создать комитет из одних большевиков значило бы вызвать недовольство беспартийных, не говоря уже о левых социалистах-революционерах и некоторых группах анархистов. Большевики в составе Военно-революционного комитета подчинялись решению своей партии, хотя не все без сопротивления. Но дисциплины никак нельзя было требовать от беспартийных и левых эсеров. Добиться от них априорного постановления о восстании в определенный день было бы немыслимо, да и ставить перед ними самый вопрос — крайне неосторожно. Через посредство Военно-революционного комитета можно было лишь вовлечь массы в восстание, обостряя обстановку со дня на день и делая конфликт неотвратимым.

Не проще ли было в таком случае призвать к восстанию непосредственно от имени партии? Серьезные преимущества такого образа действий несомненны. Но едва ли не более очевидны его невыгоды. В тех миллионах, на которые партия законно рассчитывала опереться, необходимо различать три слоя: один, который уже шел за большевиками при всяких условиях; другой, наиболее

многочисленный, который поддерживал большевиков, поскольку они действовали через Советы; третий, который шел за Советами, несмотря на то что в них господствовали большевики.

Эти три слоя различались не только по политическому уровню, но в значительной мере и по социальному составу. За большевиками как партией шли прежде всего промышленные рабочие, в первых рядах — потомственные пролетарии Петрограда. За большевиками, поскольку у них было легальное советское прикрытие, шло большинство солдат. За Советами, независимо от того или несмотря на то что в них воцарилось засилье большевиков, шли наиболее консервативные прослойки рабочих, бывшие меньшевики и эсеры, боявшиеся оторваться от основной массы; более консервативные части армии, вплоть до казаков; крестьяне, высвобождавшиеся из-под руководства эсеровской партии и хватавшиеся за ее левый фланг.

Было бы явной ошибкой отождествлять силу большевистской партии и силу руководимых ею Советов: последняя была во много раз больше первой; однако же без первой она превращалась в бессилие. Таинственного здесь нет ничего. Соотношение между партией и Советом вырастало из неизбежного в революционную эпоху несоответствия между колоссальным политическим влиянием большевизма и его узким организационным охватом. Правильно примененный рычаг дает человеческой руке возможность поднять груз, во много раз превосходящий ее живую силу. Но без живой руки рычаг не больше как мертвый шест.

На Московской областной конференции большевиков в конце сентября один из делегатов доказывал: «В Егорьевске влияние большевиков безраздельно... Но сама по себе партийная организация слаба, находится в большом забросе: нет ни правильной регистрации, ни членских взносов». Диспропорция между влиянием и организацией, не везде столь резкая, была общим явлением. Широкие массы знали большевистские лозунги и советскую организацию. То и другое окончательно слилось для них в течение сентября — октября. Народ ждал, что именно Советы укажут, когда и как осуществить программу большевиков.

Сама партия систематически воспитывала массы в этом духе. Когда в Киеве распространился слух, что готовится восстание, большевистский исполком немедленно

выступил с опровержением: «Никакое выступление без призыва Совета не должно иметь места... Ни шагу без Совета!» Опровергая 18 октября слухи о назначением будто бы на 22-е восстании, Троцкий говорил: «Совет — учреждение выборное и... не может иметь решений, которые не были бы известны рабочим и солдатам»... Повторяемые ежедневно и подкрепляемые практикой, такие формулы входили в плоть и кровь.

По рассказу прапорщика Берзина, на октябрьском военном совещании большевиков в Москве делегаты говорили: «Трудно сказать, выступят ли войска по зову Московского комитета большевиков. По зову Совета, пожалуй, выступят все». Между тем Московский гарнизон еще в сентябре на 90 процентов голосовал за большевиков. На совещании 16 октября в Петрограде Бокий[131] от имени партийного комитета докладывал: в Московском районе «выйдут по призыву Совета, но не партии»; в Невском районе — «за Советом пойдут все». Володарский тут же резюмировал оценку настроений в Петрограде такими словами: «Общее впечатление, что на улицу никто не рвется, но по призыву Совета все явятся». Ольга Равич[132] вносит поправку: «Некоторые указали, что и по призыву партии». На Петроградском гарнизонном совещании 18-го делегаты докладывали, что их полки для выступления ждут призыва Совета; никто не говорил о партии, несмотря на то что во главе многих частей стояли большевики: сохранить единство в казарме можно было, только связывая сочувствующих, колеблющихся и полувраждебных дисциплиной Совета. Гренадерский полк заявлял даже, что выступит лишь по приказу съезда Советов. Уже самый факт, что агитаторы и организаторы при оценке состояния масс проводят каждый раз различие между Советом и партией, показывает, какое большое значение имел этот вопрос с точки зрения призыва к восстанию.

Шофер Митревич рассказывает, как во взводе грузовых автомобилей, где не удавалось добиться постановления в пользу восстания, большевики провели компромиссное предложение: «Мы выступать не будем ни за большевиков, ни за меньшевиков, а... без всяких замедлений будем выполнять все требования II съезда Советов». Большевики автогрузового взвода применяли в малом виде ту же обволакивающую тактику, которую применял Военно-революционный комитет. Митревич не доказывает, а рассказывает, тем убедительнее его свидетельство!

Попытки вести восстание непосредственно через партию нигде не давали результатов. Сохранилось в высшей степени интересное свидетельство относительно подготовки переворота в Кинешме, в значительном пункте текстильной промышленности. После того как восстание в Московской области было поставлено в порядок дня, партийный комитет в Кинешме выбрал для учета военных сил и средств и подготовки вооруженного восстания особую тройку, названную почему-то Директорией. «Надо сказать все же,— пишет один из членов Директории,— что выбранная тройка на деле мало, кажется, что сделала. События пошли несколько иным путем... Областная стачка целиком захватила нас, и к моменту решающих событий организационный центр был перенесен в стачечный комитет и в Совет»... В скромном провинциальном масштабе повторилось то же, что и в Петрограде.

Партия приводила в движение Совет. Совет приводил в движение рабочих, солдат, отчасти крестьян. Что выигрывалось в массе, то терялось в скорости. Если представить этот аппарат передачи как систему зубчатых колес — сравнение, к которому, по другому поводу и в другой период, прибегал Ленин[133],— то можно сказать, что нетерпеливая попытка сочетать колесо партии непосредственно с гигантским колесом масс, минуя среднее колесо Советов, грозила опасностью обломать зубья партийного колеса и все же не привести в движение достаточные массы.

Не менее реальной была, однако, и противоположная опасность — упущения благоприятной ситуации в результате внутренних трений советской системы. Теоретически рассуждая, наиболее выгодный момент для восстания сводится к какой-то точке во времени. О практическом уловлении этой идеальной точки не приходится, разумеется, и думать. Восстание может с успехом развернуться на повышающейся кривой, приближающейся к идеальной кульминации; но также и на снижающейся кривой, если соотношение сил не успело еще радикально измениться. Вместо «момента» получается отрезок времени, измеряемый неделями, иногда месяцами. Большевики могли взять власть в Петрограде уже в начале июля. Но в этом случае они не удержали бы ее. Начиная с середины сентября они могли уже надеяться не только захватить власть, но и сохранить ее в своих руках. Если б большевики замедлили с восстанием в конце октября, они — вероятно, но далеко не наверное — в течение

известного времени имели бы еще возможность наверстать упущенное. Можно условно принять, что в течение трех-четырех месяцев, примерно сентября — декабря, политические предпосылки переворота были налицо: уже созрели и еще не распались. В этих рамках, которые задним числом легче установить, чем в процессе действия, у партии была известная свобода выбора, порождавшая неизбежные, подчас острые разномыслия практического характера.

Ленин предлагал поднять восстание уже в дни Демократического совещания. В конце сентября он считал всякую оттяжку не только опасной, но и гибельной. «Ждать съезда Советов,— писал он в начале октября,— ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции»[134]. Вряд ли, однако, в большевистской верхушке кто-либо руководствовался в этом вопросе формальными соображениями. Когда Зиновьев, например, требовал предварительного совещания с большевистской фракцией съезда Советов, он искал не формальной санкции, а рассчитывал попросту на политическую поддержку провинциальных делегатов против ЦК. Но факт таков, что зависимость партии от Совета, который в свою очередь апеллировал к съезду Советов, вносила в вопрос о сроке восстания элемент неопределенности, чрезвычайно и не без основания тревоживший Ленина.

Вопрос о том, когда призвать, тесно связан был с вопросом: кто призовет. Ленину слишком ясны были выгоды призыва от имени Совета; но он раньше других понял, какие трудности возникнут на этом пути. Он не мог не опасаться, особенно на расстоянии, что элементы торможения окажутся в советской верхушке еще сильнее, чем в ЦК, политику которого он и без того считал слишком нерешительной. К вопросу о том, кому начинать, Совету или партии, Ленин подходил альтернативно, но в первые недели решительно склонялся к самостоятельной инициативе партии. Тут не было и тени какого-либо принципиального противопоставления: речь шла о двух подходах к восстанию на одной и той же базе, в одной и той же обстановке, во имя одной и той же цели. Но это были все же два разных подхода.

Предложение Ленина окружить Александринку и арестовать Демократическое совещание исходило из того, что восстание будет возглавлено не Советом, а партией, непосредственно апеллирующей к заводам и казармам.

Да иначе и быть не могло: провести подобный план через Совет было бы совершенно немыслимо. Ленин отдавал себе ясный отчет в том, что даже на верхах партии его замысел встретит противодействие; он заранее рекомендует «не гоняться за численностью» большевистской фракции совещания: при решительности сверху численность обеспечит низы. Смелый план Ленина давал несомненные выгоды быстроты и внезапности. Но он слишком обнажал партию, рискуя, в известных границах, противопоставить ее массам. Даже Петроградский Совет, будучи застигнут врасплох, мог бы при первой же неудаче растерять свое еще нестойкое большевистское большинство.

Резолюция 10 октября предлагает местным организациям партии практически разрешать все вопросы под углом зрения восстания: о Советах, как органах восстания, в резолюции ЦК речи нет. На совещании 16-го Ленин говорил: «Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему ЦК не может начать?» Этот вопрос в устах Ленина имел совсем не риторический характер; он означал: зачем терять время, приспособляясь к сложной советской трансмиссии, если ЦК может подать сигнал немедленно? Однако предложенная Лениным резолюция заканчивалась на этот раз выражением «уверенности в том, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы выступления». Упоминание о Совете рядом с партией и более гибкая постановка вопроса о сроке восстания явились результатом прощупанного Лениным — через партийные верхи — сопротивления масс.

На следующий день в полемике с Зиновьевым и Каменевым Ленин резюмировал итоги вчерашних прений: «Все согласны насчет того, что по призыву Советов и для защиты Советов рабочие выступят как один человек». Это означало: если не все согласны с ним, Лениным, что можно призвать от имени партии, то все согласны, что можно призвать от имени Советов.

«Кто должен взять власть? — пишет Ленин вечером 24-го.— Это сейчас не важно: пусть возьмет ее Военно-революционный комитет или «другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа». «Другое учреждение»[135], взятое в загадочные кавычки,— это конспиративное наименование ЦК большевиков. Ленин возобновляет здесь свое сентябрьское предложение: действовать прямо от имени

ЦК — на тот случай, если бы советская легальность помешала Военно-революционному комитету поставить съезд перед свершившимся фактом переворота.

Несмотря на то что вся эта борьба из-за сроков и методов восстания велась в течение недель, не все участники ее отдали себе отчет в ее смысле и значении. «Ленин предлагал взятие власти через Советы, Ленинградский или Московский, а не за спиной Советов,— писал Сталин в 1924 г.— Для чего понадобилась Троцкому эта более чем странная легенда о Ленине?» И еще: «Партия знает Ленина как величайшего марксиста иашего времени... чуждого теии бланкизма». Между тем у Троцкого будто бы «получается ие великан Ленин, а какой-то карлик-бланкист»... Не только бланкист, но и карлик! На самом деле вопрос о том, от чьего имеии поднимать восстание и в руки какого учреждения брать власть, вовсе ие предрешается какой-либо доктриной. При наличии общих условий для переворота восстание превращается в практическую проблему искусства, которая может быть разрешена разными способами. В этой своей части разногласия в ЦК были аналогичны спору офицеров Генерального штаба, воспитанных в одной и той же военной доктрине и одинаково оценивающих общую стратегическую обстановку, но предлагающих разные варианты для разрешения ближайшей, исключительно важной, правда, ио частной задачи. Припутывать сюда вопрос о марксизме и бланкизме — значит обнаруживать иепонимание как того, так и другого.

Профессор Покровский отрицает самое значение альтернативы: Совет или партия? Солдаты совсем ие формалисты, иронизирует он, они ие нуждались в съезде Советов, чтобы опрокинуть Керенского. При всем остроумии такая постановка вопроса оставляет невыясненным: зачем вообще создавать Советы, если достаточно партии? «Любопытно,— продолжает профессор,— что из этого стремления все сделать почти легально, советски легально, ничего не вышло, и власть в последнюю миииуту взял не Совет, а явно «нелегальная» организация, созданная ad hoc». Покровский ссылается на то, что Троцкий вынуждеи был «от имеии Военно-революциоиного комитета», а не от Совета объявить правительство Керенского иесуществующим. Совершенно иеожиданный довод! Военно-революционный комитет был выборным органом Совета. Руководящая роль Комитета в перевороте ни в каком смысле не нарушала советской легальности, над

которой издевается профессор, но к которой массы относились крайне ревниво. Совет Народных Комиссаров также был создан ad hoc, что не мешало ему быть и оставаться органом Советской власти, с включением самого Покровского в качестве заместителя народного комиссара просвещения.

Удержаться на почве советской легальности и в значительной степени даже в рамках традиций двоевластия восстание могло главным образом благодаря тому, что Петроградский гарнизон почти целиком подчинился Совету уже до переворота. В многочисленных воспоминаниях, юбилейных статьях, первых исторических очерках этот факт, подтверждаемый бесчисленными документами, считался бесспорным. «Конфликт в Петрограде развертывался на вопросе о судьбе гарнизона»,— говорит первая книжка об Октябре, написанная автором настоящего труда в промежутках между заседаниями брест-литовских переговоров, по самым свежим воспоминаниям, и игравшая в партии в течение нескольких лет роль исторического учебника. «Основной вопрос, вокруг которого построилось и организовалось все движение в октябре,— выражается еще определеннее Садовский, один из непосредственных организаторов переворота,— был вопрос о выводе полков Петроградского гарнизона на Северный фронт». Ни одному из ближайших руководителей восстания, участников коллективной беседы, имевшей прямой целью восстановить ход событий, и в голову не пришло возразить Садовскому или поправить его. Только с 1924 г. внезапно обнаружилось, что Троцкий переоценивает значение крестьянского гарнизона в ущерб петроградским рабочим: научное открытие, которое как нельзя более счастливо дополнило обвинение в недооценке крестьянства.

Десятки молодых историков во главе с профессором Покровским разъясняли нам за последние годы значение пролетариата для пролетарской революции, возмущались тем, что мы не говорим о рабочих в тех строках, где у нас идет речь о солдатах, и уличали нас в том, что мы анализируем реальный ход событий, вместо того чтобы повторять школьные прописи. Результаты этой критики Покровский сжимает в следующем заключении: «Несмотря на то что Троцкому отлично известно, что вооруженное выступление было решено партией... и было совершенно ясно, что какой найдется предлог для выступления — дело второстепенное, тем не менее в центре всей

картины для него стоит Петроградский гарнизон... как будто, не будь этого, о восстании нечего было бы и думать». Для нашего историка значение имеет лишь «решение партии» относительно восстания; а как восстание произошло в действительности, это «дело второстепенное»: предлог всегда найдется. Предлогом Покровский называет способ завоевания войск, то есть разрешение того именно вопроса, в котором резюмируется судьба всякого восстания. Пролетарская революция произошла бы, несомненно, и без конфликта из-за вывода гарнизона, профессор прав. Но это было бы другое восстание, и оно требовало бы иного изложения. Мы же имеем в виду те события, которые происходили в действительности.

Один из организаторов, затем историк Красной гвардии, Малаховский, настаивает, с своей стороны, на том, что именно вооруженные рабочие, в отличие от полупассивного гарнизона, проявляли инициативу, решимость и выдержку в восстании. «Красногвардейские отряды,— пишет он,— занимают во время Октябрьского переворота правительственные учреждения, почту, телеграф, они же оказываются впереди во время боев...» и пр. Все это бесспорно. Нетрудно, однако, понять, что если красногвардейцы могли попросту «занимать» учреждения, то только потому, что гарнизон был с ними заодно, поддерживал их или, по крайней мере, не препятствовал им. Это и решало судьбу восстания.

Самое возбуждение вопроса о том, кто важнее для переворота: солдаты или рабочие? — свидетельствует о таком плачевном теоретическом уровне, на котором почти уже нет места для спора. Октябрьская революция была борьбой пролетариата против буржуазии за власть. Но решал исход борьбы в последнем счете мужик [136]. Эта общая схема, распространяющаяся на всю страну, в Петрограде нашла наиболее законченное выражение. То, что придало здесь перевороту характер короткого удара с минимальным количеством жертв, это сочетание революционного заговора, пролетарского восстания и борьбы крестьянского гарнизона за самосохранение. Руководила переворотом партия; главной движущей силой был пролетариат; вооруженные рабочие отряды являлись кулаком восстания; но решал исход борьбы тяжеловесный крестьянский гарнизон.

Как раз в этом вопросе сопоставление Февральского и Октябрьского переворотов является особенно незаменимым. Накануне низвержения монархии гарнизон

представлял для обеих сторон великое неизвестное. Сами солдаты еще не знали, как они будут реагировать на восстание рабочих. Только всеобщая стачка могла создать необходимую арену для массовых столкновений рабочих с солдатами, для проверки солдат в действии, для перехода солдат на сторону рабочих. В этом и состояло драматическое содержание пяти февральских дней.

Накануне низвержения Временного правительства подавляющее большинство гарнизона стояло открыто на стороне рабочих. Нигде во всей стране правительство не было так изолировано, как в своей резиденции: недаром оно порывалось из нее бежать. Тщетно: враждебная столица не отпускала. Безуспешной попыткой вытолкнуть вон революционные полки правительство окончательно погубило себя.

Объяснять пассивную политику Керенского перед переворотом одними его личными свойствами — значит скользить по поверхности. Керенский был не один. В составе правительства были люди, вроде Пальчинского [137], не лишенные энергии. Вожди Исполнительного комитета хорошо знали, что победа большевиков означает их политическую смерть. Все они, однако, порознь и вместе, оказались парализованы, пребывали, подобно Керенскому, в каком-то тягостном полусне, когда, несмотря на нависшую над головой опасность, человек оказывается бессилен поднять руку для собственного спасения.

Братание рабочих и солдат не выросло в октябре из открытого уличного столкновения, как в феврале, а предшествовало восстанию. Если большевики не призывали на этот раз ко всеобщей стачке, то не потому, что не имели к тому возможности, а потому, что не встречали надобности. Военно-революционный комитет уже до переворота чувствовал себя хозяином положения: знал каждую часть в гарнизоне, ее настроение, внутренние группировки; получал ежедневно донесения, не показные, а выражавшие то, что есть; мог в любое время в любой полк послать полномочного комиссара, самокатчика с приказом, мог вызвать к себе по телефону комитет части или дать наряд дежурной роте. Военно-революционный комитет занимал по отношению к войскам положение правительственного штаба, а не штаба заговорщиков.

Правда, командные высоты государства продолжали оставаться в руках правительства. Но материальная база была из-под них вырвана. Министерства и штабы возвышались над пустотой. Телефон и телеграф продолжали

служить правительству, как и Государственный банк. Но военной силы, чтоб удержать эти учреждения в своих руках, у правительства уже не было. Зимний и Смольный как бы поменялись местами. Военно-революционный комитет ставил призрачное правительство в такое положение, при котором оно не могло ничего предпринять, не сломив гарнизон. Всякая же попытка Керенского ударить по войскам лишь ускоряла развязку.

Однако задача переворота все еще оставалась неразрешенной. Пружина и весь механизм часов был в руках Военно-революционного комитета. Но ему не хватало циферблата и стрелок. А без этих деталей часы не могут выполнять свое назначение. Без телеграфа, без телефона, без банка и штаба Военно-революционный комитет не мог управлять. Он располагал почти всеми реальными предпосылками и элементами власти, но не самой властью.

В феврале рабочие думали не о захвате банка и Зимнего дворца, а о том, чтоб сломить сопротивление армии. Они боролись не за отдельные командные высоты, а за душу солдата. Когда победа на этом поле была одержана, все остальные задачи разрешились сами собой: сдав свои гвардейские батальоны, монархия уже не пыталась защищать ни свои дворцы, ни свои штабы.

В октябре правительство Керенского, утеряв безвозвратно душу солдата, еще цеплялось за командные высоты. В его руках штабы, банки, телефоны составляли лишь фасад власти. Перейдя в руки Советов, они должны были обеспечить обладание всей полнотой власти. Таково было положение накануне восстания: оно и определяло образ действий в последние 24 часа.

Демонстраций, уличных боев, баррикад — всего того, что входит в привычное понятие восстания, почти не было: революции незачем было разрешать уже разрешенную задачу. Захват правительственного аппарата можно было выполнить по плану, при помощи сравнительно немногочисленных вооруженных отрядов, направляемых из единого центра. Казармами, крепостью, складами — всеми теми заведениями, где действовали рабочие и солдаты, можно было овладеть их собственными внутренними силами. Но ни Зимнего дворца, ни Предпарламента, ни штаба округа, ни министерства, ни юнкерских училищ нельзя было взять изнутри. Это относилось также к телефону, телеграфу, почте, Государственному банку: служащие этих учреждений, мало весомые в общей

комбинации сил, господствовали, однако, в своих четырех стенах, которые к тому же усиленно окарауливались. В бюрократические вышки нужно было проникнуть извне. Политическое завладение заменялось здесь насильственным захватом. Но так как предшествовавшее вытеснение правительства из его военных баз сделало почти невозможным его сопротивление, то насильственный захват последних командных высот проходил по общему правилу без столкновений.

Правда, дело не обошлось все же без боев: Зимний дворец пришлось брать штурмом. Но именно тот факт, что сопротивление правительства свелось к защите дворца, ясно определяет место 25 октября в ходе борьбы. Зимний оказался последним редутом режима, политически разбитого в течение восьми месяцев существования и окончательно разоруженного в последние две недели.

Элементы заговора, понимая под этим план и централизованное руководство, занимали в Февральской революции ничтожное место. Это вытекало уже из слабости и разобщенности революционных групп под прессом царизма и войны. Тем большая задача ложилась на массы. Восставшие не были человеческой саранчой. У них был свой политический опыт, свои традиции, свои лозунги, свои безымянные вожди. Но если рассеянные в восстании элементы руководства оказались достаточны для низвержения монархии, то их далеко не хватило на то, чтоб доставить победителям плоды их собственной победы.

Спокойствие на октябрьских улицах, отсутствие толп и боев давали противникам повод говорить о заговоре ничтожного меньшинства, об авантюре кучки большевиков. Эта формула повторялась в ближайшие после восстания дни, месяцы, даже годы несчетное число раз. Очевидно, для того чтобы исправить репутацию пролетарского переворота, Ярославский пишет о дне 25 октября: «Густые массы петроградского пролетариата по призыву Военно-революционного комитета встали под его знамена и залили улицы Петрограда». Официальный историк забывает объяснить, с какой целью Военно-революционный комитет призвал массы на улицы и что именно они там делали.

Из сочетания могущества и слабости Февральской революции выросла ее официальная идеализация как общенациональной, в противовес Октябрьскому перевороту как заговору. В действительности же большевики

могли свестн в последнний момент борьбу за власть к «заговору» не потому, что были маленьким меньшинством, а, наоборот, потому, что нмели за собой в рабочих кварталах и казармах подавляющее большннство, сплоченное, органнзованное, днсцнплнннрованное.

Правильно понять Октябрьскнй переворот можио лишь в том случае, еслн не огранпчнвать поле своего зрення его заключительным звеном. В конце февраля шахматная партня восстання разыгрывалась с первого хода до последнего, то есть до сдачн протнвннка; в конце октября основная партня оставалась уже позадн, н в день восстаиия прнходнлось разрешать довольно узкую задачу: мат в два хода. Период переворота необходнмо поэтому счнтать с 9 октября, когда открылся конфлнкт по поводу гарннзона, нлн 12-го, когда было постановлено создать Военно-революцноинып комнтет. Обволакивающнй маневр тянулся свыше двух недель. Наиболее решительная его часть длнлась пять-шесть дней, с момента возннкновення Военно-революционного комнтета. В течеиие всего этого пернода действовалн непосредственно сотнн тысяч солдат н рабочих, оборонительно по форме, наступательио по существу. Заключнтельный этап, когда восставшне окончательно отбросилн условностн двоевластня, с его сомннтельной легальностью и обороннтельной фразеологней, занял ровно суткн: с двух часов ночи на 25-е до двух часов ночн на 26-е. В течение этого срока Военно-революционный комнтет открыто прнменял оружие для овладення городом н захвата правнтельства в плен: в операцнях участвовало в общем столько снл, сколько нх нужно было для разрешеиия огранненной задачи, во всяком случае вряд лн более 25—30 тысяч.

Итальянский писатель, который пншет кннги не только о «Ночах евнухов», но н о высшнх проблемах государства, посетнл в 1929 г. советскую Москву, перепутал то немногое, что услышал из пятых уст, н на этом фундамеите постронл кннгу о «Техннке государственного переворота». Фамнлня этого писателя, Маляпартэ, позволяет легко отлнчнть его от другого специалиста по государственным переворотам, который носил нмя Буонапартэ.

В противовес «Стратегии Ленниа», которая связана с соцнальнымн н полнтическимн условнямн Росснн 1917 г., «тактнка Троцкого, по словам Маляпартэ, напротнв, не связана с общнмн условиямн страны». На соображення Леннна о политическнх предпосылках переворота автор

заставляет Троцкого отвечать: «Ваша стратегия требует слишком многих благоприятных обстоятельств: инсуррекция не нуждается ни в чем. Она довлеет самой себе». Вряд ли мыслим абсурд, более довлеющий самому себе. Маляпартэ много раз повторяет, что в октябре победила не стратегия Ленина, а тактика Троцкого. Эта тактика и сейчас угрожает спокойствию европейских государств. «Стратегия Ленина не составляет непосредственной опасности для правительства Европы. Актуальной и притом перманентной опасностью для них является тактика Троцкого». Еще конкретнее: «Поставьте Пуанкаре на место Керенского — и большевистский государственный переворот Октября 1917 г. удастся так же хорошо». Тщетно стали бы мы допытываться, для чего вообще нужна стратегия Ленина, зависящая от исторических условий, если тактика Троцкого разрешает ту же задачу при всякой обстановке. Остается добавить, что замечательная книга вышла уже на нескольких языках. Государственные люди учатся по ней, очевидно, отражать государственные перевороты. Пожелаем им всякого успеха.

Критика чисто военных операций 25 октября до сих пор не произведена. То, что имеется по этому вопросу в советской литературе, носит не критический, а чисто апологетический характер. Рядом с писаниями эпигонства даже критика Суханова, несмотря на все противоречия, выгодно отличается внимательным отношением к фактам.

В оценке организации Октябрьского переворота Суханов дал на протяжении года-двух два взгляда, как бы диаметрально противоположных. В томе, посвященном Февральской революции, он говорит: «Я опишу со временем — по личным воспоминаниям — по нотам разыгранный Октябрьский переворот». Ярославский повторяет этот отзыв Суханова дословно. «Восстание в Петрограде,— говорит он,— было хорошо подготовлено и разыграно партией, как по нотам». Еще решительнее, пожалуй, выражается Клод Анэ, враждебный, но внимательный, хотя и не глубокий наблюдатель: «Государственный переворот 7 ноября позволяет только восторгаться. Ни одного прорыва, ни одной трещины, правительство опрокинуто, не успев крикнуть «уф». Наоборот, в томе, посвященном Октябрьскому перевороту, Суханов рассказывает, как Смольный «потихоньку, ощупью, осторожно и беспорядочно» приступил к ликвидации Временного правительства.

Преувеличение есть и в первом отзыве и во втором. Но — под более широким углом зрения — можно признать, что обе оценки, как они ни противоположны, имеют опору на фактах. Планомерность Октябрьского переворота выросла главным образом из объективных отношений, из зрелости революции в целом, из места Петрограда в стране, из места правительства в Петрограде, из всей предшествующей работы партии, наконец, из правильной политики переворота. Но оставалась еще задача военной техники. Здесь частных промахов было немало, и если связать их воедино, то можно создать впечатление работы вслепую.

Суханов несколько раз указывает на военную беззащитность самого Смольного в последние дни перед восстанием. Действительно, еще 23-го штаб революции был немногим лучше защищен, чем Зимний дворец. Военно-революционный комитет обеспечил свою неприкосновенность прежде всего тем, что укреплял свои связи с гарнизоном и получал через него возможность следить за всеми военными движениями противника. Более серьезные меры военно-технического характера Комитет стал принимать приблизительно на сутки раньше правительства. Суханов выражает уверенность в том, что в течение 23-го и в ночь на 24-е правительство, прояви оно инициативу, могло бы захватить Комитет: «Хороший отряд в пятьсот человек был совершенно достаточен, чтобы ликвидировать Смольный со всем его содержанием». Возможно. Но, во-первых, правительству необходимы были для этого решимость и отвага, то есть качества, противоположные его природе. Во-вторых, требовался «хороший отряд в пятьсот человек». Где было взять его? Составить из офицеров? Мы видели их в конце августа в качестве заговорщиков: разыскивать их приходилось в ночных учреждениях. Боевые дружины соглашателей распались. В юнкерских школах каждый острый вопрос порождал группировки. Еще хуже обстояло у казаков. Создавать отряд путем индивидуального отбора из разных частей значило десять раз выдать себя, прежде чем предприятие окажется доведенным до конца.

Однако и наличность отряда еще не решала бы. Первый выстрел у Смольного отдался бы в рабочих районах и в казармах потрясающим отголоском. К угрожаемому центру революции во всякое время дня и ночи сбежались бы на помощь десятки тысяч вооруженных и полувооруженных людей. Наконец, и самый захват Военно-револю-

ционного комитета не спас бы правительство. За стенами Смольного оставался Ленин и связанные с ним ЦК и ПК. В Петропавловской крепости имелся второй штаб, на «Авроре» — третий, свои штабы — в районах. Массы не остались бы без руководства. А рабочие и солдаты, несмотря на медлительность, хотели победить во что бы то ни стало.

Несомненно все же, что дополнительные меры военной предосторожности можно и должно было принять на несколько дней ранее. Критика Суханова в этой части верна. Военный аппарат революции действует неуклюже, с промедлениями и упущениями, а общее руководство слишком склонно политикой подменять технику. Ленинского глаза в Смольном очень не хватало. Другие еще не подучились [138].

Прав Суханов и в том, что овладеть Зимним в ночь на 25-е или утром этого дня было бы несравненно легче, чем во вторую половину суток. Дворец, как и соседнее здание Штаба, охранялся обычными нарядами юнкеров: внезапность нападения могла бы почти наверняка обеспечить успех. Утром Керенский беспрепятственно выехал в автомобиле: одно это свидетельствует, что серьезной разведки в отношении Зимнего вообще не велось. Здесь явная прореха!

Наблюдение за Временным правительством возложено было — правда, слишком поздно: 24-го! — на Свердлова [139], при помощниках Лашевиче [140] и Благонравове [141]. Вряд ли Свердлов, и без того разрывавшийся на части, вообще занялся этим новым делом. Возможно даже, что самое решение, хотя и занесенное в протокол, было позабыто в горячке тех часов.

В Военно-революционном комитете, несмотря на все, переоценивали военные ресурсы правительства, в частности охрану Зимнего. Если непосредственные руководители осады даже и знали внутренние силы дворца, то они могли опасаться, что по первой же тревоге прибудут подкрепления: юнкера, казаки, ударники. План овладения Зимним разрабатывался в стиле большой операции: когда штатские и полуштатские приступают к разрешению чисто военной задачи, они всегда склонны к стратегическим мудрствованиям. Наряду с избыточным педантизмом они не могли не проявлять при этом и изрядной беспомощности.

Разнобой при взятии дворца объясняется до некоторой степени и личными свойствами главных руководителей.

Подвойский, Антонов-Овсеенко, Чудновский — люди героического склада. Но, пожалуй, менее всего люди системы и дисциплины мысли. Подвойский, сильно зарвавшийся в июльские дни, стал гораздо осторожнее, даже скептичнее в отношении ближайших перспектив. Но в основном остался верен себе: лицом к лицу с любой практической задачей он органически стремится вырваться за рамки ее, расширить план, вовлечь всех и все, дать максимум там, где достаточно и минимума. На гиперболичности плана можно без труда найти отпечаток его духа. Антонов-Овсеенко по характеру импульсивный оптимист, гораздо больше способный на импровизацию, чем на расчет. В качестве бывшего маленького офицера, он обладал кое-какими военными сведениями. Во время большой войны, в качестве эмигранта, он вел в парижской газете «Наше слово» военный обзор и нередко проявлял стратегическую догадку. Его впечатлительный дилетантизм не мог создать противовеса чрезмерным взлетам Подвойского. Третий из военачальников, Чудновский, провел несколько месяцев на пассивном фронте, в качестве агитатора: этим исчерпывался его военный стаж. Тяготея к правому крылу, Чудновский, однако, первым ввязывался в бой и всегда искал такого места, где погорячее. Личная отвага и политическая смелость, как известно, не всегда находятся в равновесии. Через несколько дней после переворота Чудновский был ранен под Петроградом в стычке с казаками Керенского, а несколько месяцев спустя убит на Украине. Ясно, что и говорливый, импульсивный Чудновский не мог возместить того, чего не хватало двум другим руководителям. Ни один из них не был склонен к деталям уже потому, что не был посвящен в секрет ремесла. Чувствуя свою слабость в вопросах разведки, связи, маневрирования, красные маршалы испытывали потребность навалиться на Зимний дворец таким превосходством сил, которое снимало бы самый вопрос о практическом руководстве: несоразмерная грандиозность плана почти равносильна его отсутствию. Сказанное вовсе не означает, что в составе Военно-революционного комитета или вокруг него можно было найти более умелых военных руководителей; во всяком случае, нельзя было найти более преданных и самоотверженных.

Борьба за Зимний начиналась с охвата всего района по широкой периферии. При неопытности командиров, перебоях связи, неумелости красногвардейских отрядов,

вялости регулярных частей сложная операция развертывалась с чрезмерной медленностью. В те самые часы, когда красные отряды постепенно уплотняли кольцо и накопляли за собой резервы, к Зимнему проникали роты юнкеров, казачьи сотни, георгиевские кавалеры, женский батальон. Кулак сопротивления формировался одновременно с кольцом нападения. Можно сказать, что самая задача выросла из того слишком окольного способа, который был применен для ее разрешения. Между тем дерзкий налет ночью или смелый приступ днем вряд ли стоили бы больших жертв, чем затяжная операция. Моральный эффект артиллерии «Авроры» можно было, во всяком случае, проверить на 12 и даже на 24 часа раньше: крейсер в полной готовности стоял на Неве, и матросы совсем не жаловались на недостаток орудийного масла. Но руководители операции надеялись, что вопрос разрешится без боя, посылали парламентеров, ставили ультиматумы и не соблюдали сроков. Своевременно проверить артиллерию в Петропавловской крепости не догадались именно потому, что рассчитывали обойтись без ее помощи.

Неподготовленность военного руководства еще более явно обнаружилась в Москве, где соотношение сил считалось настолько благоприятным, что Ленин настойчиво рекомендовал даже начать с Москвы: «...победа обеспечена, и воевать некому». На самом деле именно в Москве восстание приняло характер затяжных боев, длившихся с перерывами восемь дней. «В этой жаркой работе,— пишет Муралов, один из главных руководителей московского восстания,— мы не всегда и не во всем были тверды и решительны. Имея подавляющее численное превосходство раз в десять, мы затянули бои на целую неделю... вследствие малого умения управлять боевыми массами, недисциплинированности последних и полного незнания тактики уличного боя как со стороны начальников, так и со стороны солдат». Муралов имеет привычку называть вещи своими именами: недаром он сейчас находится в сибирской ссылке. Но избегая сваливать ответственность с себя на других, Муралов переносит в данном случае на военное командование главную долю вины политического руководства, которое в Москве отличалось шаткостью и легко поддавалось влиянию соглашательских кругов. Не надо, однако, упускать из виду и то, что рабочие старой Москвы, текстильной, кожевенной, чрезвычайно отставали от петроградского пролетариата.

В феврале Москве восставать не пришлось: низвержение монархии легло целиком на Петроград. В июле Москва опять оставалась спокойна. Это сказалось в октябре: рабочие и солдаты не имели опыта боев.

Техника восстания доделывает то, чего не сделала политика. Гигантский рост большевизма, несомненно, ослаблял внимание к военной стороне дела: страстные упреки Ленина были достаточно основательны. Военное руководство оказалось несравненно слабее политического. Да и может ли быть иначе? В течение ряда месяцев еще новая революционная власть будет проявлять крайнюю неумелость во всех тех случаях, когда необходимо прибегнуть к оружию.

И все же военные авторитеты правительственного лагеря давали в Петрограде весьма лестную оценку военному руководству переворота. «Восставшие поддерживают порядок и дисциплину,— сообщало по проводу военное министерство в Ставку сейчас же после падения Зимнего,— случаев разгрома или погромов не было совсем, наоборот, патрули восставших задерживали шатающихся солдат... План восстания был, несомненно, заранее разработан и проводился неуклонно и стройно»... Не совсем «по нотам», как писали Суханов и Ярославский, но и не так уж «беспорядочно», как утверждал позже первый из двух авторов. К тому же и перед судом самой строгой критики успех венчает дело.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшая черта политического режима, согласно известному английскому афоризму, состоит в том, чтобы ставить надлежащих людей на надлежащее место. Как выглядит под этим углом зрения опыт 1917 г.? В первые два месяца Россией повелевал еще, по праву наследственной монархии, обделенный природой человек, веривший в мощи и подчинявшийся Распутину. В течение дальнейших восьми месяцев либералы и демократы пытались со своих правительственных высот доказать народу, что революции совершаются для того, чтоб все осталось по-старому. Немудрено, если эти люди прошли над страною как зыбкие тени, не оставив следа. С 25 октября во главе России стал Ленин, самая большая фигура русской политической истории. Его окружал штаб сотрудников, которые, по признанию злейших врагов, знали, чего хотели, и умели бороться за свои цели. Какая же

из трех систем оказалась в данных конкретных условиях способной выдвинуть надлежащих людей на надлежащие места?

Историческое восхождение человечества, взятое в целом, можно резюмировать как цепь побед сознания над слепыми силами в природе, в обществе, в самом человеке. Критическая и творческая мысль наибольшими успехами могла похвалиться доныне в борьбе с природой. Физико-химические науки подошли уже к тому пункту, когда человек явно готовится стать хозяином материи. Но общественные отношения по-прежнему складываются наподобие коралловых островов. Парламентаризм осветил только поверхность общества, да и то достаточно искусственным светом. По сравнению с монархией и другими наследиями антропофагии и пещерной дикости демократия представляет, конечно, большое завоевание. Но она оставляет нетронутой слепую игру сил в социальных взаимоотношениях людей. Именно на эту наиболее глубокую область бессознательного впервые поднял руку Октябрьский переворот. Советская система хочет внести цель и план в самый фундамент общества, где до сих пор царили только накопленные последствия.

Противники злорадствуют по поводу того, что Страна Советов через полтора десятилетия после переворота очень мало еще походит на царство всеобщего благополучия. Такой довод мог бы быть продиктован только чрезмерным поклонением перед магической силой социалистических методов, если б на самом деле он не объяснялся ослеплением враждебности. Капитализму понадобились столетия, чтоб, подняв науку и технику, ввергнуть человечество в ад войны и кризисов. Социализму противники отпускают лишь полтора десятилетия на то, чтоб построить и обставить земной рай. Таких обязательств мы на себя не брали. Таких сроков никогда не назначали. Процессы великих преобразований надо мерить адекватными им масштабами.

Но бедствия, обрушивающиеся на живых людей? Но огонь и кровь гражданской войны? Оправдывают ли вообще последствия революции вызываемые ею жертвы? Вопрос телеологичен и потому бесплоден. С таким же правом можно — перед лицом трудностей и горестей личного существования — спросить: стоит ли вообще родиться на свет? Меланхолические размышления не мешали, однако, до сих пор людям ни рождать, ни рождаться. Даже в эпоху нынешних невыносимых бедствий

к самоубийству прибегает все же лишь небольшой процент населения нашей планеты. Народы же ищут выхода из невыносимых тягот в революции.

Не замечательно ли, что о жертвах социальных переворотов с наибольшим возмущением говорят чаще всего те, которые если и не являлись непосредственными виновниками жертв мировой войны, то подготовляли и прославляли их или, по крайней мере, мирились с ними. Наша очередь спросить: оправдала ли себя война? что дала? чему научила?

Вряд ли стоит теперь останавливаться на утверждениях обиженных русских собственников, будто революция привела к культурному снижению страны. Опрокинутая Октябрьским переворотом дворянская культура представляла собой, в конце концов, лишь поверхностное подражание более высоким западным образцам. Оставаясь недоступной русскому народу, она не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества.

Октябрьская революция заложила основы новой культуры, рассчитанной на всех, и именно поэтому сразу получила международное значение. Даже если бы силою неблагоприятных обстоятельств и вражеских ударов советский режим — допустим на минуту — оказался временно опрокинут, неизгладимая печать Октябрьского переворота все равно осталась бы на всем дальнейшем развитии человечества.

Язык цивилизованных наций ярко отметил две эпохи в развитии России. Если дворянская культура внесла в мировой обиход такие варваризмы, как «царь», «погром» и «нагайка», то Октябрь интернационализировал такие слова, как «большевик», «Совет» и «пятилетка». Это одно оправдывает пролетарскую революцию, если вообще считать, что она нуждается в оправдании.

ИОСИФ СТАЛИН[1]

Опыт характеристики

В 1913 г. в Веие, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. Сын богатого бакинского мельника, Скобелев был в то время студеитом и моим политическим ученнком; через несколько лет он стал моим протнвником н министром Временного правительства. Мы пнли душистый русский чай н рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно раскрылась без предупредительиого стука, и на пороге появилась иезнакомая мне фигура, иевысокого роста, худая, со смугло-серым отливом лица, иа котором ясно видны были выбоииы оспы. Пришедший держал в руке пустой стакан. Он не ожидал, очевидно, встретить меня, и во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец нздал гортанный звук, который можно было при желаиии принять за прнветствие, подошел к самовару, молча налнл себе стакан чаю и молча вышел. Я вопроснтельно взглянул на Скобелева.

— Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает у них, видимо, нграть роль.

Впечатленне от фигуры было смутное, но незаурядное. Или это позднейшие события отбросили свою тень на первую встречу? Нет, иначе я просто позабыл бы о нем. Неожиданное появление и исчезновенне, априорная враждебность взгляда, нечленораздельное приветствие и, главное, какая-то угрюмая сосредоточенность произвели явно тревожное впечатление... Через несколько месяцев я прочел в большевистском журнале статью о национальном вопросе за незнакомой мне подписью: И. Сталин. Статья останавливала на себе внимание главным образом тем, что на сером, в общем, фоне текста неожнданно вспыхивали оригннальные мыслн и яркие формулы. Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным н что по учеиической рукопнси прошлась рука

мастера [2]. Я не связывал автора статьи с тем загадочным грузином, который так неучтиво наливал себе в Вене стакан чаю и которому предстояло через четыре года возглавить комиссариат национальной политики в первом Советском правительстве.

В революционный Петроград я приехал из канадского концентрационного лагеря 5 мая 1917 г. Вожди всех партий революции уже успели сосредоточиться в столице. Я немедленно встретился с Лениным, Каменевым, Зиновьевым [3], Луначарским, которых давно знал по эмиграции и познакомился с молодым Свердловым, которому предстояло стать первым председателем Советской республики [4]. Сталина я не встречал. Никто не называл его. Он совершенно не выступал на публичных собраниях в те дни, когда вся жизнь состояла из собраний [5]. В «Правде», которой руководил Ленин, появились статьи за подписью Сталина. Я пробегал их через строку рассеянным взглядом и не справлялся об их авторе, очевидно решив про себя, что это одна из тех серых полезностей, которые имеются во всякой редакции.

На партийных совещаниях я, несомненно, встречался с ним, но не отличал его от других большевиков второго и третьего ряда. Он выступал редко и держался в тени. С июля до конца октября Ленин и Зиновьев скрывались в Финляндии. Я работал об руку со Свердловым, который, когда дело касалось важного политического вопроса, говорил:

— Надо писать Ильичу,— а когда возникала практическая задача, замечал иногда:

— Надо посоветоваться со Сталиным.

И в устах других большевиков верхнего слоя имя Сталина произносилось с известным подчеркиванием — не как имя вождя, нет, а как имя серьезного революционера, с которым надо считаться.

После переворота первое заседание большевистского правительства происходило в Смольном, в кабинете Ленина, где некрашеная деревянная перегородка отделяла помещение телефонистки и машинистки. Мы со Сталиным явились первыми. Из-за перегородки раздался сочный бас Дыбенко: он разговаривал по телефону с Финляндией, и разговор имел скорее нежный характер. Двадцатидевятилетний чернобородый матрос, веселый и самоуверенный гигант, сблизился незадолго перед тем с Александрой Коллонтай [6], женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных

языков и приближавшейся к 46-й годовщине. В некоторых кругах партии на эту тему, несомненно, сплетничали. Сталин, с которым я до того времени ни разу не вел личных разговоров, подошел ко мне с какой-то неожиданной развязностью и, показывая плечом за перегородку, сказал, хихикая:

— Это он с Коллонтай, с Коллонтай...

Его жест и его смешок показались мне неуместными и невыносимо вульгарными, особенно в этот час и в этом месте. Не помню, просто ли я промолчал, отведя глаза, или сказал сухо:

— Это их дело [7].

Но Сталин почувствовал, что дал промах. Его лицо сразу изменилось, и в желтоватых глазах появились те же искры враждебности, которые я уловил в Вене. С этого времени он никогда больше не пытался вступать со мной в разговоры на личные темы.

Когда Сталин стал членом правительства, не только народные массы, но даже широкие круги партии совершенно не знали его. Он был членом штаба большевистской партии, и в этом было его право на частицу власти. Даже в «коллегии» собственного комиссариата Сталин не пользовался авторитетом и по всем важнейшим вопросам оставался в меньшинстве [8]. Возможности приказывать тогда еще не было, а способностью переубедить молодых противников Сталин не обладал. Когда его терпение истощалось, он попросту исчезал с заседания. Один из его сотрудников и панегиристов, член коллегии Пестковский [9], дал неподражаемый рассказ о поведении своего комиссара: «Сказав:

— Я на минутку,—

Сталин исчезал из комнаты заседания и скрывался в самых потаенных закоулках Смольного, а затем Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом расходились».

Оставался обычно один терпеливый Пестковский. Из помещения Ленина раздавался звонок, вызывавший Сталина.

— Я отвечал, что Сталин исчез,— рассказывает Пестковский.— Но Ленин требовал срочно найти его.

«Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного и Кремля. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире матроса Воронцова, на кухне, где Сталин, лежа на диване, курил трубку...»

Эта запись с натуры дает нам первый ключ к характеру Сталина, главной чертой которого является противоречие между крайней властностью натуры и недостатком интеллектуальных ресурсов. Куря трубку в кухне на диване, он размышлял, несомненно, о крайнем вреде оппозиции, о невыносимости прений и о том, как хорошо было бы со всем этим раз навсегда покончить. Вряд ли он тогда надеялся, что ему удастся достигнуть этой цели.

* * *

Иосиф или Сосо, четвертый ребенок в семье сапожника Виссариона Джугашвили, родился в маленьком городе Гори Тифлисской губернии 21 декабря 1879 г. Прежде чем закончится этот год, нынешнему диктатору России исполнится, следовательно, 60 лет. Мать, которой во время рождения четвертого ребенка было всего 20 лет, занималась стиркой белья, шитьем и выпечкой хлеба у более зажиточных соседей. Отец, человек сурового и необузданного нрава, большую часть скудного заработка пропивал. Школьный товарищ Иосифа рассказывает, как Виссарион своим грубым отношением к жене и сыну и жестокими побоями «изгонял из сердца Сосо любовь к богу и людям и сеял отвращение к собственному отцу».

Рабское положение грузинской женщины в семье наложило на Иосифа отпечаток на всю жизнь. Он признал позже программу, которая требовала полного равноправия женщин, но в личных отношениях навсегда остался сыном своего отца и смотрел на женщину как на низшее существо, предназначенное для необходимых, но ограниченных функций.

Отец хотел сделать из сына сапожника. Мать была более честолюбива и мечтала для своего Сосо о карьере священника, как мать Гитлера лелеяла надежду увидеть своего Адольфа пастором. Одиннадцати лет Иосиф поступил в духовное училище. Здесь впервые познакомился с русским языком, который навсегда остался для него школьным, усвоенным из-под палки, чужим языком. Большинство учеников были дети священников, чиновников, мелких грузинских дворян. Сын сапожника чувствовал себя маленьким парнем среди этой захолустной аристократии. Он рано научился сжимать зубы с затаенной ненавистью в сердце.

Кандидат в священники уже в школе покончил с религией.

— Знаешь, нас обманывают,— сказал он одному из товарищей.— Бога не существует.

Юноши и девушки предреволюционной России вообще порывали с религией в раннем возрасте, нередко в детстве: это носилось в воздухе. Но формула «нас обманывают» несет на себе личную печать будущего Сталина. Из низшей духовной школы молодой атеист перевелся, однако, в духовную семинарию в Тифлис. Здесь он провел пять томительных лет. По внутреннему режиму семинария стояла между монастырем и тюрьмой. Недостаток пищи возмещался обилием церковных служб. Педагогика сводилась главным образом к наказаниям. Зато многие воспитанники научились под благочестивыми минами прятать от дежурных монахов свои мятежные мысли. Из Тифлисской семинарии вышло немало кавказских революционеров. Немудрено, если в этой атмосфере Сосо примкнул к группе будущих заговорщиков. Его первые политические мысли были ярко окрашены национальным романтизмом. Сосо усвоил себе конспиративную кличку Коба, по имени героя грузинского патриотического романа. Близкие к нему товарищи называли его этим именем до самых последних лет; сейчас они почти все расстреляны.

В семинарии молодой Джугашвили еще острее, чем в духовном училище, ощущал свою бедность.

— Денег у него не было,— рассказывает один из воспитанников.— Мы же все получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы.

Тем необузданнее были мечты Иосифа о будущем. Он им покажет! Уже в те годы товарищи отмечали у Иосифа склонность находить у других только дурные стороны и с недоверием относиться к бескорыстным побуждениям. Он умел играть на чужих слабостях и сталкивать своих противников лбами. Кто пытался сопротивляться ему или хотя бы объяснить ему то, чего он не понимал, тот накликал на себя «беспощадную вражду». Коба хотел командовать другими.

Теперь он стал читать русских классиков, Дарвина, Маркса. Потеряв вкус к богословским наукам, Иосиф стал все ниже опускаться по лестнице позиания и оказался вынужден покинуть семинарию до окончания курса, в июле 1899 г. Он пробыл в духовной школе всего девять лет и вышел из нее 20-летним юношей, то есть на кавказский масштаб взрослым человеком. Он считал себя революционером и марксистом. Мечты матери

увидеть Сосо в рясе православного священника рассыпались прахом.

Коба пишет прокламации на грузинском и плохом русском языках, работает в нелегальной типографии, объясняет в рабочих кружках тайну прибавочной стоимости, участвует в местных комитетах партии. Его революционный путь отмечен тайными переездами из одного кавказского города в другой, тюремными заключениями, ссылкой, побегами, новым коротким периодом нелегальной работы и новым арестом. Полиция характеризует его в своих рапортах как «уволенного из духовной семинарии, проживающего без письменного вида, без определенных занятий, а также и квартиры».

Его друг молодости изображает его мрачным, обросшим волосами и неряшливым:

«Его средства,— объясняет он,— не давали ему возможности хорошо одеваться; но правда и то, что у него не было потребности поддерживать свою одежду в чистоте и порядке».

Судьба Кобы есть типичная судьба среднего провинциального революционера эпохи царизма. Что, однако, резко отличает его от товарищей по работе — это то, что на всех этапах его пути его сопровождают слухи об интригах, о нарушении дисциплины, о самоуправстве, о клевете на товарищей, даже о доносах полиции на соперников. Многое в этих случаях, несомненно, ложно. Но ни о каком другом из революционеров не рассказывали ничего подобного!

После раскола между большевиками и меньшевиками в 1903 г. осторожный и медлительный Коба выжидает полтора года в стороне, но в конце концов примыкает к большевикам [10]. Ему долго, однако, предстоит оставаться в тени. Блестящий инженер, впоследствии не менее блестящий советский дипломат Красин, игравший видную революционную роль на Кавказе в первые годы нынешнего столетия, называет в своих воспоминаниях ряд кавказских большевиков, но совершенно не упоминает о Сталине. За границей существует революционный центр во главе с Лениным. Все выдающиеся молодые революционеры находятся в связи с этим центром, совершают поездки за границу, ведут переписку с Лениным. Во всей этой переписке имя Кобы не названо ни разу. Он чувствует себя провинциалом, продвигается вперед медленно, ступает тяжело и завистливо озирается по сторонам.

Революция 1905 г. прошла мимо Сталина, не заметив его. Он провел этот год в Тифлисе, где меньшевики господствовали безраздельно. В день 17 октября, когда царь опубликовал конституционный манифест, Кобу видели жестикулирующим на фонаре. В этот день все взбирались на фонари. Но Коба не был оратором и терялся перед лицом массы. Он чувствовал себя твердо только на конспиративной квартире.

Реакция принесла резкий упадок массового движения и временный подъем террористических актов. На Кавказе, где живы были еще традиции романтического разбоя и кровавой мести, террористическая борьба нашла смелых исполнителей. Убивали губернаторов, полицейских, предателей; с бомбами и револьверами в руках захватывали казенные деньги для революционных целей. Имя Кобы тесно связано с этой полосой; но точно до сих пор ничего не установлено. Политические противники явно преувеличивали эту сторону деятельности Сталина; рассказывали, как он лично сбросил с крыши первую бомбу на площади в Тифлисе с целью захвата государственных денег. Однако в воспоминаниях прямых участников тифлисского набега имя Сталина ни разу не названо. Сам он ни разу не обмолвился на этот счет ни словом. Это не значит, однако, что он стоял в стороне от террористической деятельности. Но он действовал из-за кулис: подбирал людей, давал им санкцию партийного комитета, а сам своевременно отходил в сторону. Это более соответствовало его характеру.

Только в 1912 г. Коба, доказавший в годы реакции свою твердость и верность партии, переводится с провинциальной арены на национальную. Конференция партии не соглашается, правда, ввести Кобу в ЦК. Но Ленину удается добиться его кооптации самим Центральным Комитетом. С этого времени кавказец усваивает русский псевдоним Сталин, производя его от стали. В тот период это означало не столько личную характеристику, сколько характеристику направления. Уже в 1903 г. будущие большевики назывались «твердыми», а меньшевики «мягкими». Плеханов, вождь меньшевиков, иронически называл большевиков «твердокаменными». Ленин подхватил это определение как похвалу. Один из молодых тогда большевиков остановился на псевдониме Каменев — по той же причине, по какой Джугашвили стал называться Сталиным. Разница, однако, та, что в характере Каменева не было ничего каменного, тогда как твердый

псевдоним Сталина гораздо больше подходил к его характеру.

В марте 1913 г. Сталин арестован в Петербурге и сослан в Сибирь, за Полярный круг, в маленькую деревню Курейку. Вернуться ему пришлось только в марте 1917 г., после низвержения монархии. Предоставленный в течение четырех лет самому себе, Сталин не написал ни одной строки, которая была бы впоследствии напечатана. А между тем это были годы мировой войны и великого кризиса в мировом социализме. Свердлов, которому пришлось некоторое время жить со Сталиным в одной комнате, пишет своей сестре:

«Нас двое, со мною грузин Джугашвили... парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни».

Из Курейки переводились в другие места и другие ссыльные. Желчный, снедаемый честолюбием и враждебностью к людям, Сталин был для всех тяжелым соседом.

«Сталин замкнулся в самом себе,— вспоминал впоследствии один из ссыльных,— занимался охотой и рыбной ловлей; он жил почти в совершенном одиночестве».

Охота была без ружья: Сталин предпочитал ставить капканы. В 1916 г., когда стали мобилизовывать старшие возрасты, Иосиф Джугашвили был призван в ссылке к отбыванию воинской повинности, но в армию не попал из-за несгибающейся левой руки.

В тюрьмах и ссылке Сталин провел в общем около восьми лет, но поразительное дело: ему так и не удалось за этот срок овладеть ни одним иностранным языком. В бакинской тюрьме он пробовал, правда, изучить немецкий язык, но бросил это безнадежное дело и перешел на эсперанто, утешая себя тем, что это язык будущего. В области познания, особенно лингвистики, малоподвижный ум Сталина искал всегда линии наименьшего сопротивления. В конце февраля 1917 г. (по старому стилю) побеждает революция. Сталин возвращается в Петроград. В прошлом декабре ему исполнилось 37 лет.

* * *

Вместе с Каменевым Сталин отстраняет от руководства партией группу молодых товарищей, в том числе Молотова, нынешнего Председателя Совнаркома, как слишком левых, и берет курс на завоевание власти. В течение месяцев революции трудно проследить деятельность Сталина. Более крупные и даровитые люди зани-

мают авансцену и оттесняют его отовсюду. Ни теоретического воображения, ни исторической дальнозоркости, ни дара предвосхищения у него нет. В сложной обстановке он предпочитает молча выжидать. Новая идея должна была создать свою бюрократию, прежде чем Сталин мог проникнуться к ней доверием.

Революция, у которой свои законы и ритмы, попросту отрицает Сталина — осторожного кунктатора. Так было в 1905 г. Так повторилось в 1917 г. И в дальнейшем каждая новая революция — в Германии, в Китае, в Испании — неизменно застигала его врасплох и порождала в нем чувство глухого недовольства революционной массой, которою нельзя командовать при помощи аппарата.

Поверхностные психологи изображают Сталина как уравновешенное существо, в своем роде целостное дитя природы. На самом деле он весь состоит из противоречий. Главное из них: несоответствие честолюбивой воли и ресурсов ума и таланта. Что характеризовало Ленина — это гармония духовных сил: теоретическая мысль, практическая проницательность, сила воли, выдержка — все было связано в нем в одно активное целое. Он без усилий мобилизовал в один момент разные стороны своего духа. Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воли Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь десятью — двадцатью процентами, если принять Ленина за единицу измерения. В свою очередь, в области интеллекта у Сталина новая диспропорция: чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости за счет способности обобщения и творческого воображения. Ненависть к сильным мира сего всегда была его главным двигателем как революционера, а не симпатия к угнетенным, которая так согревала и облагораживала человеческий облик Ленина. Между тем Ленин тоже умел ненавидеть.

В период Октябрьской революции Сталин, более чем когда-либо, воспринимал свою карьеру как ряд неудач [11]. Всегда являлся кто-нибудь, кто его публично поправлял, затмевал, отодвигал. Его честолюбие не давало ему покоя, как внутренний нарыв, и отравляло его отношение к выдающимся людям, начиная с Ленина, мнительностью и завистливостью. В Политбюро он почти всегда оставался молчаливым и угрюмым. Только в кругу людей первобытных, решительных и не связанных предрассудками он становился ровнее и приветливее. В тюрьме он легче сходился с уголовными арестантами, чем с политическими.

Грубость представляет органическое свойство Сталина. Но с течением времени он сделал из этого свойства сознательное орудие. На людей незамысловатых грубость нередко производит впечатление искренности. «Этот человек не мудрствует лукаво — он выливает наружу все, что думает». Именно этого Сталину и нужно. В то же время Сталин крайне чувствителен, обидчив, капризен, когда дело касается его. Почувствовав себя оттиснутым в сторону, он поворачивается спиной к людям, забивается в угол, сосет трубку, угрюмо молчит и мечтает о мести.

В борьбе Сталин никогда не опровергает критики, а немедленно поворачивает ее против противника, придав ей самый грубый и беспощадный характер. Чем чудовищнее обвинения, тем лучше. Политика Сталина, говорит критик, нарушает интересы народа. Сталин отвечает: мой противник — наемный агент фашизма. Люди ошарашены, но не допускают возможности такой чудовищной лжи. Этот прием, на котором построены московские процессы, мог бы быть смело увековечен в учебниках психологии как «рефлекс Сталина».

* * *

Жили в Кремле в первые годы революции очень скромно. В 1919 г. я случайно узнал, что в кооперативе Совнаркома имеется кавказское вино, и предложил изъять его, так как торговля спиртными напитками была в то время запрещена.

— Доползет слух до фронта, что в Кремле пируют,— говорил я Ленину,— произведет плохое впечатление.

Третьим при беседе был Сталин.

— Как же мы, кавказцы,— сказал он с раздражением,— будем без вина?!

— Вот видите,— подхватил шутливо Ленин,— грузинам без вина никак нельзя!

Я капитулировал без боя.

В Кремле, как и во всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало. Сталин хотел переменить свою слишком шумную на более спокойную. Агент ЧК Беленький порекомендовал ему парадные комнаты Кремлевского дворца. Жена моя, которая в течение девяти лет заведовала музеями и историческими памятниками, воспротивилась, так как дворец охранялся на правах музея. Ленин написал ей большое увещева-

тельное письмо: можно-де из нескольких комнат дворца унести более ценную мебель и принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых товарищей, которые способны спать и под пушечные выстрелы и пр. Но хранительница музеев не сдалась на эти доводы. Ленин назначил комиссию для обследования вопроса. Комиссия признала, что дворец не годится для жилья. В конце концов Сталину уступил свою квартиру сговорчивый Серебряков[12], тот самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя.

Я никогда не бывал на квартире у Сталина. Но французский писатель Анри Барбюс, написавший незадолго до своей смерти две биографии: Иисуса Христа и Иосифа Сталина, дал тщательное описание маленького кремлевского дома, во втором этаже которого находится скромная квартира диктатора. Барбюса дополнил бывший секретарь Сталина Бажанов, бежавший за границу. У дверей квартиры постоянно стоит часовой. В маленькой передней висят солдатская шинель и фуражка хозяина. В трех комнатах и столовой простая мебель. Старший сын Яша, от первого брака, долгое время спал в столовой на диване, который на ночь превращали в постель... Но уж несколько лет, как он стал инженером и отделился от отца.

Завтрак и обед раньше приносили из столовой Совнаркома; но в последние годы, из страха перед отравлением, стали готовить пищу дома. Если хозяин не в духе, а это бывает нередко, за столом все молчат.

«В своей семье,—рассказывает Бажанов,— он держит себя деспотом. Целыми днями он соблюдает у себя высокомерное молчание, не отвечая на вопросы жены или сына».

После завтрака глава семьи усаживается в кресло возле окна и курит трубку. Раздается звонок по внутреннему телефону Кремля.

— Коба, тебя зовет Молотов,— говорит Надежда Аллилуева.

— Скажи ему, что я сплю,— отвечает Сталин в присутствии секретаря, чтобы показать свое пренебрежение к Молотову.

Со времени гражданской войны Сталин всегда носит нечто вроде военной формы, чтобы напоминать о своей связи с армией: высокие сапоги, тужурку и брюки хаки.

«Его никогда не видели одетым иначе, за исключением лета, когда он — в белом полотне».

Дело идет о передней, о шинели и о сапогах, и мы можем признать свидетельство Барбюса достаточно авторитетным.

Ночные автомобили на кремлевском дворе не давали спать. В конце концов вынесено было постановление: после 11 часов ночи автомобилям останавливаться у арки, где начинаются жилые корпуса; дальше все должны двигаться пешком. Однако чей-то автомобиль продолжал нарушать порядок. Разбуженный не в первый раз в три часа ночи, я дожидался у окна возвращения автомобиля и окликнул шофера.

— Разве вы не знаете постановления?

— Знаю, товарищ Троцкий,— ответил шофер,— но что же мне делать? Товарищ Сталин приказал у арки: поезжай!

Кроме кремлевской квартиры у Сталина есть дача Горки, где некогда жил Ленин и откуда Сталин вытеснил его вдову. В одном из помещений — экран кинематографа. В другом — драгоценный инструмент, который призван удовлетворять музыкальные потребности хозяина: это пианола. Другая пианола у него на кремлевской квартире. Он, видимо, не может долго жить без искусства. Часы отдыха он проводит за музыкальным ящиком, наслаждаясь мелодиями из «Аиды». В музыке, как и в политике, он предпочитает послушный аппарат. Советские композиторы тем временем воспринимают как закон каждое указание диктатора, у которого две пианолы.

В 1903 г., когда Сталину шел 24-й год, он женился на молодой малокультурной грузинке. Брак, по рассказу друга его детства, был счастливым, потому что жена «выросла в священной традиции, обязывающей женщину служить». Молодая женщина проводила ночи в горячих молитвах, когда ее муж участвовал в тайных собраниях. Терпимость к религиозным верованиям жены вытекала из того, что Коба не искал в ней друга, способного разделить его взгляды. Молодая женщина умерла в 1907 г. от туберкулеза или от воспаления легких, и ее похоронили по православному обряду [13]. От нее остался мальчик, который лет до 10 находился на попечении родственников в Тифлисе, а затем был доставлен в Кремль. Мы часто его находили в комнате наших сыновей. Нашу квартиру он предпочитал отцовской. В своих бумагах я нахожу такую запись жены:

«Яша — мальчик лет 12, с очень нежным смуглым личиком, на котором привлекают (внимание) черные глаза с золотистым поблескиванием. Тоненький, скорее миниатюрный, похожий, как я слышала, на свою умершую от туберкулеза мать. В манерах, в обращении очень мягок. Сереже, с которым он был дружен, Яша рассказывал, что отец его тяжело наказывает, бьет — за курение. «Но нет, побоями он меня от табаку не отучит». «Знаешь, вчера Яша провел всю ночь в коридоре с часовым,— рассказывал мне Сережа [14].— Сталин его выгнал из квартиры за то, что от него пахло табаком».

Я застал как-то Яшу в комнате мальчиков с папиросой в руке. Он улыбался в нерешительности.

— Продолжай, продолжай,— сказал я ему успокоительно.

— Папа мой сумасшедший,— сказал он убежденно.— Сам курит, а мне не позволяет.

Нельзя не передать здесь другой эпизод, рассказанный мне Бухариным, видимо, в 1924 г., когда, сближаясь со Сталиным, он сохранял еще очень дружественные отношения со мной.

«Только что вернулся от Кобы,— говорил он мне.— Знаете, чем он занимается? Берет из кроватки своего годовалого мальчика, набирает полон рот дыму из трубки и пускает ребенку в лицо...

— Да что вы за вздор говорите! — прервал я рассказчика.

— Ей-богу, правда! Ей-богу, чистая правда,— поспешно возразил Бухарин с отличавшей его ребячливостью.— Младенец захлебывается и плачет, а Коба смеется-заливается: ничего, мол, крепче будет...

Бухарин передразнил грузинское произношение Сталина.

— Да ведь это же дикое варварство?!

— Вы Кобы не знаете: он уж такой, особенный...

Мягкому Бухарину первобытность Сталина, видимо, слегка импонировала. Нельзя не согласиться, что отец был действительно «особенный»: он «закалял» младшего сына дымом и, наоборот, отучал старшего сына от дыма при помощи тех педагогических приемов, которые применял некогда к нему самому сапожник Виссарион... Эмиль Людвиг, опасавшийся встретить в Кремле надменного диктатора, на самом деле встретил человека, которому он, по собственным словам, готов был бы «доверить

своих детей». Не слишком ли поспешно? Лучше бы почтенному писателю этого не делать...

Вторым браком Сталин был женат на Надежде Аллилуевой, дочери русского рабочего и матери-грузинки. Надежда родилась в 1902 г., после переворота работала в секретариате Ленина, была во время гражданской войны на Царицынском фронте, где находился и Сталин. Ей было 17 лет, Сталину — 40. Она была очень миловидна и скромна. Уже став матерью двух детей, она поступила студенткой в Промышленную академию. Когда против меня развернулась травля под руководством Сталина, Аллилуева при встрече с моей женой проявляла двойное внимание. Она чувствовала себя, видимо, ближе к тем, которых травили. 9 ноября 1932 г. Аллилуева внезапно скончалась. Ей было всего 30 лет. Насчет причин ее неожиданной смерти советские газеты молчали. В Москве шушукались, что она застрелилась, и рассказывали о причине. На вечере у Ворошилова в присутствии всех вельмож она позволила себе критическое замечание по поводу крестьянской политики, приведшей к голоду в деревне. Сталин громогласно ответил ей самой грубой бранью, которая существует на русском языке. Кремлевская прислуга обратила внимание на возбужденное состояние Аллилуевой, когда она возвращалась к себе в квартиру. Через некоторое время из ее комнаты раздался выстрел. Сталин получил много выражений сочувствия и перешел к порядку дня.

* * *

В драме популярного русского писателя Афиногенова, написанной в 1931 г., говорилось, что если обследовать сто граждан, то окажется, что 80 действуют под влиянием страха. За годы кровавых чисток страх охватил и большую часть остальных 20 процентов. Главной пружиной политики самого Сталина является ныне страх перед порожденным им страхом. Сталин лично не трус, но его политика отражает страх касты привилегированных выскочек за свой завтрашний день. Сталин всегда не доверял массам; теперь он боялся их. Столь поразивший всех союз Сталина с Гитлером неотвратимо вырос из страха бюрократии перед войной. Этот союз был предвиден, в частности, автором этих строк. Но господа дипломаты, как и простые смертные, предпочитают обычно правдоподобные предсказания верным предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предска-

зания чаще всего неправдоподобны. Союз с Францией, с Англией, даже с Соединенными Штатами мог бы принести СССР пользу только в случае войны. Но Кремль больше всего хотел избежать войны. Сталин знает, что если бы СССР в союзе с демократиями вышел бы из войны победоносным, то по дороге к победе он наверняка ослабил бы и сбросил нынешнюю олигархию. Задача Кремля не в том, чтобы найти союзников для победы, а в том, чтобы избежать войны. Достигнуть этого можно только дружбой с Берлином и Токио. Такова исходная позиция Сталина со времени победы нации.

Нельзя также закрывать глаза и на то, что не Чемберлен, а Гитлер импонирует Сталину. В фюрере хозяин Кремля находит не только то, что есть в нем самом, но и то, чего ему не хватает. Гитлер, худо или хорошо, был инициатором большого движения. Его идеям, как ни жалки они, удалось объединить миллионы. Так выросла партия, которая вооружила своего вождя еще не виданным в мире могуществом. Ныне Гитлер — сочетание инициативы, вероломства и эпилепсии — собирается не меньше и не больше как перестроить нашу планету по образу и подобию своему.

Фигура Сталина и путь его — иные. Не Сталин создал аппарат. Аппарат создал Сталина[15]. Но аппарат есть мертвая машина, которая, как пианола, не способна к творчеству. Бюрократия насквозь проникнута духом посредственности. Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии. Сила его в том, что инстинкт самосохранения правящей касты он выражает тверже, решительнее и беспощаднее всех других. Но в этом его слабость. Он проницателен на небольших расстояниях. Исторически он близорук. Выдающийся тактик, он не стратег. Это доказано его поведением в 1905 г., во время прошлой войны 1917 г. Сознание своей посредственности Сталин неизменно несет в самом себе. Отсюда его потребность в лести. Отсюда его зависть по отношению к Гитлеру и тайное преклонение перед ним.

По рассказу бывшего начальника советского шпионажа в Европе Кривицкого, огромное впечатление на Сталина произвела чистка, произведенная Гитлером в июне 1934 г. в рядах собственной партии.

— Вот это вождь! — сказал медлительный московский диктатор себе самому. С того времени он явно подражает Гитлеру. Кровавые чистки в СССР, фарс «самой демократической в мире конституции», наконец, нынеш-

нее вторжение в Польшу — все это внушено Сталину немецким гением с усами Чарли Чаплина.

Адвокаты Кремля — иногда, впрочем, и его противники — пытаются установить аналогию между союзом Сталина — Гитлера и Брест-Литовским миром 1918 г. Аналогия похожа на издевательство. Переговоры в Брест-Литовске велись открыто перед лицом всего человечества. У Советского государства в те дни не было ни одного боеспособного батальона. Германия наступала на Россию, захватывала советские области и военные запасы. Московскому правительству не оставалось ничего другого, как подписать мир, который мы сами открыто называли капитуляцией безоружной революции перед могущественным хищником. О нашей помощи Гогенцоллерну не было при этом и речи. Что касается нынешнего пакта, то он заключен при наличии Советской Армии в несколько миллионов; непосредственная задача его — облегчить Гитлеру разгром Польши; наконец, интервенция Красной Армии под видом «освобождения» 8 миллионов украинцев и белорусов ведет к национальному закабалению 23 миллионов поляков. Сравнение обнаруживает не сходство, а прямую противоположность.

Оккупацией Западной Украины и Западной Белоруссии Кремль пытается прежде всего дать населению патриотическое удовлетворение за ненавистный союз с Гитлером. Но у Сталина для вторжения в Польшу был и свой личный мотив, как всегда почти — мотив мести. В 1920 г. Тухачевский, будущий маршал, вел красные войска на Варшаву. Будущий маршал Егоров наступал на Лемберг. С Егоровым шел Сталин. Когда стало ясно, что Тухачевскому на Висле угрожает контрудар, московское командование отдало Егорову приказ повернуть с лембергского направления на Люблин, чтоб поддержать Тухачевского. Но Сталин боялся, что Тухачевский, взяв Варшаву, «перехватит» у него Лемберг. Прикрываясь авторитетом Сталина, Егоров не выполнил приказ ставки. Только через четыре дня, когда критическое положение Тухачевского обнаружилось полностью, армии Егорова повернули на Люблин. Но было уже поздно: катастрофа разразилась. На верхах партии и армии все знали, что виновником разгрома Тухачевского был Сталин. Нынешнее вторжение в Польшу и захват Лемберга есть для Сталина реванш за грандиозную неудачу 1920 г.

Однако перевес стратега Гитлера над тактиком Сталиным очевиден. Польской кампанией Гитлер привязы-

вает Сталина к своей колеснице, лишает его свободы маневрирования: он компрометирует его и попутно убивает Коминтерн. Никто не скажет, что Гитлер стал коммунистом. Все говорят, что Сталин стал агентом фашизма. Но и ценою унизительного и предательского союза Сталин не купит главного: мира. Ни одной из цивилизованных наций не удастся спрятаться от мирового циклона, как бы строги ни были законы о нейтралитете. Меньше всего это удастся Советскому Союзу. На каждом новом этапе Гитлер будет предъявлять Москве все более высокие требования. Сегодня он отдает московскому другу на временное хранение «великую Украйну», завтра он поставит вопрос о том, кому быть хозяином этой Украины. И Сталин и Гитлер нарушали ряд договоров. Долго ли продержится договор между ними? Святость союзных обязательств покажется ничтожным предрассудком, когда народы будут корчиться в тучах удушливых газов. «Спасайся кто может!» — станет лозунгом правительств, наций, классов. Московская олигархия, во всяком случае, не переживает войны, которой она так основательно страшилась. Падение Сталина не спасет, однако, и Гитлера, который с непогрешимостью сомнамбулы влечется к пропасти.

Перестроить планету Гитлеру даже при помощи Сталина не удастся. Ее будут перестраивать другие.

22 сентября 1939 г.

Л. Троцкий

Койокан

ПРИМЕЧАНИЯ

НАШИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ (ТАКТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ)

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* О партии в 1904 г. М.; Л., 1928. Брошюра Л. Д. Троцкого была ответом на ленинские работы «Что делать?» и «Шаг вперед, два шага назад». Реакцию В. И. Ленина на это сочинение Троцкого мы находим в письме Н. К. Крупской (написанном по поручению Ленина) к Е. Д. Стасовой, Ф. В. Ленгнику и др. В нем отмечалось: «Недавно вышла новая брошюра Троцкого, как было заявлено, под редакцией «Искры». Таким образом, она является как бы «Credo» новой «Искры». Брошюра представляет собою самое наглое лганье, извращение фактов. И это делается под редакцией ЦО. Работа искряков поносится всячески, экономисты-де сделали гораздо больше, у искряков не было инициативы, о пролетариате они не думали, заботились больше о буржуазной интеллигенции, вносили всюду мертвящий бюрократизм,— работа их сводилась к осуществлению программы знаменитого «Credo». II съезд — это, по его словам, реакционная попытка закрепить кружковые методы организации и т. д. Брошюра эта — пощечина и теперешней редакции ЦО и всем партийным работникам. Читая такую брошюру, ясно видишь, что «меньшинство» так изолгалось, так фальшивит, что ничего жизненного создать будет неспособно...» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 389).— *63.*

[2] Троцкий имеет в виду происшедший на II съезде РСДРП раскол на большевиков и меньшевиков и последовавшую после съезда борьбу между ними на уровне местных партийных комитетов.— *63.*

[3] То есть меньшевики.— *64.*

[4] В июле 1904 г. состоялось совещание ЦК РСДРП в составе Глебова (Носкова), Красина (Никитича), Гальперина (Валентина). В резолюции, принятой на нем, отмечалось, что «обеспечение партийного единства — требует, чтобы политика ЦК в сфере внутрипартийной жизни сообразовалась с целью умиротворения и слияния «большинства» и «меньшинства» в цельную организацию, в согласии с принципами революционной социал-демократии, положенными вторым съездом в основу нашей партии». По поводу созыва съезда в резолюции говорилось: «ЦК решительно высказывается против созыва в настоящее время экстренного съезда и против агитации за этот съезд» (*Троцкий Л. Д.* О партии в 1904 году. М.; Л., 1928. С. 243).— *65.*

[5] Книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад» вышла в мае 1904 г. В ней Ленин развивал марксистское учение о революционной партии, анализировал перипетии идейной борьбы в РСДРП, в том числе и на ее II съезде. Одновременно он подвергал обстоятельной критике меньшевистские установки по партийному строительству, разоблачал нападки лидеров меньшевизма, и в их числе Троцкого, на большевиков. Именно это обстоятельство не в последнюю очередь обусловило оскорбительный тон антиленинской полемики Троцкого.— *66.*

[6] «Экономизм» — российская разновидность правого оппортунизма, возникшего в рабочем движении в конце XIX — начале XX в. Его адепты стремились ограничить борьбу рабочих рамками экономических требований: улучшение условий труда, повышение заработной платы, сокращение продолжительности рабочего дня и проч. Они принижали значение революционной теории, игнорировали необходимость создания централизованной пролетарской партии, ратовали за кружковщину в рабочем движении.— *67.*

[7] Трошю Луи Жюль (1815—1896), французский генерал. В 1870 г. был назначен Наполеоном III губернатором Парижа. После провозглашения республики возглавлял правительство национальной обороны.— *71.*

[8] Смит Адам (1723—1790), шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической буржуазной политэкономии. Его наиболее известный труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).— *71.*

[9] Аксельрод П. Б. (1850—1928), участник российского революционного движения, один из основателей группы «Освобождение труда». С 1900 г.— член редакции газеты «Искра». С 1903 г.— меньшевик, ликвидатор. Октябрьскую революцию встретил враждебно, эмигрировал, призывал к вооруженной интервенции.— *71.*

[10] Сьейес (Сиейес) Эммануэль Жозеф (1748—1836), деятель Великой французской революции.— *72.*

[11] Гейне В. (1861—1944), немецкий правый социал-демократ, в годы войны — социал-шовинист. С 1920 г. отошел от политики.— *77.*

[12] Жорес Жан (1859—1914), руководитель Французской социалистической партии, реформист. Основатель газеты «Юманите» (1904). Активный борец против милитаризма. Убит в июле 1914 г.— *77.*

[13] Каутский Карл (1854—1938), один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала. Написал ряд теоретических работ, в том числе «Путь к власти» (1909), по аграрному вопросу и др. В годы первой мировой войны порвал с марксизмом, стоял на позициях центризма. После победы Октября активный противник Советской власти.— *77.*

[14] Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) (1873—1923), участник российского революционного движения. В 1895 г. вместе с В. И. Лениным создал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». С 1900 г.— член редакции «Искры». С 1903 г.— один из лидеров меньшевизма, с 1917 г.— руководитель его «левого» крыла. В 1919 г.— член ВЦИК. С 1920 г.—эмигрант, редактор основанного им в Берлине журнала «Социалистический вестник».— *77.*

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

[1] Печатается по книге: *Троцкий Л.* Итоги и перспективы. Л., 1919. Брошюра была написана Троцким в 1906 г., когда он после ареста руководства Петербургского Совета рабочих депутатов оказался в «Крестах». Тогда же она была и издана, но той публикации разыскать не удалось. Отсюда, может быть, не совсем удачным выглядит предисловие, датированное 12 марта 1919 г. (нарушен хронологический принцип расположения материала). Но без него вряд ли можно обойтись, это комментарий самого Троцкого, в котором разъясняются цель и задачи этой работы.— *80.*

[2] Троцкий здесь ревизует самого себя, подгоняя свою теорию «перманентной революции» под ленинскую трактовку перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. А дело в том, что Троцкий нигде и никогда, в настоящей брошюре тоже, не признавал необходимости буржуазной революции в России. Он считал, что революция в стране сразу должна быть социалистической. В этом, собственно говоря, и состоял один из принципиальных моментов различия троцкистской теории и ленинского учения о революции.— *81.*

[3] Это утверждение вовсе не свидетельствует о том, что теория «перманентной революции» Троцкого была марксистской. Она заимствовала марксистскую терминологию, но не сущность, так как в отличие от марксистского учения о поэтапном развитии революционного процесса перескакивала через этап буржуазно-демократической революции.— *83.*

[4] Отказ Троцкого от примечаний к брошюре, как нам представляется, был продиктован иными причинами, чем «недостатком времени». Когда дело касалось издания им собственных произведений, времени хватало не только на комментарии, но и на переделку многих страниц и даже глав, нередко менявших смысл им ранее написанного. Достаточно обратиться к любому тому собрания сочинений Троцкого, вышедших в 1923—1927 гг.

В данном случае, отказываясь от комментариев, он рассчитывал «малой кровью», то есть не вступая в полемику с Лениным, с большевистской платформой революции, доказать актуальность теории «перманентной революции» и после Октября. Этим и обусловлена оговорка Троцкого, что в случае написания примечаний ему пришлось бы «удвоить размеры книги» и получилось бы «двухэтажное» издание: на первом этаже теория «перманентной революции», а на втором — ленинская теория революции.— *83.*

[5] Речь шла о буржуазных революциях во Франции и в других странах Европы.— *84.*

[6] Цель этой идеи — доказать «бескультурность» русского народа, «вторичность» российской культуры, якобы зависевшей от зарубежных стран, зарубежных «академиков» и пр.— *84.*

[7] Милюков П. Н. (1859—1943), русский политический деятель, историк. Один из организаторов партии кадетов, редактор газеты «Речь». Апологет империалистической политики царизма. Во Временном правительстве первого состава занимал пост министра иностранных дел. После Октября белоэмигрант.— *86.*

[8] Витте С. Ю. (1849—1915), русский государственный деятель, занимал ключевые посты в царском правительстве. Инициатор вин-

ной монополии и денежной реформы, строительства Сибирской ж. д. Автор Манифеста 17 октября 1905 г. С 1906 г. отошел от активной политической деятельности.— *97.*

[9] Столыпин П. А. (1862—1911), русский государственный деятель, председатель Совета министров (1906). В эпоху реакции (1905—1911) определял правительственный курс. Организатор контрреволюционного третьеиюньского переворота 1907 г. Руководитель аграрной реформы. Стремился преобразовать Россию в хуторское хозяйство. Был смертельно ранен эсером Богровым.— *97.*

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

[1] Статья публикуется по книге: *Троцкий Л.* 1905. М., 1922. Впервые она была напечатана в польском журнале «Przegląd Socjaldemokratyczny» в годы реакции, наступившей после поражения первой российской революции 1905—1907 гг.— *111.*

ПИСЬМО ТОВ. ТРОЦКОГО К ЧХЕИДЗЕ (1913 г.)

[1] Печатается по книге: Ленинизм или троцкизм. Сборник статей и речей. 2-е изд., доп. Свердловск, 1925.— *116.*

[2] Чхеидзе Н. С. (1864—1926) — грузинский социал-демократ, меньшевик, журналист. Депутат III и IV Государственной думы, председатель меньшевистской семерки в IV Думе. С февраля до конца августа 1917 г.—председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918 г. был председателем Учредительного собрания Грузии. В 1921 г. эмигрировал.— *116.*

[3] *«Луч»* — ежедневная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов. Выходила с 16(29) сентября 1912 г. по 5(18) июля 1913 г. в Петербурге. Ленин отмечал, что «Луч» порабощен либеральной политикой, и называл газету органом ренегатов (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 463).— *116.*

[4] Причиной раздражения Троцкого стала успешная борьба Ленина, большевиков против ликвидаторов, отзовистов и троцкистов после VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (январь 1912 г.), на которой они были исключены из партии.— *116.*

[5] Троцкий имеет в виду: в первом случае II съезд РСДРП (1903 г.), когда партия раскололась на большевиков и меньшевиков, во втором — Общероссийскую конференцию РСДРП (Париж, 1908 г.). На ней присутствовали все заграничные фракции партии, а также ряд ее комитетов, действовавших в России. На конференцию была приглашена и социал-демократическая фракция Государственной думы во главе с Чхеидзе, но он не приехал.— *116.*

[6] Речь шла о газете «Правда», которую большевики начали издавать в России с 5 мая 1912 г. Некорректность тона Троцкого вызвана тем, что большевистская «Правда» за короткое время стала центром, вокруг которого группировались все здоровые силы партии, революционно настроенные рабочие, интеллигенция. Своей деятельностью она фактически свела на нет значение венской «Правды» Троцкого.

Необоснованными выглядят обвинения Троцкого об источниках финансирования газеты. Общеизвестно, что «Правда» издавалась на денежные средства, собранные самими рабочими (см.: *Ленин В. И.*

Полн. собр. соч. Т. 23. С. 7. См. также: *Зиновьев Г.* История Российской Коммунистической партии (большевиков). М., 1924. С. 246).— *116.*

[7] В социал-демократическую фракцию IV Государственной думы входило 14 депутатов: большевиков — 6, меньшевиков — 7. Один депутат не являлся полноправным представителем фракции, но примыкал к меньшевикам. С момента образования IV Думы 15 ноября 1912 г. и до 27 октября 1913 г. фракция действовала сообща. Раскол произошел, когда меньшевики потребовали для себя преимуществ, пытаясь проводить свою политику от лица всей фракции. 16 октября большевистская «шестерка» выступила с заявлением, в котором отвергались домогательства меньшевиков и содержалось требование равенства. Поскольку меньшевики отказались удовлетворить требования, большевики выделились в самостоятельную фракцию. Ее работой руководил Ленин. В ноябре 1914 г. фракция арестована, в 1915 г. ее члены (А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов, за исключением Р. В. Малиновского, который оказался провокатором) сосланы в Сибирь.— *117.*

[8] Троцкий призывал Чхеидзе использовать оппортунистическую печать немецкой социал-демократии, в частности контролировавшую-ся Каутским газету «Форвертс».— *118.*

[9] После победы Октября Троцкий предпринимал попытки, чтобы эти два письма не появились в печати. Когда в 1921 г. известный деятель партии М. С. Ольминский выразил желание опубликовать его, Троцкий ответил ему следующим образом: «Я не думаю, чтобы это было уместно. Время для истории еще не пришло. Письма писались под впечатлением минуты и ее потребностей, тон писем этому соответствовал. Нынешний читатель не поймет этого тона, не установит необходимых исторических поправок и только собьется с толку» (Ленинизм или троцкизм. С. 278).— *118.*

ПИСЬМО Л. Д. ТРОЦКОГО М. С. УРИЦКОМУ (1915 год)

[1] Печатается по книге: Ленинизм или троцкизм. Сборник статей и речей. 2-е изд., доп. Свердловск, 1925.

Урицкий М. С. (1873—1918), член РСДРП с 1898 г., член КПСС с 1917 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917 г. С марта 1918 г.—председатель Петроградского ЧК. Убит эсером. До революции он был близок к Троцкому, разделял его программные установки, активно сотрудничал сперва в венской «Правде», а затем в «Нашем слове» и «Новом мире».— *119.*

[2] Роланд-Холст Генриетта (Роланд Гольст ван дер Схалк) (1869—1952), голландская социалистка, писательница, участница женского движения. Примыкала к левому крылу социал-демократов. Вместе с другим голландским социалистом А. Паннекуком издавала журнал Циммервальдской левой «Предвестник» («Форботе»).— *119.*

[3] Радек Карл Бернгардович (1885—1939), деятель международного социал-демократического движения с конца XIX в., партийный публицист. Член партии с 1917 г. В 1918 г.— «левый коммунист». В 1919—1924 гг.— член ЦК РКП(б), член Исполкома Коминтерна. Сотрудник газет «Правда» и «Известия». Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.— *119.*

[4] Имеется в виду журнал «Форботе» («Предвестник») — орган Циммервальдской левой. 21 января 1916 г. в письме к Г. Роланд-Холст Ленин сообщал: «Раньше было согласовано, что «Vorbote» будет выходить как орган *двух* групп, а именно: 1) Группы Роланд-Гольст и Троцкого (или Роланд-Гольст и ее друзей без Троцкого, если Троцкий не захочет войти); 2) Группы Циммервальдской левой (бюро которой состоит из трех товарищей: Радек, Ленин и Зиновьев). Тов. Паннекук был назначен представителем этой второй группы.

Теперь вышеуказанные документы (письмо и «Введение») изменяют конституцию: «Vorbote» выходит как орган *двух товарищей:* Паннекука и Роланд-Гольст» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 177).

О неизбежности обострения противоречий с Троцким Ленин в тот же день сообщал И. Арманд: «Троцкий писал нашему молодому польскому другу, что он и сам не будет писать в голландском журнале («Форботе».— *Н. В.*) и не может посоветовать этого своим друзьям той нации, среди которой он живет. Значит, не миновать борьбы с Троцким даже по этому вопросу!!» (там же. С. 176).— *119.*

[5] Паннекук Антон (1873—1960), нидерландский деятель рабочего движения. В 1918—1921 гг. член Компартии Нидерландов.— *119.*

[6] Под экстремистской левой Троцкий подразумевал Циммервальдскую левую во главе с Лениным и другими большевистскими лидерами.— *119.*

[7] Раковский Х. Г. (1873—1941), советский государственный и партийный деятель, дипломат. Член партии с 1917 г. С 1889 г. в социал-демократическом движении Болгарии, Швейцарии и др. стран. Участник гражданской войны. В 1918—1923 гг.— председатель СНК Укр. ССР. В 1923—1927 гг.— полпред в Великобритании и Франции. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *119.*

[8] Французские анархо-синдикалисты, близкие к газете «Наше слово».— *120.*

ПРОГРАММА МИРА

[1] Печатается по: *Троцкий Л. Д.* Война и революция. М.; Л., 1923. Т. 2. В настоящем виде брошюра была написана и вышла летом 1917 г. в Петрограде. По существу она представляет переработку статей Троцкого, опубликованных в парижской газете «Наше слово» в 1915—1916 гг.— *122.*

[2] Это правительство одновременно стало и первым коалиционным. Наряду с представителями буржуазии в него по решению находившегося в руках эсеров и меньшевиков Исполкома Петроградского Совета вошли также и представители соглашательских партий.— *122.*

[3] Ллойд Джордж (1863—1945) — государственный деятель Великобритании, лидер Либеральной партии, избирался премьер-министром страны.

Бриан Аристид (1862—1932), член Французской социалистической партии, избирался премьер-министром Франции.

Рибо Александр (1842—1925), премьер-министр Франции, один из организаторов франко-русского союза.— *122.*

[4] Вильсон Вудро (1856—1924), президент США в 1913—1921 гг. В 1918 г. выдвинул программу мира, так называемые «14 пунктов». Участвовал в организации антисоветской интервенции.— *122.*

[5] Стокгольмская конференция замышлялась как попытка тогдашнего эсеро-меньшевистского большинства в Петросовете выступать посредником в вопросе достижения мира.— *123.*

[6] Терещенко М. И. (1886—1956), капиталист, сахарозаводчик, был близок к партии прогрессистов. В 1917 г.— министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства.— *123.*

[7] Керенский А. Ф. (1881—1970), русский политический деятель, адвокат. В IV Государственной думе — лидер фракции трудовиков. С 1917 г.— эсер. Во Временном правительстве — военный и морской министр, премьер-министр. Белоэмигрант.— *124.*

[8] Церетели И. Г. (1881—1959), один из лидеров меньшевизма, депутат II Государственной думы от Кутаисской губернии. Министр почт и телеграфов Временного правительства. С 1921 г. белоэмигрант.— *124.*

[9] Скобелев М. И. (1885—1938), депутат IV Государственной думы. После Февраля — член Исполкома Петросовета, министр труда во Временном правительстве. После Октября был представителем «Центросоюза» в Париже и Брюсселе.— *124.*

[10] Шейдеман Филипп (1865—1939), один из правых лидеров Социал-демократической партии Германии. В ноябре 1918 — феврале 1919 г.— один из председателей Совета народных уполномоченных, стремившихся помешать развитию революции.

Ренодель Пьер (1871—1935), один из лидеров Французской социалистической партии, член ее ЦК, после убийства Жореса до 1918 г.— редактор «Юманите». В годы первой мировой войны — социал-шовинист.— *124.*

[11] Циммервальдская конференция социал-демократов (5—8 сентября 1915 г., Швейцария, Циммервальд). Участвовало 38 делегатов из 11 стран. Кинтальская (по названию швейцарской деревни Кинталь) — проходила в апреле 1916 г. Участвовало 43 делегата из 9 стран. На обеих конференциях рассматривались отношения социал-демократов к войне и миру. Участники конференции выступили против первой мировой войны и социал-шовинизма.— *125.*

[12] Вандервельде Эмиль (1866—1938), бельгийский социалист, реформист. С 1900 г.—председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. В годы первой мировой войны — социал-шовинист.— *126.*

[13] Гед Жюль (1845—1922), один из основателей французской Рабочей партии, лидер II Интернационала. В годы первой мировой войны — оборонец, входил в буржуазное правительство.— *129.*

[14] Плеханов Г. В. (1856—1918), деятель российского и международного социал-демократического движения, философ, пропагандист марксизма. Организатор марксистской группы «Освобождение труда». Один из основателей РСДРП, газеты «Искра». После II съезда РСДРП — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции 1907—1910 гг.— меньшевик-партиец. В 1917 г. вернулся в Россию, поддерживал буржуазное Временное правительство. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, но против Советской власти не боролся.— *129.*

[15] Гендерсон Артур (1863—1935), один из лидеров Лейбористской партии Великобритании. В годы войны — оборонец, входил в буржуазное правительство.— *129.*

[16] Мартынов (Пиккер) А. С. (1865—1935), участник российского революционного движения, народник. С 1900 г.— один из идеологов «экономизма», затем меньшевик. В 1907—1912 гг.— член ЦК РСДРП, с 1923 г.— член партии, находился на журналистской работе.— *130.*

[17] Алексеев М. В. (1857—1918), русский генерал от инфантерии, в годы первой мировой войны — начальник штаба Ставки, Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции возглавил белогвардейскую Добровольческую армию.— *130.*

[18] В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин дал следующую оценку трактовки Троцким и другими центристами этого важнейшего требования революционной социал-демократии накануне и в годы первой мировой войны: «...Каутскианцы лицемерно признают самоопределение — у нас в России по этому пути идут Троцкий и Мартов. На словах *оба* за самоопределение, как и Каутский. А на деле? У Троцкого — возьмите его статьи «Нация и хозяйство» в «Нашем Слове» — видим обычный его эклектицизм: с одной стороны, хозяйство сливает нации, с другой стороны, национальный гнет разъединяет. Вывод? Вывод тот, что царящее лицемерие остается неразоблаченным, агитация безжизненной, не затрагивающей главного, коренного, существенного, близкого к практике: отношения к нации, угнетаемой «моей» нацией». И затем следовал вывод: «Каковы бы ни были субъективные «благие» намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 57—58).— *133.*

[19] Эрве Гюстав (1871—1944), один из лидеров левого крыла Французской социалистической партии. В годы первой мировой войны — социал-шовинист.— *134.*

[20] Этот лозунг из манифеста ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанного Лениным и опубликованного 1 ноября 1914 г. в № 33 возобновившегося после долгого перерыва (с декабря 1913 г.) «Социал-демократа». Включая этот лозунг в манифест, Ленин подчеркнул его отличие от буржуазной интерпретации как мирного единения империалистических государств (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 21).— *137.*

[21] Четверной союз — блок Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, противостоявший в первую мировую войну державам Антанты.— *140.*

[22] Троцкий имел в виду ленинскую статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы», напечатанную в журнале «Социал-демократ», который редактировали в то время Ленин и Зиновьев. В этом месте своей брошюры Троцкий снял следующий текст, имевшийся в оригинале его статьи в «Нашем слове»: «Отвергая лозунг Соединенных Штатов, как относящийся уже к социалистическому режиму, и в то же время отстаивая право на самоопределение, как лозунг нынешней эпохи, ленинская позиция может только вызывать представление, будто империализм, несовместимый с демократическим объединением государств (Соединенные Штаты), вполне совместим с их национально-демократическим расчленением. А такое представление совершенно абсурдно, взять ли его политически, экономически или систематически... Особенно характерно для Ленина, в котором революционный

демократизм и социалистическое доктринерство живут параллельно, никогда не сливаясь в живое марксистское целое... что, приняв Соединенные Штаты в политической инстанции и отвергнув в экономической, Ленин умудрился через все инстанции провести принцип национального самоопределения. Тут победа осталась на стороне революционного демократа. Социалистический доктриер не успел отравить его сомнения насчет осуществимости самоопределения на капиталистических основах» (ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 577, л. 68—69).— *142.*

[23] Чернов В. М. (1873—1952), один из основателей партии эсеров, ее теоретик. В революционном движении с конца 80-х гг. В 1917 г.— министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. С 1920 г.—белоэмигрант. Во время второй мировой войны — участник Сопротивления во Франции.— *142.*

[24] Самба Марсель (1862—1922), один из руководителей Французской социалистической партии, журналист. В годы войны — социал-шовинист.— *143.*

[25] Брошюра Л. Троцкого «Война и Интернационал» появилась в ноябре 1914 г. Распространялась в Швейцарии, Германии, Австро-Венгрии и Франции.— *145.*

«1905»

[1] «1905» — сборник статей и выступлений Троцкого, характеризующих его деятельность в годы первой российской революции 1905—1907 гг. В данном издании публикуется предисловие к книге «1905». М., 1922.— *147.*

[2] Основные идеи этой теории Троцкий заимствовал у германского социал-демократа Парвуса.— *147.*

[3] 3 июня 1907 г. произошел государственный переворот, в результате которого царское правительство разогнало II Государственную думу и изменило избирательный закон о выборах. В стране началась реакция.— *148.*

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

[1] Печатается по книге: Мирные переговоры в Брест-Литовске. Сборник документов. М., 1920. Т. 1.— *149.*

[2] Троцкий возглавил советскую делегацию на втором этапе переговоров с Германией с 9 января по 10 февраля 1918 г. В состав делегации от РСДРП(б) входили А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, М. Н. Покровский, Л. М. Карахан, от партии левых эсеров — А. А. Биценко и В. А. Карелин.— *149.*

[3] На заседании ЦК РСДРП(б) в январе 1918 г. за предложение Ленина о всяческом затягивании переговоров проголосовало: за — 12, против — 1 (см.: Седьмой Экстренный съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1962. С. 246).— *149.*

[4] На этом же заседании ЦК голосовалась и формула Троцкого: мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем. За — 9, против — 7 (см. там же).— *149.*

[5] На заседании ЦК РСДРП(б) 23 февраля 1918 г. за предложение Ленина о немедленном принятии новых условий мира со стороны

Германии голоса распределились следующим образом: за — 7, против — 4, воздержалось — 4. Среди воздержавшихся оказался и Троцкий (см. там же. С. 268).— *150.*

[6] На такое заявление Троцкого не уполномочивали ни Совнарком, ни партия. Это была его личная инициатива. Как писала позднее Крупская, Ленин решительно осудил этот жест Троцкого, назвал его «шляхетской» позой и заявил, что «этот лозунг — авантюра, отдающая страну, где пролетариат встал у власти, где начинается великая стройка, на поток и разграбление» (*Крупская Н. К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968. С. 380).— *150.*

[7] Дорого стоила деятельность Троцкого и поддерживавших его членов делегации: вместо оговоренных в договоре 150 тыс. км² Германия оккупировала около 1 млн км² территории Советской страны, установила контрибуцию в 6 млрд марок.— *150.*

[8] Иоффе А. А. (1883—1927), в социал-демократическом движении с 1903 г., меньшевик. В 1908—1912 гг.—сотрудник газеты Троцкого «Правда». В РСДРП(б) вступил в августе 1917 г. на VI съезде в составе «межрайонцев». Участник Октябрьской революции. С апреля 1918 г.— на дипломатической работе. В 1925—1927 гг. участвовал в троцкистской оппозиции.— *150.*

[9] Покровский М. Н. (1868—1932), член партии с 1905 г., академик. Активный участник революции 1905—1907 гг. В 1917 г. принимал участие в вооруженном восстании в Москве. С ноября 1917 г. по март 1918 г.— председатель Московского Совета. В разные годы руководил Коммунистической академией, Институтом красной профессуры и др. Автор ряда работ, в которых критиковал теорию «перманентной революции» Троцкого. В середине 30-х гг. подвергался необоснованной критике.— *150.*

[10] Биценко Анастасия и Карелин В. А., видные деятели партии левых эсеров. В частности, Карелин — член ее ЦК, один из организаторов левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 г.— *150.*

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* Как вооружалась революция (На военной работе). М., 1924. Т. 2. Книга вторая. Под таким названием в 1923—1924 гг. вышло три тома в пяти книгах. В издание были включены статьи, речи и выступления Троцкого на съездах РКП(б), Советов разных уровней, совещаниях руководителей военного ведомства, политработников Красной Армии, многочисленные приказы и распоряжения председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора, тезисы по различным проблемам военного и мирного строительства.— *151.*

ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА ПЕРВОЙ ТРУДОВОЙ АРМИИ

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 15.— *159.*

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ТРУДНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 15.— *160.*

ПУТЬ К ЕДИНОМУ ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ПЛАНУ

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 15.— *162.*

НОВЫЙ КУРС

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* Новый курс. М., 1924. Брошюра вышла в январе, накануне XIII конференции РКП(б) (16—18 января). В ней даны основные положения платформы Троцкого и его сторонников, которая обсуждалась в ходе внутрипартийной дискуссии, проходившей в октябре — декабре 1923 г.— *164.*

[2] Имеется в виду резолюция, принятая на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) в декабре 1923 г.— *172.*

[3] Троцкий имел в виду Мясникова Г. И. (1889—1946). Член партии с 1906 г., один из организаторов фракционной «рабочей группы». За систематическое нарушение партийной дисциплины в 1922 г. он был исключен из партии по седьмому, не публиковавшемуся тогда, пункту резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии» (см.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 336—337).— *180.*

[4] В начале декабря 1923 г. на собрании партийного актива Краснопресненского района г. Москвы Н. И. Бухарин сообщил, что во время борьбы за заключение Брестского мира к «левым коммунистам» обратились левые эсеры с предложением арестовать Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным и создать новый СНК, председателем которого предполагалось назначить Г. Л. Пятакова.— *182.*

[5] «Военная оппозиция», борьба с которой достигла кульминации в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б).— *182.*

[6] Резолюция X съезда РКП(б) «О единстве партии».— *183.*

[7] Конфликт возник осенью 1921 г. В своем выступлении на заседании Петроградского Комитета РКП(б) Г. Е. Зиновьев, председатель городского Совета депутатов, причислил к представителям «рабочей оппозиции четвертого созыва» часть партийного актива города. С немедленным опровержением этого заявления выступили петроградские работники, в частности член ЦК РКП(б) Н. П. Комаров и кандидат в члены ЦК, секретарь губкома партии Н. А. Угланов. Благодаря вмешательству членов Политбюро и лично Ленина конфликт удалось ликвидировать. В письме к Зиновьеву 29 сентября Ленин писал: «В Питере нет никаких принципиальных разногласий, нет даже уклона к уклону. Нет этого ни у Комарова, ни у Угланова, кои на X съезде РКП были надежнейшими... Есть законное желание большинства быть большинством и заменить ту группу, через которую Вы «управляли» другою. Люди выросли, и уже потому их желание законно» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 223—224).— *184.*

[8] Это и следующие за ним определения крайне неточны и неудачны, если не видеть за ними скрытого стремления Троцкого к принижению значения ленинизма.— *191.*

[9] Не совсем так. За «кивком» в сторону теории «перманентной революции», от которой Троцкий не отказался и после победы Октября, стояли ссылки на критику Лениным присущей для троцкизма недооценки крестьянства как союзника рабочего класса. В середине 20-х гг. развернутая критика взглядов Троцкого по данной проблеме была дана в статьях и выступлениях ряда деятелей партии и Советского государства.— *193.*

[10] Версия о том, что не Ленин, а он, Троцкий, явился автором и инициатором новой экономической политики, была выдвинута самим Троцким на X съезде РКП(б). Она не получила поддержки делегатов съезда, поскольку нэп не состоял только в замене продразверстки продналогом. К тому же и сам смысл этой замены Троцким трактовался весьма ограниченным образом. Он выступал за некоторое ослабление нажима на кулака, за более осторожное отношение к крестьянским верхам. Одновременно в конкретных действиях ратовал за усиление административного нажима и перенесение методов «военного коммунизма» в область коллективизации сельского хозяйства, был сторонником принудительной разверстки по запашке и обработке земли.— *196.*

О ЛЕНИНЕ

[1] Печатается по: *Троцкий Л. Д.* О Ленине. Материалы для биографа. 2-е изд. М., 1925.— *204.*

[2] Учредительное собрание — парламентское учреждение, заседание которого проходило 5 января 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде. Большинство его делегатов отказалось признать декреты Советской власти. Закрыто в 5-м часу утра 6 января. В ночь с 6 на 7 января ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания.— *206.*

[3] Свердлов Я. М. (1885—1919), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1901 г. Участник революции 1905—1907 гг. на Урале. В 1912 г. кооптирован в ЦК РСДРП, член Русского бюро ЦК. Активный участник подготовки и проведения Октябрьской революции. С 8(21) ноября 1917 г.— председатель ВЦИК.— *206.*

[4] Выступая в конце января 1918 г. на III съезде Советов, Троцкий говорил: «Власть Учредительного собрания означала бы лишь власть партии Керенского, Чернова и др., чуть-чуть дополненных Церетели. Мы слишком знаем их по их делам, для того, чтобы у нас могли возникнуть в связи с передачею власти какие бы то ни было надежды. Без всякого сомнения, они, не имея никакой опоры в рабочих Советах, без которых невозможна никакая война и никакая государственная деятельность, преследовали бы лишь одну цель — заручиться поддержкой солдат и потому заключить мир во что бы то ни стало» (*Троцкий Л.* Сочинения. Ч. 1. Т. 17. С. 64).— *206.*

[5] В июле 1917 г. Троцкий думал и поступал иначе. В выступлениях на совещании исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов он говорил: «Честное имя тов. Ленина нам так же дорого, как и имя Чернова. Чернов стоит под вашей защитой, но

он также защищается и нами. Если, товарищи, в этом деле вам понадобится помощь — можете рассчитывать на нас». (*Троцкий Л.* Сочинения. Ч. 1 Т. 3. С. 170).— *210.*

[6] Перовская С. Л. (1853—1881), революционная народница, член «Земли и воли», Исполкома «Народной воли». Организатор покушения на Александра II. Повешена в Петербурге в апреле 1881 г.— *210.*

[7] Герцен А. И. (1812—1870), русский революционер, писатель, философ. Остро критиковал крепостнический строй. С 1847 г. в эмиграции, разработал теорию «русского социализма», один из основоположников народничества. В Лондоне выпускал газету «Колокол», в которой вел революционную пропаганду, требовал освобождения крестьян.— *210.*

[8] Чернышевский Н. Г. (1828—1889), русский революционер-демократ, писатель. Один из руководителей журнала «Современник». Вождь революционного движения 60-х гг., идейный вдохновитель «Земли и воли». В 1862 г. заключен в Петропавловскую крепость, в 1864 г. подвергнут гражданской казни и отправлен на каторгу в Сибирь. Его роман «Что делать?» сыграл большую роль в воспитании многих поколений революционеров.— *211.*

[9] Михайловский Н. К. (1842—1904), русский социолог, публицист, народник. Один из редакторов «Отечественных записок». В 1870-х гг. близок к «Народной воле». Позже с позиций крестьянского социализма выступал против марксизма.— *211.*

[10] Милютин В. П. (1884—1937), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1910 г. Участник установления Советской власти в Поволжье. В 1917 г.— наркомзем. С 1918 г.— на ответственных постах в Совнаркоме и др. государственных ведомствах. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно (в тексте речь идет о воспоминаниях Милютина, опубликованных в журнале «Прожектор» за 1924 г. № 4. С. 10).— *212.*

[11] Викжель (Всероссийский исполком ж.-д. профсоюза) (август 1917 — январь 1918), занимал контрреволюционную позицию. После Октябрьской революции вел антисоветскую деятельность.— *212.*

[12] Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883—1936), советский партийный, государственный деятель, член партии с 1901 г. Участник революции 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В ноябре 1917 г.— председатель ВЦИК. В 1918—1926 гг.— председатель Моссовета, заместитель председателя СНК СССР, директор Института им. В. И. Ленина, затем на административной работе. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *212.*

[13] Попытка Троцкого представить Ленина в виде эдакого «кровожадного диктатора» вполне объяснима: подобным образом он стремился обелить себя, переложив ответственность на Ленина за те репрессии, к которым прибегал сам, будучи наркомвоенмором.

По свидетельству американского писателя Алберта Риса Вильямса, во время беседы с Троцким тот заявил: «Главное наше преступление в первые дни революции заключалось исключительно в доброте» (*Вильямс Алберт Рис.* Очерки русской революции. М., б/г. С. 103).

Не эта ли черта тревожила Ленина в Троцком? В дневниках А. Коллонтай передана реакция Ленина на одно из выражений

Троцкого, относящееся к декабрю 1917 г.: «Не казематы, а гильотины ждут наших врагов».— «Гильотиной не шутят»,— ответил ему Ленин тотчас (см.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 8. С. 104).— *213.*

[14] По поводу лозунга «Грабь награбленное» Крупская еще в 1920 г. писала: «...у автора (публициста В. А. Карпинского.—*Н. В.*) имеется одно неудачное выражение. Он считает, что должен проводиться в жизнь лозунг: «Грабь награбленное» и «Превращай награбленное в народное достояние» (см.: *Черных А. Г.* В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1968. С. 303). Таким образом, автором этого анархистского лозунга был отнюдь не Ленин, как это утверждал Троцкий.— *213.*

[15] Маркин Н. Г. (1893—1918), член партии с 1916 г., участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1917—1918 гг.— секретарь Народного комиссариата иностранных дел (НКИД). Погиб в бою.

Залкинд И. А. (1885—1928) — член партии с 1903 г. Участник революции 1905—1907 гг. С 1908 по 1917 г. находился в эмиграции. С конца ноября 1917 г. работал в НКИД.— *214.*

[16] И здесь Троцкий собственные «грехи» перекладывает на Ленина.— *215.*

[17] Эту интерпретацию идеи Троцкого, оправдывающую его стремление к лидерству в борьбе за власть после смерти Ленина, считаем необходимым сопоставить с ленинским «Письмом к съезду». В нем, внося предложение о смещении Сталина с поста генсека партии, Ленин особо не выделял никого из тех шести руководящих партийных деятелей, о которых шла речь на эту роль. Он считал, что только коллективное руководство может быть наиболее эффективным в данных условиях. Именно на это и были направлены все его предложения о реорганизации ЦК, ЦКК, Рабкрина и др. партийных и государственных органов.— *216.*

[18] Краснов П. Н. (1869—1947), русский генерал, один из главных организаторов контрреволюции в гражданскую войну. В 1919 г. эмигрировал. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами. По приговору советского суда казнен.— *216.*

[19] Муравьев М. А. (1880—1918), левый эсер. В 1917 г.— начальник обороны Петрограда. В 1918 г.— командующий войсками Восточного фронта, изменил Советской власти и поднял мятеж в Симбирске. Убит при аресте.— *216.*

[20] Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243 и др.).

В контексте ленинских тезисов эта мысль означала не построение социалистического общества в Советской России за несколько месяцев, а укрепление за этот срок политической власти, стабилизацию народного хозяйства, создание основ для начала коренной перестройки всех сторон жизнедеятельности общества на новых принципах.— *220.*

[21] Мирбах Вильгельм (1871—1918), германский дипломат. С апреля 1918 г.— посол в Москве при правительстве РСФСР. Убит левым эсером Я. Блюмкиным, что послужило сигналом к левоэсеровскому мятежу в Москве,— *224.*

[22] Чичерин Г. В. (1872—1936), советский государственный, партийный деятель, член РСДРП с 1905 г., меньшевик, член партии с 1918 г. В 1904—1918 гг. вел работу в эмиграции. В 1918—1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР, СССР. Подписал Брестский мир.— *225.*

[23] Кюльман и О. Чернин — министры иностранных дел соответственно Германии и Австро-Венгрии. Возглавляли делегации своих стран на Брест-Литовских мирных переговорах.— *244.*

[24] Рижский мирный договор 1921 г. о прекращении войны и нормализации отношений подписан 18 марта между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой.— *244.*

[25] Эту статью Троцкий передал по телеграфу, получив известие о смерти Ленина. Прибыть на его похороны он не смог не потому, как он позднее утверждал, что Сталин неверно сообщал ему дату похорон, а потому, что он сам был тяжело болен. Если бы Троцкий был в состоянии выехать, вряд ли бы стал ждать особого приглашения.— *245.*

УРОКИ ОКТЯБРЯ

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* Сочинения. Ч. 1. Т. 3. М., б/г.— *247.*

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 133, 134, 140.— *252.*

[3] См. там же. С. 29—30, 49, 51.— *257.*

[4] См. там же. С. 114.— *257.*

[5] См. там же. С. 170.— *258.*

[6] Ногин В. П. (1878—1924), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1898 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. После Октября — нарком торговли и промышленности, председатель ЦРК РКП(б).— *261.*

[7] См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. М., 1958. С. 102—103.— *261.*

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 44, 70, 71.— *265.*

[9] Предпарламент (Временный совет республики), 20 сентября — 25 октября (3 октября — 7 ноября) 1917 г. Создан на Демократическом совещании как средство отвлечения масс от революционной борьбы в качестве «представительного органа» всех российских партий до созыва Учредительного собрания. Большевики вышли из него, распущен Петроградской ЧК.— *265.*

[10] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 183.— *265.*

[11] См. там же. Т. 34. С. 119—120.— *266.*

[12] Там же. С. 253.— *267.*

[13] См. там же. С. 245.— *268.*

[14] Троцкий перепутал Военно-революционный комитет, созданный 12 октября по предложению ЦК РСДРП(б) при Петроградском Совете с Военно-революционным центром, избранным на заседании ЦК 16 октября (Троцкий, кстати, на нем отсутствовал) для руководства восстанием. В него вошли А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин и М. С. Урицкий.— *269.*

[15] Гильфердинг Рудольф (1877—1941), один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала. После первой мировой войны выступил с открытой ревизией марксизма. Враждебно относился к Советской власти.— *270.*

[16] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 247, 280, 340, 342—343, 436.— *277.*

[17] В этом и нижеследующих рассуждениях на данную тему выявляется стремление Троцкого принизить значение, во-первых, роли Ленина и ЦК партии в подготовке вооруженного восстания и, во-вторых, показать значимость собственной деятельности. Не случайно, что именно в этом факте участники дискуссии 1924 г. усмотрели вождистские претензии Троцкого, решившего провести историческую рокировку: на место Ленина поставить себя.— *279.*

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* Перманентная революция. Берлин, 1930. Книга написана Троцким во время его пребывания в Алма-Ате в 1928 г. и завершена уже в Турции в ноябре 1929 г.— *284.*

[2] Гоминьдан — политическая партия в Китае. Создана в 1912 г. До 1927 г. играла прогрессивную роль, затем превратилась в правящую буржуазно-помещичью партию.— *285.*

[3] Здесь искажается суть проблемы. На VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) в принятой новой программе лозунг диктатуры пролетариата трактовался как логически вытекавший в результате развития революционных событий из лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.— *286.*

[4] В данном случае имеет место искажение ленинского вывода о возможности победы социалистической революции и построения социализма в одной отдельно взятой стране, который был сделан Лениным еще до Октябрьской революции. После установления Советской власти Ленин считал, что с точки зрения внутренних условий в нашей стране было все необходимое для построения социалистического общества. К важнейшим из них он относил союз пролетариата с крестьянством, взятие пролетариатом власти, переход в руки Советского государства всех крупных средств производства и др. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370).— *287.*

[5] Под левой коммунистической оппозицией Троцкий подразумевал мелкие группки своих сторонников, действовавших в конце 20-х гг. в ряде компартий капиталистических стран.— *288.*

[6] Троцкий воспроизводит выдвинутую им версию о том, что после победы Февральской революции в России большевики, и прежде всего Ленин, «разбольшевичились» и перешли на позиции троцкистской теории «перманентной революции».— *288.*

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

[1] Публикуется по: *Троцкий Л.* История русской революции. В 2 т. Берлин, 1931—1933. Т. 1—2.

Двухтомная работа Троцкого была издана впервые в 1931—1933 гг. в Берлине в издательстве «Гранит», где печатались книги главным образом политэмигрантов из России на языке оригинала.

В настоящее время без этого исследования не обходится ни один западный автор, пишущий не только по проблемам Октября, но и СССР в целом. К сожалению, в нашей стране работа Троцкого никогда не включалась в научный оборот. О ней не вспоминали советские историки, даже те, кто исследовал исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма. Собственно, она и по сей день находится в спецхранах. И, как нам представляется, совершенно напрасно.

Конечно, на «Истории» сказались перипетии внутрипартийной борьбы 20-х гг., положение Троцкого, оказавшегося в третьей и на этот раз окончательной политической эмиграции. В данной работе он продолжает спор, начатый еще во время дискуссии осенью 1924 г., когда в «Уроках Октября» Троцкий попытался обосновать право на свои особые взгляды на Октябрьскую революцию и свою в ней роль. В «Истории» это направление им продолжено.— *289*.

[2] Протопопов А. Д. (1866—1919), министр внутренних дел царской России. Пытался вооруженным путем подавить Февральскую революцию. Осужден органами ВЧК.— *289*.

[3] Родзянко М. В. (1859—1924), один из лидеров партии октябристов, председатель III и IV Государственной думы. С февраля по октябрь 1917 г. был одним из главных вдохновителей контрреволюции. После победы Октября эмигрировал. Умер в Югославии.— *289*.

[4] Голицын Н. Д. (1850—1925), последний председатель Совета министров при династии Романовых.— *289*.

[5] Горемыкин И. Л. (1839—1917), государственный деятель. При Николае II назначался председателем Совета министров. Убит в 1917 г. во время налета бандитов на его дачу на Кавказе.— *290*.

[6] Шидловский С. И. (1861—1922), русский политический деятель, октябрист. Состоял в контрреволюционной организации «Совет общественных деятелей». В 1920 г. эмигрировал.— *290*.

[7] «Прогрессивный блок», объединение буржуазно-помещичьих фракций IV Государственной думы и Государственного совета. Образован в августе 1915 г. в связи с поражениями царизма на фронтах.— *290*.

[8] Суханов Н. Н. (Гиммер) (1882—1940), участник российского революционного движения, экономист-аграрник, публицист. С 1903 г. эсер, с 1917 г.— меньшевик. Автор «Записок о революции».— *291*.

[9] Шляпников А. Г. (1885—1937), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1901 г. Участник революции 1905—1907 гг. С начала 1908 г.— в эмиграции, поддерживал связь между Русским бюро и Заграничным бюро ЦК партии. Участник Февральской и Октябрьской революций. Нарком труда, член РВС ряда фронтов, позже на дипломатической, хозяйственной работе. Один из лидеров «рабочей оппозиции». Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *294*.

[10] Шульгин В. В. (1878—1976), русский политический деятель, монархист. Один из лидеров правого крыла Государственной думы. Организатор борьбы против Советской власти. Белоэмигрант.— *295*.

[11] Щегловитов И. Г. (1861—1918), министр юстиции в 1906—1915 гг. Организатор введения военно-полевых судов, покровитель черносотенцев. Расстрелян ВЧК.— *298*.

[12] Бериштейи Эдуард (1850—1932), один из лидеров оппортуин-стического крыла германской социал-демократии н II Интериациона-ла, идеолог ревизионизма. Фальсифицировал литературиое иаследие К. Маркса. Враждебно относился к междуиародиому коммунистнче-скому движенню и Советской России.— *300.*

[13] Вот что писал по этому поводу Леиии: «Своеобразне текущего момента в Россин состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу иедостаточиой сознательностн и оргаиизованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который дол-жен дать власть в рукн пролетариата н беднейшнх слоев крестьян-ства» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114).— *302.*

[14] Речь шла о иоябрьской революцин 1918 г. в Германии.— *303.*

[15] Стеклов (Нахамкис) Ю. М. (1873—1941), российский револю-циониый деятель, публнцист, член партии с 1893 г. Участник рево-люций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. С 1917 г.— редактор «Известий» и др. издаиий. Необосноваиио репрессировaи, реабнлитн-рован посмертио.— *305.*

[16] Украинская Рада (Цеитральная Рада), создана иационалисти-ческн настроенной украиискoй буржуазией в марте 1917 г. 27 января (9 февраля) 1918 г. подпнсала сепаратный мир с блоком Германни и Австро-Венгрии, фактнчески продав тем самым Украину. Разогиа-на гетманом П. П. Скоропадским 29 апреля 1918 г.— *306.*

[17] Гучков А. И. (1862—1936), организатор «Союза 17 октября» (октябристы). Председатель III Государственной думы. Военный и морской мнннстр Временного правительства. Поддерживал все коитр-революциoные движения в 1917—1921 гг. Эмиграит.— *307.*

[18] Людовик XVI (1754—1793), фраицузский король из дина-стни Бурбонов. С иачала Великой французской революции прнзывал иностранные державы к интервенции. Осуждеи Коивеитом н каз-иеи.— *307.*

[19] Дантон Жорж Жак (1759—1794), деятель Великой фраицуз-ской революции, однн из вождей якобинцев.— *307.*

[20] Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749—1791), деятель Вели-кой французской революцнн. Сторониик коиституционной монар-хии.— *310.*

[21] Гапои Г. А. (1870—1906), священник, агент царской охраики. Ииициатор петиции петербургских рабочих Николаю II, шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Находнлся в эмиграцин, разоблачен и повешен.— *310.*

[22] Набоков В. Д. (1869—1922), один из лидеров кадетов, юрнст, публицнст. Депутат I Государственной думы. После Октябрьской ре-волюцнн — член коитрреволюционного «правительства». Белоэмиг-раит.— *311.*

[23] Залуцкий П. А. (1887—1937), российский революционный дея-тель, член партии с 1907 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. Участник гражданской войны. С 1921 г.— на советской и партийной работе. В 1925—1927 гг.— участиик троцкист-ско-зиновьевской оппозиции.— *312.*

[24] Молотов (Скрябин) В. М. (1890—1986), советский государст-венный и партийный деятель, член партии с 1906 г. В Октябрьскую

революцию — член Петроградского ВРК. В 1920 г.— секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1921—1930 гг.— секретарь ЦК ВКП(б). Позже председатель СНК СССР, первый зам. председателя СНК СССР, министр иностранных дел СССР.— *312.*

[25] Утверждение Троцкого о наличии в большевизме течений бездоказательно. После Пражской конференции в 1912 г., исключившей из партии ликвидаторов, большевизм представлял монолитную организацию. Наличие расхождений между отдельными его лидерами по ряду вопросов не перерастало в образование внутрипартийных группировок и течений.

Точно так же представляется явной натяжкой деление Троцким большевиков на «правых» и «левых». Это, кстати, показала та самая VII (Апрельская) конференция РСДРП(б), о которой говорится им в данной главе. На ней в состав ЦК были избраны, пользуясь терминологией Троцкого, как «правые», так и «левые» большевики.— *314.*

[26] Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953), советский партийный и государственный деятель, член партии с 1898 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Закавказье. В 1912—1913 гг.— член Русского бюро ЦК. Сотрудник газет «Звезда», «Правда». Участник Октябрьской революции в Петрограде. В октябре 1917—1922 гг.— нарком по делам национальностей, одновременно в 1919—1922 гг.— нарком государственного контроля РКИ. Член РВСР. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК партии. С мая 1941 г.— Председатель СНК (СМ) СССР. В годы Великой Отечественной войны — председатель ГКО, нарком обороны, Верховный главнокомандующий. Член ЦК партии с 1912 г., Политбюро ЦК в 1919—1952 гг. Член ИККИ в 1925—1943 гг. Член ВЦИК. Сталин допустил грубейшие политические ошибки, произвол, имевшие тяжелые последствия для советского народа. Он и его ближайшее окружение ответственны за массовые репрессии и беззакония. КПСС осудила культ личности Сталина, сложившуюся в тот период командно-административную систему, которые вызвали глубокие деформации в социалистическом обществе, задержали его развитие.— *314.*

[27] Считаем, что это спорное утверждение. Дело не столько в теоретическом кругозоре Сталина или отсутствии такового, как считал Троцкий. Если стать на его точку зрения, то окажется, что вообще никто в руководстве РСДРП(б), работавшем в России, не обладал «теоретическим кругозором». По его мнению, только такие работники, как Троцкий, которые долгое время провели за границей, могли выработать в себе «интернациональную культуру». Но ведь революционное движение в России руководилось не представителями «космополитизма», а реальными национальными типами — Свердловым, Рыковым, Ногиным, Орджоникидзе, Шаумяном, Сталиным и др.— *314.*

[28] Муранов М. К. (1873—1959), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1904 г. Депутат IV Государственной думы, участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1917—1923 гг.— в аппарате ЦК партии. В 1923—1934 гг.— член Верховного суда СССР.— *316.*

[29] Лонге Жан (1876—1938), руководитель центристского крыла Французской социалистической партии. Осуждал интервенцию против Советской России.— *316.*

[30] Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937), один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929—1931 гг.— премьер-министр. Правительство Макдональда в 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР.— *316*.

[31] Дан (Гурвич) Ф. И. (1871—1947), один из лидеров меньшевизма, социал-демократ с 1894 г. В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета и Президиума ВЦИК. В 1922 г. выслан за границу за антисоветскую деятельность. Член редакции Социалистического вестника.— *317*.

[32] Троцкий огрубляет позиции Плеханова, которые были гораздо противоречивее и не столь однозначно негативными при всем его осуждении большевизма. Все-таки Плеханов не «проклял» Октябрьскую революцию и не только сам не стал участвовать в борьбе против нее, но и не позволил Савинкову использовать в этой борьбе свое имя и авторитет социал-демократа.— *318*.

[33] Эта цель была намечена на VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП при самом активном участии (кроме Сталина) тех самых большевиков, которых Троцкий в апреле 1917 г. зачислил в разряд «отмежевавшихся от Ленина».— *318*.

[34] Троцкий по-своему трактует ленинскую концепцию союза рабочего класса с крестьянством. Демократические задачи революции, среди которых одной из центральных была задача передачи земли крестьянству, он изобразил как «уступку» пролетариата широким крестьянским массам, как «самоограничение» его политической программы. Это лишний раз свидетельствовало о том, что Троцкий так и не принял демократической по своему характеру Февральской революции. Демократические требования в революционном движении не только не противоречили социалистическим, но достижение последних вне реализации первых оказывалось практически неосуществимым.— *318*.

[35] Партия, ее большевистская часть, со времени первой российской революции 1905—1907 гг. воспитывалась на идеях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, при гегемонии пролетариата в союзе с крестьянскими массами.— *319*.

[36] Февраль не только не нарушил, но подтвердил ту самую схему развития революции в России, которая была разработана и намечена в теоретических работах Ленина, предшествовавших Февралю, в частности в «Двух тактиках...», решениях Пражской конференции и др.— *319*.

[37] Типично троцкистская схема революции, которую ее автор пытался на протяжении всей этой книги навязать Ленину.— *321*.

[38] Эта цитата ничего не доказывает в пользу Троцкого. Скорее наоборот. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 87, 91—92.— *322*.

[39] Напротив, такая «возможность» высказывалась в первую очередь самим Лениным в его статьях «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Военная программа пролетарской революции» и др.— *322*.

[40] См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). С. 80, 106.— *323*.

[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 363.— *324*.

42 Ольминский М. С. (1863—1933) — член партии с 1898 г. (с 1883 г. народоволец), публицист, критик. Сотрудник газет «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда». Активный участник Октябрьской революции. Руководитель Истпарта. Основатель и редактор журнала «Пролетарская революция».— *324.*

43 Эти «строки» были подсказаны Суханову самим Троцким после его возвращения в Россию.— *325.*

44 Задним числом, когда мало кто уже мог ответить Троцкому по существу, он сводил счеты с теми, кто «побил» его в литературной дискуссии по поводу «Уроков Октября».— *327.*

45 Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП (большевиков). С. 18.— *327.*

46 Залежский В. Н. (1880—1957), член партии с 1902 г. Член Русского бюро ЦК, Петербургского комитета, в Октябрьскую революцию — комиссар Петроградского ВРК, комиссар Академии Генерального штаба РККА. Начальник политотдела 1-й Конной армии. С 1922 г.— на преподавательской работе.— *329.*

47 Чудновский Г. И. (1890—1918), деятель российского революционного движения, член партии с 1917 г. Участник Октябрьской революции, гражданской войны. Погиб в бою.— *329.*

48 Мельничанский Г. Н. (1886—1937), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1902 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. Член ВРК, СТО. С 1929 г.— в ВСНХ, Госплане. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *329.*

49 Арманд И. (1874—1920), деятель российского и международного революционного движения, член партии с 1904 г. Участница революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. Председатель Московского губернского СНХ. С 1919 г.— заведующая женским отделом ЦК.— *329.*

50 Рыков А. И. (1881—1938), советский государственный и партийный деятель, член партии с 1899 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. Нарком внутренних дел (1917 г.) в первом Советском правительстве. В 1918—1921 и 1923—1924 гг.— председатель ВСНХ, одновременно с 1921 г.— зам. председателя СНК и СТО. В 1924—1930 гг.— председатель СНК СССР, член ЦК, Политбюро ЦК, член ВЦИК. В конце 20-х гг. выступил против свертывания нэпа, резкого форсирования коллективизации и индустриализации. В 1931—1936 гг.— нарком связи. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *330.*

51 Томский (Ефремов) М. П. (1880—1936), советский партийный, государственный деятель, член партии с 1904 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1918—1921 и 1922—1929 гг.— председатель ВЦСПС, член ЦК, Политбюро ЦК, член ВЦИК. В конце 20-х гг. выступил против свертывания нэпа, резкого форсирования коллективизации и индустриализации. В 1929—1930 гг.— зам. председателя ВСНХ СССР. С 1932 г.— зав. ОГИЗ. В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством.— *330.*

52 Калинин М. И. (1875—1946), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1898 г. Участник революций 1905—

1907 гг. и Октябрьской 1917-го. С 1919 г.— председатель ВЦИК, с 1922 г.— ЦИК СССР, с 1938 г.— Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК, Политбюро ЦК.— *330.*

[53] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). С. 90, 219.— *330.*

[54] Зиновьев (Радомышельский — Апфельбаум) Г. Е. (1883—1936), советский партийный, государственный деятель, член партии в 1901—1927, 1928—1932, 1933—1934 гг. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. С декабря 1917 г.— председатель Петроградского Совета. В 1919—1926 гг.— председатель Исполкома Коминтерна. Член ЦК, Политбюро ЦК, член ВЦИК. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *330.*

[55] Гримм Роберт (1881—1958) — секретарь Социал-демократической партии Швейцарии, взял на себя организацию созыва Циммервальдской конференции. В 1917 г. прибыл в Петроград. За деятельность в пользу Германии и Швейцарии был выслан из страны.— *331.*

[56] В стенограмме конференции эти слова Шмидта даны в иной редакции: «...со времени приезда т. Ленина, он дал иное идейное направление характеру работы здесь, в Питере» (Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). С. 201).— *331.*

[57] Раскольников (Ильин) Ф. Ф. (1892—1939), советский государственный и военный деятель, дипломат, литератор, член партии с 1910 г. Участник Октябрьской революции 1917 г. С 1918 г.— зам. наркома по морским делам, член РВСР. В 1919—1920 гг. командовал Волжско-Каспийской военной флотилией. В 1920—1921 гг. командовал Балтийским флотом. Полпред в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. В 1938 г. отозван. Ввиду угрозы ареста остался за рубежом. Выступил с обвинением И. В. Сталина в массовых необоснованных политических репрессиях, заочно исключен из партии, объявлен «врагом народа», лишен советского гражданства. Реабилитирован посмертно.— *331.*

[58] Сталь Л. Н. (1872—1939), деятель российского революционного движения, член партии с 1897 г. Участница революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. С 1918 г. в Красной Армии. С 1920 г. в Кавказском бюро ЦК РКП(б), Коминтерне, ЦК РКП(б), Госиздате, Музее Революции СССР.— *331.*

[59] В работе над историей Октября Троцкий попытался скорректировать свои прежние оценки и выводы, если так можно выразиться — максимально «ленинизировать» их. Редчайший случай, когда он сознательно использует ленинский материал для подтверждения своей позиции. Хотя и в этой главе видны те пределы в уступках Троцкого Ленину, дальше которых он не пошел, так как они могли бы поколебать устои теории «перманентной революции».— *333.*

[60] Книга написана Лениным в Разливе, в августе — сентябре 1917 г. Она осталась неоконченной. 30 ноября 1917 г. в послесловии к ее первому изданию Ленин сообщал, что книга должна будет состоять из семи глав, но последнюю главу «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов» он не успел написать. «Помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 г. Такой «помехе» мож-

но только радоваться... Приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 120).— *335*.

[61] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 444.— *335*.

[62] В «Моей жизни» те же слова представлены в такой редакции: «Теперь они (т. е. Временное правительство.— *Н. В.*) нас перестреляют. Самый для них подходящий момент» (*Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 34).— *336*.

[63] Троцкий «приспосабливает» Ленина под свои взгляды на развитие революции. Ленин всегда высоко ставил международный аспект борьбы. Но он не был сторонником абсолютизации интернационального фактора борьбы над национальным. Обе стороны революционного процесса трактовались Лениным в диалектическом единстве и борьбе противоположностей.— *337*.

[64] Демократическое совещание (Всероссийское) созвано эсеро-меньшевистским руководством (14—22 сентября 1917 г.) ВЦИК Советов. Попытка укрепить позиции Временного правительства. Из-за разногласий в лагере соглашателей зашло в тупик; передало свои функции Предпарламенту.— *337*.

[65] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239, 240.— *338*.

[66] См. там же. С. 277, 280.— *338*.

[67] См. там же. С. 347.— *339*.

[68] Теория «конфликта» Ленина с ЦК в апреле, а затем в сентябре — октябре призвана была отлучить от Ленина всех руководителей РСДРП(б), кроме самого Троцкого. Таким образом он проводил в жизнь теорию «двух вождей» Октября — Ленина и Троцкого.— *339*.

[69] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 345.— *339*.

[70] См. там же. С. 240, 246—247.— *340*.

[71] Корнилов Л. Г. (1870—1918), один из руководителей российской контрреволюции, генерал от инфантерии. В июле — августе 1917 г. верховный главнокомандующий. В конце августа (сентябрь) поднял мятеж. Один из организаторов белогвардейской добровольческой армии. Убит в бою.— *341*.

[72] Восстановим ход борьбы. На заседании ЦК 5(18) октября после дискуссии десятью голосами против одного (Каменев) принимается решение об уходе большевистской фракции из Предпарламента (см.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917— февраль 1918. Там же. С. 76).— *341*.

[73] Бухарин Н. И. (1888—1938), советский партийный, государственный деятель, член партии с 1906 г., академик. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. Лидер «левых коммунистов». Редактор «Правды», «Известий». В 1919—1929 гг.— член Исполкома Коминтерна. В конце 20-х гг. выступил против свертывания нэпа, резкого форсирования коллективизации и индустриализации. В 1929— 1932 гг.— член Президиума ВСНХ СССР, затем член коллегии Наркомтяжпрома. Член ЦК, Политбюро ЦК. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *341*.

[74] См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 55.— *342*.

[75] Смилга И. Т. (1892—1938), советский партийный, государственный деятель, член партии с 1907 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. С 1921 г.— зам. председателя ВСНХ, зам. председателя Госплана СССР. С 1927 г.— на хозяйственной работе. Член ЦК, ВЦИК. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *342*.

[76] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 264—266.— *342*.

[77] Дыбенко П. Е. (1889—1938), советский военный деятель, член партии с 1912 г. В 1917 г.— председатель Центробалта, член Петроградского ВРК. В 1918 г.— нарком по морским делам. В гражданскую войну командовал группой войск, Крымской армией. С 1928 г. командовал войсками военных округов. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *343*.

[78] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 280—281.— *343*.

[79] См. там же. С. 282.— *344*.

[80] См. там же. С. 340.— *344*.

[81] Там же. С. 350.— *345*.

[82] См. там же. С. 389.— *345*.

[83] Если бы это действительно было так, то непонятно, как все-таки Ленину удалось 10 октября провести через ЦК решение о вооруженном восстании.— *346*.

[84] Это не большевистский лозунг, а лозунг троцкизма. Приведем цитированные в этой книге слова Троцкого: «Между керенщиной и большевистской властью, между Гоминьданом и диктатурой пролетариата — нет и не может быть ничего промежуточного, т. е. никакой демократической диктатуры рабочих и крестьян» (см. настоящее издание. С. 285).— *346*.

[85] Антонов-Саратовский В. П. (1884—1965), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1902 г. Участник революции 1905—1907 гг. В 1917 г.— председатель ревкома Саратова. С 1920 г.— нарком внутренних дел УССР. Член Верховного суда СССР. В 1939—52 гг.— в Наркомюсте РСФСР. Член Президиума ВЦИК.— *347*.

[86] Скворцов-Степанов И. И. (1870—1928), советский государственный, партийный деятель, публицист, член партии с 1896 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. С 1925 г. редактор «Известий», зам. редактора «Правды», редактор «Ленинградской правды». Член ЦРК, ЦК партии, ЦИК СССР. Переводчик «Капитала» К. Маркса.— *348*.

[87] Вегман (Вейсман) В. Д. (род. 1873), в революционном движении с 1892 г., член партии с 1901 г. Корреспондент «Искры». В 1913—1914 гг. вел подпольную работу в Одессе. В 1914—1917 гг. в сибирской ссылке. Активный участник строительства Советской власти в Томске.— *348*.

[88] Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) (1878—1943), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1898 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. Член редакции газеты «Правда» и журнала «Большевик». Член ЦК, ЦИК СССР.— *349*.

[89] Орджоникидзе Г. К. (1886—1937), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1903 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1912 г. избран членом ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП. Возглавлял борьбу за Советскую власть на Северном Кавказе и в Закавказье. С 1930 г.— председатель ВСНХ. С 1932 г.— нарком тяжелой промышленности. Член ЦК, Политбюро ЦК, ВЦИК, ЦИК СССР.— *349.*

[90] Петровский Г. И. (1878—1958), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1897 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. Депутат IV Государственной думы. Нарком внутренних дел РСФСР. В 1919 г.— председатель ВУЦИК, с 1922 г.— один из председателей ЦИК СССР, член ЦК.— *349.*

[91] Ангарский Н. С. (1873—1914), член партии с 1902 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. После 1917 г.— член Московского комитета РСДРП(б), исполкома Моссовета, зав. отделом печати. До 1929 г.— в Моссовете, затем на дипломатической работе.— *349.*

[92] Подвойский Н. И. (1880—1948), советский партийный, военный деятель. В революционном движении с 1898 г., член партии с 1901 г. Участник создания Иваново-Вознесенского Совета в 1905 г. Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания, председатель Петроградского ВРК. Член РВСР, нарком по военным и морским делам УССР. Член ЦКК, ВЦИК.— *349.*

[93] *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 333—334.— *350.*

[94] Пятаков Г. Л. (1890—1937), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1910 г. Участник Февральской, Октябрьской революций 1917 г. В 1917—1918 гг.— комиссар Народного банка, «левый коммунист». Участник гражданской войны. С 1920 г. руководил восстановлением Донбасса, зам. председателя Госплана РСФСР. Зам. наркома тяжелой промышленности. Член ЦК партии, ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *350.*

[95] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 137.— *351.*

[96] Бош Е. Б. (1879—1925), деятель российского революционного движения, член партии с 1901 г. Участница революции 1905—1907 гг., одна из руководителей борьбы за Советскую власть на Украине.— *352.*

[97] Ломов (Оппоков) Г. И. (1888—1938), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1903 г. Участник Октябрьской революции 1917 г. Нарком юстиции первого Советского правительства. В 1918 г. примыкал к «левым коммунистам». В 1918—1931 гг. на партийной и хозяйственной работе. Зам. председателя Госплана СССР. Член ЦК партии, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *352.*

[98] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 391—392.— *354.*

[99] См. там же. С. 393.— *355.*

[100] Садовский А. Д. (1880—1927), деятель российского революционного движения, член партии с 1901 г. Участник трех революций. В 1917 г. член ВРК, ВЦИК и ЦИК СССР.— *356.*

[101] Манунльскнй Д. З. (1883—1959), деятель росснйского н международного революционного движення, член партнн с 1903 г. Академик АН УССР. Участник революцнй 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1928—1943 гг.— секретарь ИККИ. Зам. председателя СНК н нарком нностраииых дел УССР. Член ЦК, ВЦИК.— *356.*

[102] Володарскнй В. (Гольштейн М. М.) (1891—1918), деятель росснйского революциониого движеиия, члеи партни с 1917 г. Участник Октябрьской революцнн. Комиссар по делам печати, пропагаиды н агнтацни. Член Президнума ВЦИК. Убит эсером.— *356.*

[103] Яковлева В. Н. (1884—1941), советский государственный, партнйный деятель, член партнн с 1904 г. Участница трех революцнй. С 1917 г. в ВСНХ, ВЧК, Наркомпроде. В 1918 г. примыкала к «левым коммунистам». Нарком фниаисов РСФСР. Кандидат в члеиы ЦК, член ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованио репрессирована, реабилнтирована посмертио.— *356.*

[104] Фруизе М. В. (1885—1925), советский партийиый, государствеиный и военный деятель, члеи партии с 1904 г. В 1905 г. руководил Иваново-Возиесенской стачкой. Участинк Октябрьской революции. Нарком по воеииым н морскнм делам, одиовремеиио начальиик Штаба РККА, члеи Совета Труда и Обороиы. Член ЦК, каиндидат в члеиы Полнтбюро ЦК, член ВЦИК.— *357.*

[105] Как нам кажется, здесь Троцкому изменяет такт. Подобиым образом он выражал свое отиошение к Фрунзе, который по решению январского (1925 г.) Плеиума ЦК партии сменнл его на посту председателя Реввоенсовета Республикн.— *357.*

[106] См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 90, 88, 92.— *359.*

[107] Сокольников Г. Я. (1888—1939), советскнй государствениый, партийный деятель, член партии с 1905 г. Участиик революцнй 1905—1907 гг. н Октябрьской 1917-го. С 1918 г.— член РВС ряда армий. 1922—26 гг.— иарком фииаисов. В 1922 г.— участник Гаагской конфереицни. Полпред в Великобрнтаини н зам. иаркома по иностранным делам. Член ЦК партии, член ВЦИК и ЦИК СССР. Необосиоваино репрессироваи, реабнлитироваи посмертио.— *360.*

[108] Бубнов А. С. (1884—1938), советскнй государственный, партийиый деятель, члеи партии с 1903 г. Участник революцнй 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. С 1924 г.— иачальиик Политуправления РККА. Член РВС СССР. Члеи ЦК партин, ВЦИК, ЦИК СССР. Необосиоваино репресснрован, реабнлитирован посмертио.— *360.*

[109] Следует уточнить, что с этим ие все были согласиы. В первую очередь сам Троцкий (см. вводиую статью даиной публикацин. С. 29). Тот же Зиновьев на заседании ЦК 16 октября заявил: «Повиднмому, резолюция (заседання ЦК от 10 октября.— *Н. В.*) воспринимается не как приказ, ниаче по ней иельзя было бы высказаться» (Протоколы Центральиого Комитета РСДРП(б). С. 98).— *361.*

[110] См. там же. С. 99.— *362.*

[111] Из стеиограммы выступлеиия Камеиева: «...Нет никакнх доказательств, что мы должны дать бой до 20-го. Вопрос не стоит так: или сейчас, или инкогда» (там же. С. 99).— *362.*

[112] Там же.— *362.*

113 См. там же. С. 97.— *362.*

114 Шотман А. В. (1880—1937), советский государственный деятель, член партии с 1899 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. С 1918 г.— в системе ВСНХ. Член ЦКК партии, ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *362.*

115 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 97.— *363.*

116 Там же.— *363.*

117 Крыленко Н. В. (1885—1938), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1904 г. Участник революции 1905—1907 гг. В Октябрьскую революцию — член Петроградского ВРК. Верховный главнокомандующий. С 1918 г.— председатель Верховного трибунала, прокурор РСФСР. Нарком юстиции СССР. Член ЦКК, ЦИК СССР, Президиума ВЦИК. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *363.*

118 Антонов-Овсеенко В. А. (1883—1939), советский государственный деятель. В революционном движении с 1901 г. Член партии с 1917 г. Во время Октябрьской революции — секретарь Петроградского ВРК, руководил штурмом Зимнего дворца. Один из организаторов Красной Армии. В 1922—1924 гг.— начальник Политуправления РВС СССР. С 1924 г.— полпред в Чехословакии, Литве, Польше, консул в Барселоне. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *363.*

119 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 98.— *363.*

120 Значит, Троцкий признавал, что помимо «прямых» были и «косвенные» противники восстания.— *363.*

121 См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 99—100.— *363.*

122 В тексте Ленина по Полному собранию сочинений фраза начинается со слов: «Если говорить...» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 396—397).— *364.*

123 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 102.— *364.*

124 Для верности приведем более точные данные голосования. За — 19, против — 2, воздержалось — 4 (Протоколы... С. 104).— *364.*

125 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 423.— *366.*

126 Луначарский А. В. (1875—1933), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1895 г., академик. В 1908 г.— сторонник богостроительства. Участник Октябрьской революции. С 1917 г.— нарком просвещения. Полпред в Испании. Член ВЦИК и ЦИК СССР.— *366.*

127 Заметим, как, впрочем, сделал и сам Троцкий, который, несмотря на призывы Ленина к немедленному восстанию, затягивал его до открытия II съезда Советов.— *367.*

128 Троцкий имел оригинальные тексты протоколов, которые раздавались участникам заседаний ЦК. Иначе он не смог бы опубликовать цитированное нами во вводной статье к книге место из протоколов заседания ЦК от 1 ноября, где Ленин назвал Троцкого «лучшим большевиком».— *368.*

[129] Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император в 1804—1814 гг. и в марте — июне 1815 г. Установил диктаторский режим, отвечающий интересам французской буржуазии. Поражение наполеоновских войск в войне 1812 г. против России положило начало крушению империи Наполеона I. Последние годы жизни провел на о. Св. Елены пленником англичан.— *368.*

[130] Муралов Н. И. (1877—1937), член партии с 1903 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. В 1919—1920 гг.— член Реввоенсовета Восточного фронта. Далее — командующий Московским, Северо-Кавказским военными округами и на хозяйственной работе. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *371.*

[131] Бокий Г. И. (1879—1937), член партии с 1900 г. Участник первой российской революции. С апреля 1917 по март 1918 г.— секретарь Петербургского комитета РСДРП(б). В октябре 1917 г.— член Петроградского Военно-революционного комитета. Позднее член коллегии ВЧК, затем ОГПУ, НКВД. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *376.*

[132] Равич С. Н. (1879—1957), член партии с 1903 г. Партийную работу вела в Харькове, Петербурге и за границей. После Октябрьской революции работала в Петрограде.— *376.*

[133] Троцкий имел в виду высказывание В. И. Ленина о механизме осуществления диктатуры пролетариата через «ряд зубчатых колес», в частности коммунистическую партию, профсоюзы, общественные организации и др. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 204).— *377.*

[134] Троцкий цитирует ленинское «Письмо членам ЦК» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435—436).— *378.*

[135] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 396, 397, 435.— *379.*

[136] Взгляды Троцкого на крестьянство как союзника пролетариата в революции были весьма путаными и противоречивыми. В принципе он не отрицал необходимости привлечения беднейших слоев крестьянства на сторону пролетариата. Но дальше абстрактных призывов не шел. Более того, в ряде статей и выступлений после Октября он проводил мысль о неизбежности столкновения пролетариата с крестьянством, которое, по его мнению, не могло принять социализма. Так, например, в предисловии к книге «1905» (М., 1922) Троцкий писал, что пролетариат «придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти». Выход из этого противоречия Троцкий видел в победе революции в экономически более развитых европейских странах и их прямой государственной поддержке пролетариата Советской страны. От этих взглядов Троцкий не отказался до конца своих дней.— *382.*

[137] Пальчинский П. И. (1875—1929), контрреволюционный деятель. Во Временном правительстве — товарищ министра торговли и промышленности.— *383.*

[138] К числу «других» относится и сам Троцкий. В «Моей жизни» он писал: «Поздно вечером в ожидании открытия заседания съезда

Советов, (II съезда Советов.— *Н. В.*) мы отдыхали с Лениным по соседству с залом заседаний, в пустой комнате, где не было ничего, кроме стульев... Спать мы не могли. Мы вполголоса беседовали. Ленин теперь только окончательно примирился с оттяжкой восстания. Его опасения рассеялись» (*Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 48—49). Троцкий забывает добавить, что эти опасения рассеялись у Ленина лишь после того, как он прибыл в Смольный и взял руководство вооруженным восстанием в собственные руки.— *389*.

[139] Кандидатуру Свердлова для выполнения функции контроля за Зимним дворцом предложил сам Троцкий. Так что в известной мере он так же, как и Свердлов, нес ответственность за происшедшее.— *389*.

[140] Лашевич М. М. (1884—1928), советский партийный, военный деятель, член партии с 1901 г. Участник Октябрьской революции. С 1918 г. на руководящей работе в Красной Армии. С 1925 г.— зам. наркома по военным и морским делам. Зам. председателя РВС СССР. Член ЦК партии, ВЦИК, ЦИК СССР.— *389*.

[141] Благонравов Г. И. (1895—1938), советский государственный, партийный деятель, член партии с 1917 г. Участник Октябрьской революции, член Петроградского ВРК, комиссар Петропавловской крепости. С 1918 г. в ВЧК — ОГПУ. Кандидат в члены ЦК. Член ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *389*.

ИОСИФ СТАЛИН

[1] Печатается по: *Троцкий Л.* Портреты революционеров. Составитель Фельштинский Ю. Нью-Йорк, 1988. Этот очерк написан в сентябре 1939 г., впервые опубликован в журнале «Лайф» и с тех пор неоднократно переиздавался.

Выбор именно этого очерка не случаен. В последние годы тема «Сталин и Троцкий» так или иначе присутствует на страницах художественных и публицистических произведений, на театральных подмостках и в виде первых попыток анализа в научной литературе.

Печатая очерк Троцкого, мы хотим показать несамостоятельность многих наших романистов и публицистов, которые, как говорится, «грабят» Троцкого, некритически заимствуют у него не только фактуру, но и многие оценки личности Сталина, самих событий тех лет, выдавая их за свои «оригинальные» находки и открытия. Это с одной стороны. А с другой — мы создаем дополнительные подпорки для дальнейшего более углубленного поиска ответов на вопросы, которые волновали Троцкого и волнуют всех нас,— откуда взялась, в чем коренится главная сила Сталина, как возник сталинизм, эта мало чем отличавшаяся от другого «изма» — троцкизма — система взглядов и образа действий, приведшая к созданию административно-командной системы, которая оказывается едва ли не ключевым препятствием на пути перестройки.— *395*.

[2] Вот как этот же эпизод Троцкий позднее рассказал в книге «Сталин»: «Период реакции чрезвычайно обострил в России национальный вопрос... Горький с тревогой писал Ленину о необходимости противодействовать шовинистическому одичанию. «Насчет на-

ционализма вполне с вами согласен,— отвечал Ленин,— что надо заняться этим посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы. Мы именно на это наляжем». Речь шла о Сталине». И далее: «Это, кстати сказать, единственный, пожалуй, случай, когда Ленин характеризует видного русского революционера по национальному признаку. Он имел в виду, собственно, не грузина, а кавказца: элемент первобытности несомненно подкупал Ленина; недаром он с такой нежностью относился к Камо». И затем по поводу самой статьи Сталина: «Во время своего двухмесячного пребывания за границей Сталин написал небольшое, но очень содержательное исследование: «Марксизм и национальный вопрос». Будучи предназначена для легального журнала, статья пользуется осторожным словарем. Но революционные тенденции ее выступают, тем не менее, совершенно отчетливо» (*Троцкий Л.* Сталин. Нью-Йорк, 1985. С. 215).— *396.*

3 По поводу этой встречи есть свидетельство одного из ее участников, старого большевика К. С. Еремеева. В редакции большевистской «Правды» Троцкого действительно ждали. Полагали, что «как только т. Троцкий приедет (в Россию из эмиграции.— *Н. В.*), стремглав бросится в редакцию «Правды» и скажет: я ваш». Однако Троцкий появился не скоро, спустя две недели после возвращения из-за границы. Во время его визита в редакцию он встретился с Лениным, Зиновьевым и Каменевым. Но серьезной беседы не получилось. «...Разговор шел примерно такой, когда приходят джентльмены в малозаметное место и говорят о погоде,— рассказывал Еремеев.— Потом Владимир Ильич смеялся: «Вот поговорили о погоде». Говорили так, между прочим, говорили вообще, но не приступали к делу. После этого отдельно с тов. Троцким говорил тов. Каменев и только тогда он дал свою первую статью» (*Бубнов А.* Основные вопросы истории РКП. М.; Л., 1925. С. 93—94).— *396.*

4 См. с. 225 настоящего издания.— *396.*

5 Троцкий верно отмечал значение собраний на данном этапе развития революционных событий в России. Но при этом он явно преувеличивал их влияние. И делал он это сознательно, стремясь таким способом оттенить свою роль действительно одного из лучших в ту пору ораторов в рядах российской социал-демократии. Троцкий в буквальном смысле слова кружил головы не только простым рабочим, солдатам, но и поднаторевшим в политике людям. Например, один из «межрайонцев», М. С. Урицкий, в мае 1917 г., находясь под впечатлением речей Троцкого, говорил: «Вот пришла великая революция (Февральская.— *Н. В.*) и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого».

Комментируя это заявление, А. В. Луначарский попытался защитить Ленина, а вместе с ним и тех большевиков, которым некогда было ходить по собраниям, поскольку они были заняты малозаметной для постороннего глаза организаторской подготовительной работой, но сам оказался под влиянием личности Троцкого: «Эта оценка,— писал он,— оказалась неверной не потому, что она преувеличивала дарования и мощь Троцкого, а потому, что в то время еще не ясны были размеры государственного гения Ленина. Но действительно, в тот период, после громового успеха его приезда в Россию и перед июльскими днями, Ленин не только тушевался, не очень часто выступал, не очень много писал, а руководил, главным образом, орга-

низационной работой в лагере большевиков, между тем как Троцкий гремел в Петрограде на митингах» (*Луначарский А. В.* Великий перелом. Октябрьская революция. Петербург, 1919. Ч. 1. С. 78, 79).— *396*.

[6] Коллонтай А. М. (1872—1952), советский партийный деятель, дипломат, член партии с 1915 г. Участница Октябрьской революции. В 1917—1918 гг.— нарком государственного призрения. С 1920 г.— зав. женотделом ЦК партии. В 1918 г. примыкала к «левым коммунистам». В 1920—1922 гг.— к «рабочей оппозиции». Коллонтай — первая в мире женщина-посол (полпред и торгпред в Норвегии, Мексике; посланник, затем посол СССР в Швеции). Член ВЦИК.— *396*.

[7] Отношение Троцкого к этому эпизоду было не совсем таким спокойным, как он это изобразил сам. В книге известного бизнесмена и общественного деятеля США А. Хаммера «Мой век — двадцатый. Пути и встречи» (М., 1988) отмечается, что Троцкий был одним из тех членов ЦК, которые особенно резко осуждали отношения Коллонтай и Дыбенко. Когда они, покинув занимаемые ими посты, неожиданно уехали из Петрограда в Крым, Троцкий в ультимативной форме потребовал их казни.

В отличие от насмешек Сталина и «жаждавшего крови» Троцкого, Ленин совсем иначе реагировал на это происшествие. «Ленин очень просто решил, как наказать Дыбенко и Коллонтай,— пишет Хаммер.— На заседании Центрального Комитета партии, посвященном этому вопросу, он подождал, пока все выскажутся, и затем спокойно сказал: «Вы правы, товарищи. Это — очень серьезное нарушение. Я лично считаю, что расстрел будет для них недостаточным наказанием. Поэтому я предлагаю приговорить их к верности друг другу в течение пяти лет». «Доброта сердца Коллонтай была хорошо известна, да и Дыбенко недаром заслужил репутацию победителя женских сердец,— продолжает Хаммер.— Комитет встретил предложение Ленина взрывом хохота, и на этом инцидент был исчерпан. Но говорили, что Коллонтай так никогда и не простила этого Ленину».— *397*.

[8] Вот что по тому же самому поводу говорил В. И. Ленин. Выступая на XI съезде РКП(б), он подверг резкой критике Е. А. Преображенского за нападки на Сталина как наркомнаца. При этом Ленин заявил: «Нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме тов. Сталина» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года: Стенографический отчет. М., 1961. С. 143).

Это, конечно, не означает, что сам Ленин был во всем согласен со Сталиным. Известна, например, его критика сталинского проекта «автономизации», согласно которому республики Закавказья, Украина и Белоруссия должны были войти в состав РСФСР на правах автономии. Просто в данном, как и в любом другом вопросе, нужен не абстрактный, а конкретно-исторический подход, что, к сожалению, Троцким не всегда делалось.— *397*.

[9] Пестковский С. С. (1882—1937), деятель российского революционного движения, член партии с 1902 г. Участник Октябрьской революции. В 1918—1920 гг.— зам. наркома национальностей РСФСР. С 1924 г.—полпред в Мексике. С 1926 г.— зам. председателя, секре-

тарь ЦК МОПР, затем в Коминтерне. Член ВЦИК. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *397*.

[10] Троцкий и здесь сгущает краски. По имеющимся сведениям из разных источников, Сталин сразу и безоговорочно занял сторону большевиков, хотя впоследствии и допускал неверные толкования смысла и содержания борьбы Ленина и его сторонников против ликвидаторов и отзовистов.— *400*.

[11] Смотря что понимать под «неудачами». Сталин действительно по возвращении из Туруханского края поддерживал позицию Каменева, сводившуюся к требованию давления на Временное правительство. После Апрельской конференции РСДРП(б) Сталин перешел на платформу Ленина, с которой не сходил ни во время июльских событий, положивших конец двоевластию, ни в ходе подготовки VI съезда РСДРП(б), на котором именно Сталин выступил с отчетным докладом ЦК. Впоследствии Сталин входил в редакцию ЦО, был избран в состав Политбюро на заседании ЦК 10 октября, а 16 октября — в состав Военно-революционного центра (Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 104).— *403*.

[12] Серебряков Л. П. (1890—1937), советский партийный, государственный деятель, член партии с 1905 г. Участник революций 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917-го. Член РВС Южного фронта, начальник Политического управления РВСР, с 1924 г.— на хозяйственной работе. Член ЦК, ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.— *405*.

[13] В книге «Сталин» Троцкий посвятил этому событию целых две страницы. Причем говорил о глубоких переживаниях Сталина с необычной для него симпатией, обильно цитировал воспоминания друга Сталина по духовной семинарии Иремашвили. «Когда скромная процессия достигла входа на кладбище, Коба пожал мою руку,— рассказывал Иремашвили,— показал на гроб и сказал: «Сосо, это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла, и вместе с ней — последние теплые чувства к людям». Он положил правую руку на грудь: «Здесь внутри все так опустошено, так непередаваемо пусто!» После этой цитаты Троцкий заметил: «Эти слова могут показаться театрально-патетическими и неестественными, но они вполне похожи на правду, и не только потому, что дело идет о молодом человеке, которого постиг первый личный удар: мы и в дальнейшем встретим у Сталина склонность к сухой патетике, нередкой у черствых натур. Угловатую стилистику для выражения своих чувств он почерпал из внешней семинарской гомилетики» (*Троцкий Л.* Сталин. Т. 1. С. 130).— *406*.

[14] Младший сын Троцкого и Н. Седовой.— *407*.

[15] Подобного рода рассуждения о Сталине как «производном аппарата» можно встретить сегодня в работах некоторых советских исследователей. Об этом, например, идет речь в интересной и содержательной книге Д. А. Волкогонова «Триумф и трагедия». Я полагаю, что такого рода суждения грешат отступлением от конкретно-исторической реальности данного периода. Ведь речь шла не о 30-х гг., когда действительно группе Сталина удалось захватить безраздельную власть над партийным и государственным аппаратом. Дело происходило в начале 20-х гг., когда еще ленинские традиции внутрипартийной демократии не выветрились, когда и сам аппарат, хотя уже и начал проявлять «норов», но все-таки оставался в це-

лом подконтрольным партии. Наконец, неверно было бы представлять аппаратчиком только одного Сталина.

Справедливости ради следует сказать, что первым, кто стал использовать в своих целях аппарат, был не Сталин, а сам Троцкий. Как председатель Реввоенсовета, он создал весьма мощную команду не только личной охраны, насчитывавшей около полутысячи «кожанок», но и столь же разветвленный штат идеологических сотрудников. Под руководством Глазмана, Сермукса, Познанского десятки «писателей» и «исследователей» готовили для Троцкого материалы для докладов и речей, писали записки и справки, отбирали и редактировали его многочисленные статьи, готовили к изданию книги. Более того, само собрание сочинений Троцкого — плод изысканий и редактирования специальной группы во главе с Ленцнером. Троцкий неоднократно в печати высказывал ему и другим за это свою благодарность.

Своими штатными аппаратами располагали Зиновьев, как председатель Петроградского Совета и Исполкома Коминтерна, Каменев, как председатель Моссовета и один из замов Ленина, а после его смерти председатель Совета Труда и Обороны, Рыков, как заместитель, а затем председатель Совнаркома, и др. Хорошо известно, какую громадную помощь Бухарину оказывала по руководству средствами массовой информации, идеологической деятельностью партии его «школа» так называемых красных профессоров.

Естественно, что в ходе развернувшейся в партии борьбы за лидерство, во время внутрипартийных дискуссий каждый из руководителей опирался на свой аппарат. Поэтому в известной мере это была и борьба аппаратов, и в ней группе Сталина удалось взять верх. Но опять-таки, повторюсь, сделать это без поддержки партийных низов в начале — середине 20-х гг. было бы просто невозможно.— *409*.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Давидович Троцкий

К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Редактор *З. У. Устенова*
Младший редактор *Н. С. Коблякова*
Художник *Б. А. Макин*
Художественный редантор *О. Н. Зайцева*
Техничесний редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 8919

Слано а набор 16.02.90. Подписано в печать 24.05.90. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1 Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л 23,63. Усл. ир.-отт. 24,15. Уч.-изд. л. 25,71. Доп. тираж 150 000 экз. Заказ № 915. Цена 3 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Бума-
печ.
Заказ

Л. ТРОЦ

СОЧИНЕНИЯ

XV

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ

Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

СЕРИЯ V

НА ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ

ГОСУД

Л. ТРОЦК

СОЧИНЕ

Т

ХОЗЯЙСТВЕ

СОВЕТ

ИСТПАРТ ЦК ВКП (Б)

Л. Д. ТРОЦК

О ПАРТИ

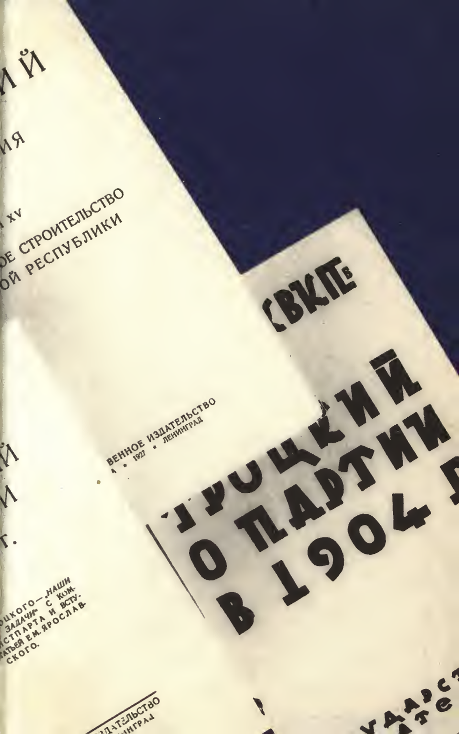
В 1904

БРОШЮРА Н.

ПОЛИТИЧЕС

МЕНТАРИЯМ

ПИТЕЛЬНО



ОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
ОЙ РЕСПУБЛИКИ
ВКП
О ПАРТИИ
В 1904
ВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927 • ЛЕНИНГРАД